
**СПЕЦВЫПУСК ПО ИСТОРИИ
ЭСТОНИИ
XX ВЕКА**

Национальный архив
Тарту-Таллинн, 2010

Редколлегия:

Корнелиус Хасселблатт (Голландия), Юрген Хейде (Германия), Калерво Хови (Финляндия), Леа Кыйв, Энн Кюнг, Александер Лойт (Швеция), Арво Пести, Пезп Пиллак, Прийт Раудкиви, Отт Раун, Тойво-Юло Раун (США), Александр Рупасов (Россия), Тыну Таннберг, Иви Томингас, Яак Валге, Бредли Вудворт (США).

Составители:

Тыну Таннберг

Телефон: 372-7387536

tonu.tannber@ra.ee

Отт Раун

Телефон: 372-6938510

ott.raun@ra.ee

Перевод на русский язык: Эйнар Вяря, Татьяна Шор, Елена Тамберг

Редактор перевода: Эйнар Вяря

Редактор: Хэлина Тамман

Фотоархив: Иви Томингас

Верстка и оформление: Трийну Оотсинг

Адрес редакции: Таллинн 10119, Тынисмяги 16

Телефон: 372-6938510

Напечатано в типографии Rakett

Настоящий спецвыпуск журнала Tuna издан при поддержке Министерства образования и науки, целевой темы «Эстония в годы холодной войны» (SF0180056s09) и гранта Научного фонда Эстонии № 7523 «Управление Эстонской ССР: институциональное развитие и функционирование властной структуры (1944–1964)»

ISSN 1736-4558

© Tuna, 2010

Журнал Tuna индексируется и реферруется в базе данных EBSCOhost

---

Содержание

Читателю		5
Рейго Розенталь	■ О судьбе Северо-Западной армии в конце 1919 – начале 1920 года, после отступления в Эстонию	7
Мати Крээнстрём	■ Эстонские офицеры на фронтах гражданской войны в России	26
Аго Паюр	■ Три перелома во внутренней политике Эстонии (1918–1934)	45
Яак Валге	■ Ветераны эстонской Освободительной войны и немецкие национал-социалисты: идеология, политическая тактика и контакты	59
Кайдо Лауритс	■ Деятельность Управления школ Немецкого культурного самоуправления по организации школьной жизни балтийских немцев в Эстонской Республике (1918/1925–1940)	75
Меэлис Марипуу	■ Места заключения в Эстонии в период немецкой оккупации 1941–1944 гг.	91
Тыну Таннберг	■ Балтийский вопрос в Кремле в последние месяцы 1944 года: как бороться с вооруженным движением сопротивления?	109
Пеару Кууск	■ Борьба органов госбезопасности с движением сопротивления в Эстонии в послевоенные годы. Отдел по борьбе с бандитизмом (1944–1947)	130
Меэлис Саузаук	■ О роли Коммунистической партии Эстонии в проведении мартовской депортации 1949 года	154
Олев Лийвик	■ О получении высшего партийного образования во второй половине 1940-х годов на примере партийных деятелей Эстонской ССР	164
Хильяр Таммела	■ Система советских наград и Советская Эстония (1945–1953)	183
Прийт Пирско	■ Ограничение доступа к архивным документам в Эстонской ССР	201

Архивы

BA – Das Bundesarchiv (Государственный архив Германии)

BA-MA – Das Bundesarchiv-Militärarchiv (Военный архив Германии)

EAA – Исторический архив Эстонии

EFA – Эстонский киноархив

ERA – Riigiarhiiv (Государственный архив Эстонии)

ERAF – Riigiarhiiv (Государственный архив Эстонии, бывший партийный архив)

LVAF – Latvijas Valsts vēstures arhīvs (Государственный архив Латвии, бывший партийный архив)

LVVA – Latvijas Valsts vēstures arhīvs (Государственный исторический архив Латвии)

TNA – The National Archives (Национальный архив Великобритании)

PA AA – Das Politisches Archiv des Auswärtiges Amt (Политический архив министерства иностранных дел Германии)

U.S. NMMA – United States Holocaust Memorial Museum Archives (Архив американского мемориального музея Холокоста)

LYA – Lietuvos Ūpatingasis Archyvas (Особый архив Литвы)

АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

РГВА – Российский государственный военный архив

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

Историко-культурный журнал *Tuna* продолжает традицию издания специальных номеров. Эта традиция получила начало в 2006 году, когда вышел в свет первый спецномер на русском языке. В 2009 году к нему добавился англоязычный спецвыпуск. Оба номера были благожелательно встречены читателями. Настоящий номер – это очередной выпуск журнала на русском языке, который на этот раз посвящен узловым проблемам истории Эстонии XX века. В этот номер включены, прежде всего, статьи на темы, которые могут представлять интерес для русскоязычных читателей. Одновременно с этим, настоящее издание призвано познакомить их с новейшими результатами исследований, проведенных эстонскими историками более молодого поколения. Если говорить конкретно, то в настоящем спецвыпуске журнала *Tuna* рассматриваются следующие вопросы: судьба Северо-Западной армии в Эстонии в конце 1919 и в начале 1920 гг. (автор – Рейго Розенталь), участие эстонцев в сражениях Гражданской войны в России (Мати Крээнстрём), переломные пункты во внутренней политике Эстонской Республики в 1918–1934 гг. (Аго Паюр), контакты ветеранов Освободительной войны с немецкими национал-социалистами в 1930-е гг. (Яак Валге), деятельность органов немецкой культурной автономии по развитию школьного образования (Кайдо Лауритс), деятельность мест заключения в годы немецкой оккупации (Меэлис Мари-пуу), подавление движения вооруженного сопротивления в послевоенные годы (Тыну Таннберг, Пеару Кууск), получение высшего партийного образования партийными деятелями Эстонской ССР в 1940-е гг. (Олев Лийвик), система государственных наград в Эстонской ССР в 1944–1953 гг. (Хильяр Таммела), роль коммунистической партии в проведении депортации 1949 г. (Меэлис Саузаук), а также – ограничения доступа к архивным материалам в Советской Эстонии (Прийт Пирско).

Спецномер журнала *Tuna* содержит фотографии из Киноархива Эстонии, которые в большинстве своем не были ранее опубликованы.

Приятного чтения!

Тарту,
май 2010 г.

Тыну Таннберг,
составитель спецномера

О судьбе Северо-Западной армии в конце 1919 – начале 1920 года, после отступления в Эстонию

Рейго Розенталь

В середине ноября 1919 года Северо-Западная армия под командованием генерала от инфантерии Николая Юденича после неудавшейся операции по захвату Петрограда отступила под давлением Красной армии на восточный берег реки Нарва, т. е. к границе с Эстонской Республикой. 14 ноября красные захватили Ямбург – последний из городов, находившихся во владении Северо-Западной армии. После этого под контролем армии Юденича осталась сравнительно небольшая территория, ограниченная с запада рекой Нарвой, с севера – железной дорогой Нарва–Ямбург, а с востока – рекой Плюсса и линией Тербинка – Лисьи Горы. На тот момент Северо-Западная армия состояла из двух армейских корпусов, шести пехотных дивизий, ряда отдельных воинских частей и тыловых служб и подразделений.¹ Многие фронтовые части армии устали, настроение из-за военных неудач было упадническим.² Участились случаи дезертирства, особенно среди мобилизованных.³ В то же время бои с наступавшим противником продолжались.

На левом крыле Северо-Западной армии, на фронте к северу от железной дороги Нарва–Ямбург сражалась эстонская 1-я дивизия, подразделения которой заняли также линию реки Нарвы. Красная армия предприняла в направлении города Нарвы три волны наступлений: первая – с середины до конца ноября, вторая – с 7 по 20 декабря, а третья – с 28 по 30 декабря. Наступательные действия осуществлялись, по всей вероятности, в целях нанесения окончательного удара по Северо-Западной армии и обеспечения наиболее сильных позиций для переговоров с Эстонией. 3 января 1920 года на фронте вступило в силу перемирие, заключенное делегациями Эстонии и Советской России 31 декабря (переговоры начались в Тарту 5 декабря).

По состоянию на 12 ноября в распоряжении штаба эстонской 1-й дивизии имелись данные, что на довольствии Северо-Западной армии в тот момент находилось около 90 000 человек, из которых 12 000 составляли беженцы и столько же – военнопленные.⁴ Однако по данным штаба

¹ См.: Reigo Rosenthal. Loodearmee. Tallinn, 2006, с. 631, 633.

² См. напр.: А. Гершельман. В рядах добровольческой Северо-Западной Армии. Вооруженная борьба с III-им Интернационалом, 1919 год, II. Москва, 1998, с. 77, 82.

³ Е. Васильев. Инженерная рота дивизии Св. Кн. Ливен. – Служба связи Ливенцев и Северозападников. 1931, № 5, с. 34; Рапорта. – Памятка Ливенца. 1919 г.–1929 г. Рига, 1929, с. 184.

⁴ ERA 495–10–96, л. 376; ERA 495–10–109, л. 100. По другим данным, военнопленных на довольствии армии в середине ноября насчитывалось около 13 000 человек – см.: Мануил Маргулис. Год интервенции, 3. Берлин, 1923, с. 104.

Северо-Западной армии, 19 ноября на довольствии находились 101 648 человек, в том числе военнопленные, служащие железной дороги, почты и различных других служб, рабочие мастерских, возницы, семьи военных, часть беженцев. Офицеров в армии насчитывалось 2666; врачей, служащих и священников – 540; унтер-офицеров и солдат – 51 057.⁵ По сведениям одного военного, находившегося в штабе Северо-Западной армии около 22 ноября, на довольствии в армии на тот момент находилось примерно 90 000 человек.⁶ Можно предположить, что истинной следует считать цифру порядка от 90 000 до 101 000. Учитывая, что на довольствии в Нарвском гарнизоне Северо-Западной армии насчитывалось в начале октября около 10 000 человек⁷, а в Таллинском (Ревельском) гарнизоне в начале ноября – примерно 1000 человек,⁸ можно предположить, что подавляющее большинство остальных зачисленных на довольствие армии людей сконцентрировалось в середине ноября на восточном берегу реки Нарва (включая воинские части, находившиеся на фронте). Плотность заселения на оставшейся во владении Северо-Западной армии территории была малой, поэтому большинству пребывавших там людей наверняка не хватало крыши над головой.⁹ Часть тыловых служб армии располагалась в городе Нарва, другая же отступила на восточный берег реки Нарва, где в сложившихся условиях, естественно, невозможно было эффективно организовать их работу. Кроме того, во

время отступления система снабжения во многом перестала функционировать, и в первой половине ноября на какое-то время прервалось снабжение частей горячим питанием и хлебом – людям была роздана мука.¹⁰

По некоторым оценкам, к середине ноября число штыков и сабель в Северо-Западной армии составляло 12–14 тысяч,¹¹ а по другим данным – достигало 20–21 тысячи.¹² Цифры 20 000 и 21 000, если они соответствуют истине, вероятно, включают также личный состав запасных и формируемых частей. Таким образом, во фронтовых частях в середине ноября скорее всего могло насчитываться до 14 000 штыков и сабель. В дальнейшем фронтовые части пополнялись за счет солдат запасных частей, подавляющее большинство которых, видимо, составляли пленные красноармейцы. Однако это, очевидно, не оказывало положительного влияния на боеспособность армии, и в условиях неудач, постигших Северо-Западную армию во второй половине ноября и в декабре, большая часть их, вероятно, перебежала на сторону красных. В артиллерийских частях Северо-Западной армии 12 ноября насчитывалось 72 исправных полевых орудия.¹³ На вооружении армии имелось также четыре бронепоезда и три броневых автомобиля, однако последние, видимо, не были исправными. К 28 декабря по разным причинам, которые будут рассмотрены ниже, у Северо-Западной армии на фронте осталось лишь около 1500 штыков и сабель, примерно 40 полевых орудий, а

⁵ ERA 2124–1–558, л. 382.

⁶ Гибель Северо-Западной армии. Взгляды из зарубежья. – Белое движение на Северо-Западе России. (Белая Гвардия. Альманах, № 7). Москва, 2003, с. 172.

⁷ Анатолий Смолин. Белое движение на Северо-Западе России 1918–1920 гг. Санкт-Петербург, 1999, с. 326–327.

⁸ ERA 2135–1–53, л. 212.

⁹ ERA 495–10–96, л. 331; ERA 2124–1–558, л. 166.

¹⁰ Г. Ган. Из записной книжки. – Памятка Ливенца. 1919 г.–1929 г. Рига, 1929, с. 169; Александр Родзянко. Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин, 1921, с. 122.

¹¹ Eesti Vabadussõda, 1918–1920, 2. Tallinn, 1997, с. 383; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. Washington, 1937, с. 739.

¹² Гибель Северо-Западной армии, с. 172.

¹³ ERA 495–10–96, л. 376.

также 2 или 3 бронепоезда.¹⁴ Для сравнения можно отметить, что у эстонских частей на Нарвском фронте в середине ноября насчитывалось 6260 штыков и сабель, 46 орудий, 2 бронепоезда и один бронепоезд.¹⁵ К концу декабря численность группировки Эстонской армии на Нарвском фронте возросла, достигнув примерно 11 000 штыков и сабель. Кроме того, там имелось 76 орудий (включая орудия на бронепоездах), 20 бомбометов, 11 минометов, 4 бронепоезда, 2 бронепоезда.¹⁶

Северо-Западной армии, прижатой к границам Эстонии, угрожало полное уничтожение, и избежать этого можно было только в случае получения от эстонского руководства разрешения для отступления частей армии на территорию Эстонии. Генерал Юденич еще 7 ноября просил главнокомандующего Эстонской армии генерал-майора Йохана Лайдонера дать возможность эвакуировать тылы Северо-Западной армии и беженцев на западный берег реки Нарвы. Лайдонер ответил, что по поводу эвакуации беженцев белые должны договориться с эстонским правительством, а на пропуск в Эстонию медицинских служб и артиллерийского склада он уже отдал распоряжение командиру 1-й дивизии генерал-майору Александру Тыниссону.¹⁷ Гражданские беженцы начали в большом количестве скапливаться к востоку от Нарвы уже где-то 5–6 ноября.¹⁸ Сначала в Эстонию пропустили лишь ма-

лую часть беженцев. 5 ноября командир эстонской 1-й дивизии доложил главному командованию, что планирует собрать русских беженцев на территории Йыхвиского прихода, а беженцев-эстонцев разместить на мызе Вайвара и в Нарве.¹⁹ В период до 12 ноября в Йыхви было собрано около 800 русских беженцев, а также за это время в Эстонию пропустили примерно 300 эстонцев.²⁰ 10 ноября генерал-майор Тыниссон разрешил перевезти продовольствие с располагавшихся на эстонской территории складов Северо-Западной армии через границу Эстонии – беженцам, находившимся к востоку от Нарвы.²¹ При раздаче продуктов питания все же возникли недоразумения с эстонскими таможенниками, которые не позволяли в Нарве забирать продукты из принадлежавших Северо-Западной армии вагонов, требуя, в соответствии с полученными ими инструкциями, уплаты таможенного сбора.²² 22 ноября эстонский министр финансов все же разрешил брать из вагонов продукты без уплаты пошлины.²³

Понимая, что Белое движение в России терпит поражение, и желая заключения мира с Москвой,²⁴ члены комиссии по вопросам государственной обороны и комиссии по иностранным делам Учредительного собрания Эстонской Республики на совместном заседании 10 ноября приняли решение разоружить отступающие на территорию Эстонии части Северо-Западной армии. Участники заседания пришли

¹⁴ ERA 1560–1–278, л. 5; E. Kõiv. Vabadussõja lõppvõitlused Viru rindel. Alates 28. detsembrist 1919. a kuni 3. jaanuarini 1920. a. – Vabadussõja Tähistel. 1940, № 6, с. 206; R. Rosenthal. Loodearmee, с. 578.

¹⁵ Eesti Vabadussõda, с. 373, 383.

¹⁶ E. Kõiv. Vabadussõja, с. 206.

¹⁷ ERA 495–10–96, л. 220.

¹⁸ ERA 2124–3–1328, л. 1–2, A. Simson. Isiklikke mälestusi 12. roodu tegevuse kohta novembri- ja detsembrikuudel Narva-Jamburgi sihis. Недатированная рукопись.

¹⁹ ERA 957–8–98, л. 54. В ноябре 1919 года из России вместе с Северо-Западной армией прибыло 1873 беженца эстонского происхождения. ERA 957–11–103, л. 29.

²⁰ ERA 515–1–633, л. 292.

²¹ ERA 495–10–48, л. 31.

²² ERA 2124–1–558, л. 424.

²³ ERA 20–1–91, л. 104.

²⁴ Edgar Mattisen. Tartu rahu. Monograafia. Tallinn, 1989, с. 305; Ants Piip. Tartu rahu. – Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt, II. Tallinn, 1930, с. 378.

также к мнению, что Северо-Западную армию и Северо-Западное правительство желательно вообще ликвидировать. В переданных 11 ноября Лайдонеру инструкциях правительства республики отмечалось, что при осуществлении разоружения «следует действовать во всех смыслах корректно и гуманно».²⁵ В воспоминаниях генерал-майора Яана Соотса – начальника штаба главнокомандующего – говорится, что Лайдонер, также присутствовавший на заседании 10 ноября, выразил мнение, что при отступлении Северо-Западной армии через границы Эстонии ее части могут начать грабить в деревнях. Это, как и отступление Северо-Западной армии в Эстонию в целом, может вызвать недовольство среди многих эстонских военных, которые и так были настроены против всякого сотрудничества с белыми.²⁶ Поэтому Лайдонер считал, что отступающие через Нарву части следует разоружить. С другой стороны, он указал, что разоружение может привести к кровопролитным столкновениям, а также к ухудшению отношений с западными союзниками.²⁷ Следует отметить, что Москва до этого известила правительство Эстонии о своем решении от 6 ноября: Красная армия будет преследовать Северо-Западную армию на территории Эстонии, если белым позволят отступить за границу Эстонской Республики.²⁸ После этого у эстонских политиков было, очевидно, три варианта действий. Во-первых, пропустить Северо-Западную армию с оружием на территорию Эстонии и позволить белым подготовиться к новому военному походу. Это означало бы для Эстонии продолжение войны с Советской

Россией в ситуации, когда государство испытывало серьезные экономические трудности, а в армии и обществе были широко распространены антивоенные настроения. Кроме того, Великобритания в октябре прекратила снабжение Эстонской армии. Вторым возможным вариантом было вообще не пропускать Северо-Западную армию в Эстонию. Третьим же вариантом стало принятое 10 ноября решение – средний путь между двумя крайностями. Конечно, руководство Эстонии понимало, что Северо-Западная армия является препятствием для заключения мира с Москвой. Поскольку с точки зрения правительства Эстонии, в ноябре 1919 года миру с большевиками не имелось какой-либо разумной и отвечающей интересам Эстонии альтернативы, было решено устранить Северо-Западную армию как препятствие к этому.

15 ноября Юденич сообщил Лайдонеру о неудачах на фронте и вновь просил разрешения переправить тылы Северо-Западной армии на другой берег Нарвы, обосновывая это крайней необходимостью. Он также выразил желание отвести всю армию на территорию Эстонии для реорганизации, предлагая к тому же передать соединение под главное командование Эстонской Республики.²⁹ Однако Лайдонер не имел права принимать решение о принятии на себя командования Северо-Западной армией и о выделении ей тылового района. Эстонское правительство же оставило в силе прежние решения: Северо-Западную армию следовало при переходе Нарвы разоружить.³⁰ 15 ноября правительство, наконец, разрешило ско-

²⁵ ERA 31–1–130, л. 83, 86.

²⁶ Среди эстонских военных было, в целом, распространено враждебное отношение к Белому движению, в том числе и к Северо-Западной армии. Эстонские военные считали белых противниками независимости Эстонии, поскольку, по имевшимся у эстонцев сведениям, среди руководителей, а также многих политиков и военных Белого движения преобладали настроения, направленные против отделения Эстонии от Российского государства. См.: R. Rosenthal. *Loodearmee*, с. 208–212, 264–268, 407–409.

²⁷ Jaan Soots. *Katkendid sõjamälestustest*. – *Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt*, II. Tallinn, 1930, с. 77–78.

²⁸ E. Mattisen. *Tartu rahu*, с. 305.

²⁹ ERA 495–10–96, л. 536.

³⁰ ERA 31–1–156, л. 275; ERA 31–1–1609, л. 1; Waba Maa. 1920, 17 июля, с. 2.

пившимся на восточном берегу Нарвы обозам Северо-Западной армии и беженцам переправиться в Эстонию.³¹ В соответствии с разрешением, которое командир эстонской 1-й дивизии дал 16 ноября, обозы и резервные части Северо-Западной армии могли перебраться на левый берег реки Нарвы по мостам у Криуши и Скарятиной Горы. Мост у Скарятиной Горы предназначался для обозов 1-й и 6-й пехотных дивизий.³² В тот же день, 16 ноября, Лайдонер сообщил Северо-Западной армии, что, несмотря на решение правительства Эстонии, фронтовым частям Северо-Западной армии, отступившим под давлением противника на западный берег Нарвы, оставят оружие, если они согласятся продолжать там сражения.³³ Видимо, эстонское командование хотело использовать боеспособные части Северо-Западной армии для защиты границ Эстонии. Уже 16 ноября³⁴ генерал-майор Тыниссон и генерал Юденич договорились о том, что отступившие на западный берег воинские части переходят в оперативное подчинение эстонской 1-й дивизии. Тыниссону должны были подчиняться также тыловые части Северо-Западной армии. Наряду с тыловыми частями, на западный берег было разрешено перебраться членам семей военных и беженцам. Отступающим на территорию Эстонии тыловым частям Северо-Западной армии отвели практически не заселенный участок в лесу в районе деревни Мустйыэ, где Тыниссон посоветовал русским строить землянки.³⁵ Поначалу командование 1-й дивизии не стало разоружать тыловые части белых,

опасаясь, вероятно, возможных столкновений.³⁶ Однако пропускать вооруженные части Северо-Западной армии глубоко в тыл Эстонской армии считалось также нежелательным. Возможно, командование 1-й дивизии сознательно шло на то, чтобы, измотав части белых в лесах в районе Мустйыэ, сделать их более покладистыми и обеспечить тем самым сдачу оружия без сопротивления. Не исключено и то, что Тыниссон при размещении тыловых частей Северо-Западной армии руководствовался также личными антипатиями, поскольку «не терпел ... русских и их порядки».³⁷ Северозападники попали в районе Мустйыэ в сложное положение. Промёрзшая болотистая почва и отсутствие необходимых рабочих инструментов не позволяли копать землянки, поэтому хижины сооружались на земле, а материал для костров рубили в лесу.³⁸ Немногие имевшиеся там дороги были запружены обозами, что затрудняло доставку продовольствия, а кроме того, как уже отмечалось, система снабжения армии перестала нормально функционировать. Если для людей в какой-то мере продовольствие имелось, то фураж для лошадей отсутствовал полностью. У запасных частей не было приличной зимней одежды, например, в запасном полку 2-го армейского корпуса (в середине ноября – 1250 человек) она отсутствовала примерно у 90% состава. В те дни стояли 15–20-градусные морозы – было много замерзших и больных.³⁹ 18 ноября в районе Кривасоо–Мустйыэ насчитывали примерно 12 000 человек.⁴⁰

³¹ ERA 495–10–52, л. 362.

³² ERA 2124–1–558, л. 290.

³³ ERA 515–1–633, л. 310.

³⁴ Владимир Пилкин. В Белой борьбе на Северо-Западе. Дневник 1918–1920. Москва, 2005, с. 215.

³⁵ ERA 2124–1–558, л. 362; А. Родзянко. Воспоминания, с. 122.

³⁶ См.: ERA 495–10–96, л. 591–592.

³⁷ Aleksander Hellat. Tallinna raatuses ja Toompeal. – Mälestused iseseisvuse võitluspäevilt, II. Tallinn, 1930, с. 261.

³⁸ ERA 515–1–235, л. 374; Г. Ган. Из записной книжки, с. 169–170.

³⁹ ERA 515–1–235, л. 374; ERA 2124–1–558, л. 301, 402–404, 413; Waba Maa. 1919, 24 ноября, с. 1.

⁴⁰ ERA 515–1–631, л. 535.

Беженцам после преодоления реки Нарвы разрешили все же сразу направиться в Йыхви. По состоянию на 19 ноября туда добрались 2300 человек. Беженцев, находившихся еще в районе Кривасоо–Мустйэ, также планировалось отправить в Йыхви. В это же время в Нарве в железнодорожных вагонах оставались еще около 800 человек.⁴¹ Более 3000 беженцев ждали пропуска в Эстонию восточнее Нарвы, причем у многих из них отсутствовала крыша над головой, и им приходилось жить под открытым небом. Снабжение беженцев продовольствием легло там на плечи 2-й пехотной дивизии. Дивизия должна была также обеспечивать питание примерно 400 возниц.⁴²

20 ноября генерал-майор Тыниссон определил населенные пункты, предназначенные для расселения тылов Северо-Западной армии. Запасные части армии и пленные должны были разместиться в районе Ййзаку. Для тылов 1-й и 6-й пехотных дивизий предназначили окрестности Имату–Камарна; тылам 4-й пехотной дивизии – район Аувере–Рейдепыллу–Сиргала–Метскюла.⁴³ Части 2-й и 3-й пехотных дивизий могли найти кров в Нарве. 5-я пехотная дивизия должна была искать приют в своем тогдашнем месте размещения (район Большой Жердянки, Усть-Жердянки, Вяэска),⁴⁴ где в реальности многим не хватало жилья.⁴⁵ Тыловые части Северо-Западной армии в районе Мустйэ все еще не были разоружены, однако теперь эстонское командование

выдвинуло в качестве предварительного условия для их перехода в населенные районы сдачу оружия. Белым пришлось согласиться, после чего 21–22 ноября тыловые части выступили в направлении Ййзаку.⁴⁶ 22 ноября Лайдонер распорядился отправить сданное Северо-Западной армией оружие на хранение в Таллинн, в распоряжение начальника снабжения Эстонской армии, поскольку британские военные представители заявили в тот же день, что снаряжение Северо-Западной армии является собственностью правительства Великобритании.⁴⁷ Разрешения использовать взятое на хранение снаряжение эстонцам до конца военных действий, вероятно, не давали.⁴⁸ 28 ноября эстонцы забрали в Нарве у Северо-Западной армии большое количество различного снаряжения, в том числе и броневедомо-мобиль «Грозный».⁴⁹ Не ясно, по чьему именно распоряжению проводились подобные конфискации. Можно предполагать, что, с точки зрения конфискующих, этими акциями компенсировалось снаряжение, ранее переданное Эстонией Северо-Западной армии (эстонцы, видимо, считали «Грозный» своей собственностью – вероятно, это была машина, захваченная в июле экипажем эстонского броневедомо-мобиля «Эстония» и переданная белым во временное пользование).⁵⁰

Переход частей Северо-Западной армии в новые тыловые районы проходил не без проблем. Тыловым частям не хватало жилья в районе Ййзаку и люди нача-

⁴¹ ERA 2124–1–558, л. 393.

⁴² См.: Г. Ган. Из записной книжки, с. 169; То, что вспоминается. Из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982), I. Таллинн, 1996, с. 135–136; М. Ярославцев. Последние дни Северо-Западной армии. – Белое движение на Северо-Западе России. (Белая Гвардия. Альманах, № 7). Москва, 2003, с. 181.

⁴³ ERA 495–10–52, л. 377; ERA 2124–1–558, л. 449.

⁴⁴ А. Родзянко. Воспоминания, с. 122.

⁴⁵ Копель Иокгон. История юного военного инвалида еврея Русской армии. Париж, 1938, с. 69.

⁴⁶ ERA 515–1–235, л. 374.

⁴⁷ ERA 495–10–52, л. 608; ERA 495–10–109, л. 113.

⁴⁸ См.: ERA 498–8–24, л. 396, 467.

⁴⁹ См.: ERA 957–11–298, л. 3, 10.

⁵⁰ См.: Tiit Noormets, Mati Õun. Eesti soomusmasinad. Soomusautod ja tankid 1918–1940. Tallinn, 1999, с. 28; Д. Котомкин. Отправка на С-3. Фронт. – Памятка Ливенца. 1919 г.–1929 г. Рига, 1929, с. 130.

ли двигаться в направлении Туудулинна, однако им было приказано возвращаться. Населенные пункты в районе, предназначенном для 4-й пехотной дивизии, оставались занятыми эстонскими частями.⁵¹ Перешедшие через реку Нарву части названной дивизии, в их числе, видимо, и множество дезертиров с передовой, заманили обещанием жилья в лес Путки и там разоружили.⁵²

В это же время 1-я и 6-я пехотные дивизии Северо-Западной армии, отступившие под давлением неприятеля в верховьях Нарвы на западный берег, не получив, вероятно, приказа, 20 ноября взяли курс на Пюхтицу, покинув тем самым фронт.⁵³ Командир 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Антон Дзерожинский позднее объяснял это действиями эстонского 1-го пехотного полка в верховьях Нарвы: они препятствовали белым занять там новые позиции – убрали с позиций пулеметы, препятствовали, угрожая пулеметным огнем, открытию по противнику артиллерийского огня, арестовывали русских вестовых и братались с красными. Эстонские офицеры якобы утверждали, что не могут воспрепятствовать происходящему. Боясь выдачи красным, 1-я и 6-я дивизии направились вглубь Эстонии.⁵⁴ Факт братания, происходившего, вероятно, не по политическим причинам, а ради собственного спокойствия и демонстрации миролюбия, подтверждается, например, и в воспоминаниях одного из чинов эстонского 1-го полка.⁵⁵ Унтер-офицер 7-й роты 1-го полка вспоминает, что эстонские во-

енные заставляли северозападников, перешедших реку по мосту у Скарятинной Горы, отдавать более приличное снаряжение (вероятно, одежду и обувь), давая им взамен вещи похуже. 20 ноября эстонские солдаты выгнали из Пермискюла стоявшую там артиллерийскую батарею белых. А одному солдату 7-й роты, имевшему «большую ненависть» к красным, командир 7-й роты запретил стрелять по ним.⁵⁶ Видимо, ротный не хотел раздражать противника. В рапорте контрразведывательного пункта эстонской 1-й дивизии отмечено: «Части 1-го полка, шедшие на линию, шли без происшествий, однако солдаты открыто заявляли, что у них нет никакого желания воевать за русских (т. е. Северо-Западную армию – Р.Р.), и мир с большевиками был бы лучше всего».⁵⁷ Остается, однако, неясным, было ли поведение эстонских военных единственной причиной того, что 1-я и 6-я дивизии направились вглубь страны. Возможно, их вынудили уйти в тыл также усталость и нехватка снаряжения. Прибыв в район Пюхтицы, 1-я и 6-я дивизии взяли курс на Йыхви (неизвестно, по чьей инициативе), добравшись к 22 ноября в район Атсалама-Куртна. Определенное число солдат отделилось от своих воинских частей и разошлось маленькими отрядами. Все это происходило без согласования с эстонским командованием. 22 ноября генерал-майор Тыниссон отдал распоряжение разоружить дивизии, грабившие местных жителей,⁵⁸ и воспрепятствовать их продвижению куда бы то ни было.⁵⁹ 22 ноября и в последующие дни прибывшие из

⁵¹ ERA 2124–1–558, л. 487, 504.

⁵² 1. jal. rügemendi võitlusi Narvajõe ülemjooksul. Väeska ja Kriušī lahingud (6.XI 19–3. I 20.). – Sõdur. 1935, № 14/15/16, с. 340.

⁵³ ERA 2124–1–558, л. 404, 425.

⁵⁴ ERA 515–1–235, л. 50; ERA 2124–1–558, л. 461; ERA 2124–1–559, л. 230.

⁵⁵ ERA 2124–3–1850, л. 204–205, A. Krupp. Viimased võitlused Viru rindel, Vääska ja Kriüša lahingud novembri keskelt 1919. – kuni vaheahuni 3. jaanuarini 1920. a. Рукопись, 1935.

⁵⁶ ERA 2124–3–473, л. 8–9, Vanem allohvitser Ernst Kriinal'i mälestused Vabadussõjast. Рукопись, 1936.

⁵⁷ ERA 496–2–22, л. 176.

⁵⁸ Одной из причин грабежей было то, что бумажные деньги, которые печатало командование Северо-Западной армии и которыми платили личному составу, в Эстонии никто принимать не хотел, считая, что они утратили ценность, см.: Г. Ган. Из записной книжки, с. 170.

⁵⁹ ERA 515–1–50, л. 36–39.

Йыхви подразделения Куперьяновского партизанского полка полностью разоружили 1-ю и 6-ю дивизии. При этом произошло несколько небольших столкновений, в результате которых среди эстонцев двое получили ранения. Данные о потерях русских отсутствуют.⁶⁰ Генерал-лейтенант Дзерожинский приказал во избежание кровопролития всем частям сложить оружие, хотя прежде он старался тянуть с этим.⁶¹ В процессе разоружения нередко случалось, что у русских отнимали их британское обмундирование.⁶² 1-я и 6-я дивизии остались в том районе, где их разоружили. Тем самым, фронтовые части Северо-Западной армии лишились примерно 4000 штыков и сабель, а также до двадцати орудий.⁶³

Встречаются утверждения, что эстонские солдаты нередко грабили пересекавшие границу обозы Северо-Западной армии, отнимая личные вещи и одежду.⁶⁴ Однако те, кто сам переходил границу у Кривасоо или Нарвы, об этом не упоминают.⁶⁵ Можно предположить, что утверждения о массовых грабежах конкретно при пересечении границы сильно преувеличены, хотя различные инциденты могли все же иметь место (например, как мы видели, у Скарятиной Горы). Однако грабежи и нападения на северо-западников участились после того, как части армии расположились в тылу на западном берегу Нарвы. Грабежам подвергались как обозы, так и отдельные солдаты,⁶⁶ наблюдались так-

же просто нападения на военнослужащих Северо-Западной армии.⁶⁷ Причина этого, наряду с распространенным в Эстонской армии отрицательным отношением к Северо-Западной армии, заключалась и в низкой дисциплине. Иногда участники столкновений между эстонскими и русскими солдатами обвиняли друг друга в провокациях, однако задним числом на основании совершенно противоположных показаний невозможно установить, кто был прав.⁶⁸ Тем не менее, кажется очевидным, что более агрессивной стороной были эстонские военные. Следует отметить, что эстонское командование желало и старалось положить конец грабежам, чтобы поддерживать в тылу порядок и дисциплину. Например, когда части Скаутского полка ограбили 23 ноября обоз Конно-егерского полка Северо-Западной армии, генерал-майор Тыниссон приказал вернуть награбленное «воинской части, которая сражается против большевиков вместе с нашими войсками».⁶⁹ 25 ноября Тыниссон приказал командирам воинских частей отдавать под полевой суд тех, кто грабит белых.⁷⁰ 11 декабря он приказал командиру 1-го пограничного батальона «научить своих офицеров и солдат вежливо вести себя с русскими. Я сам замечал, что пограничники слишком невежливы и грубы в отношении русских».⁷¹ Другое дело, как подчиненные реагировали на приказы командования, касающиеся инцидентов

⁶⁰ ERA 495–10–96, л. 750; ERA 495–10–109, л. 113; ERA 2124–3–1022, л. 267–268.

⁶¹ ERA 495–10–52, л. 376.

⁶² ERA 515–1–235, л. 50; ERA 2124–1–558, л. 470; Eduard Grossschmidt. Pealuu märgi all. Mälestusi Kuperjanovi partisanide sõjaretkilt. Tallinn, 1995, с. 164–165.

⁶³ ERA 957–11–84, л. 39–39.

⁶⁴ Г. Гроссен. Агония Северо-Западной армии. Из тяжелых воспоминаний. Историк и современник, 5. Берлин, 1924, с. 138; Из письма полковника К. И. Дыдорова. – Памятка Ливенца. 1919 г.–1929 г. Рига, 1929, с. 60.

⁶⁵ См.: ERA 515–1–235, л. 374; Е. Васильев. Инженерная, с. 35; Г. Ган. Из записной книжки, с. 169; То, что вспоминается, с. 138–139.

⁶⁶ См. напр.: ERA 2124–1–558, л. 458, 464–466, 487; Г. Ган. Из записной книжки, с. 170.

⁶⁷ См.: ERA 495–6–429, л. 23, 26.

⁶⁸ Материалы об инцидентах см., напр.: ERA 515–1–234; ERA 515–1–235.

⁶⁹ ERA 515–1–54, л. 12; ERA 2124–1–558, л. 537.

⁷⁰ ERA 515–1–54, л. 10, 11.

⁷¹ ERA 584–1–4, л. 127.

с Северо-Западной армией и их предотвращения. Вероятно, многие эстонские офицеры также негативно относились к Северо-Западной армии и смотрели на действия своих подчиненных сквозь пальцы. Зачастую виновные не несли наказания, поскольку их просто невозможно было установить и арестовать. В то же время, бывали случаи, что и части Северо-Западной армии в тылу грабили местных жителей. Кроме того, всё большие размахи приобретала торговля казенным имуществом, которую в тылу вели солдаты и офицеры Северо-Западной армии.⁷²

23 ноября для контроля за размещением и питанием личного состава Северо-Западной армии в тылу была образована смешанная комиссия из представителей Эстонии, Северо-Западной армии, Великобритании и США. Генерал-майор Тыниссон обязал все службы 1-ой дивизии полностью сотрудничать с этой комиссией.⁷³ Снабжение Северо-Западной армии продовольствием продолжалось за счет запасов союзников. С 25 ноября эстонское командование выделило для размещения тылов Северо-Западной армии территорию в следующих границах: железнодорожная линия Нарва–Йыхви, дорога Йыхви–Раннапунгерья (вместе с поселениями вдоль нее), северное побережье Чудского озера – река Нарва. В Йыхви и на станции Аувере могли располагаться склады.⁷⁴ В дальнейшем было дано разрешение на размещение складов Северо-Западной армии

также в Раквере, Нарве и на станции Вазкюла.⁷⁵ Распоряжением Лайдонера от 22 ноября начальник Эстонского управления железных дорог получил право на использование по своему усмотрению железнодорожного подвижного состава Северо-Западной армии.⁷⁶ Это было необходимо для повышения эффективности регулирования железнодорожного транспорта на Нарвском фронте и не означало, что паровозы и вагоны и находящееся в них имущество считались собственностью Эстонии.⁷⁷ В распоряжении Северо-Западной армии на тот момент находились 1237 вагонов и 26 паровозов, большинство последних были непригодны для использования и требовали ремонта.⁷⁸ В конце ноября численность размещенных на территории Эстонии военнослужащих Северо-Западной армии и беженцев составляло примерно 40 000 человек.⁷⁹ Около 8000 беженцев были размещены в районе Тойла-Азери, многие остались в Нарве.⁸⁰ Во второй половине декабря в административном округе Йыхвиского и Раквереского полицейских участков (район Тойла-Азери) насчитывалось 7132 беженца, из них 6256 – русской национальности.⁸¹ Надзор за скопившимися в Вируском уезде беженцами и северозападниками был возложен на комендантские команды Йыхви, Азери и Кунда.⁸² Кроме того, на линии Тойла-Йыхви-Мяэтагузе-Ийзаку-Раннапунгерья были выставлены сторожевые посты 1-го пограничного батальона, чтобы предотвратить расползание

⁷² См. ERA 515–1–235, л. 502; ERA 515–1–631, л. 601; ERA 515–1–633, л. 326.

⁷³ ERA 515–1–50, л. 43–45.

⁷⁴ ERA 2124–1–558, л. 552, 553.

⁷⁵ ERA 2124–1–561, приказ командования Северо-Западной армии от 1 декабря 1919 года.

⁷⁶ ERA 495–10–13, л. 452–452.

⁷⁷ Подвижной состав железной дороги Северо-Западной армии перешел во владение Эстонии 4 марта 1919 года на основании соответствующего договора. ERA 49–1–33, с. 12, Eesti Vabariigi raudteede 1919. aasta tegevuse aruanne.

⁷⁸ ERA 495–10–13, л. 469; ERA 2124–3–1218, л. 22, Saar, K. Mälestusi vabadusvõitlusest raudteel. Рукопись, 1935.

⁷⁹ Waba Maa. 1919, 28 ноября, с. 1.

⁸⁰ Aleksander Tõnisson. Visked vabadussõja mälestustest. – Mälestusi iseseisvuse võitluspäevilt, II. Tallinn, 1930, с. 56.

⁸¹ ERA 26–2–10, листы не пронумерованы.

⁸² ERA 495–10–33, л. 129.

частей Северо-Западной армии к западу от названной линии. По состоянию на 12 декабря на этих постах находилось 143 человека.⁸³

29 ноября эстонский комендант Таллинна отдал таллиннскому коменданту Северо-Западной армии распоряжение, согласно которому, на основании решения правительства Эстонии, военнослужащим «бывшей Северо-Западной армии» запрещалось иметь при себе оружие и носить русскую военную форму.⁸⁴ По-видимому, запрет на ношение оружия и формы какое-то время действовал в Таллинне,⁸⁵ однако нет данных, подтверждающих, что до окончания войны его применяли где-либо еще в Эстонии. Подобные решения принимались, прежде всего, из-за желания продемонстрировать Москве, что Эстония действительно готова ликвидировать Северо-Западную армию.

28 ноября командир 3-й пехотной дивизии Северо-Западной армии генерал-майор Даниил Ветренко жаловался в рапорте штабу армии на большое количество дармоедов в армии: из находившихся на довольствии 1-го армейского корпуса 40 000 человек насчитывалось всего 5000 штыков. Он отмечал, что 3-я дивизия испытывает недостаток в продовольствии, обмундировании, сапогах, белье. В условиях большевистской агитации полностью отсутствовала собственная пропаганда. Падению морали способствовали слухи о разоружении и враждебное отношение со

стороны части личного состава Эстонской армии. В результате всего этого в дивизии в последнее время участились случаи перехода к красным.⁸⁶ В письме, направленном 28 ноября в редакции газет «Приневский край» и «Свобода России», некоторые фронтовые офицеры Северо-Западной армии также указывали на враждебное поведение эстонских военных. Однако резкие обвинения звучали и в адрес тылов самой Северо-Западной армии. По словам автора письма, новым обмундированием обеспечен весь личный состав тыловых служб, но далеко не все бойцы фронтовых частей, которым по-прежнему не выдают мундиры, несмотря на их наличие. Снабжение продовольствием в ноябре местами полностью прекратилось. Зачастую личному составу на фронте выдавали только муку. Солдаты уже давно не получали горячего питания.⁸⁷ Многие северозападники, осознавая безнадежность ситуации и ее постоянное ухудшение, покидали армию. Например, в конце ноября и в декабре большое число бойцов – выходцев из Латвии с согласия латвийских представителей вернулось на родину,⁸⁸ причем в декабре таковых было около 700 человек.⁸⁹ Правда, вскоре такая возможность пропала, поскольку Латвия закрыла свои границы из-за угрозы тифа.⁹⁰ Кроме того, ряд солдат и офицеров Северо-Западной армии перешли в Эстонскую армию, в том числе в Балтийский полк и в отдельный батальон Булак-Балаховича.⁹¹ В это же время, во второй половине но-

⁸³ ERA 3582–1–22, листы не пронумерованы.

⁸⁴ ERA 495–10–52, л. 399.

⁸⁵ См.: TNA, WO 106/604, листы не пронумерованы, военная миссия Великобритании в Таллинне – военное министерство Великобритании 1.12.1919.

⁸⁶ ERA 515–1–649, л. 405.

⁸⁷ Письмо с фронта Северо-Западной армии 25 ноября 1919 года в редакции газет «Приневский Край» и «Свобода России». – Белое движение на Северо-Западе России. (Белая Гвардия. Альманах, № 7). Москва, 2003, с. 168–169.

⁸⁸ ERA 495–10–52, л. 410, 416; Г. Ган. Из записной книжки, с. 170.

⁸⁹ Эрик Екабсонс, Вальтерс Щербинскис. Участие латышей в военных формированиях белых во время Гражданской войны в России 1917–1920 гг. – Россия и Балтия: народы и страны. Вторая половина XIX – 30-е гг. XX в. Москва, 2000, с. 92.

⁹⁰ Waba Maa. 1920, 9 января, с. 1.

⁹¹ Hilja Kuk. The failure of Judenich's Northwestern Army in 1919. A Dissenting White Russian View. – Journal of Baltic Studies. 1981, № 4, с. 377.

ября, эстонское командование призвало эстонцев и ингерманландцев переходить из Северо-Западной армии.⁹² Среди материалов Скаутского полка в Эстонском государственном архиве имеется дело с десятками написанных во второй половине ноября и в декабре рапортов северозападников, в большинстве русских, принять их на службу в полк.⁹³ К середине декабря в полк было принято до 350 северозападников, из них была образована команда музыкантов и три роты.⁹⁴

10–15 декабря с фронта была выведена потерявшая боеспособность 4-я пехотная дивизия Северо-Западной армии, 19 декабря был также издан приказ вывести с фронта измотанную 5-ю пехотную дивизию. Названные соединения были сосредоточены в тылу в районе Ийзаку-Пюхтицы, при этом их, по невыясненным причинам, не разоружили.⁹⁵

В дополнение ко всем прочим бедам, в начале декабря Северо-Западную армию настигла эпидемия инфекционных болезней, особенно тифа, которая за короткое время приобрела угрожающие масштабы. Поначалу эпидемии бушевали в районе Нарвы, позже они перекинулись и в другие места. Можно предположить, что тиф, инкубационный период которого составляет одну-две недели, посредством вшей (переносчиков инфекции) в ноябре быстро распространился в зажатой на восточном берегу Нарвы человеческой массе. Вскоре после того, как в начале декабря вспыхнула эпидемия, выяснилось, что медицинская служба Северо-Западной армии чисто физически не в состоянии с ней бороться. В армии еще в октябре возникла нехватка больничных мест. В условиях эпидемии

больных размещали в пустующих помещениях, например, заводских корпусах, а также – в массовом порядке – в частных квартирах, на хуторах да и вообще везде, где имелся хоть какой-то кров, даже в землянках. Смертность из-за отсутствия медицинской помощи была велика. Созданию новых госпиталей препятствовал недостаток как зданий, так и медицинского персонала.⁹⁶ Кроме того, при отсутствии контроля солдаты Северо-Западной армии расползались по Нарве, прежде всего – на частные квартиры в рабочих районах, а также в городской части Ивангорода. Это, в свою очередь, способствовало распространению тифа среди гражданского населения.⁹⁷ Медицинская служба Эстонской армии отмечала, что в госпиталях Северо-Западной армии царили «... грязь и беспорядок. 75% больных лежали на грязном полу в собственной одежде, которая кишит вшами, как муравейник. Санитаров, рабочих почти не было; врачи и сестры в большинстве лежали вместе с больными; более сильные больные помогали слабым домашними методами; естественно, ни о какой сортировке больных или лечении и речи не было».⁹⁸ Врач эстонской 1-й дивизии, осматривавший 26 января помещения для тифозных больных Северо-Западной армии в Ивангородской крепости, писал: «...на голых нарах без всякого надзора лежат вместе с мертвыми около 200 больных, которые ходят по нужде здесь же – частью на нары, частью на пол и в соседнюю комнату. Помещения холодные, видимо, несколько дней не топлены. Санитаров нет, нет офицера, который руководил бы ими и надзирал за ними».⁹⁹ Другой свидетель описывал казарму северозападников в

⁹² ERA 495–10–52, л. 385.

⁹³ ERA 558–1–36.

⁹⁴ Scouts rügement Vabadussõjas. Сост. А. Вытинг. Tallinn, 1936, с. 426–428.

⁹⁵ R. Rosenthal. Loodearmee, с. 568–570, 572, 573.

⁹⁶ Põhja Kodu. 1920, 10 января, с. 3; 29 января, с. 2; Waba Maa. 1920, 22 января, с. 1; 26 января, с. 1; Г. Гроссен. Агония, с. 142–145; А. Смолин. Белое движение, с. 394–395.

⁹⁷ ERA 2124–3–1539, л. 3, Tuisik, O. Komandeeritud võitlema plekilise soojatõvega Narva. Рукопись, 1938.

⁹⁸ Eesti wabaduse sõda XI. 1918 – II. 1920. Terwishoidline osa. Tallinn, 1921, с. 205.

⁹⁹ ERA 515–1–280, л. 306.

той же Ивангородской крепости: «Уборная крепости находилась в стороне: в полу второго этажа прорубили дыру, через которую грязь выпускали через потолок на нижний этаж. Повсюду – крайняя грязь и вши. Полы покрыты толстым слоем грязи, как немощеные улицы, на полу – здоровые и больные вперемешку... Вшивые френчи, одеяла и т. д. отправлялись на рынок. Болезнь перекинулась в город, и стала распространяться дальше».¹⁰⁰ 19 декабря подсчитали, что во 2-й стрелковой дивизии (бывшая 3-я пехотная дивизия) из-за болезни каждый день из строя выбывало 200 человек.¹⁰¹ К 23 декабря в армии насчитывалось уже около 15 000 больных и раненых, из них 5000 находились при дивизии.¹⁰²

Несомненную роль в распространении болезней сыграли также дальнейшее падение дисциплины и апатия, получившие распространение среди солдат и офицеров Северо-Западной армии. Результатом падения настроения стало безразличное отношение к гигиене. Назначавшиеся новыми санитарями солдаты, как правило, не исполняли своих обязанностей, предпочитая бежать хотя бы даже в Советскую Россию, особенно когда после заключения перемирия эстонцы перестали этому препятствовать.¹⁰³ Организацию контроля за санитарями должно было бы обеспечить командование Северо-Западной армии, которое, однако, махнуло на это рукой. Инфекционные болезни распространялись также среди беженцев, которые из-за нехватки жилья зачастую размещались в антисанитарных условиях,¹⁰⁴ что допол-

нялось несоблюдением норм гигиены.¹⁰⁵ Охраной здоровья беженцев должен был заниматься российский Красный Крест, который, по оценке ознакомившихся с обстановкой министра внутренних дел Эстонии и чиновников, действовал в общем вяло и безответственно.¹⁰⁶ 23 декабря генерал-майор Лайдонер в интересах координации борьбы с эпидемиями подчинил все медицинские службы Северо-Западной армии и российский Красный Крест начальнику управления медицинской службы Эстонской армии,¹⁰⁷ но это решение, видимо, во многом осталось формальностью – санитарные органы Северо-Западной армии в действительности продолжали самостоятельную деятельность. Отмечалось, что из 153 врачей Северо-Западной армии в ходе эпидемии заболели 132, из них 26 умерли.¹⁰⁸ Командование Северо-Западной армии 30 декабря выразило Лайдонеру желание эвакуировать часть из примерно 4000 больных из Нарвы вглубь Эстонии, поскольку в нарвских больницах все не умещались, но получило ответ, что перевозить больных некуда, так как и в других районах для них нет больничных мест. Лайдонер посоветовал русским в срочном порядке оборудовать для больных помещения Русско-Балтийского завода в Копли в Таллинне, переданные в первой половине декабря Эстонией Северо-Западной армии для использования в качестве больницы. Помещения должны были вместить 2000 пациентов.¹⁰⁹ В начале января больница там еще только оборудовалась, при этом туда предполагалось собрать всех пациентов,

¹⁰⁰ ERA 2124–3–1539, л. 4.

¹⁰¹ ERA 2124–1–561, листы не пронумерованы.

¹⁰² А. Смолин. Белое движение, с. 401.

¹⁰³ ERA 2124–1–562, л. 99–100; Г. Гроссен. Агония, с. 145.

¹⁰⁴ А. Смолин. Белое движение, с. 400.

¹⁰⁵ См.: ERA 26–2–10, листы не пронумерованы; ERA 26–2–512, л. 17; Waba Maa. 1920, 13 января, с. 3.

¹⁰⁶ Waba Maa. 1920, 9 января, с. 1; 13 января, с. 1.

¹⁰⁷ ERA 495–10–38, л. 736.

¹⁰⁸ Eesti wabaduse sõda, с. 205.

¹⁰⁹ ERA 495–6–582, л. 365; ERA 2124–1–561, телеграмма П. фон Глазенапа Й. Лайдонеру 30.12.1919 и резолюция Й. Лайдонера.

не страдающих инфекционными заболеваниями.¹¹⁰ Однако во второй половине месяца в госпитале Северо-Западной армии в Копли насчитывалось уже около 1500 тифозных больных. В основном из Копли инфекции распространялись также в Таллинне – в начале февраля заболело в среднем по 10 таллиннцев в день. Эстонские власти приняли меры для борьбы с заболеваниями, в числе прочего предполагавшие изоляцию Копли от остального города. Ко второй половине февраля заболеваемость среди жителей Таллинна заметно снизилась.¹¹¹

Что касается больниц, находившихся в подчинении управления медицинской службы Эстонской армии, то по состоянию на 1 января 1920 года в них насчитывалось 4658 пациентов, из них 1775 русских, в большинстве – северозападников. В то же время в названных больницах насчитывалось еще 2113 свободных мест.¹¹² Это, видимо, означает, что эстонцы не хотели принимать в свои больницы значительного числа инфекционных больных Северо-Западной армии. По состоянию на 19 января в госпиталях Эстонской армии насчитывалось 5300 больных, из них 1300 – из Северо-Западной армии, среди которых лишь 201 был болен тифом.¹¹³ В середине января количество больных и раненых в Северо-Западной армии уже составляло 18 000.¹¹⁴ Эстонская армия, путем применения жестких мер, смогла предотвратить широкое распространение инфекции в своих рядах.¹¹⁵ 4 января на Вирусском фронте в эстонских частях было

всего 285 инфекционных больных, из них 168 болели тифом в различных формах.¹¹⁶ Правда, затем число больных стало быстро расти. С 1 декабря по 1 апреля тифом в различных формах в общей сложности заболели 4028 эстонских военнослужащих (в основном на Нарвском фронте), из них 346 умерли. За это время заболело 15 эстонских врачей, 8 из которых умерли.¹¹⁷ Врач эстонской 1-й дивизии рапортовал 5 января генерал-майору Тыниссону, что если в эстонских частях худо-бедно соблюдают нормы гигиены, то «ситуация у русских критическая». По его данным, в Нарве и ближайших окрестностях насчитывалось 4500 больных (из них примерно 2500 инфекционных), из которых лишь 2500 находились в госпитале.¹¹⁸ В тот же день в другом рапорте командиру 1-й дивизии говорилось, что «Ивангородская сторона и окрестности вдоль Гдовского шоссе находятся в санитарном отношении в самом плохом состоянии. Повсюду валяются трупы лошадей, бесконечные кучи испражнений и грязи...».¹¹⁹ По представленной Лайдонеру 19 января оценке начальника управления медицинской службы Эстонской армии, основной причиной распространения болезней в Северо-Западной армии были «полная дезорганизация и беспорядок во всех местах и во всех делах».¹²⁰ Представители Британской военной миссии также отмечали в своих рапортах безответственность командования и офицерства Северо-Западной армии в Нарве в отношении гигиенических условий своих частей. Они также жестко

¹¹⁰ ERA 2084–1–29, л. 2.

¹¹¹ Waba Maa. 1920, 22 января, с. 1; 10 февраля, с. 3; 3 марта, с. 1.

¹¹² ERA 495–10–64, л. 83.

¹¹³ ERA 499–1–43, л. 1.

¹¹⁴ А. Смолин. Белое движение, с. 405. Начальник управления здравоохранения Эстонской армии в представленном Лайдонеру 19 января рапорте оценивал число больных в Северо-Западной армии примерно в 10000. ERA 495–10–32, л. 212.

¹¹⁵ Eesti wabaduse sõda, с. 206–209; ERA 2084–1–29, 4.

¹¹⁶ ERA 2084–1–29, л. 3.

¹¹⁷ Eesti wabaduse sõda, с. 203.

¹¹⁸ ERA 2084–1–29, л. 2.

¹¹⁹ ERA 2084–1–31, л. 10.

¹²⁰ ERA 495–10–32, л. 213.

критиковали действия русского Красного Креста.¹²¹

В современной литературе на русском языке можно найти утверждения, что отступившие в Эстонию северозападники были помещены в концентрационные лагеря для интернированных лиц, где из-за плохих условий многие погибли.¹²² Нам, однако, не удалось найти никаких доказательств существования на территории Эстонии ни одного лагеря, предназначенного для северозападников или беженцев. В воспоминаниях северозападников и беженцев, которые лично находились в Ида-Вирумаа в конце 1919 – начале 1920 года, тоже не встречается никаких упоминаний о существовании лагерей.¹²³ В то же время военно-политическое руководство Эстонии можно упрекнуть в способствовании возникновению плохих санитарных условий в Северо-Западной армии. Вероятно, во второй половине ноября, пока эпидемия еще не разразилась, при желании можно было выделить для приюта тылов Северо-Западной армии больше поселений, что уменьшило бы нехватку жилья. Кроме того, нельзя считать этичным шаг командования 1-й дивизии, поместившего тысячи людей в мороз в лесу. Непонятно также, из каких соображений затягивался пропуск в Эстонию скопившихся к востоку от Нарвы беженцев. Несомненно, измотанные таким образом люди были более подвержены болезням. Это, конечно, не уменьшает ответственности командования и офицерства Северо-За-

падной армии, вкладывавших мало энергии в борьбу с эпидемией и в выполнение гигиенических требований. Издавались различные приказы,¹²⁴ но их выполнение контролировалось крайне плохо.

В той ситуации, в которой оказалась Северо-Западная армия, не удивительно, что многие солдаты, потеряв веру в руководство и не желая умирать от болезней, предпочитали уйти в Советскую Россию. Во второй половине ноября этот процесс принял уже широкие масштабы, а в декабре количество перебежчиков на сторону красных еще возросло. Например, в декабре почти полным составом дезертировал 3-й батальон Волынского полка, незадолго до этого доукомплектованный солдатами из запасных частей.¹²⁵ По данным советских источников, только на фронте 7-й армии в период с 5 по 22 декабря на сторону красных перешло более тысячи человек.¹²⁶ Зачастую дезертирство объяснялось и тем, что солдаты не хотели защищать границы враждебно настроенных эстонцев и надеялись позже им отомстить.¹²⁷ Бывали и случаи, когда переходящие в Россию насильно заставляли идти с собой офицеров, но, очевидно, чаще солдаты все же прощались с офицерами.¹²⁸

На проходивших в декабре 1919 года в Тарту переговорах о перемирии между Эстонией и Советской Россией была достигнута договоренность о разоружении Северо-Западной армии,¹²⁹ которое проводилось с 8 по 20 января.¹³⁰ Здоровые солдаты разоруженных в районе Нарвы

¹²¹ См.: TNA, WO 106/601, л. 75–90.

¹²² См., напр.: Владимир Илlyшевич. Ревельский Тракт. Таллин, 2001, с. 188–189.

¹²³ См, напр.: Е. Васильев. Инженерная; Ф. Дмитриев. Воспоминания северо-западника. 1919–1931 г. – Служба связи Ливенцев и Северозападников. 1932, № 6; То, что вспоминается; М. Ярославцев. Последние дни Северо-Западной армии.

¹²⁴ См, напр.: ERA 2573–1–5b, л. 17, 23.

¹²⁵ Е. Шимановский. Заметки об эпохе северозападников. – Белое движение на Северо-Западе России. (Белая Гвардия. Альманах, № 7). Москва, 2003, с. 230.

¹²⁶ А. Геронимус. Разгром Юденича. Москва, Ленинград, 1929, с. 134.

¹²⁷ Рапорта, с. 184; А. Родзянко. Воспоминания, с. 123; А. Смолин. Белое движение, с. 402.

¹²⁸ См.: ERA 2124–3–320, л. 3, F. Kaba. Terbinka lahing Narva all. Рукопись, 1936; Е. Васильев. Инженерная, с. 37; Свобода России. 1920, 25. марта, с. 2–3.

¹²⁹ ERA 495–10–47, л. 298.

¹³⁰ См.: R. Rosenthal. Loodearmee, с. 587, 588.

частей по распоряжению врача эстонской 1-й дивизии должны были отправляться в баню и проходить дезинфекционную камеру. Первым эту процедуру 9–13 января должен был проходить личный состав 2-й стрелковой дивизии (бывшая 3-я пехотная дивизия), затем 1-й стрелковой дивизии (бывшая 2-я пехотная дивизия). Однако 11 января врач эстонской 1-й дивизии сообщил, что 9 января в выделенной для этого русским бане и дезинфекционной камере Нарвской городской больницы не было ни одного человека, 10 января было 123 человека, а 11 января – снова ни одного. По словам санитарного инспектора Северо-Западной армии, командиры просто оставили без внимания распоряжение отвести солдат в баню. Правда, по утверждению командования Северо-Западной армии, Темницкий полк 2-й стрелковой дивизии не мог пойти 9 января в баню, поскольку там уже были солдаты эстонской 1-й дивизии, однако это не объясняет малого посещения бани в последующие дни. 11 января генерал-майор Тыниссон снова напомнил командованию Северо-Западной армии о распоряжении отвести людей в баню, но, как видно, ситуация и в дальнейшем не изменилась, так как 23 января он жаловался Лайдонеру, что строевые командиры Северо-Западной армии не выполняют приказы санитарного инспектора о направлении солдат в баню, а командование армии безучастно наблюдает за этим.¹³¹ В свете этих данных утверждение офицера-артиллериста 5-й пехотной дивизии Северо-Западной армии фон Зауэра о том, что эстонцы отказались пустить рус-

ских в баню, выглядят неубедительно.¹³²

Похоже, что в первой половине января нападения эстонских солдат на обозы и офицеров Северо-Западной армии становятся особенно частыми.¹³³ Узнав о подобных беспорядках в Нарве, Лайдонер 13 января приказал прекратить их путем «самых суровых мер».¹³⁴ Генерал-майор Тыниссон на следующий день даже приказал расстреливать на месте пойманных с поличным грабителей.¹³⁵ Данных о расстрелах на месте нет, но в дальнейшем тех, кого подозревали в грабежах северозападников, отдавали все же под суд.¹³⁶ Известно, что 24 января по решению полевого суда был расстрелян один рядовой бронепоезда № 6 по обвинению в том, что он отобрал мешок с мукой у развозчика продовольствия Северо-Западной армии.¹³⁷

По состоянию на 1 января 1920 года в Северо-Западной армии насчитывалось 2025 офицеров, 589 врачей, чиновников и священников, а также 32 528 солдат и унтер-офицеров, т. е. в общей сложности округленно – 35 000 военнослужащих.¹³⁸ Напомним, что 19 ноября в армии насчитывалось чуть более 54 000 бойцов, таким образом, за полтора месяца погибли, дезертировали, перешли в Эстонскую армию или ушли за рубеж примерно 19 000 человек. В середине января, по подсчетам штаба Северо-Западной армии, в армии было еще 13 000 здоровых, 18 000 больных и раненых, а также 18 000 нестроевых солдат.¹³⁹ Последняя категория включает, вероятно, и невоенных лиц. Количество людей продолжало сокращаться за счет

¹³¹ ERA 1560–1–293, л. 37, 42, 48–49, 141.

¹³² Ф.- Зауэр. Наступление на Петроград. – Памятка Ливенца. 1919 г.–1929 г. Рига, 1929, с. 174.

¹³³ См.: ERA 42–1–10, л. 45, 46; ERA 515–1–280, л. 107, 155; ERA 2124–1–562, л. 50, 75–80; М. Ярославцев. Последние дни Северо-Западной армии, с. 183.

¹³⁴ ERA 2124–1–562, л. 82.

¹³⁵ ERA 515–1–72, л. 42.

¹³⁶ См. напр.: ERA 515–1–71, л. 18. По подозрению в совершении подобных преступлений под суд отдавали и раньше. Например, 11 января один эстонский солдат за грабеж северозападников был приговорен к каторжным работам на 10 лет. ERA 515–1–273, л. 1.

¹³⁷ Waba Maa. 1920, 30 января, с. 3.

¹³⁸ ERA 515–1–59, л. 8.

¹³⁹ А. Смолин. Белое движение, с. 405.

жертв болезней и отправившихся в Россию. В период с 3 января по 2 февраля только на участке 7-й армии красных насчитали по меньшей мере 7600 перебежчиков.¹⁴⁰ По данным эстонского командования, к 21 марта в Россию ушло 13 700 человек,¹⁴¹ а общее число ушедших в Россию составляло примерно 20 000.¹⁴² При этом по распоряжению эстонского командования среди северозападников распространялись листовки, призывавшие от имени большевиков возвращаться в Россию и обещавшие не применять репрессий по отношению к вернувшимся. С этой целью в воинские части Северо-Западной армии также направлялись агитаторы, якобы прибывшие из Советской России.¹⁴³ Возвращавшихся в Россию на границе иногда грабили эстонские военные посты, отбирая личные вещи и лучшую одежду, отдавая взамен свою – похуже.¹⁴⁴ Есть данные, что в Россию вернулось также около 3300 беженцев.¹⁴⁵

Потеряв надежду перевести Северо-Западную армию на какой-либо другой фронт гражданской войны, генерал Юденич отдал 22 января 1920 года приказ о роспуске армии.

21 января генерал-майор Лайдонер инспектировал госпитали и казармы Северо-Западной армии в Нарве и был потрясен их состоянием. В тот же день он отдал распоряжение командующему Нарвского фронта генерал-майору Тыниссону и командиру эстонских 1-й и 3-й дивизий основательно привести в порядок помещения Северо-Западной армии. Для этого они

получили право образовывать команды из русских солдат под командованием русских офицеров. Оказывающих сопротивление разрешалось расстреливать. В этом вопросе командование Северо-Западной армии подчинялось Тыниссону.¹⁴⁶ Последний уже 21 января издал приказ, которым возложил на командование Северо-Западной армии задачу в срочном порядке назначить дежурных офицеров и нужное количество санитаров для наведения порядка в больницах. Из солдатских казарм предписывалось вынести трупы. Для надзора за действиями северозападников назначались эстонские контрольные посты.¹⁴⁷ 25 января генерал-майор Тыниссон определил линию, территория к востоку от которой считалась карантинной зоной для военнослужащих как Северо-Западной, так и эстонской армии: по побережью Чудского озера через Раннапунгерья, Мязтагузе, Арукюла, Калина, Йыэтагузе, Пуру до Йыхви, оттуда вдоль железной дороги до Солдина и через Ванакюла до Нарвы.¹⁴⁸ 23 января Тыниссон сообщил Лайдонеру, что несмотря на то, что большинство назначенных русских дежурных офицеров приступило к исполнению своих обязанностей с опозданием на день или два, очистка больниц Северо-Западной армии в районе 1-й дивизии все-таки началась. Однако казармы Северо-Западной армии по-прежнему никто не чистил. Он сообщил также, что собирается назначить эстонских офицеров руководить очисткой русских госпиталей и казарм в Нарве. По его данным, в нарвских госпиталях находилось около 2800 пациентов,

¹⁴⁰ Н. Корнатовский. Борьба за Красный Петроград (1919). Москва, 1929, с. 467.

¹⁴¹ ERA 2124–1–558, л. 507. Остается неясным, какой период имелся в виду, но можно предполагать, что расчеты касаются времени после заключения перемирия.

¹⁴² ERA 515–1–59, л. 8.

¹⁴³ A. Hellat. Tallinna raatuses ja Toompeal, с. 266–267; A. Tõnisson. Visked vabadussõja mälestustest, с. 60–62.

¹⁴⁴ См. напр.: ERA 2124–3–1599, л. 86–87, J. Urva. Tõusev Eesti, 2. Рукопись, 1939.

¹⁴⁵ ERA 515–1–631, л. 49.

¹⁴⁶ ERA 515–1–280, л. 257–263; Otto Heinze. Taudide vastu võitlemine Viru rindel Vabadussõja lõpupäevil. – Johan Laidoner. Kindralleitnant. Kaitsevägede Ülemjuhataja Vabadussõjas. Mälestusi kaasaeglasilt. Tallinn, 1934, с. 238–240.

¹⁴⁷ ERA 1560–1–293, л. 130.

¹⁴⁸ ERA 515–1–71, л. 21.

а в госпиталях Северо-Западной армии в Вируском уезде – 1720 человек.¹⁴⁹ По сообщениям командира эстонской 3-й дивизии генерал-майора Эрнста Пыддера, в частях Северо-Западной армии (Резервная дивизия, 3-я стрелковая дивизия, запасные части), расположенных в районе его дивизии, больными были в это время примерно 45% личного состава.¹⁵⁰ По его словам, в воинских частях там было грязно, но не так, как в Нарве. Смертность больных была также ниже, чем в Нарве. Командир 3-й дивизии разделил район своей дивизии на четыре части, и в каждую назначили санитарного инспектора из числа врачей Эстонской армии, в их распоряжение отдали также команду из 52 человек. Планировалось приступить к очистке госпиталей и открыть новые больницы.¹⁵¹ Санитарный инспектор района Ийзаку, например, докладывал 27 января, что в его районе вне больниц находятся 1200 больных. Не было медицинского персонала, медикаментов, белья. Однако несколько зданий было приспособлено под больницы, так, к 29 января для этих целей подготовили церковь Пюхтицкого монастыря.¹⁵² В расположении 1-й дивизии в Нарве по состоянию на 25 января очистка госпиталей велась достаточно энергично. Всех бывших на частных квартирах больных собрали в отдельные здания в Ивангороде, но для ухода за ними по-прежнему не было медицинского персонала. 26 января Тыниссон приказал Северо-Западной армии назначить в каждую казарму по одному офицеру, отвечающему за порядок. В Нарве из военных Северо-Западной армии были созданы команды, которые должны были под надзором

эстонских военных очистить свои казармы. Но грязь вскоре вновь появлялась в зданиях, поскольку приказ о назначении дежурных офицеров выполнялся не в полной мере. Поэтому 3 февраля Тыниссон отдал повторный приказ командованию Северо-Западной армии, а за невыполнение распоряжения объявил месячный арест командиру Темницкого полка полковнику Алексею Данилову и командиру Волинского полка полковнику Петру Сидоровичу-Войно.¹⁵³ Данные о том, что говорили в свою защиту названные командиры и было ли наказание приведено в исполнение, отсутствуют. По той же причине на 30 дней был арестован командир Семеновского полка полковник Константин фон Унгерн-Штернберг.¹⁵⁴ Нет точных данных о том, как изменилась обстановка в русских госпиталях и казармах в течение февраля. Можно предположить, что люди, не попавшие в больницы, оставались в тяжелом положении, поскольку, видимо, не получали никакой медицинской помощи. По состоянию на 12 февраля в границах Эстонской Республики по оценкам было около 13 500 больных северозападников: 2192 – в госпиталях Северо-Западной армии в Таллинне, 6499 – в Нарве (из них лишь 2864 в помещениях госпиталей Северо-Западной армии), 3520 в тылу Нарвского фронта в восточной части Вирусского уезда, а также примерно 1300 пациентов – в эстонских больницах (в общей сложности в них находилось 5594 пациентов-военных).¹⁵⁵ В середине февраля насчитывалось лишь 7000 здоровых северозападников.¹⁵⁶ Смертность тифозных больных в конце февраля в Нарве была по-прежнему высока.¹⁵⁷

¹⁴⁹ ERA 1560–1–293, л. 140–142.

¹⁵⁰ 3 февраля командир Резервной дивизии (бывшие 1-я и 6-я пехотные дивизии) генерал-лейтенант Дзерожинский сообщил, что в его дивизии больны 60% людей. ERA 1560–1–293, л. 221.

¹⁵¹ ERA 1560–1–293, л. 156–157; ERA 2084–1–29, л. 77; Waba Maa. 1920, 26 января, с. 1.

¹⁵² ERA 1560–1–81, л. 3, 17.

¹⁵³ ERA 1560–1–293, л. 160, 169, 215, 219, 266; Waba Maa. 1920, 2 февраля, с. 3.

¹⁵⁴ ERA 1560–1–293, л. 212; ERA 2124–1–559, л. 142.

¹⁵⁵ ERA 495–10–32, л. 218–219.

¹⁵⁶ Свобода России. 1920, 22 февраля, с. 2–3.

¹⁵⁷ Waba Maa. 1920, 1 марта, с. 2.

По договору, заключенному 24 февраля между правительством Эстонии и командованием Северо-Западной армии, Эстония взяла на себя заботу о больных и раненых. Для выполнения этой задачи эстонские власти могли использовать в качестве врачей и санитаров персонал Северо-Западной армии. Северо-Западная армия, в свою очередь, должна была передать Эстонии все снаряжение и 50 000 британских фунтов (деньги предполагалось получить от Британской военной миссии).¹⁵⁸ Однако 4 марта британские представители разрешили правительству Эстонии оставить себе в качестве компенсации за лечение северозападников снаряжение Северо-Западной армии лишь на сумму в 50 миллионов эстонских марок.¹⁵⁹ Обещанные по соглашению от 23 февраля 50 000 фунтов были переведены в начале марта.¹⁶⁰ С 1 марта управление медицинской службы Эстонской армии полностью взяло на себя руководство госпиталями Северо-Западной армии. При управлении был образован специальный русский отдел, госпитали Северо-Западной армии реорганизовали по образцу эстонских больниц.¹⁶¹ Врачи, фельдшеры, сестры милосердия и санитары Северо-Западной армии считались с 1 марта состоящими на службе Эстонской Республики.¹⁶² По данным газеты «Ревельские Новости», 1 марта для борьбы с тифом из Риги прибыли 30 русских врачей и 90 сестер милосердия.¹⁶³ В дополнение к имеющим-

ся русским больницам, которые с 1 марта состояли на довольствии Эстонии,¹⁶⁴ для северозападников и беженцев в начале марта создали 5 новых больниц. В Таллине до июня действовала также Команда выздоравливающих на 500 мест. В общей сложности в 17 русских больницах должно было быть 7950 мест.¹⁶⁵ Вероятно, из-за большого числа больных северозападников (в начале марта таковых насчитывалось около 13 000)¹⁶⁶ пришлось создавать дополнительные койко-места, поскольку, по данным другого источника, в 17 русских больницах было в общей сложности 12 000 мест.¹⁶⁷ Медицинский персонал в этих службах состоял, в основном, из русских, в несколько крупных больниц были назначены главные врачи из состава Эстонской армии.¹⁶⁸ В начале апреля в русских больницах насчитывалось 69 врачей, 177 сестер милосердия, 117 фельдшеров, 2118 санитаров.¹⁶⁹ Кроме того, русские проходили лечение и в других медицинских учреждениях Эстонии.¹⁷⁰ Всех больных, до сих пор не находившихся в больницах, поместили в медучреждения, а для поддержания порядка в них назначили комендантов из офицеров Эстонской армии.¹⁷¹ В течение марта, благодаря применению жестких мер, эпидемии был положен предел, число смертельных исходов резко снизилось. Во второй половине марта смертность была в среднем до пяти человек в день, в то время как в начале месяца умирало в среднем 50 человек в день.¹⁷² Существен-

¹⁵⁸ См.: ERA 957–11–298, л. 106, 109–110.

¹⁵⁹ См. также: ERA 2135–1–150, л. 1.

¹⁶⁰ См.: ERA 31–1–1614, л. 5.

¹⁶¹ Eesti wabaduse sõda, с. 209.

¹⁶² ERA 515–1–631, л. 49.

¹⁶³ Ревельские Новости. 1920, 5 марта, с. 2.

¹⁶⁴ ERA 515–1–72, л. 150.

¹⁶⁵ ERA 499–1–90а, листы не пронумерованы; ERA 499–1–144, л. 29, 30.

¹⁶⁶ ERA 495–10–32, л. 223.

¹⁶⁷ Eesti wabaduse sõda, с. 210.

¹⁶⁸ ERA 495–10–32, л. 223; ERA 499–1–90а, листы не пронумерованы.

¹⁶⁹ Waba Maa. 1920, 12 апреля, с. 2.

¹⁷⁰ ERA 2084–1–16, л. 18.

¹⁷¹ Eesti wabaduse sõda, с. 209–210.

¹⁷² Waba Maa. 1920, 12 апреля, с. 2.

ную помощь оказали иностранные организации Красного Креста, прежде всего, американские.¹⁷³ Питание персонала, пациентов и беженцев осуществлялось за счет продовольствия, складированного в Таллинне для Северо-Западной армии Администрацией американской помощи. Рацион питания был определен названной организацией. Продуктов хватало до начала октября.¹⁷⁴ В начале апреля началась дезинфекция частных домов и зданий, в которых ранее находились больные. Дезинфекция проводилась также на восточном берегу Нарвы. Если 1 марта в районе расположения 1-й и 3-й эстонских дивизий насчитывалось 10 260 русских больных (они находились также в Таллинне и Тарту), то к 1 апреля их было 4263, а месяц спустя – лишь 1892, из которых 385 были неинфекционные больные.¹⁷⁵ В общей сложности в начале апреля насчитывалось 6500 русских больных.¹⁷⁶ Постепенно началось уменьшение числа койко-мест в русских больницах, а затем и ликвидация больниц. Бывший член Северо-Западного правительства В. Горн позже утверждал, что эстонцы лечили плохо, выставляя из больниц едва вставших с постели пациентов,¹⁷⁷ однако у автора настоящей статьи нет данных, позволяющих оценить достоверность такого утверждения.

По различным оценкам, в конце 1919 – первой половине 1920 года от инфекций, в основном – от различных форм тифа, умерло от 8 до 12 тысяч северозападни-

ков.¹⁷⁸ Не ясно, включены ли в это число беженцы, однако отдельных данных о числе жертв среди беженцев нет. По оценке штаба эстонской 1-й дивизии, жертвами эпидемий могли стать от 10 до 12 тысяч северозападников, из них около 6000 в Нарве.¹⁷⁹ Юрий Мальцев, пытавшийся оценить число захороненных в Эстонии северозападников, получил в результате 8500, учитывая при этом погрешность в 20%.¹⁸⁰ Видимо, число умерших от эпидемий было в Северо-Западной армии не меньше, чем число погибших во всех сражениях.

Ликвидационная комиссия Северо-Западной армии завершила свою работу в апреле. В марте завершилась также ликвидация воинских частей. Так, командир 3-й стрелковой дивизии (бывшие 4-я и 5-я пехотные дивизии) 11 марта отдал в Пюхтице свой последний приказ, которым распустил дивизию.¹⁸¹

Рейго Розенталь

(1981)

Магистр истории (2008) и докторант Института истории и археологии Тартуского университета.
Область исследований: история Эстонии первой половины XX в., главным образом военная и политическая история.

¹⁷³ Eesti vabaduse sõda, с. 209–210; Aleksander Loit. Välismaa humanitaarabi Eestile Vabadussõja ajal 1919–1922. – Acta Historica Tallinnensia. 2002, № 6, с. 74–82; A. Tõnisson. Visked vabadussõja mälestustest, с. 57.

¹⁷⁴ ERA 1–9–430, л. 29; ERA 31–1–1613, л. 19.

¹⁷⁵ ERA 14–1–294, л. 30.

¹⁷⁶ ERA 495–10–32, л. 223.

¹⁷⁷ А. Смолин. Белое движение, с. 412.

¹⁷⁸ Karsten Brüggemann. Die Gründung der Republik Estland und das Ende des «Einen und unteilbaren Rußland». Die Petrograder Front des russischen Bürgerkriegs 1918–1920. Wiesbaden, 2002, с. 391.

¹⁷⁹ ERA 515–1–59, л. 8.

¹⁸⁰ Юрий Мальцев. Захоронения на территории Эстонии воинов Псковского корпуса и наследовавших ему формирований. – Белое движение на Северо-Западе и судьбы его участников. Сборник статей. Псков, 2004, с. 93–94.

¹⁸¹ М. Ярославцев. Последние дни Северо-Западной армии, с. 183.

Эстонские офицеры на фронтах гражданской войны в России

Мати Крёэнстрём

Согласно данным двухтомного труда Eesti Vabadussõda, из российской армии в эстонскую перешли 2132 офицера-эстонца.¹ Учитывая, что в конце Первой мировой войны в живых оставалось до 3000 офицеров-эстонцев, мы видим, что в Освободительной войне не участвовали около трети из них. Среди кадровых офицеров этот показатель был еще выше – в Освободительной войне не участвовали более половины кадровых офицеров эстонской национальности. Большинство из них во время Освободительной войны находилось в России и воевало на разных фронтах гражданской войны.

Об этой довольно многочисленной группе, к сожалению, известно не много. Участвовавшие в гражданской войне в России эстонские офицеры до сих пор не становились темой отдельного исследования. Если в исторической литературе советского периода можно кое-что найти о каком-либо эстонце – красном командире, то об офицерах, воевавших в Белой армии, по сути, не опубликовано ничего. Однако несколько сот офицеров-эстонцев служили – добровольно или по принуждению – у белых, причем многие из них – на ответственных командных постах. По меньшей мере, восемь эстонцев участвовали в гражданской войне в России в качестве командиров полков или бригад. Около де-

сятка офицеров служили в штабах армий, корпусов и дивизий.

Как эстонские офицеры становились участниками гражданской войны в России?

Далее рассмотрим причины, по которым несколько сот офицеров-эстонцев не попали к началу гражданской войны в Эстонию. Конечно, задним числом невозможно объяснить мотивы и причины, которыми руководствовался каждый из них, но сравнение материалов послужных списков и оптационных досье (личных дел) около 300 офицеров позволяет сделать некоторые обобщения.

В большинстве своем командный состав времен Освободительной войны служил ранее в национальных частях. Можно без преувеличения утверждать, что не будь национальных частей, в начальный период Освободительной войны в Эстонии было бы значительно меньше офицеров. Именно офицеры, вместе служившие в национальных частях, образовали ядро формировавшихся в начале Освободительной войны воинских частей. В марте–апреле 1918 года, когда ликвидировались части старой армии, а офицеры подверглись в массовом порядке демобилизации, передвижение их по России было уже затруд-

¹ Eesti Vabadussõda 1918–1920, I. Tallinn, 1996, с. 56.

² Вообще, в Эстонию можно было вернуться и во время немецкой оккупации, но эту возможность использовали немногие. Например, в Эстонию вернулся штабс-капитан генштаба Виктор Мутт, занимавший во время Освободительной войны должность начальника штаба 2-й пехотной дивизии. Многие зависело от местонахождения и информированности офицера. Вероятно, штабные офицеры имели больше возможностей для возвращения, чем служившие в Сибири прапорщики или поручики.

нено. Другими словами, тем офицерам-эстонцам, которые не успели добраться до Эстонии к февралю 1918 года (служба в национальных частях была прекрасным предложением для того, чтобы отправиться на родину), позже было трудно или даже невозможно это сделать вследствие немецкой оккупации и введенных большевиками ограничений на передвижение.²

Представляется, что большая часть офицеров, не пошедших в национальные части, сами не хотели в них служить. В первую очередь это касается старших кадровых офицеров и офицеров генерального штаба, для которых в национальных частях не нашлось подходящих постов. Как известно, создатели национальных воинских частей сначала получили разрешение на формирование только одного пехотного полка. Ясно, что в одном полку не нашлось бы должностей для всех кадровых офицеров. Только полковников и подполковников эстонской национальности осенью 1917 года было около полусотни, а в одном пехотном полку не нашлось бы применения даже дюжине офицеров генерального штаба.

Подполковник генштаба Юхан Тырванд прокомментировал свое решение, принятое осенью 1917 года, коротко: «Офицеру генерального штаба нечего делать в полку. Здоровье не позволяет служить в строю».³ В ноябре 1917 года Юхан Тырванд встретился с подполковником генштаба Яном Соотсом, с которым, в числе прочего, обсуждал и возможности перехода в национальные части. После ликвидации Ставки Верховного Главнокомандующего в Могилеве и убийства главнокомандующего Николая Духонина, Юхан Тырванд, по его словам, был готов отправиться в Эстонию, но прочитав в одной из харьковских газет, что к власти в Эстонии пришли большевики, отказался от своего намерения.⁴

Естественно, в пехотном полку не было места также для кавалеристов и артиллеристов, офицеров инженерных войск, интендантов, топографов и летчиков, которых, по приблизительным подсчетам, к концу 1917 года насчитывалось, по меньшей мере, около двухсот.

В национальные части не пошли те офицеры, чья жизнь и служба были тесно связаны с Россией. Это российские эстонцы, большая часть кадровых офицеров, множество эстонцев, учившихся и работавших в России до мировой войны. Полковник Яак Розенбаум, встретивший в Сибири во время гражданской войны подполковника генштаба Яна Тырванд, заинтересовался его мнением о возвращении на родину. Я. Тырванд ответил, что не видит смысла в возвращении в Эстонию и что он прижился в России.⁵

У многих вернувшихся после гражданской войны в Эстонию кадровых офицеров возникли трудности с адаптацией. Из четырех прибывших офицеров генерального штаба действительно сумели прижиться лишь двое: Юхан Тырванд и Александер Парв. Антон Лауритс, по всем признакам сильно обрусевший эстонец, из-за недостаточного владения эстонским языком был вынужден служить на малозначительных при его квалификации постах.

Многие офицеры после демобилизации направились на прежнее место жительства. Для кадровых офицеров это зачастую означало город или поселок, где до войны располагался их полк. Там у офицера была квартира, личные вещи, зачастую также – семья. Известно немало случаев, когда кадровые офицеры после демобилизации весной 1918 года отправлялись к прежнему месту службы и уже не могли оттуда двинуться дальше. В ходе гражданской войны их мобилизовали белые или красные – в зависимости от

³ ERA 1131–1–23. Юхан Тырванд был тяжело ранен во время Первой мировой и после выздоровления направлен преподавателем в эвакуированное в Полтаву Виленское военное училище.

⁴ ERA 1131–1–1, л. 24, дневник Юхана Тырванд.

⁵ Jaak Rosenbaum. Näljas, alasti ja rahata. Kirjad Vene kodusõjast. Tallinn, 1938, с. 67.

того, на чьей территории офицеры находились. Так, кадровые офицеры, служившие до войны в губерниях Центральной России, чаще попадали в Красную армию, а офицеры полков, расположенных на Украине, на Кавказе, на Юге России или в Сибири, служили в Белой армии. По мнению С. Волкова, именно возвращение офицеров на прежнее место службы позволило большевикам во время гражданской войны мобилизовать в Красную армию большое количество офицеров.⁶ Например, прапорщика Василия Юргенсона, жившего до войны в Петергофе, вскоре после возвращения домой мобилизовали в Красную армию.⁷

В Россию – к своим семьям или за имуществом – поехала и часть служивших в национальных частях офицеров. Так, подполковник Август Кильк в начале 1918 года отправился из Эстонии во Владимир к семье. А. Килька арестовали и посадили в Бутырскую тюрьму.⁸ Несколько эстонских офицеров мобилизовали в Северо-Западную армию по месту их жительства в Псковской или Петроградской губернии (штабс-капитан Эдуард Кеске, поручики Карл-Леонхард Паулсон и Аксель Валл, прапорщики Йоханес Юур, Оскар Польман, Александер Сибуль).⁹

Из Царского Села в Северо-Западную армию мобилизовали работавшего там до войны школьным учителем бывшего командира батальона 7-го гренадерского полка штабс-капитана Якова Якобсона.¹⁰

К этой категории можно отнести и всех учившихся до мировой войны в России эстонцев, которые после демобилизации стремились продолжить прерванную учебу. Например, студент физико-математиче-

ского факультета Тартуского университета поручик Густав Тохвер после оккупации Эстонии немцами поехал в Харьков, чтобы продолжить учебу в тамошнем университете. Во время гражданской войны его мобилизовали в Красную армию. Многие учебные заведения с приближением фронта были эвакуированы из Эстонии, и учащиеся последовали за ними летом–осенью 1918 года. Именно таким образом многие эстонские гимназисты попали на гражданскую войну в России, и некоторые из них стали офицерами. Например, в сентябре 1918 года учащийся таллиннской Александровской гимназии Роман Видерфельдт уехал в г. Мелитополь Таврической губернии, куда эвакуировали это учебное заведение. В январе 1919 года его мобилизовали в ряды денкинской армии, и в конце гражданской войны Р. Видерфельдт был подпоручиком.¹¹

Таким образом, судьба офицера во время гражданской войны во многом зависела от того, где он находился весной–летом 1918 года. Многие молодые офицеры, окончившие осенью 1917 года в Сибири школы прапорщиков, были вынуждены остаться там, а затем мобилизованы в колчаковскую армию. По приблизительным оценкам, в армии Колчака служила, по меньшей мере, пара дюжин молодых офицеров-эстонцев, окончивших осенью 1917 года школы прапорщиков в Омске или Иркутске и служивших в Сибири. Большинство этих молодых офицеров получили боевое крещение на фронтах гражданской войны.

Большинство членов ликвидационных комиссий полков были также вынуждены остаться в России и искать там службу.

⁶ Сергей Волков. Трагедия Русского офицерства. Москва, 2002, с. 52.

⁷ ERA 495–7–1402, послужной список Василия Юргенсона.

⁸ ERA 36–1–42, л. 77–77 об., письмо Я. Янеса о деле находившегося в России подполковника Августа Килька от 24.08.1920.

⁹ ERA 560–1–28, л. 133–138 об.; ERA 495–7–3913; ERA 495–7–6740; ERA 495–7–321; ERA 495–7–4220; ERA 495–7–5269.

¹⁰ ERA 495–7–1885, послужной список Якова Якобсона.

¹¹ ERA 1580–1–7, л. 254–254 об., письмо Романа Видерфельдта военному представителю Эстонии в Польше.

Нарвлянин поручик Георг Моозес пишет: «В начале 1918 года я поехал вместе со своим 617-м пехотным (Зборовским) полком в город Саратов, чтобы помочь командиру полка ликвидировать полковое хозяйство. Это продлилось до 15-го числа апреля, и мне выдали паспорт, что я свободен от армии. Поскольку в Саратове заработков не было, поступил в Красную армию инструктором роты в 1-ом Саратовском полку. Срок службы сначала шесть месяцев, потом продлили до года, а в конце 1918 года поступил приказ считать всех добровольных офицеров мобилизованными». ¹² Г. Моозесу удалось позже вернуться в Эстонию через Тифлис.

Ликвидация воинской части не всегда происходила там, где она находилась до войны. Поскольку Прибалтика весной 1918 года была оккупирована немецкими войсками, ликвидация располагавшихся в Прибалтийских губерниях частей происходила в России. Дислоцировавшаяся до войны в Риге 29-я пехотная дивизия, например, была весной 1918 года для демобилизации переведена из Финляндии в Симбирск. Последний начальник дивизии полковник Эрих Розенберг отправился вместе с ликвидационной комиссией. ¹³

При чтении личных дел создается впечатление, что идеологические причины не играли для офицеров-эстонцев особой роли при выборе. Большинство воевавших на обеих сторонах офицеров были мобилизованы. Большую роль играл случай. Так, обычная простуда, не позволившая вовремя уехать, или случайно встреченный на улице однополчанин могли определить судьбу офицера. Материалы Верховного комитета эстонских военнослужащих свидетельствуют, что сделавший впоследствии блестящую карьеру в Красной армии Август Корк был также в 1917 году связан с формированием национальных

воинских частей. Летом 1918 года А. Корк находился в Эстонии и искал место волостного писаря или школьного учителя. Не найдя работу, летом 1918 года он через Псков выехал в Россию. ¹⁴ Не исключено, что при другом стечении обстоятельств А. Корк мог бы служить и в эстонской армии. На то, что идеологические причины играли для офицеров второстепенную роль, указывают и новейшие исследования российских военных историков. ¹⁵

Однако часть офицеров руководствовались также идеологическими соображениями. Наиболее «красные» по убеждениям офицеры-эстонцы служили в красных эстонских стрелковых полках. Служившие в других частях эстонские офицеры были либо мобилизованы, либо пошли на службу к большевикам по причине бедности. Несколько больше «идейных» офицеров было в белых армиях, но и там мобилизованные составляли большинство. К добровольцам белых армий можно отнести часть офицеров, покинувших Эстонию во время немецкой оккупации. Одной из причин отъезда из Эстонии стал и тот факт, что формирование Белой армии началось несколькими месяцами раньше, чем мобилизация в эстонскую армию. Вербовочные пункты действовавшей на Украине Южной армии были открыты в Пскове уже летом 1918 года. В Северный корпус тоже начали принимать добровольцев за несколько недель до начала мобилизации в эстонскую армию.

Большая часть оставшихся в России в 1918 году офицеров вынуждены были во время гражданской войны пойти на службу к той или другой стороне по материальным причинам. Нехватка средств к существованию – наряду с мобилизацией – чаще всего упоминается в личных делах в качестве причины поступления на службу. После развала старой армии многие

¹² ERA 36–2–10992, л. 1–1 об., дело о возвращении Георга Моозеса.

¹³ ERAF 130–1–7894E, л. 7, дело Эриха Розенберга.

¹⁴ Mati Krõönström. Eesti rahvusest ohvitserid Vene armees 1870–1917. Tartu, 1999, с. 60.

¹⁵ Юрий Волков. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск, 2001, с. 36.

офицеры оказались в трудных материальных условиях. Губернские города, где до войны располагались корпуса и дивизии, были переполнены демобилизованными офицерами, трудоустройством которых не занимался никто. Особенно трудно было кадровым офицерам, единственным источником доходов которых была военная служба. Бывший учитель, инженер или землемер мог найти работу после демобилизации, но у прослужившего всю жизнь в армии кадрового офицера выбора не было. Подполковник Юхан Тырванд летом 1918 года в Полтаве добывал для семьи средства к существованию тем, что распродал свои личные вещи.¹⁶ Таких примеров можно привести множество.

Небольшая группа эстонцев попала в Белую армию после их возвращения через Англию или Францию. В Англии недалеко от Кембриджа в Нью-Маркете находился специальный военно-учебный лагерь, откуда после окончания 4-месячных курсов офицеров отправляли в Северную Россию. В июне 1919 года в этом лагере находилось 500 офицеров. Под руководством российского военного агента графа Алексея Игнатьева была организована отправка добровольцев в Россию также из Франции. Не совсем ясно, происходила такая отправка добровольно или союзники использовали какие-то средства воздействия. Однако известно, что среди офицеров, отправившихся в Россию при посредничестве союзников, были и эстонцы. Так, освобожденный из лагеря военнопленных в Вюрцбурге поручик Август Тамм отправился 26 сентября 1918 года из Кельна в Лондон, а оттуда в Сибирь в армию адмирала Колчака.¹⁷ Прямо из плена отправился в Сибирь и уроженец Таллинна прапорщик Владимир Куузик.¹⁸ Однако похоже, что число офицеров-

эстонцев, попавших на гражданскую войну таким образом, было невелико.

Общее число эстонских офицеров на гражданской войне в России

В большинстве своем офицеры Российской армии в гражданской войне воевали против власти советов. По данным С. Волкова, в 1917 году в Российской армии было в общей сложности около 250 000 офицеров. Из них во время гражданской войны в Красной армии служили 50–55 тысяч офицеров, или 20% от общего числа. В белых армиях воевали около 170 000 (62%) офицеров, а в национальных (в том числе в эстонской армии – М.К.) – 15 000 (до 6%) офицеров. Данные о деятельности примерно 30 000 (10%) офицеров во время гражданской войны отсутствуют. По мнению С. Волкова, большая часть из них пали жертвами красного террора.¹⁹

Как сказано выше, осенью 1917 года в живых было примерно 3000 офицеров-эстонцев. Автору известны имена около 650 участвовавших в гражданской войне или находившихся в это время в России офицеров-эстонцев. Видимо, это число было больше, по меньшей мере, на сотню, если иметь в виду, что нет точных данных о погибших на гражданской войне, репрессированных красными властями и оставшихся после окончания войны в РСФСР офицерах. Имеющиеся у автора данные о примерно двадцати погибших в боях и таком же количестве схваченных и казненных большевиками офицерах явно недостаточны. Например, в войсках белых в Сибири и на Дальнем Востоке погибли до 20% воевавших там офицеров.²⁰ Учитывая число служивших в армии Колчака эстонских офицеров, численность погибших должна достигать двух десятков. На-

¹⁶ ERAF 130–1–1293E, л. 8 об., дело Юхана Тырванда.

¹⁷ Postimees, 1919, № 34.

¹⁸ ERA 495–7– 2343, послужной список Владимира Куурика.

¹⁹ С. Волков. Трагедия Русского офицерства, с. 398.

²⁰ Евгений Волков, Николай Егоров, Иван Купцов. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. Биографический справочник. Москва, 2003, с. 8.

верняка эта цифра была не меньше и на Юге России, где служила большая часть офицеров белых армий. По приблизительной оценке, общее число участвовавших в гражданской войне в России офицеров-эстонцев могло доходить до 800 человек. Из них в Красной армии служило до 250 и в белых армиях – по меньшей мере, 500 офицеров. Несколько десятков офицеров служили только в украинской или польской армии либо не служили вообще. Приведенные здесь цифры очень приблизительны. Следует иметь в виду и то, что часть офицеров воевала на обеих сторонах. В основном это означает, что попавшего в плен офицера Белой армии мобилизовали, но бывало и наоборот. Кроме того, несколько десятков офицеров перешли во время Освободительной войны из Белой или Красной армии в эстонскую армию.

Наиболее точные сведения имеются о кадровых офицерах. В конце 1917 или в начале 1918 года было в живых по меньшей мере 192 кадровых офицера – эстонца, из них в Освободительной войне участвовали 79, в белых армиях служили более 60, а в Красной армии – по меньшей мере 25 офицеров. Девять офицеров успели повоевать по обе стороны. Во время Освободительной войны из украинской армии, из войск белых и из Красной армии в эстонскую армию перешли шесть кадровых офицеров. Пять кадровых офицеров не воевали ни на одной стороне, данные о деятельности 28 кадровых офицеров во время гражданской войны отсутствуют.²¹

Далеко не все находившиеся в России во время гражданской войны офицеры участвовали в боевых действиях. Часть избежавших мобилизации или освобожден-

ных от нее офицеров работала по полученной до войны специальности. Несколько офицеров были землемерами (поручик Хуго Нурксе, прапорщики Хейнрих Нурксе и Оскар Луйк). Прапорщик Александер Лемет во время гражданской войны был учителем в эстонской деревне в Саратовской губернии.²² Учителем в Петрограде работал прапорщик запаса Константин Виллемсон.²³

В некоторых случаях офицеры просто уклонялись от мобилизации. Так, прапорщик Эдуард Клемент после выписки из Петроградского военного госпиталя скрывался до тех пор, пока не появилась возможность уехать на родину.²⁴ Многие бывшие студенты пытались продолжить учебу в российских университетах. Прапорщик Пауль Альвер, уехавший из Эстонии в Петроград во время немецкой оккупации, в 1918 году сдал экзамен на провизора и после этого работал в Царском Селе аптекарем.²⁵

Как уже было сказано выше, по меньшей мере, восемь кадровых офицеров не воевали ни на одной стороне. Два офицера (подполковники Рихард Франк и Август Кильк) были в Москве арестованы большевиками. Капитан Давид Янсон во время Освободительной войны находился в плену в Австрии.²⁶ Капитан Виллем Саарсен, уехавший после оккупации Эстонии немцами в Польшу, был там интернирован и содержался под арестом до января 1920 года.²⁷ Вероятно, не был мобилизован и получивший тяжелое ранение в боях мировой войны подполковник Эдуард-Арнольд Луйк.²⁸ Ввиду солидного возраста, видимо, не воевали генерал-лейтенант Хейнрих Раутсман и подполковник Алек-

²¹ Данные о судьбе примерно десятка офицеров во время Первой мировой войны отсутствуют. Можно предположить, что кто-то из них был жив в конце 1917 года.

²² ERA 36–2–8888, дело о возвращении Александра Лемета.

²³ ERA 28–2–19761, дело о возвращении Константина Виллемсона.

²⁴ ERA 495–7–1924, послужной список Эдуарда Клемента.

²⁵ ERA 495–7–11, послужной список Пауля Альвера.

²⁶ ERA 957–11–303, л. 9, телеграмма посольства Эстонии по делу капитана Давида Янсона от 22.12.1919.

²⁷ ERA 495–7–1229, л. 3, послужной список Виллема Саарсена.

²⁸ ERA 28–2–9064, л. 2, дело о возвращении Эдуарда-Арнольда Луйка.

сандер Карелл, ушедший в отставку еще до мировой войны. Окончивший интендантскую академию капитан Ханс Паю во время гражданской войны служил на Украине в армии, а после окончания гражданской войны работал в Киеве конторским чиновником.²⁹

Каковы были потери эстонцев в гражданской войне? Известно, что потери в офицерском составе Белой армии в ходе гражданской войны были очень велики. Только в «цветных» полках³⁰ Юга России погибли примерно 15 000 офицеров. Вместе с погибшими в других частях Добровольческой армии число погибших офицеров доходило до 20 000. По оценке С. Волкова, общее число погибших на Юге России офицеров достигало 30 000, кроме того, до 10 000 умерли от болезней.³¹ В общей сложности, число офицеров, погибших в ходе гражданской войны и в результате репрессий, могло достигать 90 000 человек, из них на белые армии пришлось 60%, на красную 10% и на счет национальных армий – до 5%. Остальные 22–23% погибших во время гражданской войны офицеров в основном стали жертвами репрессий красных властей.³²

Автору к настоящему времени известны имена лишь двух десятков погибших на гражданской войне в России офицеров-эстонцев. Назовем здесь некоторых из них. В 1920 году в Крыму погиб командир батальона лейб-гвардии Павловского полка капитан Эдуард Линтруп.³³ В начале октября 1919 года от полученных в бою ра-

нений умер командир полка армии Деникина Август Парсман.³⁴ В том же номере газеты опубликовано сообщение о гибели на Юге России уроженца Таллинна подпоручика Николая Пауля. Уроженец Вильяндимаа А. Парсман – один из тех кадровых офицеров эстонской национальности, кто в 1917 году изъявил желание служить в национальных воинских частях, но по какой-то причине в Эстонию не прибыл. Осенью 1919 года в одном из ростовских госпиталей застрелился полковник Густав Пильберг.³⁵ Несколько бывших офицеров погибли и в рядах Красной армии. Один из известнейших среди них – бывший офицер 539-го пехотного (Боровского) полка Андрей Пылд, командовавший эстонской Красной гвардией в феврале 1918 года в бою под Кейла. В общей сложности число погибших на полях гражданской войны офицеров-эстонцев могло достигать полусотни человек.

Столь же сложно, как подсчитать число эстонских офицеров, погибших на гражданской войне, установить число офицеров, репрессированных во время гражданской войны. Министерство иностранных дел Эстонии занималось поиском эстонцев, плененных во время гражданской войны в Советской России, но, конечно, получить данные обо всех не удалось. Многие умерли еще до конца Освободительной войны. Из находившихся осенью 1919 года в Кожуховском лагере в Москве более 300 эстонцев к весне 1920 года в живых осталось только 18.³⁶ По

²⁹ ERA 36–2–12705, дело о возвращении Ханса Паю; ERA 1119–1–71, л. 369, письмо Тыниса Паю МИДУ Эстонии по делу его брата Ганса Паю от 13.09.1922.

³⁰ «Цветные» полки – части Добровольческой армии, получившие именованное шефство выдающихся руководителей Белого движения – генералов Лавра Корнилова, Сергея Маркова, Михаила Алексева и Михаила Дроздовского. Чины этих полков имели погоны определенного цвета. Например, основные цвета корниловцев – красный и черный, марковцев – белый и черный, дроздовцев – белый и малиновый.

³¹ С. Волков. Трагедия Русского офицерства, с. 204.

³² Там же, с. 398.

³³ Офицеры Российской гвардии в Белой борьбе. Составитель С. Волков. Москва, 2002, с. 283.

³⁴ Vaba Maa, 1919, № 253.

³⁵ Константин Попов. Воспоминания кавказского гренадера. Белград, 1926, с. 231–232.

³⁶ ERA 36–1–42, л. 6 об., письмо Московской контрольно-опционной комиссии министру иностранных дел.

утверждению того же источника, в июне 1919 года нескольких эстонских офицеров перевезли из Москвы в Холмогоры и Архангельск, где их расстреляли.³⁷ Среди них был некий офицер инженерных войск, уроженец Пярну Янсон. В сентябре 1920 года в Томске казнили бывшего офицера колчаковской армии Эдуарда Ханшмидта, обвиненного в подрыве моста.³⁸ В начале 1921 года взбунтовавшиеся красноармейцы убили на железнодорожной станции Иссук-Куль капитана Константина Нея. Нарвитянин К. Нэй во время гражданской войны служил в Красной армии и собирался вернуться в Эстонию.³⁹ В 1925 году в Соловецком концлагере умер бывший командир Эстонского запасного батальона полковник Яак Розенбаум. В начале 1920-х годов был расстрелян ряд служивших в белых войсках офицеров-эстонцев. В Сибири расстреляли подполковника генерального штаба Яана Тывранда. На Севере России казнили штабс-капитана (в белой армии – подполковник) Пауля-Йоганнеса Парминга.⁴⁰ Там же красные финны казнили поручика Карла Лиллипуу⁴¹, служившего командиром роты в армии генерала Миллера. Большую часть арестованных большевиками офицеров-эстонцев отправили в концлагеря. Большинство из них никогда не вернулись в Эстонию. Еще в 1930-е годы через Министерство иностранных дел близкие искали родственников, пропавших в России во время гражданской войны. По оценкам, общее число погибших на гражданской войне, репрессированных или умерших от голода и болезней офицеров-эстонцев могло достигать ста.

Не все служившие в Белой армии офицеры-эстонцы после окончания граждан-

ской войны вернулись на родину. Некоторые эмигрировали в Европу или Америку. В 1930-е годы в Аргентине жил подполковник Пеэтер Ору. Бывший командир батальона 449-го пехотного полка при создании национальных воинских частей был кандидатом на пост командира одного из полков. Пожилой, бедный П. Ору в 1937 году искал через Министерство иностранных дел Эстонии возможности вернуться на родину.⁴² В 1921-1931 годах в Харбине жил Арнольд Перли (Пярли?). Уроженец Алатскиви капитан А. Перли во время гражданской войны служил на Дальнем Востоке в частях атамана Григория Семенова и генерала Иннокентия Смолина. В 1951 году 63-летнего бывшего кадрового офицера царской армии А. Перли, работавшего в колхозе «Новая жизнь», приговорили к 25 годам заключения.⁴³ Из кадровых офицеров эстонской национальности в эмиграции жили также полковник инженерных войск Александер Линденвальд и подполковник Александер Карелл (умер в 1929 году в Дании).

Поволжье, Сибирь и Дальний Восток

По сравнению с Югом России в белых частях Поволжья, Сибири и Дальнего Востока служило сравнительно мало офицеров. Особенно ощущалась нехватка опытных штабных офицеров. По данным С. Волкова, в Сибири и на Дальнем Востоке воевали 35–40 тысяч офицеров, 7000 из них погибли и столько же эмигрировали. Остальные (60%) по окончании гражданской войны остались в Советской России.⁴⁴ По другим данным, в белых частях в Сибири служило около 30 000 офицеров.⁴⁵

³⁷ Там же.

³⁸ ERA 1584–1–12, л. 12, список эстонцев, плененных в Советской России.

³⁹ ERA 1580–1–97, л. 12, список граждан Эстонии, казненных сибирскими властями.

⁴⁰ ERA 495–7–3948, послужной список Пауля-Йоганнеса Парминга.

⁴¹ Vaba Maa, 1920, № 12.

⁴² ERA 14–14–3456, заявление Пеэтера Ору о получении гражданства Эстонии.

⁴³ ERAF 129SM–1–4646, дело Арнольда Перли.

⁴⁴ С. Волков. Трагедия Русского офицерства, с. 293.

⁴⁵ Е. Волков, Н. Егоров, И. Купцов. Белые генералы Восточного фронта, с. 8.

Белое офицерство Сибири было молодо, у многих не было боевого и командного опыта. Много было офицеров, окончивших осенью 1917 года школу прапорщиков и направленных служить в Сибирский военный округ, – они не смогли выбраться оттуда после прихода к власти большевиков. Большевики еще в марте 1918 года запретили офицерам переезд в Восточную Сибирь, чтобы воспрепятствовать их вступлению в боевые отряды атамана Семенова, восставшего против советской власти в Забайкалье.⁴⁶

В отличие от Юга России, в Сибири не было самостоятельных офицерских частей, хотя при некоторых корпусах и дивизиях были офицерские ударные батальоны. Именно нехватка опытных штабных офицеров могла обусловить тот факт, что почти все служившие в сибирских белых частях офицеры-эстонцы занимали высокие посты. В подразделениях Белой армии в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке служило до сотни офицеров-эстонцев (поименно известны 72). Из них кадровых офицеров было 13, большинство занимали ответственные посты в штабах дивизий и корпусов или командовали полками.

Подполковник Эдуард Рюитель был осенью 1918 года начальником штаба 7-й Уральской дивизии горных стрелков, а до июня 1919 года – начальником штаба 3-го Уральского корпуса горных стрелков. Для сравнения – в годы Первой мировой войне Э. Рюитель служил всего лишь ротным и батальонным командиром 3-го Финляндского стрелкового полка, а после

окончания курсов Николаевской Академии Генштаба короткое время служил в штабе XXII армейского корпуса.⁴⁷

Подполковник генерального штаба Яан Тырванд с февраля 1919 был начальником штаба 4-го Оренбургского корпуса. В состав корпуса входили 2-я Сызранская и 5-я Оренбургская стрелковые дивизии. Во 2-й Сызранской стрелковой дивизии одной из бригад командовал также эстонец – уроженец Кяоской волости Вильяндиского уезда полковник Яак Розенбаум, до этого формировавший 7-й Хвалынский стрелковый полк и бывший его первым командиром.⁴⁸ В марте 1920 года 5-й Оренбургский корпус отступил в Китай, а потом в Монголию. В октябре 1921 года остатки корпуса сдались Красной армии. Командира корпуса серба Андрея (Андро) Бакича, начальника штаба Я. Тырванда и еще пятерых офицеров расстреляли в январе 1921 года в Кяхте.⁴⁹ Яан Тырванд был младшим братом начальника штаба эстонской армии генерал-майора Юхана Тырванда. Яан Тырванд окончил в 1907 году пехотное юнкерское училище в Вильно, а летом 1914 года Императорскую Николаевскую военную академию – один выпуск с Яаном Ринком и Августом Корком.⁵⁰

Окончивший в 1917 году ускоренный курс Николаевской военной академии капитан Пеэтер Ойнас служил во время гражданской войны в штабе 1-й стрелковой дивизии Волжской Народной армии. Точные данные о службе П. Ойнаса во время гражданской войны в России отсутствуют. После войны он вернулся в Эстонию.⁵¹

⁴⁶ С. Волков. Трагедия Русского офицерства, с. 83.

⁴⁷ ERA 497–2–644, л. 321, регистрационный лист Эдуарда Рюителя; Сергей Волков. Белое движение в России. Организационная структура. Москва, 2000, с. 64, 91. Эдуард Рюитель окончил ускоренный курс Николаевской Военной академии 30.11.1917 г. вместе с Виктором Муттем, Николаем Резком и Пеэтером Ойнасом. Александр Кавтарадзе. Николаевская военная академия при Временном правительстве. – Военно-исторический журнал, 2002, № 9, с. 40–43.

⁴⁸ См. о Розенбауме: J. Rosenbaum. Näljas, alasti ja rahata; Ohvitserina Vene armees. Polkovnik Jaak Rosenbaumi kirjad vennale (1892–1904, 1906, 1909). Составитель Т. Таннберг. (Uurimusi ja allikmaterjale Eesti sõjaajaloost, 4). Tartu, 2002.

⁴⁹ Андрей Ганин. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. Москва, 2004, с. 173.

⁵⁰ РГВИА 400–9–34916, л. 147 об–148; РГВИА Ф. 409, послужной список 179–985, л. 310–314.

⁵¹ ERA 497–2–643, л. 397, регистрационный лист Пеэтера Ойнаса; ERA 495–7–3755, послужной список Пеэтера Ойнаса (Оллен).

Штабс-капитан Николай Кримп служил в штабе 2-го Средне-Сибирского корпуса: с мая по октябрь 1919 года начальником разведывательного отдела, а затем начальником штаба 5-й Сибирской стрелковой дивизии (октябрь–декабрь 1919). С 17 декабря 1919 года до захвата в плен 1 апреля 1920 года Н. Кримп был начальником штаба Южной армии. После пленения Н. Кримпа мобилизовали в Красную армию, где он служил (в Туркестане) до возвращения в Эстонию.⁵²

Командовавший в годы Первой мировой войны 248-м пехотным Славяно-Сербским полком полковник Пеэтер Раудсепп служил в армии Колчака командиром 45-го Сибирского стрелкового полка. Попав в плен, он был также мобилизован в Красную армию. П. Раудсепп, как П. Ойнас и Н. Кримп, после окончания гражданской войны возвратился в Эстонию.⁵³

Тартуский уроженец капитан Август-Карл Рейнхардт командовал в Сибири 62-м Чердынским стрелковым полком.⁵⁴ Полк входил в состав 16-й Сибирской стрелковой дивизии и 1-го Средне-Сибирского корпуса. А.-К. Рейнхардт со своим полком заметно проявил себя в боях, был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и произведен в полковники.⁵⁵ После гражданской войны А.-К. Рейнхардт вернулся в Эстонию, но, по имеющимся данным, в эстонской армии не служил.

Уроженец Вырумаа полковник Густав Куннос во время гражданской войны руководил отделом в главном управлении во-

енного министерства Колчака. 16 мая 1919 года Г. Куннос был произведен в генерал-майоры, тем самым у него был самый высокий чин среди офицеров-эстонцев в Сибири.⁵⁶ Из служивших в сибирских частях Белой армии кадровых офицеров следует упомянуть также капитана Александра Лыхмуссаара, служившего на Дальнем Востоке в отряде генерал-майора Ивана Калмыкова и в контрразведке в Хабаровске. А. Лыхмуссаар был арестован в 1920 году, данных о его дальнейшей судьбе нет. Известно, что во время гражданской войны А. Лыхмуссаар был связан с Самарским эстонским комитетом и уже тогда искал возможности вернуться на родину.⁵⁷ В белых войсках Сибири сделал карьеру и Александр Лейбург, произведенный во время гражданской войны в чин полковника. А. Лейбург родился в России (родители были из Таллинна), окончил Одесское военное училище (1913) и, возможно, во время гражданской войны прошел также ускоренный курс Николаевской военной академии. А. Лейбург пытался вернуться в Эстонию, что, вероятно, ему не удалось.⁵⁸ В белых частях на Дальнем Востоке служил также капитан Карл Абель, бывший заместителем начальника авиационной школы Дальнего Востока.⁵⁹

Север России

На Севере России, на Архангельском и Мурманском фронтах, во время гражданской войны служило 3500-4000 офицеров, из них, по данным Сергея Волкова, при-

⁵² ERA 36–2–7215, личное дело Николая Кримпа.

⁵³ ERA 495–7–4615, послужной список Пеэтера Раудсеппа.

⁵⁴ ERA 43–1–98, л. 18, список эстонцев Дальнего Востока. Личные данные Августа-Карла Рейнхардта.

⁵⁵ Выданные в Сибири Колчаком Георгиевские награды не признавались белыми частями в других регионах России, так как в статуте ордена Святого Георгия и Георгиевского Оружия 1913 г. было сказано, что ими награждаются только за борьбу с внешним врагом.

⁵⁶ Е. Волков, Н. Егоров, И. Купцов. Белые генералы Восточного фронта, с. 125; ERA 495–7–2274, послужной список Густава Кунноса.

⁵⁷ ERA 33–2–3764, письмо представителя Эстонской Республики во Владивостоке др. Ханса Лохка от 10.03.1920 г.

⁵⁸ ERA 43–1–99, л. 11 об.–12, список эстонцев Дальнего Востока. Личные данные Александра Лейбурга.

⁵⁹ ERA 495–7–23, послужной список Карла Абеля; ERA 43–1–99, л. 133, список эстонцев Дальнего Востока. Личные данные Карла Абеля.

мерно 500 погибли, 1500 попали в плен, а остальные эмигрировали.⁶⁰ На Севере служили в основном молодые офицеры, зачастую – уроженцы здешних мест. Старых кадровых офицеров было мало. Как и повсюду в России, многие старшие по возрасту офицеры занимали выжидательную позицию. Часть старших офицеров присоединилась к армии Колчака, считая фронт на Севере малозначимым.⁶¹ Большую роль в Белом движении на Севере России играла руководимая капитаном 2-го ранга Георгием Чаплиным тайная организация, в которую входили около пятисот человек. В состав белых частей Севера России входил созданный при поддержке англичан Славяно-Британский Союзнический легион. Служившие в нем русские офицеры формально находились на британской службе, носили британскую форму, а на фуражке – российскую кокарду. В то же время они не имели права продолжить службу в британской армии, а их чины были условными. Среди выпускников английской офицерской школы в Архангельске были и эстонцы (Вальтер Пинт, Владимир Кристман и др.). На Севере России действовала также одна рота Французского иностранного легиона, в которой половина рядовых были бывшими российскими офицерами. При помощи англичан на Север России доставили также группу бывших офицеров гетманской армии, среди которых встречались и эстонцы. По приблизительным оценкам, во время гражданской войны в районе Мурманска и Архангельска служили, по меньшей мере, 60 офицеров-эстонцев – примерно половину из них составляли морские офицеры. В основном, это были офицеры военного времени, но было среди них и несколько кадровых офицеров.

Некоторым офицерам, в условиях избытка младших офицерских чинов, приходилось служить рядовыми и унтер-офицерами. Так, поручик Владимир Кристман значился солдатом Славяно-Британского легиона, поручики Карл Метти и Йохан Туулинг – капралами.⁶²

Большинству служивших на Севере России эстонских офицеров удалось в течение 1919 года вернуться в Эстонию. В феврале того же года эстонский военный представитель поручик Август Шмидт писал, что в Эстонию отправлено 20 офицеров.⁶³ Многие служившие на Севере России эстонские офицеры успели принять участие в Освободительной войне и даже заслужить Крест Свободы, как, например, создатель эстонской гидрографической службы подполковник Яков Прей или командир батареи 2-го артиллерийского полка Карл Коол.

Однако не все офицеры-эстонцы попали с Севера России на родину. 3 сентября 1919 года Яан Соотс докладывал военному министру: «На Севере России еще многие офицеры-эстонцы служат в российских военных частях. Среди них есть специалисты, в которых мы особенно нуждаемся. Наш связной офицер в Архангельске просил их освободить и отправить на родину, но тамошние военные власти не дают на это разрешения».⁶⁴ Судьба уроженца Тарту штабс-капитана Йозепа Парминга (в Белой армии получил чин подполковника) сложилась трагически. Я. Парминг командовал партизанским отрядом, сформированным из жителей рыбацкой деревни Тарасово, но попал в плен к большевикам и был казнен. По словам Эдуарда Гроссшмита, Я. Парминга выдали врагу его собственные бойцы.⁶⁵

⁶⁰ С. Волков. Трагедия Русского офицерства, с. 218.

⁶¹ Там же, с. 209.

⁶² ERA 495–7–3256, послужной список Карла Метта; ERA 395–7–6249. послужной список Юхана Туулинга.

⁶³ ERA 495–10–65, л. 84, письмо Августа Шмидта Яану Соотсу.

⁶⁴ ERA 495–10–65, л. 103, письмо Яана Соотса военному министру.

⁶⁵ Eduard Grossschmidt. Suures heitluses. Tartu, 1937, с. 349–351.

Юг России и Кавказ

В белых частях на Юге России во время гражданской войны служило больше всего офицеров. Именно здесь воевали знаменитые офицерские ударные части. По данным С. Волкова, в Белой армии на Юге России служило около 115 000 офицеров, из них 35–40 тысяч погибли, до 45 000 эмигрировали. Остальные – примерно 30 000 офицеров – остались в Советской России.

На Юге России в белых частях служило по меньшей мере 200 офицеров-эстонцев. В это число входят и офицеры украинской армии: их было несколько десятков, часть из них присоединились к Деникину, часть была интернирована в Польшу. Некоторые офицеры, как, например, служивший в 3-й Радзивилловской пограничной бригаде полковник Зигфрид Пиндинг, во время гражданской войны добрались до Эстонии.⁶⁶

На Юге России находилось большинство служивших во время гражданской войны в Белой армии эстонских кадровых офицеров. Из-за избытка офицеров многие из них были вынуждены служить рядовыми или унтер-офицерами. Капитан Карл Мутсо, командовавший во время Первой мировой войны батареей полевой артиллерии, вначале был рядовым, а затем командиром орудия.⁶⁷ Нет сомнений в том, что в Освободительной войне офицер с опытом К. Мутсо был бы, по меньшей мере, командиром батареи, а, вероятнее, даже командиром дивизии или полка.

В украинской армии и в вооруженных силах на Юге России, как и в Сибири, многие офицеры-эстонцы занимали высокие посты. Подполковник генерального шта-

ба Александер Парв с октября по декабрь 1919 года был начальником Мариупольского гарнизона, а затем начальником штаба 2-й Кубанской пластунской бригады. Летом 1920 года А. Парв был помощником начальника штаба кавалерийского корпуса в армии генерала Врангеля.⁶⁸ Подполковник генштаба Юхан Тырванд служил в штабе армии Деникина офицером по особым поручениям. Полковник генштаба Артур Зальф (родом из Вернора, Вырумаа) занимал высокие посты в украинской армии, а затем служил в армии Деникина.

По меньшей мере, трое эстонцев командовали полками во время гражданской войны на Юге России. Командиром Кавказского сводного гренадерского полка был полковник Густав Пилберг, последний командир одного из старейших в царской армии 13-го Лейб-гренадерского Эриванского полка.⁶⁹ Полками командовали также подполковник Август Парсман (получивший чин генерал-майора) и капитан (полковник?) Николай Рудсон. Парсман умер в начале октября 1919 года от полученных в бою ранений. Н. Рудсон эвакуировался в Стамбул, откуда пытался уехать на родину.⁷⁰

Из служивших на Юге России эстонских офицеров стоит отметить штабс-капитана Альфреда Сонги, бывшего летом 1919 года начальником Армавирского артиллерийского училища. В этом училище изучали орудия, полученные в рамках союзнической британской и французской помощи. Офицеры-эстонцы служили также в элитных подразделениях Добровольческой армии. В Дроздовской дивизии служили штабс-капитан Йохан Кульюз, поручик Фердинанд-Вольдемар Коха, прапорщик Эдуард Таубаум и многие другие. Во 2-ом

⁶⁶ ERA 497–2–1113, л. 7, список офицеров и чиновников, вступивших в Эстонскую армию во время Освободительной войны.

⁶⁷ Константин Гец. Два виленца-собрата. – На страже Отечество. Сан Франсиско, 1964, с. 380.

⁶⁸ ERAF 130–9639E, л. 51, личное дело Александра Парве.

⁶⁹ Сергей Волков. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. Москва, 2002, с. 427.

⁷⁰ ERA 45–1–3, л. 106–107, документы, касающиеся Николая Рудсона.

Корниловском ударном полку служил поручик Эуген Вихма (помощником командира полка), во 2-ом Офицерском генерала Маркова полку служили подпоручик Александер Тольтс и прапорщик Александер Мельдер, в Партизанском генерала Алексеева полку – штабс-капитан Йохан Вельбаум. На бронепоезде «Генерал Алексеев» воевал штабс-капитан Мартин Гроссбергер, в 1-ом Симферопольском офицерском полку – штабс-капитан Владимир Адамсон, поручик Арвед Йогансон и прапорщик Александер Палло. Встречались эстонские офицеры и в казачьих частях ВСЮР: поручик Владимир Адерс во 2-й Терской пластунской бригаде, прапорщики Пеэтер Тийрик и Бернхард Хансон в Донских казачьих полках и многие другие.

Прибалтика

Вопрос о формировании русских белых частей в Прибалтике встал в повестку дня уже в мае 1918 года. Все лето шли переговоры с германским командованием, которые с российской стороны вел остзейский немец ротмистр Вольдемар фон Розенберг. 10 октября 1918 года разрешение было, наконец, получено, и сразу были открыты бюро вербовки добровольцев. В Эстонии, кроме Таллина, бюро были открыты в городах Тарту, Нарва и Валга. Уже 20 ноября 1918 года в корпус набрали более 4000 человек, из них около 20% составляли офицеры.⁷¹ Среди них могло быть и до нескольких десятков офицеров-эстонцев. Сведения о планировавшемся вторжении Красной армии в Эстонии были получены довольно поздно, а мобилизация была объявлена еще позднее, поэтому не удивительно, что еще за несколько недель до начала Освободительной войны эстонские офицеры отправлялись во Псков и писали ра-

порта о вступлении в Северный корпус.

Следует признать, что большая часть вступивших в Северный корпус эстонских офицеров во время Освободительной войны перешла в эстонскую армию. Многие сделали это своевольно. Например, в июне 1919 года «на свой страх и риск» в эстонскую армию перешел бывший офицер Георгиевского полка Юго-Западной армии прапорщик Рудольф Микк. В период Освободительной войны он был командиром 3-й десантной роты бронепоезда, а в конце войны – командиром 10-й роты Куперьяновского партизанского полка.⁷² Часть поступивших в Северный корпус офицеров осталась служить у белых. Штабс-капитан Рихард Юргенс-Юриссон служил в этапно-хозяйственном отделе штаба Юго-Западной армии, штабс-капитан Вольдемар Пихельбаум был командиром батальона 18-го Рижского полка, штабс-капитан Пауль Тенно – командиром 2-го отдельного дивизиона легкой артиллерии и т.д. Вступивший в Северный корпус в октябре 1918 года капитан Александер Тамм вскоре ушел из корпуса, но не в Эстонию, а в русские воинские части в Польшу. Там он служил до конца войны, командуя, в том числе, батальоном 3-го Вознесенского полка. Поздней осенью 1919 года в Юго-Западной армии служило еще, по меньшей мере, два десятка офицеров-эстонцев.⁷³ В общей сложности, за время гражданской войны через Северный корпус и сформированные на его базе Юго-Западную армию, Западную армию и отряд Булак-Балаховича могли «пройти» до ста офицеров-эстонцев.

Самым именитым эстонским офицером в Юго-Западной армии был полковник Федор Георг. Сначала полковник Ф. Георг был командиром 1-й бригады Русского добровольческого отряда. Позже Ф. Георг служил помощником начальника 1-й стрелковой дивизии. За бои под

⁷¹ С. Волков. Трагедия Русского офицерства, с. 221.

⁷² ERA 542–1–93, л. 59–60 об., послужной список Рудольфа Микка.

⁷³ РГВА 40298–1–67, список офицеров Северо-Западной армии (осень 1919 г.).

Гатчиной Ф. Георг произведен в чин генерал-майора, его наградили также мечами к заслуженному на Первой мировой войне ордену Св. Владимира 3-й степени.⁷⁴ Командовавший во время Первой мировой войны бригадой 1-й Финляндской стрелковой дивизии генерал-майор Александер-Хейнрих Зильберг служил в управлении тыла Юго-Западной армии.⁷⁵ Оба генерала после ликвидации армии вернулись в Эстонию. Подполковник Эдуард Канеп в июне–июле 1919 года короткое время командовал 17-м Либавским полком.⁷⁶ Полк входил в то время в состав отряда Светлейшего князя Анатолия Ливена.⁷⁷

Офицеры-эстонцы в Красной армии

В период гражданской войны, по разным источникам, в Красной армии или на других советских службах служили 250 офицеров-эстонцев, или менее 1/10 всех эстонских офицеров. Большинство из них были произведены в офицеры во время войны, кадровых офицеров было 27 человек.

Из этих 250 многие раньше служили в Белой армии, а после пленения были мобилизованы в Красную армию. Таким же образом часть служивших в Красной армии эстонцев перешла на сторону противника. Только в эстонскую армию во время Освободительной войны перешли из Красной армии около дюжины эстонцев.⁷⁸ Капитан Карл Тийтсо даже успел заслужить Крест Свободы. Таким образом, можно сказать, что доля сражавшихся против большевиков офицеров-эстонцев значительно превышала, в процентном соотношении, средний показатель по русскому офицерству.

Среди эстонцев самое высокое положение в Красной армии занимал капитан генерального штаба Август Корк, который, в частности, занимал должности начальника штаба Эстляндской армии, воевавшей против эстонских войск на Южном фронте, и командующего 15-й армии. В штабах армий служили и другие кадровые офицеры: поручик Фердинанд Йыги был начальником разведотдела 9-й армии (9-я армия воевала на Южном фронте против армии Деникина), капитан генштаба Александер Медель служил в оперативном отделе Южного фронта, позже – в штабе 14-й армии.⁷⁹

Командовавший во время Первой мировой войны батальоном капитан Василий Кюлаотс во время гражданской войны был начальником штаба 9-й кавалерийской дивизии Красной армии. Дивизия входила в состав 12-й армии, воевавшей на Украине с петлюровцами. В октябре 1919 года дивизия, понесшая большие потери в боях, была расформирована.

Кроме А. Корка командирами отдельных частей Красной армии были во время гражданской войны еще, по меньшей мере, пятеро эстонцев. Генерал-майор Яан Лепик с октября 1918 года по июнь 1919 года являлся командиром 5-й Витебской стрелковой дивизии на Восточном фронте. Штабс-капитан Йоханнес Раудметс служил командиром 156-го и 157-го стрелковых полков, затем командовал бригадой 18-й стрелковой дивизии, наконец, был командиром 52-й и 15-й стрелковых дивизий на Южном фронте. Из известных эстонских красных командиров следует назвать еще командиров эстонской красной стрелковой дивизии (бригады) Леонхарда

⁷⁴ ERAF 129SM–1–534. личное дело Федора Георга; Николай Рутыч. Белый фронт генерала Юденича. Москва, 2002, с. 183–186.

⁷⁵ ERA 495–7–5310, послужной список Александра Зильберга.

⁷⁶ Сергей Волков. Белое движение в России. Организационная структура. Москва, 2000, с. 110.

⁷⁷ Полк формировался в январе 1919 года в Либаве на базе солдат и офицеров русской 2-й армии, попавших в плен в Восточной Пруссии в августе 1914 года.

⁷⁸ ERA 497–2–1113, л. 7–7 об., список офицеров и чиновников, вступивших в Эстонскую армию во время Освободительной войны.

⁷⁹ РГВА 200–3–1141, л. 202.

Рита (в мае 1919 года под Псковом перешел на сторону эстонских войск), Якова Палвадре, а также последнего командира квартировавшегося до войны в Таллинне 91-го пехотного Двинского полка Фридриха Сикка, который во время гражданской войны служил в Красной армии командиром 623-го стрелкового полка и командовал сухопутными частями морской крепости Кронштадта.

Большая часть офицеров-эстонцев служила в Красной армии не на фронте, а в тылу: на железной дороге, военных заводах и складах, а также инструкторами на различных курсах красных командиров. Из кадровых офицеров, например, штабс-капитан Александер Кулдвере (Инно) был начальником пехотного училища в Петрограде, интендантами служили подполковник Яан Керманн, капитан Константин Ней и полковник Пеэтер Рaudсепп. Штабс-капитан Йохан Коритц в 1918 году недолго служил в железнодорожной части.

Многие офицеры оказались в Красной армии в силу того, что после прихода к власти большевиков просто остались на прежнем месте службы. Например, полковник Артур Вёрманн продолжил службу в главном артиллерийском управлении, где служил с 1911 года. Полковник Иван Сарнит (Саарнийт?) продолжал служить в Рязанской губернии и т. д.

Многие служившие в Красной армии офицеры-эстонцы во время гражданской войны перешли на сторону белых. В эстонской истории хорошо известен факт перехода командира Эстонской красной стрелковой дивизии Леонхарда Рита в мае 1919 года под Псковом. Гораздо меньше знают о переходе на сторону противника начальника штаба 55-й стрелковой дивизии Красной армии подполковника генштаба Антона Лауритса. Этот переход также имел

серьезные последствия. Если переход Л. Рита, А. Айтса и других помог эстонским войскам захватить Псков, то переход А. Лауритса привел к разгрому 55-й стрелковой дивизии войсками Деникина. В ходе операции белым удалось захватить в плен штаб 55-й стрелковой дивизии во главе с командиром дивизии, бывшим генерал-майором Александром Станкевичем.⁸⁰ Происходящий из Тыстамаа, но родившийся в России подполковник генштаба А. Лауритс окончил в Москве Алексеевское военное училище (1907) и Николаевскую академию генерального штаба (лето 1914 года). Во время Первой мировой войны служил в штабах 4-й Сибирской стрелковой дивизии и 12-й армии. Во время гражданской войны в России А. Лауритса мобилизовали в РККА, до назначения начальником штаба 55-й стрелковой дивизии он служил в штабе Орловского военного округа. Позже А. Лауритс служил у Деникина, а по окончании гражданской войны возвратился в Эстонию.⁸¹

В заключение попытаемся оценить ресурс воевавших на фронтах гражданской войны офицеров-эстонцев с точки зрения Освободительной войны. Эстонская армия во время Освободительной войны не испытывала недостатка в командирах батальонов, рот и отрядов. Национальные части собрали на родине достаточно большое число молодых пехотных офицеров. В то же время, в период Освободительной войны ощущалась явная нехватка опытных офицеров генштаба и офицеров т. н. технических специальностей.

При благоприятном стечении обстоятельств во время Освободительной войны в эстонской армии могло бы быть еще два-три или больше офицеров генштаба и, возможно, с дюжину опытных командиров батарей. Но ситуация могла

⁸⁰ А. Станкевича повесили. Позже его прах был захоронен на Красной площади у Кремлевской стены, посмертно был награжден орденом Красного Знамени.

⁸¹ ERA 14–14–256, л. 6, дело о гражданстве Антона Лауритса; ERA 495–13–23, л. 1237, описание службы Антона Лауритса; РГВИА Ф. 409, оп. 1, послужной список 179–985, послужной список Антона Лауритса.

сложиться и хуже. Каким стал бы исход Освободительной войны, если бы не национальные воинские части или если бы на родину не вернулись, например, подполковник генштаба Иохан Лайдонер и капитан генштаба Николай Резк? Если бы подполковник генштаба Яан Соотс вовремя не вышел из Быховской тюрьмы или Пауль-Адольф Лилль, также выпускник академии генштаба, за несколько дней до начала Освободительной войны не вернулся из немецкого плена? Какой была бы тогда Освободительная война? Можно предположить, что без национальных частей и руководства офицеров генштаба сопротивление могло бы пойти так, как во многих районах России – отдельные очаги сопротивления, отдельные добровольческие отряды, деятельность которых координировалась плохо или вообще не координировалась.

Можно сделать вывод, что национальные воинские части собрали к началу 1918 года на родине большую часть офицеров-эстонцев, и почти все они тем или иным образом приняли участие в Освободительной войне. Хотя среди участвовавших в гражданской войне в России примерно 800 офицеров-эстонцев были как специалисты с высшим военным образованием, так и опытные строевые офицеры (среди них наверняка были и сторонники национальной идеи), их отсутствие не стало определяющим для исхода Освободительной войны.

Мати Крээнстрём

(1965)

Доктор исторических наук (2009).

Область исследований: Освободительная война Эстонии и офицеры-эстонцы в российской армии.

Генерал-майор Й. Лайдонер и полковник С. Булак-Балахович в Пскове 31 мая 1919 г. EFA A-287-179

Северо-Западная армия покидает Нарву. EFA 4-2616

Генерал-майор Станислав Булак-Балахович. EFA 4-2721

Начальник штаба 1-го корпуса Северо-Западной армии штабс-ротмистр Видякин и комендант Аксаков. 1919 г.
EFA 3-1226

Три перелома во внутренней политике Эстонии (1918–1934)

Аго Паюр

Как правило, время становления Эстонской Республики (1918–1940 гг.) подразделяется на два периода, границей между которыми является государственный переворот 12 марта 1934 г. Из этого вытекает, что внутренняя политика в контексте т. н. парламентской демократии (1918–1934 гг.) носила довольно статичный характер. В общем, так оно и было, но все же при ближайшем рассмотрении первого периода ясно обнаруживаются три переломных момента, которые повлекли за собой значительные перемены в осуществлявшемся до этого политическом курсе.

Перелом первый: Конституция 1920 года

Первым переломом следует считать принятие Конституции Эстонской Республики 1920 г. Прежде всего потому, что этот документ законодательно утверждал государственный статус республики, которая существовала уже около трех лет, однако образ государственного правления которой не был еще легитимно зафиксирован. Кроме того, есть основание говорить о переломе и по той причине, что устанавливаемый новой Конституцией государственный строй существенно отличался от действующего временного образа правления.

Практическое строительство эстонской государственности началось сразу же после завершения немецкой оккупации:

11 ноября 1918 г. развернуло деятельность Временное правительство, 20 ноября возобновил работу Земский совет (Maanõukogu), а 27 ноября состоялись выборы нового состава правительства. Одновременно было решено прекратить полномочия Земского совета, а будущее Эстонии должно было стать заботой Учредительного собрания (Asutav Kogu). Также была назначена точная дата выборов в Учредительное собрание (1–3 февраля 1919 г.) и назначен день его первого заседания (20 февраля 1919 г.).¹

До созыва Учредительного собрания вся полнота власти сосредоточилась в руках Временного правительства, так как законами от 24 и 27 ноября, принятыми Земским советом, правительству давались чрезвычайные полномочия. У него было право вводить необходимые для руководства республикой законы и постановления, заключать международные договоры, осуществлять внутренние и внешние государственные займы, принимать на себя государственные обязательства и т.д.² Таким образом, в компетенции правительства оказались как законодательные, так и исполнительные функции для осуществления власти, а Земский совет, при этом, отказался от контроля над деятельностью правительства.

Правительство усердно использовало полученные полномочия, издавая законы и поручая выполнять властные функции на местах чиновникам с чрезвычайными полномочиями – уездным комиссарам.

¹ Eesti ajalugu, VI. Vabadussõjast taasiseseisvumiseni. Главный редактор С. Вахтре. Tartu, 2005, с. 47.

² Riigi Teataja (RT). 1918, № 3, с. 9; № 4, с. 4–5.

Несомненно, что подобная практика управления была в условиях Освободительной войны просто неизбежной, но все же такая неконтролируемая деятельность правительства у некоторых политиков вызвала оправданное беспокойство. Особенно после того, как 27 декабря в связи с угрожающим положением на линии фронта Земский совет отложил выборы в Учредительное собрание на неопределенный срок.³ В связи с этим чрезвычайные полномочия Временного правительства, предоставленные на короткий период (т. е. до начала работы Учредительного собрания), превратились в бессрочные.

Поскольку недовольство усиливалось, и поток всевозможных жалоб, поступающих в Совет старейшин Земского совета, постоянно возрастал, было созвано экстренное совещание Земского совета. На заседании, состоявшемся 1 февраля 1919 г., были подвергнуты резкой критике самоуправство правительственных чиновников, вмешательство военных в жизнь гражданского населения, ограничение прав самоуправлений и излишне суровая карательная политика. Были рассмотрены требования урезать права правительства, ликвидировать должность уездных комиссаров, регламентировать действия военных властей на местах и изменить уставы военно-полевых судов. Так как прозвучавшая в Земском совете критика свидетельствовала о дефиците доверия, правительство и главнокомандующий подали прошения об отставке. Но все же в результате проведенного голосования о доверии правительство получило поддержку большинства, а переформированию подверглось выступившее с критикой правление Земского совета.⁴ Взвешивание шагов правительства в Земском совете, подача заявлений об отставке, а также

голосование, прекратившее кризис, однозначно свидетельствовали, что перед выборами в Учредительное собрание в Эстонии руководствовались, по крайней мере, одним из принципов парламентаризма – политической ответственностью правящего кабинета перед парламентом. Судить об осуществлении второго принципа – разделении власти – гораздо сложнее. С одной стороны, этот принцип как бы не нашел применения, поскольку вся полнота власти (в том числе и законодательная) была доверена правительству, но, с другой стороны, – это было лишь временное решение вопроса, так как все важнейшие правительственные постановления впоследствии подлежали утверждению в Учредительном собрании.

Одной из насущнейших задач Учредительного собрания, собравшегося на первое заседание 23 апреля 1919 г., была выработка конституции. Поскольку речь шла о долговременном проекте, было решено до принятия основного закона ввести в действие временный порядок управления республикой, который был принят 4 июня.⁵ С претворением в жизнь этой т. н. Временной конституции были отвергнуты основные принципы парламентаризма.

На первый взгляд кажется, что мы всё-таки имеем дело с парламентаризмом. На это указывает, прежде всего, зафиксированный в конституции принцип разделения ветвей власти: законодательная находилась в руках Учредительного собрания, право осуществления исполнительной власти было делегировано правительству, а высшая судебная власть принадлежала Государственному суду. Однако при этом парламент занимал доминирующую позицию. Его полномочия были необычайно расширены. Во-первых, Учредительное собрание исполняло обычные функции

³ Mati Graf. Eesti rahvusriik. Ideed ja lahendused: ärkamisajast Eesti Vabariigi sünnini. Tallinn, 1993, с. 265–267.

⁴ Eesti Vabariigi valitsemise ajutine kord. – Eesti Vabariigi sisepoliitika 1918–1920. Dokumentide kogumik. (Ad fontes, 5). Tallinn, 1999. с. 200–204; M. Graf. Eesti rahvusriik, с. 268–269.

⁵ RT. 1919, № 44, с. 345–347.

парламента, осуществляя законодательную власть: принимало законы, составляло государственный бюджет, утверждало международные договоры, принимало решения касательно войны и мира, избирало членов правительства, Государственного суда и Государственного контроля и т. д. Во-вторых, оно решало специфические задачи, присущие только парламентам типа Учредительного собрания: разрабатывало конституцию и принципы земельной реформы, а также утверждало основы других преобразований фундаментального характера. В-третьих, Учредительное собрание контролировало деятельность правительства, давало ему задания и инструкции. Таким образом, если в ноябре 1918 г. исполнительная и законодательная власть была в руках правительства, а Земский совет остался в роли наблюдателя, то в июне 1919 г. все кардинально развернулось в противоположную сторону: в руках Учредительного собрания сосредоточилась помимо законодательной также и исполнительная власть. Несмотря на то, что исполнительная власть была делегирована правительству, оно не могло воспользоваться ей самостоятельно, а лишь «по поручению и под надзором Учредительного собрания», т. е. деятельность правительства, по существу, ограничивалась исполнением законов и распоряжений Учредительного собрания. При этом последнее не только контролировало правительство, но и давало ему конкретные указания и инструкции. О разделении властей не было даже речи, фактически правительство превратилось в одну из комиссий Учредительного собрания.

Принцип политической ответственности также не действовал, потому что вместо правительства министров-политиков, планировалось создать т. н. кабинет чиновников, состоящий из беспартийных специалистов. Учредительное собрание

вырабатывало общеполитический курс для политически нейтрального кабинета, ставя перед ним конкретные задачи с уже готовыми инструкциями по их выполнению. Мало того, кабинет предполагалось утверждать сроком на один год. Естественно, что в подобном правительстве вопрос о политической ответственности даже и не мог подниматься.⁶

Задним числом ясно, что временный порядок управления республикой был отклонением в истории развития эстонской государственности. Значительно труднее объяснить причины этого отклонения. Обычно это связывают с доминированием в Учредительном собрании левых, а также с желанием законодателей особо возвысить роль Учредительного собрания. Существуют также утверждения, что Временная конституция была призвана дать Учредительному собранию только лишь законные основания для осуществления исключительной власти, а вот решения о том, как и в какой мере использовать эту возможность, должно было принять само Учредительное собрание.⁷

В повседневную практику новый порядок правления внедрен не был. Еще до принятия временной конституции Учредительное собрание назначило правительство республики, состоявшее не из специалистов, а из политиков. Правительство опиралось на коалицию (ЭСДРП,⁸ Партия труда, Народная партия), имевшую в парламенте абсолютное большинство. Об утверждении кабинета на год речи не шло, так как было понятно, что правительство действует до тех пор, пока ему доверяет Учредительное собрание. Таким образом, Учредительное собрание предпочло вполне обычное правительство, которое несло перед парламентом политическую ответственность.

Учредительное собрание отказалось также от непосредственного руководства

⁶ Artur Mägi. Kuidas valitseti Eestis. – Iseseisvuslaste Kirjavara, 4. Stockholm, 1951, с. 20.

⁷ Eesti Vabariigi sise poliitika 1918–1920, с. 34–35.

⁸ ЭСДРП – Эстонская социал-демократическая рабочая партия.

правительством. Более того, оно продолжило практику Земского совета, передав ему некоторые функции самого парламента, особенно в области текущего законодательства. В большой степени это было связано с военным положением, которое требовало большей свободы в действиях исполнительной власти. Не последним аргументом был и тот факт, то у Учредительного собрания, которое было занято подготовкой основополагающих реформ, просто не оставалось времени и сил для повседневного руководства государством. Этот недостаток сил и времени пытались компенсировать образованием законодательной комиссии, но прямого контроля над деятельностью правительства таким образом установить не удалось.⁹

4 июня 1919 г. избранная конституционная комиссия начала свою работу с обсуждения принципиальных вопросов. Почти единодушно пришли к выводу, что для Эстонии не годится ни президентская, ни парламентская система. В отношении первой были высказаны опасения, что независимая исполнительная власть может приобрести излишне широкую свободу действий и узурпировать власть, а относительно второй высказывались сомнения в возможности создать достаточно надежный механизм контроля над парламентом. В связи с этим было предложено и далее оставить за парламентом доминирующее положение, а также расширить участие народа в руководстве государством.¹⁰

Подготовленный в октябре 1919 г. первоначальный проект конституции¹¹ отражал убеждения большинства комиссии. В проекте говорилось о беспартийном правительстве (с двухлетним сроком полномочий), подчеркивалось право парламента контролировать деятельность правительства и его отдельных членов, а также были изложены механизмы, которые позволяли привлекать

народ к управлению государством. Среди этих механизмов, наряду с общепринятым избирательным правом, большое внимание уделялось широкому внедрению народной инициативы и референдумов. В порядке народной инициативы граждане получили право представлять предложения по поводу принятия, изменения и отмены различных законов. Все поступавшие в порядке народной инициативы предложения следовало ставить на референдум, и его результат был окончательным. На народное голосование выносились также проекты и предложения, не набравшие большинства голосов в парламенте. О придании особой роли народной инициативе свидетельствует тот факт, что референдумы следовало проводить не реже одного раза в год (на голосование можно было ставить несколько проектов сразу), а в промежуточные периоды их можно было проводить еще и в экстренном порядке. К компетенции всенародного голосования относился также роспуск парламента и объявление досрочных выборов. По содержанию внедрение первого проекта конституции предполагало замену обычной представительной демократии **демократией участия**.

Однако конституционная комиссия неожиданно отказалась от первоначальных замыслов в отношении как беспартийного правительства и правящего парламента, так и **демократии участия**. Поворотным пунктом стало то, что члены комиссии ознакомились с содержанием самых передовых конституций того времени – летом 1919 г. были приняты конституции Финляндии и Германии, которые исходили из парламентских принципов.¹² Таким образом, считавшийся прежде неприемлемым для Эстонии парламентаризм получил и здесь право на жизнь.

Однако, тут сразу же возникал вопрос, как достичь баланса властей? Поскольку

⁹ A. Mägi. Kuidas valitseti Eestis, с. 25–26.

¹⁰ Eesti Vabariigi sisepoliitika 1918–1920, с. 44–46.

¹¹ ERA 15–2–414, л. 136–140.

¹² A. Mägi. Kuidas valitseti Eestis, с. 29.

поддержание равновесия между парламентом и правительством чаще всего обеспечивает институт главы государства (президента), то в декабре 1919 г. в исправленный проект конституции была внесена новая статья о должности президента. В рамках создаваемого уравновешивающего механизма новый проект давал президенту право суспензивного вето, роспуска парламента и объявления досрочных выборов.

В начале 1920 г. казалось, что самые трудные проблемы благополучно разрешены и путь к приему конституции открыт. Но это было не совсем так, поскольку за пределами конституционной комиссии слухи о должности президента накалили обстановку. До широкой общественности эту информацию доносила партийная пресса. По требованию левых вопрос был вынесен на пленарное заседание Учредительного собрания 18 февраля 1920 г. Поскольку было признано, сто совещание носит частный характер, происходившее на нем не было точно зафиксировано, однако хорошо известно итоговое решение: положения об институте президента из проекта были исключены, а президентские полномочия были поделены между парламентом, правительством и государственным старейшиной, а функции уравновешивающего фактора должен был выполнять народ. Впоследствии стали высказывать мнение, что причиной отказа от института президента было опасение левых сил, что в руках одного лица может сосредоточиться слишком большая власть.¹³

Учредительное собрание приняло конституцию 15 июня 1920 г., и она вступила в силу в этом же году 21 декабря. В части государственного управления в конституции попытались синтезировать две различные, а в некоторых пунктах и прямо

противоположные системы: из, так называемой, швейцарской системы вытекали непосредственный контроль народа над парламентом и непомерно большая роль референдумов в политической жизни; из парламентской системы были взяты принципы разделения власти и политической ответственности правительства перед парламентом. В то же время обе эти системы в тексте конституции проступают в размытом виде. Суть парламентаризма изменял и тот факт, что полностью независимо действовала только судебная система, в то время как исполнительная власть очень сильно зависела от законодательной, а кроме того, отсутствовал фактор равновесия между правительством и парламентом. Идею народного правительства серьезно ослабляло то, что права референдума и народной инициативы были все же ограничены: во-первых, эти права не распространялись на все законы (исключение составляли законы, касавшиеся государственного бюджета, займов, налогов, международных договоров, объявления войн, мобилизации и военного положения), а, во-вторых, отказались от очередных (ежегодных) всенародных голосований и референдумы были провозглашены экстренной мерой.

По мнению Рейна Маранди, такая смешанная система была «весьма проблематичным решением», так как «с логико-правовой точки зрения эти две системы едва ли можно было совместить в единое целое, и в естественной государственной жизни они не смогли бы сосуществовать».¹⁴ Подобную позицию разделяют и ряд позднейших исследователей, находя, что для успешного ввода в действие конституции 1920 г. был необходим высокий моральный и этический уровень не только всего народа, но и политиков, партий, правительства и парламента. Однако этот уровень не был

¹³ Там же, с. 30–32; Mati Graf. Parteid Eesti Vabariigis 1918–1934 koos eellooga 1905–1917 ja järellooga 1934–1940. Tallinn, 2000, с. 292–295.

¹⁴ Rein Marandi. Riigivõimude tasakaalu otsingul. Põhiseaduse parandamise püüdlused Eestis 1929–1933. – Valitud artikleid Eesti riigist ja poliitikast. Tallinn, 2007, с. 20.

в Эстонии выше, чем в других странах того времени, скорее – учитывая отсутствие демократических традиций в Эстонии – даже более низкий. В связи с этим большинство историков сомневаются в жизнеспособности подобного «взвешенного парламентаризма». Разумеется, эти сомнения не беспочвенны, но, тем не менее, следует напомнить, что в 1921–1932 гг. Конституция Эстонской Республики действовала успешно.

Итак, принятие и ввод в действие Конституции 1920 г. является переломной вехой, прежде всего, в юридическом смысле. В то же время это означало замену до сих пор действовавших нерегламентированных и временных основ постоянными, на базе которых Эстония могла продолжать строительство своей государственности.

Перелом второй: попытка коммунистического путча

В начале 1920-х гг. перед Эстонией стояли три основные внутривнутриполитические проблемы: опасность коммунистического переворота, отношение народа к государственной самостоятельности, а также политическая нестабильность.¹⁵ Переломным моментом при разрешении этих проблем стал путч 1 декабря 1924 г. Конечно, нельзя переоценивать значение мятежа – сама по себе попытка государственного переворота не имела сколько-нибудь заметного значения. Скорее в попытке путча можно усмотреть толчок, давший импульс направлению развития внутренней политики государства, которое рано или поздно само по себе стало бы господствующим.

Непосредственное влияние мятеж оказал только на первую из упомянутых проблем – опасность коммунистического переворота. Хорошо известно, что 1

декабря обернулось для КПЭ самоуничтожением. Очень многие коммунисты-активисты были арестованы, часть из них погибла, другая часть, среди них и партийная верхушка, бежала в Советский Союз и более не могла вернуться в Эстонию. В течение последующих полутора десятка лет в Эстонии насчитывалось только 300 коммунистов, причем большинство из них в тюрьмах. Остатками разрушенного движения остались руководить молодые люди без связей, без опыта и авторитета, которые были не в состоянии предпринять что-либо серьезное. Попавшие под влияние коммунистов политические группировки, профсоюзы, рабочие организации и т. д. должны были либо пересмотреть свои прежние взгляды, либо закрыться. Но что самое важное, большинство народа отвернулось от коммунистов. Если в начале двадцатых годов коммунисты добились заметных успехов на выборах как в Государственное собрание, так и в местное самоуправление, то в дальнейшем в представительные органы избирались лишь некоторые прокоммунистически настроенные одиночки.¹⁶

После путча в Эстонии наступило отрезвление общества. Несмотря на предыдущий опыт Освободительной войны, в начале 1920-х гг. оказалось как бы в забвении, что представляет собой культивируемый в Советском Союзе коммунизм, а в некоторых (особенно – в левых) кругах относились к эстонским коммунистам, исполняющим приказы Коминтерна, как к почти нормальным политическим партнерам. Теперь ясно обозначилась идущая с востока серьезная опасность, и в обществе проявилась готовность при необходимости иногда применять для обеспечения государственной безопасности не совсем демократические методы. Яркими свидетельствами поворота в подходе к подполь-

¹⁵ Ago Pajur. Eesti sisepoliitika probleeme 1920–1924. – Kaks algust. Eesti Vabariik – 1920. ja 1990. aastad. (Ad fontes, 3). Tallinn, 1998, с. 95–104.

¹⁶ M. Graf. Parteid Eesti Vabariigis, с. 222–226; Olaf Kuuli. Sotsialistid ja kommunistid Eestis 1917–1991. Tallinn, 1999, с. 41, 46, 50–54.

ным заговорщикам стали как принятый в 1925 г. «Закон о защите государственной безопасности», который разрешал применять за антигосударственную деятельность более строгие, чем действующие до сих пор, меры наказания, так и бурное возрождение Кайтселийта, к которому левые ранее относились весьма прохладно.

Попытка мятежа изменила не только отношение народа к коммунистам, но и дала импульс для изменения всеобщего менталитета. В начале 1920-х гг. ментальность народа была не далеко не всегда благоприятной для государственности. Отношение было, конечно, не прямо отрицательным, но зачастую довольно прохладным, а иногда либо негативистским, либо вообще нигилистическим. По крайней мере, какая-то часть народа безудержно ругала и критиковала эстонское государство, каждый его шаг и предпринимаемые меры. Особенно такое отношение было заметно в кругу оптантов, прибывших из России, и обогатившихся в смутное время войны и революции новых предпринимателей, которые готовы были признать широко в мире распространенный взгляд, что у маленького государства не может быть долгосрочной перспективы развития и жизнеспособности. Они при всяком удобном случае ругали ограниченность Эстонии в политическом, экономическом и культурном плане и втайне тосковали о потерянных широких возможностях, которые имелись в прошлом в лоне Российской империи. Это означало, что все негативное в прошлом было забыто, а силу имели лишь позитивные воспоминания. В то же время не обращалось внимания ни на одно из явных достижений в настоящем Эстонии – все и вся подвергалось острой и беспощадной критике, взамен которой не предлагалось никакой позитивной программы. Подобное отношение исходило, прежде всего, из тогдашней политической культуры и

хрупкости демократических традиций. Уже после мятежа наступило осознание, что свое государство вместе со всем достигнутым далеко не нечто само собой разумеющееся, а требует всесторонней защиты и, в том числе, положительного менталитета. Именно теперь заметно изменяется отношение к государственной самостоятельности, а критика становится более оправданной и конструктивной. Серьезный вклад внесло в этот процесс новое поколение – молодые люди, начавшие свою сознательную жизнь и получившие образование в новых условиях, отдавали свои силы и знания для строительства собственной государственности.¹⁷

Наконец, третья проблема – политическая нестабильность, которая проявлялась в частых сменах правительства и затяжных правительственных кризисах. В действительности положение было далеко не таким уж безнадежным, хотя правительства и в самом деле менялись часто. Так, в период работы Учредительного собрания менее чем за два года у власти побывало 4 правительства, т. е. каждое из них работало около 5 месяцев, и это никак нельзя считать разумным. Зато в период 1921–1924 гг. четыре кабинета министров, в среднем, держались у власти около 12 месяцев. Поскольку более короткие, чем в наши дни, сроки работы правительственных кабинетов в тот период были обычным делом в общемировой практике, то подобное положение дел можно считать нормой.¹⁸

Трудно также согласиться с утверждением, что в происходивших правительственных кризисах виновата не соответствовавшая требованиям конституция. Современники приходили довольно часто к выводу, будто бы именно она давала возможность парламенту занимать исключительную доминирующую позицию и навязывать правительству свою волю, делая его совершенно беспомощным,

¹⁷ Eesti ajalugu, VI, c. 75.

¹⁸ Eesti Vabariik 1918–1940. Ajalooline ülevaade sõnas ja pildis. Сост. Э. Уусталу. Lund, 1968, c. 76.

так как отсутствовал уравновешивающий стороны механизм (глава государства). Если же рассматривать причины отставок кабинетов, действовавших в период 1921–1924 гг., станет ясно, что парламент в момент кризиса не играл никакой роли: два правительства подали в отставку из-за внутрикоалиционных противоречий, одно сдало полномочия в связи с пере-выборами в Государственное собрание и последнее – вследствие чрезвычайного положения как результат декабрьского путча.¹⁹ Скорее в отношении 1920-х гг. можно утверждать, что над парламентом господствовала воля народа. Так, после состоявшегося в феврале 1923 г. референдума по вопросу религиозного обучения в школах, результат которого не совпал с мнением парламента, Государственное собрание I созыва было досрочно распущено.²⁰

Следовательно, нет оснований говорить ни о частой смене правительства в начале 1920-х гг., ни о диктате парламента, ни о недостатках конституции. На самом деле, путь к политической нестабильности крылся, в основном, в многопартийности. Об этом свидетельствуют результаты выборов в парламент. Если на выборах в Учредительное собрание в 1919 г. конкурировали десять избирательных списков, и в парламент прошли представители от 8 партий, то на выборах в Государственное собрание I созыва в 1920 г. списков было уже 18, и избранными оказались представители 10 партий, а в выборах в парламент II созыва в 1923 г. участвовали 26 списков, и в парламенте оказались представители от 14 партий.²¹

Достоин внимания, что списки кандидатов, не получивших достаточное число голосов на выборах, к следующим выборам не возобновлялись, а заменя-

лись новыми соискателями. Последних не останавливал даже тот факт, что, как правило, они не имели особого успеха: в состав I созыва Государственного собрания из восьми новых соискателей прошли только двое, а в состав II созыва – из шестнадцати четыре. К тому же, из шести новых партий, прошедших в парламент, смогли удержаться в политике лишь две, все остальные оказались бабочками-однодневками. Поэтому не смотря на то, что число списков кандидатов в депутаты росло, число голосов за прошедших в парламент кандидатов уменьшалось, и всё больше голосов «пропадало зря»: если во время выборов в Учредительное собрание «пропало» 1885 голосов (0,4% из голосовавших), то на выборах в Госсобрание II созыва – 16 645 голосов (3,6%).²²

С ростом числа партий, прошедших в парламент, неизбежно усугублялась политическая раздробленность, а также осложнялось создание коалиций, поддерживаемых большинством Госсобрания. Особенно проблемным оказалось образование кабинета весной 1924 г., когда к оппозиции, к которой постоянно относились левые партии (социал-демократы, социалисты, коммунисты – в общей сложности, 30 мест), решило присоединиться также Объединение аграриев (23 места). В результате было сформировано правительство меньшинства, за спиной которого стояло лишь 1/3 состава Госсобрания.²³

После путча были предприняты некоторые шаги в направлении политической консолидации и роста стабильности. Первый из них был сделан 10 декабря 1924 г., когда глава правительства объявил об отставке, чтобы дать дорогу правительству национального единства. До сих пор невиданную по широте коалицию, куда вошли

¹⁹ Ants Ruusmann. Eesti Vabariik 1920–1940. Sisepoliitiline areng. Tallinn, 1997, с. 42–52.

²⁰ Eesti Vabariigi sisepoliitika 1921–1929. Dokumentide kogumik. (Ad fontes, 12.) Tallinn–Tartu, 2002, с. 53.

²¹ Eesti Vabariigi sisepoliitika 1918–1920, с. 134–135, 172–173; Eesti Vabariigi sisepoliitika 1921–1929, с. 54–55.

²² Eesti Vabariigi sisepoliitika 1918–1920, с. 134–135; Eesti Vabariigi sisepoliitika 1921–1929, с. 54–55.

²³ A. Mägi. Kuidas valitseti Eestis, с. 61.

Объединение аграриев, Народная партия, Народно-христианская партия, Партия труда и ЭСДРП, удалось собрать невиданно быстрыми темпами, и уже 16 декабря Госсобрание утвердило в должности новое правительство, которое было поддержано 72% голосов парламента. Фактических сторонников было еще больше, так как правительство поддерживали также не присоединившиеся к коалиции мелкие фракции. Поскольку фракцию коммунистов в парламенте ликвидировали, можно сказать, что теперь у правительства была полная поддержка парламента.

Общественность увидела в создании широкой коалиции начало новой эпохи во внутренней политике Эстонской Республики. Эта позиция просматривается и в декларации правительства, составленной под влиянием послепутчевских настроений, которая отличалась от такого же рода документов прежних правительств. В декларации подчеркивалась необходимость обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность государства, увеличить оборонные расходы, принять «Закон о защите государственной безопасности», ускорить воссоздание Кайтселиита, усилить патриотическое воспитание народа, поддержать создание Балтийского военно-политического союза, принимать активное участие в работе Лиги Наций и т. д. Важно отметить введение должности министра без портфеля, в чьи обязанности входила координация проэстонской пропаганды за рубежом. Ранее на пропаганду положительного имиджа Эстонии за границей внимания не обращалось.²⁴

Другим важным шагом на пути к политической консолидации было объединение партий. Такие попытки были и ранее, но единственным достижением в этом направлении можно считать действовавший в 1923–1925 гг. в Госсобрании Демократи-

ческий Союз, состоящий из представителей Народной партии, Народно-христианской партии и Национально-либеральной партии. Довольно часто говорилось и о слиянии двух социалистических партий, но у них имелось слишком много разногласий, как в идеологии и программах, так и в личных взаимоотношениях лидеров. Теперь, когда выяснилась необходимость противостояния коммунистам, они сумели отбросить разногласия, и в апреле 1925 г. была образована единая Эстонская социалистическая рабочая партия (ЭСРП).²⁵ Другие партии не сразу последовали примеру социалистов, но все-таки осенью 1931 г. произошло следующее объединение – на этот раз Народно-христианская партия слилась с Народной партией. Это был вполне логичный шаг, так как обе партии уже раньше тесно сотрудничали и отстаивали вместе схожие принципы.²⁶

После путча в рамках консолидации было обращено внимание на национальные меньшинства, чья лояльность являлась для эстонского государства насущной необходимостью. В 1925 г. был принят «Закон о культурном самоуправлении национальных меньшинств», который обеспечил принцип культурной автономии. Этот закон планировался уже давно (соответствующее обещание содержалось в Манифесте о независимости Эстонии), но его подготовка все время затягивалась. Попытка коммунистического переворота дала импульс к тому, чтобы вернуться к этому закону, соответствовавшему интересам национальных меньшинств, быстро его подготовить и принять. Культурная автономия выполнила свою задачу: национальные конфликты в Эстонии были практически не известны, а авторитет Эстонии в глазах международной общест-венности значительно возрос.²⁷

Укреплению политической стабильно-

²⁴ Eesti Vabariigi sisepoliitika 1921–1929, с. 120–125.

²⁵ O. Kuuli. Sotsialistid ja kommunistid Eestis, с. 41.

²⁶ M. Graf. Parteid Eesti Vabariigis, с. 209, 234–236.

²⁷ A. Ruusmann. Eesti Vabariik 1920–1940, с. 14; Eesti ajalugu, VI, с. 75–76.

сти содействовал новый закон о выборах. Выявленная в ходе выборов во II состав Госсобрания раздробленность принудила искать средства к уменьшению числа избирательных списков. В ноябре 1923 г. была образована парламентская комиссия по изменению закона о выборах, по совету которой в министерстве юстиции был разработан «Закон о выборах в Государственное собрание, о всенародном голосовании и народной инициативе». Новый закон, принятый 18 февраля 1926 г., требовал от партий-кандидатов внести залоговый налог, и избранными в Госсобрание считались только те партии, которые набрали не менее 2% голосов. Таким образом, стало возможным отстранить от выборов мелкие, имеющие только местное значение списки и «шуты», которые только дискредитировали идеи парламентаризма. Избирательный порог нельзя было установить выше, поскольку это оставило бы за бортом списки национальных меньшинств.²⁸ Благодаря новому избирательному закону, число

конкурирующих списков действительно уменьшилось. На выборах в Госсобрание III созыва принимали участие 14 и прошли в парламент 10 списков кандидатов; в IV состав – соответственно 11 и 10. Заметим, что среди избранных не было ни одной новой партии.²⁹

О стабилизации политической жизни и партийной системы говорят и итоги выборов. Уже в Госсобрании III созыва места распределились почти так же, как и в предыдущем II составе: исключением явился быстрый рост фракций поселенцев и социалистов. У первых это произошло в связи с тем, что на выборах 1923 г. списки поселенцев были выставлены только в трех уездах; у вторых – из-за того, что, во-первых, коммунисты исчезли с легальной арены политической деятельности, а во-вторых, обе социалистические партии объединились. Результат выборов в Госсобрание IV созыва практически был идентичным с предыдущим, по партиям эти результаты различались в пределах только 0,5–2,2 %.

Представительство партий в составах Госсобрания второго, третьего и четвертого созывов³⁰

	Госсобрание II созыва		Госсобрание III созыва		Госсобрание IV созыва	
	Получено голосов в %	Число мест	Получено голосов в %	Число мест	Получено голосов в %	Число мест
ЭС(Д)РП	14,0	15	22,9	24	24,0	25
Объединение аграриев	21,6	23	21,4	23	23,1	24
Объединение поселенцев	3,8	4	13,5	14	13,7	14
Трудовая партия	11,2	12	12,4	13	10,2	10
Народная партия	7,5	8	7,4	8	8,9	9
Левые радикалы	4,7	5	5,9	6	6,2	6
Народно-христианская партия	7,3	8	5,4	5	4,1	4
Русские	4,1	4	3,3	3	2,5	2
Немцы (-шведы)	3,5	3	2,5	2	3,2	3

²⁸ Eesti Vabariigi sise poliitika 1921–1929, с. 57–60.

²⁹ Там же, с. 64, 74.

³⁰ A. Ruusmann. Eesti Vabariik 1920–1940, с. 37.

Экономическая группа	2,2	2	2,4	2	2,9	3
Национально-либеральная партия	4,5	4	0,9	–	–	–
Союз квартиросъемщиков	1,3	1	1,3	–	–	–
Союз демобилизованных воинов	1,2	1	–	–	–	–
Коммунисты	9,5	10	–	–	–	–

Стабильность правительственных кабинетов, по-прежнему, оставляла желать лучшего. С декабря 1924 по июнь 1932 г. сменилось 9 кабинетов. Это означает, каждый из них правил чуть более 10 месяцев, что несколько ниже в сравнении с периодом 1921–1924 гг., но все-таки заметно больше, чем во времена работы Учредительного собрания. Прежними оставались также причины отставки правительства: три из девяти ушли в отставку из-за развала коалиции, три правительства сменились после парламентских выборов, а одно – в результате чрезвычайных обстоятельств (слияние партий повлекло за собой смену расстановки сил в Госсобрании). Только в двух случаях можно говорить о «слишком большом доминировании парламента» как о причине отставки правительства. Эти случаи были связаны с двумя второстепенными законопроектами, выработанными правительством, – перед голосованием в парламенте государственный старейшина заявил, что если Госсобрание не одобрит эти проекты, то правительство будет рассматривать это как проявление недоверия и уйдет в отставку. Однако и здесь «вина» парламента была весьма скромной, поскольку вопрос о доверии был поставлен самим правительством.³¹

Если время перед путчем было, прежде всего, периодом поисков форм управления, то 1925–1932 гг. можно было бы характеризовать, заимствуя выражение Яака Валге в отношении экономическо-

го развития этого же периода, – как годы нормальной внутривнутриполитической жизни.

Перелом третий: Великая депрессия

Третий переломный момент во внутренней политике Эстонии был порожден кризисом, известным под названием Великой депрессии. Экономический кризис добрался до Эстонии во второй половине 1930-го г. и принес с собой волну банкротств, рост безработицы и падение уровня жизни. Ухудшающийся экономический климат сопровождался изменением менталитета народа. Прежде всего, начались поиски виновников происходящего. Виновными считались политики, которые руководствовались личными властными амбициями, партии, преследовавшие свои узкопартийные цели, парламент, диктовавший правительству свою волю, а также правительство, которое не могло действовать достаточно самостоятельно. Результатом подобных обвинений явилось падение авторитета как политиков и партий, так и Госсобрания и правительства. Вместе с тем все яснее стали проявляться симптомы отдаления народа от государственного управления. Напряжения добавила бурная, преувеличенная и неконструктивная критика оппозиции, а также острые нападки в адрес политических противников. В ход шли сознательное очернение оппонентов, необоснованные обвинения, раздувание крупных скандалов на пустом месте. Еще более подогривали

³¹ Там же, с. 54–62.

обстановку планы изменения конституции, пропагандистские собрания разных политических группировок и референдумы.³²

Параллельно с ментальными изменениями все больше углублялась политическая стратификация общества, уменьшалась стабильность, участились правительственные кризисы, и становилось все труднее их преодолевать. Эти процессы шли все-таки медленно и явно проявились только в 1932 г. Поначалу все выглядело даже наоборот: избранный в 1929 г. состав Госсобрания IV созыва успешно проводил свою работу, и правительственные кабинеты оставались у власти, в среднем, почти по 12 месяцев. К тому же, в начале 1932 г. произошло столь долгожданное объединение партий. Первыми слились партии, представляющие интересы крестьянского населения – на базе Объединения аграриев и Объединения поселенцев образовалась новая политическая группировка, прозванная в народе «объединенными земледельцами». Этот шаг вдохновил центристские партии, и в свою очередь произошло слияние Народной партии и Партии труда в Национальную центристскую партию, с которой объединилась также экономическая группа предпринимателей. Однако теперь это слияние не носило естественного характера, как в случае объединения социалистов или растворения Народно-христианской партии в Народной партии, но это делалось, прежде всего, в надежде на сиюминутные политические дивиденды. Ненадежные основы для воссоединения не выдерживали проверку временем, и надежды на консолидацию оказались очень кратковременными.³³

Все же на выборах в Госсобрание V созыва вновь созданные большие партии выступали с чувством самоуверждения и большими надеждами. И хотя мечты о достижении абсолютного большинства

в парламенте не исполнились, все же состав Госсобрания V созыва существенно отличался от предыдущих. В нем были представлены три больших партии (объединенные крестьяне, центристы, социалисты), которые дополняли три небольшие группировки (русские, немцы, «рабочие и бедняки»). Многие современники считали подобную расстановку сил оптимальной.

Объединение партий прямо повлияло на процесс создания правительства. Если ранее в парламенте было около десяти фракций, которые в принципе все могли войти в правительственную коалицию, то теперь надо было считаться с тремя большими партиями, а мелкие партии маргинализировались. Решающую роль играли «объединенные земледельцы», которые могли создать правительство как с социалистами, так и с центристами. В противоположность этому у партии центра и ЭСРП сил для этого не хватало, и они также нуждались в коалиции с объединенными крестьянами.³⁴

Из негативных явлений следует, прежде всего, упомянуть создание новых партий. В выборах в Госсобрание V созыва участвовало три новых списка, хотя ни один из них не превысил избирательного порога. Все же появление новых политических сил свидетельствовало о том, что среди избирателей возросло недовольство уже существовавшими партиями и «старыми» политиками. Эти три новых списка собрали свыше 19 000 голосов, которые просто «пропали». В то же время наблюдается попытка коммунистов активизироваться, они надеялись использовать экономический кризис в своих целях и развернули активную пропаганду как против правительства Эстонии, так и против капитализма. И, конечно же, нельзя забывать самого масштабного политического движения кризисных лет – это Центральный Союз ветеранов Освободительной войны, который хотя и не именовался партией и не принимал

³² Eesti ajalugu, VI, c. 83.

³³ M. Graf. Parteid Eesti Vabariigis, c. 180–181, 209–211.

³⁴ A. Ruusmann. Eesti Vabariik 1920–1940, c. 75.

участия в выборах в Госсобрание, но все же серьезно влиял на политический ландшафт в целом.

Во-вторых, вскоре выяснилось, что вследствие кризиса объединение партий не удалось. «Объединенные земледельцы» снова распались на поселенцев и аграриев; из Национальной центристской партии и ЭСРП вышел ряд депутатов, которые в дальнейшем работали как политически независимые парламентарии. В результате, раздробленность в парламенте усилилась, и независимые представители народа действовали только по своему личному усмотрению.³⁵

Изменения в распределении мест в Госсобрании V созыва

Партия	1932	1934
Объединенные крестьяне	42	–
Объединение аграриев	–	20
Объединение поселенцев	–	19
Национальная центристская партия	23	19
ЭСРП	22	19
Рабочие и бедняки	5	5
Русские	5	5
Немцы	3	3
Независимые	–	10

В-третьих, осложнился процесс формирования правительственного кабинета. Уже при создании первого правительства в Госсобрании V созыва возник ряд непреодолимых противоречий, которые очень затруднили и затянули переговоры коалиций, длившиеся 29 дней, при этом несколько политиков отказались от сотрудничества. Наконец, был утвержден кабинет, в котором оказались представлены крестьяне и центристы. Несмотря на крепкий тыл, правительство сразу же подверглось резкой критике, которая со

временем даже усилилась. Масла в огонь подлили активность Союза ветеранов Освободительной войны и референдум об изменении конституции, результаты которого неприятно удивили Госсобрание. Возникли расхождения внутри коалиции, и через два с половиной месяца центристы отозвали своих министров. Такого короткого срока правления кабинета в Эстонии ранее видано не было.³⁶

Кризис правительства снова затягивался и опять продлился 29 дней. Следующее правительство было необычным явлением в политической жизни Эстонии. Речь шла не о привычном коалиционном правительстве, а о «правительстве доверия» – политически независимом рабочем кабинете, созданном на основе доверия между главой кабинета и министрами. Подобное решение нельзя было признать оптимальным для создания нормального политического климата и стабильности. В условиях усиления кризиса и острой политической борьбы вокруг девальвации кроны, правительство выстояло немногим менее полугода.³⁷

При формировании следующего правительственного кабинета в течение 22 дней свои силы попробовали семь политиков (некоторые повторно), но безрезультатно. Для создания более благоприятных условий имя одного кандидата на должность государственного старейшины держалось в тайне, и пресса забила тревогу вокруг «правительства черной маски». В конце концов, был сформирован кабинет, состоявший из центристов и поселенцев, который получил в парламенте 51 голос «за» при 40 «против», заслужив имя «правительство низвергателей кроны». Противоречия коалиции и оппозиции еще более обострились, в связи с чем деятельность правительства сопровождалась постоянными скандалами: невиданное затягивание правительственного кризиса,

³⁵ Eesti ajalugu, VI. c. 83–84.

³⁶ A. Ruusmann. Eesti Vabariik 1920–1940, c. 75–76; A. Mägi. Kuidas valitseti Eestis, c. 65.

³⁷ A. Ruusmann. Eesti Vabariik 1920–1940, c. 80–82; A. Mägi. Kuidas valitseti Eestis, c. 66.

засекречивание кандидата на пост главы правительства, организованная оппозицией обструкция при зачитании декларации, продажа двух эскадренных миноносцев в Перу, девальвация кроны, ослабление обороноспособности, референдумы об изменении конституции и т. д. Учитывая все это, не удивительно, что правительство продержалось едва ли пять месяцев и ушло в отставку сразу же после оглашения результатов третьего референдума.³⁸

В итоге, с июля 1932 по октябрь 1933 г. у власти было три правительства, средний срок правления каждого из которых не превышал пяти месяцев. Для этих лет было типичным сверхзатяжные правительственные кризисы и большие трудности в составлении нового кабинета.

Таким образом, катастрофический упадок экономики, порожденный Великой депрессией, стал почвой для внутривнутриполитического кризиса. Этот кризис обозначил начало переходного периода, который привел Эстонскую Республику от парламентской демократии к авторитарному режиму.

Аго Паюр

(1962)

Доктор исторических наук (1999).

Доцент Института истории и археологии Тартуского университета.

Область исследований: история Эстонии первой половины XX века.

³⁸ A. Ruusmann. Eesti Vabariik 1920–1940, с. 82–84; A. Mägi. Kuidas valitseti Eestis, с. 66.

Ветераны эстонской Освободительной войны и немецкие национал-социалисты: идеология, политическая тактика и контакты

Як Валге

Постановка проблемы

Что бы случилось с Эстонией, если бы Пятс и Лайдонер хорошо подумали и не совершили государственный переворот, а весной 1934 г. в стране прошли бы выборы главы государства и нового состава Рийгикогу, как это предусматривалось законом? Стали бы члены движения ветеранов Освободительной войны (вапсы) после выборов соблюдать предложенную ими самими конституцию, т. е. в зависимости от результатов выборов остались в оппозиции, вступили в коалицию с другими партиями либо принялись править единолично, но руководствуясь при этом демократическими принципами? Или же они попытались бы тем или иным путем сосредоточить власть в своих руках и подобно германским национал-социалистам ликвидировать демократию? Ответ зависит от того, считать государственный переворот 12 марта и установление авторитарного режима Пятса захватом власти, который предупредил диктатуру вапсов, или же государственным переворотом, ликвидировавшим демократию без всякого оправдания.

Однозначно на эти вопросы ответить, естественно, нельзя. Однако приблизиться к истине поможет анализ сходства и различий в политике вапсов и немецких нацистов, а также их взаимных контактов в преддверии переворота.

Однако и с этим все не так просто.

Стремительный взлет вапсов на политическом небосклоне принес им не только необычайную популярность, но и сопровождался появлением огромного числа недоброжелателей. Последние имели впоследствии возможность практически вне всякой критики выражать свое отношение к вапсам. Другая сложность заключается в гетерогенной сущности движения ветеранов Освободительной войны. Частично это было результатом стремления вапсов добиться широкой поддержки населения, частично же объясняется размытой, не приобретенной четких очертаний идеологией. Сложно также отличать политическую пропаганду от действительных целей. В начале 1930-х гг. отношение к партиям было довольно негативным. Поэтому пропаганда, направленная против партийной «олигархии, коррупции и закулисных сделок», была очень эффективной, и ее использование со стороны вапсов было вполне естественным делом. Еще одну трудность создают современные стереотипы политкорректности, в результате чего любые выражения симпатии, сходство в идеологии либо связи с нацистами *a priori* подвергаются демонизации даже в том случае, если они имели место до того, как была понята сама сущность нацизма.

Для того, чтобы понять сущность движения вапсов, следует оставить в стороне

наши знания о более поздних деяниях немецких нацистов и помнить, что в Эстонии того времени успех Гитлера и его сторонников воспринимался как легитимный выбор немцев, а также попытаться представить себя в динамичном мире начала 1930-х гг., в котором сильнейший экономический кризис и непоследовательные решения политической элиты Эстонии, казалось бы, ясно указывали на необходимость радикального преобразования всей существующей системы. В 1932–1933 гг. сроки пребывания у власти правительственных кабинетов стали гротескно короткими. Помимо этого, в одном только 1933 году произошло два грандиозных коррупционных скандала, в которых были замешаны лица из высших эшелонов власти.

Таким образом, очень многие, и не только вапсы, указывали на то, что политическая система Эстонии не способна совладать с кризисом. Более того, было бы удивительно, если бы в обществе не появились силы, стремившиеся найти альтернативу имеющейся политической элите и системе в целом.

Прежние трактовки

Хотя в разгар политической борьбы в 1933–1934 гг. в адрес вапсов очень часто звучали обвинения в симпатиях к фашистам и контактах с немецкими нацистами, через некоторое время после государственного переворота в Эстонии эти обвинения утихли. Это объясняется, по-видимому, тем, что в ходе следствия названных контактов выявить не удалось, однако, возможно, тут примешивался также страх перед возможными осложнениями в отношениях с усили-

вающей свою мощь Германией. В издании *Eesti Kroonika* 1934, отражавшем официальную позицию режима Пятса, не утверждалось, что нацисты направляли или финансировали деятельность вапсов, однако указывалось на то, что внутривнутриполитическая риторика последних влияла на их идеологию: «Муссолини и Гитлер с их фашистской доктриной и избирательной программой не умещались в рамках демократической цели, которую «вапсы» поначалу провозгласили своим главным девизом», однако вапсам нельзя было допускать также заметного сходства с демократическими партиями, иначе они не отличались бы от них. «Помимо воли «вапсы» превратились в тех, в кого не хотели превращаться и о чем они в недалеком прошлом даже и не мечтали».¹

В своей книге, увидевшей свет в 1940 г., Эдуард Лааман поднимает эту тему, но на этот раз его точка зрения отличается от его прежних взглядов: «Некоторые из них пытались проповедовать кое-какие идеи, заимствованные у фашистов или национал-социалистов, но вскоре они в них запутались. В отличие от фашизма и национал-социализма здесь не было ни общепризнанных вождей и опробованных в борьбе штурмовых отрядов, ни общей идеологии.»²

Историки Советской Эстонии не сомневались в том, что вапсы были настроены пронацистски, а также в том, что ими руководили и их финансируют из Германии. Эллен Плотник утверждает, что материалы о связях вапсов с «гитлеровской Германией и баронами» не были найдены, поскольку как Яан Тыниссон, так и Константин Пятс заранее известили вапсов о своих планах, дав им возможность скрыть компрометирующие документы.³ Олаф

¹ *Eesti Kroonika* 1934. Tartu, 1935, с. 20–21. В 1936 г. в пропагандирующей шаге режима К. Пятса книге «12. märtsi radadel», где была бы к месту критика в адрес движения вапсов, нет ни строчки о влиянии на них со стороны фашизма/национал-социализма или об их контактах с Германией.

² Цит. по книге: Eduard Laaman. Konstantin Päts, poliitika- ja riigimees. Stockholm, 1949, с. 243.

³ Ellen Plotnik. Kodanliku parlamentarismi kokkuvarisemine maailma majanduskriisi aastatel ja fašistliku diktatuuri kehtestamine Eestis (1929–1934). Диссертация на соискание ученой степени доктора наук. Руководительница Хильда Моосберг. Tartu, 1954, с. 247, 259, 302. В своих утверждениях о фашистских симпатиях вапсов Э. Плотник пытается опираться на публицистику эстонских социалистов: *Rahva Sõna*. 12.04.1933; *Rahva Sõna*. 21.04.1934.

Куули сожалеет, что документальных свидетельств о получении денег сохранилось мало, но все же утверждает: «Осенью 1933 г. газета *Võitlus*, при посредничестве финских фашистов, получила из Германии современную ротационную машину без того, чтобы за это было что-то заплачено.»⁴ Точку зрения официальной историографии Эстонской ССР брежневских времен можно свести к следующему: «Пропаганда национал-социализма была у вапсов тесно связана с антисемитизмом /.../. Идеалы и исходные позиции вапсов состояли в близком родстве с принципами итальянских и германских фашистов. /.../ Если бы лидеры вапсов добились власти, они бы быстро и откровенно направили Эстонию в фарватер политики гитлеровской Германии /.../, есть много данных о том, что вапсы получали от гитлеровцев значительную экономическую поддержку.»⁵

В довольно объемной исторической литературе зарубежных эстонцев пред-

ставлены обе точки зрения. Здесь нет смысла останавливаться на этих произведениях подробнее, поскольку у авторов не было возможности использовать первоисточники, и поэтому в названных трудах скорее отражается их личное отношение к этому делу. Авторы мемуаров также поделены на два лагеря.⁶

В то же время, результаты исследований двух авторов, специально посвященных движению вапсов, – Рейна Маранди и Андреса Казекампа – заслуживают особого внимания. Рейн Маранди, характеризуя движение вапсов, основывается на определении «минимума» признаков фашизма, выдвинутого Лаури Хювямяки на базе концепции Эрнста Нольте. Названный «минимум» включает в себя шесть признаков, среди которых: принцип вождизма, антимакизм, военизированная организация, склонность к антиконсерватизму и тоталитаризм. По мнению Маранди, вапсы не соответствуют этому минимуму. Отсюда его вывод: «Эстон-

⁴ Olaf Kuuli. *Vapsidest isamaaliiduni. Fašismi ja fašismivastase võitluse ajaloost kodanlikus Eestis*. Tallinn, 1976, с. 84.

⁵ Eesti NSV ajalugu, II. Tallinn, 1980, с. 177–178.

⁶ Сотрудник службы официальной пропаганды авторитарного режима Вольдемар Курес в своем дневнике пишет, что если бы Пятс не установил свою диктатуру, то «...к власти пришла бы клика молодчиков Сирка, получавшая идейную и финансовую поддержку от германских нацистов». См.: *Seitsme lukuga suletud gaamat, I. Voldemar Kurese päevaamat ja kirjad aastatest 1918–1950*. Tartu, 2006, с. 61. Вильям Томингас, связанный с движением вапсов, признает, что нет ничего более человеческого, чем понять, что новые непрофессиональные политики были в известной мере заражены модной в тогдашней Европе волной авторитаризма. Однако вапсы не осознавали достаточно четко своего политического цвета, принимая авторитарный режим или категорически его отрицая (за этим могла стоять также политическая осторожность, основанная на неверном расчете), и таким образом возникла ситуация, в которой «Пятс позже осыпал их необоснованными обвинениями, но при этом он сам делал все то, в чем он обвинял вапсов», – так возникла и «закрепилась легенда о фашизме вапсов, порожденная и использованная К. Пятсом и социалистами». Относительно ротационной машины Томингас отмечает, что «в ходе правительственной проверки выяснилось, что машины были закуплены на векселя издательского товарищества *Võitleja* с передаточными надписями некоторых членов движения участников Освободительной войны. William Tomingas. *Mälestused. Vaikiv ajastu Eestis*. Tallinn, 1992, с. 322–324, 358. Вапс Хьялмар Мяз утверждает, что поначалу основным источником поступления денежных средств были членские взносы Академического национального клуба, агитационная работа велась все же за свой счет, но позже, «народ расшедрился в отношении нас». После октябрьского референдума финансовое положение улучшилось... «Тогда мы и решили приобрести типографию для издательства *Võitlus*, и Ялакас купил у одной финской фирмы ротационную машину, которая на самом деле находилась в Гамбурге. За эти машины можно было уплатить векселями и поэтому Ялакас взял у деятелей движения, имевших недвижимость, передаточные надписи. /.../ Позже, после того, как нас 12 марта арестовали, правительство конфисковало у нас ротационную машину для своей новой газеты *Uus Eesti*, в связи с чем оно приняло на себя обязательства по выплате долга за машину». Hjalmar Mäe. *Kuidas kõik teostus. Minu mälestusi*. 2005, с. 100–101.

ское движение ветеранов Освободительной войны является своеобразным, эстонским национальным «праворадикальным» движением». Относительно связей с нацистами исследователь отмечает, что достоверно известны зарубежные контакты вапсов в Финляндии. Обвинения в том, что вапсы финансировались германскими нацистами, Маранди считает недоказанными или ложными, однако признает, что окончательная ясность в этом вопросе еще не достигнута. К утверждению о том, что нацисты помогли вапсам приобрести ротационную машину, Маранди также относится скептически.⁷

Андрес Казекамп использует определение и типологическое описание фашизма, предложенные Стэнли Джорджем Пэйном (S. G. Payne. *History of Fascism, 1914–1945*. Wisconsin, 1995). Казекамп не сомневается в том, что вапсы охватывают предложенные Пэйном типологические фашистские негации – антимарксизм, антилиберализм и антиконсерватизм. По его утверждению, борьба против либеральной демократии и гегемонии политических партий была главной отличительной чертой движения вапсов, но в то же время Казекамп допускает, что они не стремились к однопартийному авторитарному государству, не говоря уже о тоталитарном государстве. Итальянские фашисты не оказывали сколько-нибудь важного влияния на вапсов. Воздействие на них германских нацистов также, по мнению автора, во многом преувеличено. В итоге Казекамп, исходя из критериев Пэйна, считает, что хотя движение вапсов имело некоторые характерные черты фашизма, его нельзя

безоговорочно считать фашистским. Касательно контактов вапсов с немецкими нацистами Казекамп пишет, что хотя соответствующих доказательств нет, тем не менее, вапсы даже не пытались опровергнуть эти обвинения.⁸

Похоже, что основные идеи Казекампа и Маранди разделяет также Мати Граф, который подчеркивает, помимо прочего, что вапсов характеризовала резкая антипартийная настроенность, и находит по примеру Эдуарда Лаамана, являвшегося сторонником Пятса, целый ряд схожих признаков между германскими национал-социалистами и вапсами, но все же называет последних праворадикалами.⁹

Магнус Ильмярв ничего не пишет об идеологии вапсов, однако утверждает, что их финансировали нацисты.¹⁰

Хейно Арумяэ утверждает, что престиж Германии, а тем более Гитлера и национал-социализма в Эстонии был низким: «Никак нельзя утверждать, что широкие круги движения вапсов, воевавшие в свое время против ландесвера, поддерживали бы прогерманскую ориентацию. Скорее это было стремление их лидеров». Ссылаясь на Ильмярва, Арумяэ заявляет, что связи вапсов с Берлином нуждаются в дальнейшем исследовании, хотя отрицать их нельзя.¹¹

Таким образом, существующие точки зрения являются порою абсолютно противоположными, и кажется, что рассмотрение этой проблемы нужно начать с чистого листа. Более свежий взгляд на данный вопрос можно получить, если привлечь источники, хранящиеся в зарубежных архивах, прежде всего – в Архиве

⁷ Rein Marandi. *Must-valge lipu all. Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937*, I. Stockholm, 1991, с. 332–333; 482–486; 490–495.

⁸ Andres Kasekamp. *The Radical Right in Interwar Estonia*. London, 1999, с. 65–72; 156; 158–159.

⁹ Mati Graf. *Parteid Eesti Vabariigis 1918–1934. Koos eellooga 1905–1917 ja järellooga 1934–1940*. Tallinn, 2000, с. 269, 274–277.

¹⁰ Magnus Ilmjärv. *Hääletu alistumine. Eesti, Läti ja Leedu välispoliitilise orientatsiooni kujunemine ja iseseisvuse kaotus. 1920. aastate keskpaigast anneksioonini*. Tallinn, 2004, с. 131–132; Sõja ja rahu vahel, I. Eesti julgeolekupoliitika 1940. aastani. Tallinn, 2003, с. 55.

¹¹ Heino Arumäe. 1934. aasta 12. märtsi kaasaegsete hinnanguis. – *Alasi ja haamri vahel. Artikleid ja mälestusi Konstantin Pätsist*. Соct. А. Веллисте. Tallinn, 2007, с. 31–33.

внешней политики Российской Федерации, которые до сих пор практически не использовались.

Идеология движения вапсов

Увязывать идеологию движения ветеранов Освободительной войны с фашизмом, гитлеризмом или нацизмом начали в свое время эстонские коммунисты и социалисты, которые, хотя и враждовали между собой, в этом вопросе были единого мнения. В 1933 г. коммунист Николай Каротамм писал, что принятие октябрьской конституции означало для Эстонии «откровенное установление фашистской диктатуры», чтобы начать нападение на Советский Союз, и что для вапсов «генеральной внутривнутриполитической линией являются примеры германского гитлеризма». ¹² Социалист Иоханнес Михкельсон отмечал впоследствии, что рабочему движению в Эстонии пришлось «на политическом фронте бороться с поднимающим голову доморожденным нацизмом, с движением ветеранов Освободительной войны, или короче – вапсов». ¹³ Однако в то время эстонские коммунисты и социалисты нередко обвиняли в фашизме всех, кто придерживался немарксистской идеологии. Например, Александр Ойнас утверждал, что генеральный секретарь Национальной центристской партии Ильмар Тыниссон тяготеет к фашизму. ¹⁴ Ниголь Андресен называл фашистскими как руководство «Кайтселийта», так и проект конституции, предложенный Антсом Пийпом. ¹⁵ Однако достойно внимания то, что несмотря на

порою прямо-таки истеричные нападки газеты социалистов *Rahva Sõna* на вапсов и на выдвигаемые в их адрес обвинения в ориентации на нацизм и Германию, один из самых уравновешенных политиков-социалистов Август Рей, обсуждая с советскими дипломатами проблему по существу, не был уверен в этом, отметив 22 ноября 1933 г., что не имеется точных данных о внешнеполитической ориентации вапсов. ¹⁶ Член коллегии Наркомата иностранных дел СССР Борис Стомоняков, который пытался по всем каналам получить нужную информацию по этому вопросу, в декабре 1933 г. отмечал: «У нас до сих пор нет ясности о внешнеполитической ориентации «ветеранов». ¹⁷

Ниже анализируются наличие в идеологии движения вапсов присущих национал-социализму основных черт – антилиберализм, антиконсерватизм, антипарламентаризм, антимарксизм, антисемитизм, расизм и культ вождя, а также делается попытка проследить, воспринимали ли вапсы национал-социализм как пример для подражания.

Ядром идеологии вапсов была концепция единства нации, сходная в этой части с идеологией германского национал-социализма. Все же вапсы при этом оговаривали, что «любые попытки провести параллели между эстонскими ветеранами Освободительной войны и зарубежными авантюристическими насильственными организациями являются неверными». ¹⁸ Единство нации в вапсовском понимании не исключало парламентаризм и не было присуще (исключительно) национал-со-

¹² Nikolai Karotamm. *Rahvahääletus ja Eestimaa fashiseerimine*. Leningrad, 1933, с. 3, 5, 27.

¹³ Johannes Mihkelson. *Vastu tuult*. Stockholm, 1985, с. 171–172, 230.

¹⁴ АВПРФ 0154–26–37–5, л. 98, дневник А. Антипова (1-го секретаря посольства СССР в Таллинне), 28.04.1933.

¹⁵ АВПРФ 0154–26–37–5, л. 27, дневник А. Антипова, 11.01.1933; там же, л. 182, проект конституции, предложенный Пийпом, мог приобрести актуальность в случае, если бы проект вапсов был отклонен на народном референдуме, состоявшемся в октябре 1933 г., 2.10.1933.

¹⁶ АВПРФ 0154–26–37–5, л. 234, дневник Ф. Раскольников (советского посла в Эстонии) от 22.10.1933.

¹⁷ АВПРФ 0154–26–37–2, л. 64, письмо Б. Стомонякова (члена коллегии Наркомата МИД СССР) Антипову от 15.12.1933.

¹⁸ *Võitluse Eesti parema tuleviku eest*. – *Võitlus*, № 1, 1.05.1931.

циализму или итальянскому фашизму. Газета *Võitlus* приводила, например, как образец для Эстонии также и «гениальные политические инстинкты английского народа», где на выборах осенью 1931 г. не получила поддержки «безответственная группировка, исходившая из классовых интересов». ¹⁹ Превозносилась также экономическая политика Рузвельта в США, в которой центральную роль играло государство. ²⁰ Одновременно с этим все же абсолютно ясно, что вапсовская газета *Võitlus* была настроена против немецких нацистов менее воинственно, чем другие буржуазные газеты Эстонии, не говоря уже о социалистических. ²¹

В понимании вапсами единства нации не содержалось однозначного антилиберализма. В программной статье газеты *Võitlus* утверждалось: «Индивидуальная свобода позволяет в достаточной мере мобилизовать все силы и высвободить большее количество энергии /.../. Единство нации не только оставляет отдельным индивидам свободу действий, но напрямую требует пользоваться ею, чтобы каждая личность могла применять все свои силы и объединить их в единую мощь народа. Единство нации не противостоит личности, как это принято у социалистов». ²² Однако и антиконсерватизм, если он вообще где-то проявлялся у вапсов, был во всяком случае более умеренным, чем

у нацистов, которых немецкие предприниматели поначалу воспринимали как социалистов.

Антипартийность, с которой связывается антипарламентаризм вапсов, также видится скорее как прекрасно действующий политический лозунг, чем как фундаментальная идеология. Возможно, правда, что часть вапсов сама попала в капкан этой риторики. Учитывая низкий престиж парламентаризма, пропаганда *bona fide* фашизма в Эстонии могла бы привести даже к известному успеху. Вапсы все же утверждали, что они не противники демократии, а наоборот – хотят ее усовершенствовать. Их цель – сплотить вокруг себя всех, «кто опирается на демократию и самостоятельную государственность». ²³ «Государству нужны более стабильный порядок, более рациональные формы жизни, более сильная власть и большая ответственность, чем это может предложить хоровод нынешних партийных олигархических кругов /.../. Каждого, кто хочет исправить положение, клеймят как противника демократии, не понимая, что наши предложения были направлены как раз на сохранение демократического строя». ²⁴ Ликвидация политических партий в Эстонии не планировалась, просто их сравнивали с хулиганистыми парнями, которых следовало обуздать. ²⁵ Звучали утверждения, что партийные деятели ис-

¹⁹ Riikliku mõtteviisi võit Inglismaal. – *Võitlus*, № 4, 2.11.1931.

²⁰ Ameerika teel rahvusriiklusele. – *Võitlus*, № 101 (146), 31.10.1933.

²¹ Студентка Тартуского университета Кристель Лейф проанализировала 126 номеров газеты *Võitlus* за 1933 год и аналогичные по датам номера газеты *Päevaleht*. Выяснилось, что *Võitlus* упоминала Гитлера в 42 заметках, из которых в 16 его оценивали с положительной стороны, в 21 – нейтрально и в 5 – в негативных, унижающих тонах. В газете *Päevaleht* о Гитлере говорилось всего в 61 статье, из них положительно только в одном случае, в нейтральном тоне – в 43 и отрицательно – в 18 случаях. Еще одним важным выводом было то, что прогитлеровские статьи печатались в *Võitlus*, в основном, в начале 1933 г. *Kristel Leif. Meediakuvand Hitlerist 1933. aasta Eestis*. (Рукопись статьи находится в руках автора). Тон статей мог измениться в связи с тем, что другие газеты начали обвинять вапсов в симпатиях к нацистам, как считает Казекамп (A. Kasekamp. *The Radical Right*, с. 70), но это могло случиться и по более простой причине, т. е. реальная политика Гитлера стала для них неприемлемой.

²² *Kuhu sihib vabadussõjalaste liikumine*. – *Võitlus*, № 1 (8), 11.01.1932.

²³ *Eesti Vabadussõjalaste Liidu põhikiri*. Tallinn, 1933, с. 1.

²⁴ *Kes me oleme ja mida me tahame*. – *Võitlus*, № 1, 1.05.1931.

²⁵ См., напр.: карикатура на первом листе: «Нынче дед Мороз придет с дубинкой. У мамы хорошее настроение, потому что непослушным мальчуганам есть повод бояться». – *Võitlus*, № 7, 21.12.1931.

пользуют демократизм для того, чтобы прикрыть свои темные делишки, как, например, введение чрезвычайного положения и цензуры. «Демократию начали представлять им как некую норму семейного или обычного права и как возможность гарантировать своему окружению максимальное благополучие». ²⁶ «Новый порядок в духе движения ветеранов Освободительной войны ни в коем случае не отрицает свободное создание политических группировок и их развитие в правовых рамках». ²⁷

В своем интервью Сирк, отвечая на замечание журналиста газеты «Сегодня», что вапсы считаются в Эстонии фашистами, отмечал: «Это не верно. Надо знать психологию эстонцев, чтобы понять, что здесь фашизм является бессмысленным. Эстонский народ любит свободу. Он не подчинится диктатуре /.../. Мы – не фашисты /.../. Мы не признаем принцип вождизма /.../. Так мы останемся демократами, но на свой манер. Мы признаем наличие партий в государственном законодательном органе /.../». ²⁸ Еще более важным моментом является то, что составленная ими самими конституция не могла бы действовать без партий.

В то же время, вапсы несомненно были

антимарксистами. Если же сравнить материалы в газетах *Rahva Sõna* и *Võitlus*, то сразу станет заметным более агрессивный тон газеты социалистов. Они по крайней мере уже с марта 1933 г. призывали запретить движение ветеранов Освободительной войны, ответ же со стороны вапсов последовал лишь в декабре того же года, когда социалисты выступили с очередными резкими и несправедливыми нападениями в их адрес. В интервью, данном им в начале декабря, Сирк отмечал, что они не собираются надевать на социал-демократов намордник. ²⁹

Говорить о полном отсутствии в риторике вапсов антисемитизма, точнее, его признаков в современном понимании, нельзя, хотя он был едва ли сильнее среднего европейского фона той поры и совершенно не сравним с антисемитизмом германских нацистов. Наверное, причина заключалась в том, что отношение к евреям в Эстонии было заметно более терпимым, чем, например, в Польше, Германии или России. В Эстонии была просто немислима волна насилия против евреев, подобная мартовским событиям 1933 г. в Германии, которая при этом не была не только организованной сверху, но даже официально санкционированной. ³⁰

²⁶ Veidike rahva tarkust tema senistele juhtidele ja õpetajatele. – *Võitlus*, № 105, 9.11.1933.

²⁷ Uue korra kujunemisel. – *Võitlus*, № 106, 11.11.1933.

²⁸ Цитата из статьи: Kirjasaatja Sirgi juures. – *Vaba Maa*, № 285, 5.12.1933, с. 37.

²⁹ К. О. Vana-sotsialisti manitsussõnad sotsialistidele ja lepitussõnad vabadussõjalastele. – *Võitlus*, № 7, 21.12.1931; Kirjasaatja Sirgi juures, с. 37. Организатор-инструктор Центрального союза рабочих организаций Эстонии Иоханнес Михкельсон, которому зарплату платил Центральный союза профсоюзов Швеции, описывает в своих воспоминаниях факты, которые могут характеризовать отношения как между вапсами и социалистами, так и в более широком смысле: «Эстонские рабочие организации в борьбе против конституции вапсов выложили все, что у них было выложить /.../. Выступать с речами посылали всех, кто мог выступать /.../. Однажды по пути из Кунда в Таллинн я сделал пересадку в Раквере. В купе вошел руководитель вапсов Теодор Рьук, явно пребывавший в прекрасном настроении. Познакомились и представились – кто и откуда. Рьук завернул значок вапсов под отворот своего сюртука. В купе также вошли две хорошенькие и веселые женщины, которые знали Рьука. В беседе Рьук заявил, что «снова спас свою страну и народ». Перед Таллинном дамы вышли в туалет, чтобы привести себя в порядок. Рьук предложил: «Нас двое и их двое. Пошли в Du Nordi и весело проведем вечер». Я отклонил предложение и про себя подумал, что ведь какие сплетни могло бы это повлечь – руководитель вапсов Рьук и социалист Михкельсон развлекаются с женщинами в ресторане Du Nord.» J. Mihkelson, *Vastu tuult*, с. 295.

³⁰ Hermann Beck. Between the Dictates of Conscience and Political Expediency: Hitler's Conservative Alliance Partner and Antisemitism during the Nazi Seizure of Power. – *Journal of Contemporary History*. 2006, № 41 (4), с. 617.

Вапсы соотносили евреев с марксистами, но не с крупным капиталом, как это делали нацисты. 6 марта 1934 г. в газете *Võitlus* были опубликованы поздравления, присланные Андресу Ларка, среди которых были поздравления и от еврейских предпринимателей – от I Таллиннского предприятия по переработке и окраске мехов «Абрамсон и Ко», от паевого товарищества «Торговля золотом и серебром И. Рубина», а также от промышленно-торгового акционерного общества Самуила Беспрозванного.³¹ Откровенную финансовую поддержку германским национал-социалистам со стороны евреев было бы крайне трудно себе представить.

Расизм германского национал-социалистического толка у движения ветеранов Освободительной войны также не проявлялся. Эстонцев считали самобытным народом, но не высшей расой.

Немецкий национал-социализм требовал непоколебимой веры в харизматического вождя. Идеология вапсов и, что еще важнее, их практика вообще демонстративно отрицала единоначалие. Андрес Ларка был известен своим мягким характером, и его выдвижение в руководство движения и кандидатом на пост государственного старейшины от вапсов на практике показывают, что у них не было диктаторских планов. «Боже сохрани нас от государственного старейшины с диктаторскими наклонностями».³² В интервью газете «Сегодня» Сирк отмечал: «Мы не признаем принципа вождизма /.../. Нам не нужен ни Гитлер, ни Муссолини /.../. – А вдруг вы все-таки захотели бы стать эстонским Муссолини? – Тогда бы уже завтра меня больше не было бы. Наш народ не смирится с диктатурой одной личности /.../».³³

Социалистическая пропаганда обвиняла вапсов в близости к идеологии балтийско-немецких баронов. Это совершенно несправедливые обвинения. Газета *Võitlus* критиковала идеологию баронов и немцев даже больше, чем парламентские партии.³⁴ Таким образом, заявления о связях сторонников движения ветеранов Освободительной войны с нацистами или идеологией национал-социализма – насколько эту идеологию можно дефинировать с учетом общего фона того времени – являются очень даже спорными утверждениями.

Политическая тактика вапсов

Понятия «идеология» и «тактика» частично совпадают. В данном случае следовало бы рассматривать склонность вапсов к насилию, военизированный характер их организации, а также то, какие аналогии можно обнаружить между ситуацией в гитлеровской Германии и Эстонии.

Обвинениями в насилии в адрес вапсов бросались эстонские социалисты и советская печать 1930-х гг., а позже их подхватила историография Эстонской ССР. В газете *Rahva sõna* писалось: «Это для боевиков уже решенный вопрос, что, захватив власть в свои руки, они немедленно запустят в ход кровавую бойню по всей стране». Рьук и Сирк, якобы, уже хорошо знают технику отправления людей в мир иной, списки для расстрела всех антигитлеровски настроенных лиц уже составлены. «Жутко по вечерам входить в комнаты Союза. Туда ходят люди, у которых такое выражение лица, что оно лишает тебя сна покоя на всю ночь /.../».³⁵

В программной статье газеты *Võitlus* все же утверждалось следующее: «Всех своих целей Центральный союз вапсов

³¹ *Võitlus*, № 28, 6.03.1934, с. 13.

³² *Uue korra kujunemisel*. – *Võitlus*, № 106, 11.11.1933.

³³ Цитата из статьи: *Kirjasaatja Sirgi juures*, с. 37.

³⁴ См.: *Sakslased suurmaomandamist kindlustamas*. – *Võitlus*, № 1, 11.01.1932; *Meie ajaloo suurim häbiplakk. Landesweerlastele makstakse siiski tasu. (Rehepeksjate vembla all purunes raudidvisjon)*. – *Võitlus*, № 2, 29.01.1932.

³⁵ *Veresauna ettevalmistajad Eestis*. – *Rahva sõna*, № 106, 29.07.1933.

пытается достичь совершенно легальными способами, опираясь на существующий закон. Любое насилие является для него чуждым и неприемлемым».³⁶ Сирк подтверждал это в своем интервью газете «Сегодня»: «Моральный или физический террор в Эстонии невозможен. И мы его противники. Мы не можем позволить себе концентрационных лагерей, потому что это противоречит нашей конституции.»³⁷

Но с другой стороны – где движение, там и столкновения. Съезд ЭСРП решил уже в 1930 г. основать в городах и поселках при партийных ячейках социалистические гимнастические группы по образцу австрийских отрядов *Schutzbund*. Помимо этого, при Эстонском союзе социалистической молодежи были сформированы отряды молодых охранников социализма, состоявшие из 16–20-летней молодежи – их формой считалась темно-серая рубашка с красным галстуком. На демонстрации 1 мая 1932 г. перед колонной социалистических гимнастических групп в полной форме маршировал член Госсобрания, начальник гимнастических групп Эрих Йоонас, а во главе молодых охранников социализма – Ниголь Андресен.³⁸ Заметим, что первый из них во время Освободительной войны редактировал в Таллине подпольную газету, а другой получил в правительстве Вареса портфель министра иностранных дел и уже в это время или чуть позже стал агентом ОГПУ/НКВД.

Боевые охранные отряды вапсов формировались скорее как ответная реакция на социалистические провокации на съез-

де движения ветеранов Освободительной войны в Тапа в июле 1932 г.³⁹ Таллиннский охранный отряд состоял из 100 человек.⁴⁰ Таким образом, вапсовские отряды по численности в пропорциональном отношении были на порядок меньше, чем отряды СА или СС в Германии. Там число членов СА уже к концу 1931 г. выросло до 260 тысяч.⁴¹ Так что, как это ни парадоксально, можно заметить, что у социалистов сходство с немецким фашизмом в плане милитаризации оказывается большим, чем у движения ветеранов Освободительной войны.

Хотя инциденты с применением насилия случались и позже, и вапсы занимались тем, что, по обычаю эстонской политической борьбы, запикивали социалистов в мешки, все же здесь нужно признать, что обе стороны старались вести себя сдержанно. До перестрелок дело не дошло, хотя у многих были пистолеты в карманах или винтовки в домашних амбарах, на чердаках или в шафрейках. В том, что касается насилия, то положение в Эстонии не шло ни в какое сравнение с ситуацией в Германии, где столкновения нацистов с коммунистами и социалистами достигли очень большого размаха. Например, только во второй половине июня 1932 г. имели место 17 политических убийств, а в июле этого же года было убито еще 86 человек, не считая нацистов и коммунистов.⁴² Некоторые из этих расправ были осуществлены с особо дикой жестокостью.

Будучи антимарксистами и постоянно напоминая об опасности со стороны Советского Союза, во внешнеполитическом

³⁶ Võitlusse Eesti parema tuleviku eest.

³⁷ Цитата из статьи: Kirjasaatja Sirgi juures, с. 37.

³⁸ J. Mihkelson. Vastu tuult, с. 165–166.

³⁹ Инициаторами наиболее известного побоища были как раз социалисты, боевые группы которых, частью вооруженных, под общим руководством Эриха Йоонаса на двух полных машинах прибыли в Тапа, чтобы помешать работе съезда вапсов. Спровоцировав столкновение, они уехали. Во время этих событий Йоонас избил. Полиция арестовала двух социалистов, вообще же бойню предотвратил Сирк своими спокойными выступлениями и увещеваниями. (J. Mihkelson. Vastu tuult, с. 235–238; R. Marandi. Must-valge lipu all, I, с. 120.) Это не помешало, однако, социалистам организовать 27 июля нападки на вапсов в Госсобрании, где именно вапсов обвинили в насилии.

⁴⁰ A. Kasekamp. The Radical Right, с. 87.

⁴¹ Ian Kershaw. Hitler. Esimene kõide, 1889–1936. Kõrkus. Tallinn, 2007, с. 341.

⁴² I. Kershaw. Hitler, с. 356.

смысле вапсы все же не были агрессивными или милитаристски организованными, как германские национал-социалисты. Центральный союз ветеранов Освободительной войны и его преемник – Союз ветеранов Освободительной войны были, согласно уставу, стопроцентно демократическими организациями. Совет формировался по принципу *ex officio*, правления и их председатели на всех уровнях избирались прямо членами организации, что было обычной структурой общереспубликанского общества. Позже вступавшие в должность исполнительный руководитель и 4 местных руководителя также не создавали авторитарной организации, так как на все эти должности лица назначались каким-либо выборным правлением.⁴³

Особое внимание прежних исследователей было обращено на влияние событий в Германии на Эстонию. Известно, что немецкие нацисты пришли к власти в начале 1933 г. Этому предшествовал быстрый и впечатляющий успех национал-социалистической рабочей партии, а также резкое противостояние нацистов с коммунистами и социалистами. С последними у эстонских социалистов было налажено традиционное сотрудничество и, очевидно, они получали от немецких социалистов финансовую поддержку. На выборах летом 1930 г. национал-социалистической партии удалось собрать голосов в восемь раз больше, чем двумя годами раньше. Гитлер подчеркивал, что хочет прийти к власти конституционным путем, и риторика вапсов в этом схожа. Президентской предвыборной кампании весной 1932 г. предшествовало запрещение СС и СА. Чуть более, чем через год Ян Тыниссон ввел в Эстонии чрезвычайное положение и запретил военизированные организации. Обе акции ожидаемых результатов не принесли. В июле 1932 г. в Германии состоя-

лись парламентские выборы, на которых нацисты увеличили свою долю голосов до 37%, еще до выборов вновь были разрешены СС и СА. На осенних парламентских выборах этого же года нацисты получили 33% голосов. 30 января 1933 г. Гитлер стал рейхсканцлером, хотя еще накануне соответствующие соглашения были под вопросом. Ян Кершоу утверждает, что если бы президент фон Гинденбург дал Шлейхеру разрешение распустить парламент и отложил выборы в Рейхстаг на более поздний срок, чем предусмотренные конституцией 60 дней, то можно было бы избежать назначения Гитлера на пост канцлера. Но демократия сдалась без борьбы. В течение месяца свободы личности, гарантированные конституцией Веймарской Республики, были сметены. В течение двух месяцев все активные политики из оппозиционного лагеря были брошены в тюрьму либо вынуждены покинуть страну. Рейхстаг уступил власть и передал Гитлеру контроль над законодательством. В течение 4 месяцев были разогнаны влиятельные профсоюзы. Менее месяца потребовалось для того, чтобы все оппозиционные организации прекратили деятельность.⁴⁴

Нет сомнений в том, что произошедшие в 1933 г. в Германии события вкуче со все растущей популярностью вапсов воспринимались эстонскими социалистами как кошмарный сон. Было бы удивительно, если бы они, отождествляя вапсов по существу или в политической риторике с национал-социалистами, не прогнозировали логику политического развития в Эстонии аналогичной тому, что случилось в Германии. Этому есть много свидетельств. Аст якобы утверждал, оправдывая участие социалистов в правительстве: «... только дурак может говорить о принципах в то время, когда крыша дома горит».⁴⁵ На заседании финансовой комиссии Государственного

⁴³ Eesti Vabadussõjalaste Liidu põhikirik; R. Marandi. Must-valge lipu all, I, с. 322–327.

⁴⁴ I. Kershaw. Hitler, с. 374, 402–405, 414.

⁴⁵ АВГРФ 0154–26–37–2, л. 23, дневник И. Клявина (1 секретаря советского посольства в Таллине), запись от 23.01.1933.

собрания в марте 1933 г. он уже говорил так: «Представляется ошибочным, если демократия свою власть в любом случае попытается трактовать демократически. Доказательством этому служит поражение немецкой демократии перед гитлеризмом /.../. Защищая демократические свободы, нужно принимать меры и даже временно стеснять демократические свободы – это моя точка зрения /.../. Для этого правительство должно было бы переработать действующее законодательство. Если демократия сама себя не защищает, то этим она роет себе могилу».⁴⁶

В советском посольстве Ниголь Андресен говорил, что события в Германии – это хороший урок, поэтому они решили оказать «ветеранам более решительное сопротивление /.../».⁴⁷

Пропагандистские возможности социалистов сузились, поскольку их когда-то 10 000-ный тираж газеты *Rahva sõna* сократился весной 1933 г. до 3000 экземпляров, в то время как у вапсовского органа *Võitlus* он возрос осенью до 10 000,⁴⁸ а к концу года, наверняка, увеличился еще. Эрих Йоонас в апреле 1933 г. жаловался в советском посольстве, что «деревня фашизируется», поселенцы встают на сторону фашистов, выход из социалистических рядов происходит иногда целыми организациями. Из студентов Тартуского университета уже набирается 1300 человек «завербованных в ряды фашистов».⁴⁹ Социалисты допустили ряд политических ошибок и поначалу явно недооценивали возможности движения ветеранов Освободительной войны. Они яростно высту-

пали против девальвации кроны, всячески затягивая этот процесс, что осложняло экономическую ситуацию в Эстонии. Именно по их инициативе парламент манипулировал с кворумом голосования по проекту конституции.⁵⁰

Все эти неудачи нервировали социалистов. ЭСРП состояла из различных марксистских группировок, между которыми имелись серьезные разногласия, поэтому возможно, что социалистические лидеры Карл Аст и Август Рей надеялись под лозунгом «антифашистской» борьбы укрепить единство их фракций.⁵¹ По утверждению Алексея Яансона, после прихода Гитлера к власти среди социалистов укрепилась тенденция на сближение с СССР.⁵² Такое развитие дел несомненно усилило враждебность социалистов по отношению к вапсам и резко обострило внутривнутриполитическое положение в Эстонии.

В то же время, события в Германии наверняка влияли и на вапсов, которые приняли некоторые элементы внешней атрибутики немецких национал-социалистов и технику их пропагандистских приемов, чем вызвали на себя огонь критики.

Однако более существенными были примеры, которым вапсы следовали в их политическом поведении. После летних выборов 1932 г. НСДАП отказалась от участия в правительстве, а Гитлер не принял должность вице-канцлера, требуя себе пост канцлера. После осенних выборов он продолжил вести бескомпромиссную политику, хотя НСДАП и потеряла часть голосов.⁵³ 30 января 1933 г. Гитлер все же стал рейхсканцлером, вновь не соглашаясь

⁴⁶ ERA 80–5–289, л. 71, К Аст на заседании финансовой комиссии Государственного собрания 9.03.1933.

⁴⁷ АВПРФ 0154–26–37–5, л. 170, дневник А. Антипова, запись от 20.09.1933.

⁴⁸ АВПРФ 0154–26–37–2, л. 88, дневник Ю. Клявина, запись от 3.04.1933; АВПРФ 0154–26–37–5, л. 166, дневник Ю. Клявина, запись от 15.09.1933.

⁴⁹ АВПРФ 0154–26–37–2, л. 80–81, дневник А. Антипова, запись от 4.12.1933.

⁵⁰ АВПРФ 0154–26–37–5, л. 182, дневник А. Антипова, запись от 2.10.1933.

⁵¹ J. Mihkelson. *Vastu tuult*, с. 284–285; АВПРФ 0154–26–37–2, л. 3, дневник А. Антипова, запись от 30.12.1932; АВПРФ 0154–26–37–2, л. 81–82, дневник А. Антипова, запись от 4.12.1933.

⁵² АВПРФ 0154–26–37–2, л. 115, дневник Ю. Клявина, запись от 19.05.1933.

⁵³ I. Kershaw. *Hitler*, с. 360–361, 376–377.

на предложенные компромиссы, в связи с чем возникла легенда о приходе Гитлера к власти как о триумфе воли. Очевидно, что вапсы принимали за образец не только пропагандистскую технику национал-социалистов, но также – сознательно либо нет – их политическую бескомпромиссность.

Финансировали ли германские национал-социалисты вапсов?

Без сомнения у вапсов были известные политические контакты с немецкими политиками, а также с национал-социалистами уже просто потому, что с 1933 г. последние находились у власти в Германии. В конце февраля 1934 г. Юри Саммуль предложил также советскому послу Алексею Устинову встретиться с лидерами движения ветеранов Освободительной войны.⁵⁴ По-другому это и быть не могло, так как вапсы готовились вступить во власть и должны были дать знать о себе. А Германия, к тому же, была для Эстонии главным экспортным партнером.

Совсем другое дело – характер этих контактов. В рамках рассматриваемой здесь темы наиболее важным является вопрос, оказывалась ли вапсам такая помощь, в результате которой за ними мог числиться «долг чести» или их можно было шантажировать, т. е. справедливо ли утверждение, что они изменили либо должны были изменить свою политику, исходя из интересов Германии?

Авторами обвинений в том, что вапсов финансировали немецкие нацисты, опять являются эстонские коммунисты и социалисты. В статье газеты *Rahva Sõna* «Балтийцы уже точат ножи» утверждалось, что Гитлер планирует покорить Балтийские государства, но для этого здесь к власти

должны прийти свои гитлеры: «Не совсем уж беспричинно вот уже некоторое время господствует самое сердечное сотрудничество и взаимопонимание между немецкими гитлеровцами и балтийскими баронами с одной стороны и нашими многоликими громилами, «чистильщиками» Вышгорода и «спасителями государства» – с другой. Ни для кого не секрет, что наши молодчики располагают очень крупными суммами для ведения агитационной работы и организации попок для своих людей. Не является секретом также и то, какие баронские банки и какие коммерсанты оказывают финансовую поддержку этому движению. Весьма вероятно, что деньги поступают даже из штаба гитлеровцев в Германии».⁵⁵

Николай Каротамм писал, что вапсы – это «агентура немецкого фашизма», которая получает от фашистов поддержку, а бывшие балтийские бароны уже возвращаются обратно в Эстонию, надеясь восстановить здесь свои экономические и политические позиции.⁵⁶

Эти обвинения продолжались всю весну, лето и осень 1933 г., проникли в другие газеты и достигли своей кульминации в ноябре–декабре. Волна обвинений еще более усилилась слухами о якобы подаренной Германией вапсам ротационной машине.⁵⁷ Источником этих слухов была газета *Päevaleht*, которая, правда, высказала лишь свои подозрения.⁵⁸

В статье, которая была опубликована на первой полосе газеты *Rahva Sõna* от 15 ноября 1933 г. и содержала, в отличие от более ранних статей, заметно больше деталей, что делало ее более серьезной, благодаря чему ее позже часто цитировали, утверждалось, что вапсы финансируются гитлеровцами через балтийских баронов.

⁵⁴ АВГРФ 0154–26–38–3, л. 23, А. Устинов (посол СССР в Эстонии) Б. Стомонякову, 7.03.1934.

⁵⁵ *Baltlased ihuvad juba pussi.* – *Rahva Sõna*, № 59, 15.03.1933.

⁵⁶ N. Karotamm. *Rahvahääletus ja Eestimaa faschiseerimine*, с. 5.

⁵⁷ См.: *Vabadussõjalaste salaühendus parunitega.* – *Rahva Sõna*, № 134, 4.11.1933; «*Vabadussõjalaste*» rahaallikad selgumas. – *Rahva Sõna*, № 136, 15.11.1933; K. Ast *Riigikogus* 5.12.1933. – *Riigikogu V koosseisu täielikud protokollid*. Tallinn, 1934, с.1079–1086; 1102–1105.

⁵⁸ Eja. *Avaldatagu seisukohad.* – *Päevaleht*, № 320, 23.11.1933.

В статье говорилось о том, что руководитель национал-социалистов Эстонии Виктор фон цур Мюлен начал, согласно полученным из Германии инструкциям, налаживать связи с лидерами вапсов, принявшими «нацистско-фашистскую идеологию», и создавать сеть вокруг легковерных «ларка-сирков». Он понимал, что самое большое место у вапсов – это нехватка денег. К началу 1933 г. касса газеты *Võitlus* была абсолютно пуста. Однако в первой половине года деньги в нее потекли рекой из таинственного источника. «На основании имеющихся у нас данных мы можем дать ответ: этих источников три». Первый – это часть буржуазии Эстонии, которая с помощью правой диктатуры надеялась еще больше ограбить народ. Однако эти суммы были не так велики, и «вапсы бы протянули ноги от голода», если бы не было других вливаний. После того, как лидеры ветеранов Освободительной войны договорились с фон цур Мюленом, Турманом и другими, последние призвали представителей состоятельных кругов Германии прийти вапсам на помощь. «И деньги начали оттуда поступать». Ротерман, Лютер, Зигель и другие пожертвовали вапсам суммы, достигавшие «сотен тысяч». «Однако агитационная работа, нацеленная на одурманивание и обман эстонского народа, требовала гораздо больших сумм, чем могли бы дать эти два источника». «Фон цур Мюлену, состоявшему в хороших отношениях с Гитлером» не составило особого труда получить деньги из министерства пропаганды Германии. Решение вопроса было возложено на специального агента, бывшего офицера «жестяной дивизии Гольца», теперь маскирующегося под представителя фирмы «Сименс-Шукерт» Мальцана /.../. «Связным между гитле-

ровцами фон цур Мюлена и офицерами нашей армии является полковник кавалерийского полка Вайс». ⁵⁹ Сирк же в интервью газете «Сегодня» заверял, что он не знает ни фон цур Мюлена, ни Мальцана: «Разговоры о наших связях с немцами – это ложь». То же самое заявили в газете «Сегодня» соратники фон цур Мюлена. ⁶⁰

Вся эта конструкция в газете *Rahva Sõna* и в самом деле кажется не вполне вероятной. Помимо этого, Маранди установил, что вышеупомянутого Вайса в реальности не существовало, а посетивший Эстонию Мальцан имел скорее технические интересы, а не являлся лицом из нацистской среды, поэтому Маранди считает, что в данном случае имеют, очевидно, место необоснованные обвинения. ⁶¹

А вот факт, о котором ни Маранди, ни Сирк, ни фон цур Мюлен, ни Мальцан, ни, тем более, несуществующий Вайс не знали, заключался в том, что записка в *Rahva Sõna* от 15 ноября написана по материалам, переданными редактору Эриху Йоонасу секретарем советского посольства Ю. Клявиным. ⁶²

Итак, у самих социалистов не было никаких доказательств, подтверждающих эту конструкцию. Не могли они доказать и свои более ранние утверждения. А именно – о том, что финансирование вапсов идет от нацистов, они говорили также в советском посольстве, однако когда недоверчивые работники посольства, которых вопрос по существу интересовал, стали расспрашивать более подробно, Эрих Йоонас, Ниголь Андресен и Максим Унт стали утверждать, что германские нацисты финансируют вапсов через банк Шееля. Август Рей же отметил, что между нацистами и вапсами налажены связи через банк Шееля и через экономические орга-

⁵⁹ «Vabadussõjalaste» rahaallikad selgumas.

⁶⁰ Цитаты из статей: A. Sirgu jutuaajamine «Segodnjale». – *Päevaleht*, № 332, 5.12.1933; «Führeri» asetäitjad jutustavad oma lootustest. – *Päevaleht*, № 334, 8.12.1933.

⁶¹ R. Marandi. *Must-valge lipu all*, I, с. 482–483, 500.

⁶² АВПРФ 0154–27–39–13, л. 1, Г. Бежанов (референт 1-го Прибалтийского отдела Наркомата иностранных дел) Ю. Клявину, 5.01.1934; там же, л. 5, И. Клявин Г. Бежанову, 9.01.1934.

низации.⁶³ Достоинно внимания то, что в статье, написанной по советским материалам, банк Шееля уже не упоминается. Едва ли работники посольства сами верили в наличие у вапсов связей с нацистами. Но это, конечно, не мешало им активно распространять в «Правде» и «Известиях» слухи о том, как германские нацисты финансируют эстонских фашистов. Недоказанным осталось также обвинение в том, что вапсы якобы получили из Германии бесплатно или по очень сходной цене ротационную машину.⁶⁴

Однако обстоятельство, что у тех, кто в то время обвинял вапсов в получении помощи от нацистов, не было под рукой доказательств, конечно, совсем не означает того, что вапсов и в самом деле не финансировали из Германии. Однако мы можем также считать недоказанными утверждения тех историков, которые базируются исключительно на заявлениях социалистов.

Так, Олаф Куули, утверждая, что «при посредничестве финских фашистов» вапсы получили «из Германии современную ротационную машину без того, чтобы за это было что-то заплачено»⁶⁵, опирается на документы эстонской Политической полиции. Однако, в обоих документах, на которые он ссылается, речь все же идет только о слухах. Кроме того, в них не сказано, что машина досталась бесплатно – во втором из указанных документов упомянуто, что за машину будет заплачено, как только она начнет приносить денежный доход.⁶⁶

Магнус Ильмярв утверждает, что ле-

том 1933 г. «во Внешнеполитическом ведомстве (*Aussenpolitisches Amt* – Внешнеполитическое ведомство НСДАП, руководимое Альфредом Розенбергом – Я. В.) обсуждали, не заключить ли конфиденциальный экономический договор между НСДАП и вапсами о поддержке последних и не поддержать ли их печатные издания суммой в 5000–10 000 эстонских крон». По словам Ильмярва, именно такую сумму просили сами лидеры вапсов. Исследователь опирается на недатированный документ, который имеется в российском Центре хранения историко-документальных коллекций (ЦХИДК. Ф. 519. Оп. 3. Д. 34. Л. 16–17) и который Ильмярв именуется меморандумом Внешнеполитического ведомства (*Aussenpolitisches Amt*).⁶⁷ Однако в этом документе не говорится, что вышеназванную сумму запрашивали лидеры вапсов. Этот же документ находится в Федеральном архиве (Bundesarchiv) Германии, причем из него следует, что это не меморандум Внешнеполитического ведомства, а обзор внутриполитического положения в Эстонии, составленный 27 июня 1933 г. начальником Таллиннского опорного пункта (*Stützpunkt*) НСДАП Хельмутом Шиллером.⁶⁸ Следующий доклад Шиллера, однако, свидетельствует о том, что финансирования так и не дождался: «Приходится с сожалением констатировать, что в связи с отсутствием политической активности со стороны Германского рейха, а также из-за усиления в создавшихся условиях активности со стороны Эстонии, ожидается неблагоприятное развитие событий. Своевременное

⁶³ АВВРФ 0154–26–37–5, л. 155, дневник А. Антипова, 9.08.1933; там же, л. 171, 20.09.1933; там же, л. 221, 26.10.1933; там же, л. 177, из дневника И. И. Клявина, 3.10.1933.

⁶⁴ Вопросом приобретения ротационной машины основательно занимался Р. Маранди (см.: R. Marandi. Must-valge lipu all, I, с. 331–333, 338–339), и в результате он пришел к выводу, что это обвинение является необоснованным, хотя детали сделки частично остались не выясненными.

⁶⁵ O. Kuuli. Vapsidest isamaaliiduni, с. 84.

⁶⁶ ERA 1–7–72, л. 1, автор документа и адресат неизвестны, б.д.; ERA 1–7–72, л. 50, комиссар Политической полиции инспектору Политической полиции, 15.01.1934.

⁶⁷ M. Ilmjärv. Nääletu alistumine, с. 131.

⁶⁸ BA NS 43/21, 180, начальник Таллиннского опорного пункта НСДАП Х. Шиллер Отделу зарубежных немцев НСДАП в Гамбурге, 27.06.1933.

воздействие на ветеранов препятствовало бы в положительном смысле возможности для поиска других контактов». ⁶⁹

Во-вторых, Ильмярв утверждает: «Один из руководителей вапсов Хьялмар Мяз, находясь позже в изгнании, пытался опровергнуть утверждения о том, что Германия финансировала вапсов /.../ Однако связанный с Мяз вапс Карл Арнольд Ялакас признался в НКВД, что Сирк и Готтфрид Дункель получали деньги из Германии, и что Германия субсидировала движение через фирмы эстонских немцев и представителей германских фирм в Эстонии. Из немецких фирм Ялакас называл *IG.Farbenindustrie AG*, а из тех, что принадлежали эстонским немцам или эстонцам, – фирмы Роттермана, Лютера и Пухка, Кясмуское судоходное товарищество и А/О «Сави». ⁷⁰ В исследовании *Sõja ja rahu vahel* Ильмярв прямо пишет, что вапсы получали деньги из Германии – идеи вапсов привлекли к себе внимание руководимого Розенбергом Внешнеполитического ведомства НСДАП, «которое внесло свою долю в финансирование движения. Вапсов поддерживали через фирмы эстонских немцев и представительств германских фирм в Эстонии». ⁷¹ Подтверждением обоих высказываний служит протокол дознания Карла Арнольда Ялакаса, сохраняемый в филиале Латвийского исторического архива. ⁷²

Однако ценность этого признания в качестве исторического источника заключается лишь в том, что оно ясно демонстрирует следственные методы НКВД. Показания были даны весной 1942 г., и в них Ялакас «признается», что они вместе с Хьялмаром Мяз – немецкие шпионы. В протоколе также записано, что самые

крупные субсидии вапсам поступали из Германии. Ни одна из названных фирм, кроме *IG Farbenindustrie*, не представляется вероятной в качестве финансового посредника, Шеель вообще не упоминается и т. д.

По утверждению Ильмярва «нашел подтверждение тот факт, что Внешнеполитическое ведомство НСДАП помогло вапсам приобрести ротатор по сходной цене», ⁷³ однако автор не доказывает это ссылкой на источник. Другая его конструкция о планах вапсов и прибалтийских национал-социалистов также базируется преимущественно на слухах и является абсолютно неубедительной. Материалы Бундесархива показывают, что представителем нацистской партии в Эстонии был не Виктор фон цур Мюлен, руководимое которым балтийское нацистское движение в Эстонии было с большим апломбом прикрито в конце 1933 г., а начальник Таллиннского опорного пункта НСДАП Хельмут Шиллер. Документы Бундесархива проливают также свет на операцию с приобретением ротационной машины. Хотя не все детали этой операции до конца прояснены, в свете этих документов понятно, что вапсы смогли позволить себе купить эту машину благодаря тому, что приобрели ее в рассрочку, а дешевая она была потому, что ее возраст составлял 20 лет. ⁷⁴ На основе известных источников помощь нацистов в осуществлении сделки не находит подтверждения.

В заключение

«Лицо эпохи», или политический фон, от которого зависят трактовки историков, был, начиная с 12 марта 1934 г., негатив-

⁶⁹ BA NS 43/21, 185, начальник Таллиннского опорного пункта НСДАП Х. Шиллер Отделу зарубежных немцев НСДАП в Гамбурге, 10.07.1933.

⁷⁰ M. Ilmjärv. *Häälētu alistumine*, с. 132.

⁷¹ *Sõja ja rahu vahel*, с. 55.

⁷² LVA F 1986–143908/2, л. 217–218, протокол допроса Карла Арнольда Ялака от 15.04.1942.

⁷³ M. Ilmjärv. *Häälētu alistumine*, с. 131.

⁷⁴ BA NS 43/21, 193–226, договоры о купле-продаже ротационной машины и переписка, 16.11.1933–8.01.1934.

ным в отношении ветеранов Освободительной войны. Поэтому неудивительно, что соответствующей окраски (дез)информация стала как будто бы сама себя создавать и множить.

Наиболее значительной общей чертой германского нацизма и эстонских вапсов был антимарксизм. Однако даже с этой точки зрения идеологию ветеранов Освободительной войны можно считать фашистской только в том случае, если определять фашизм так, как его в свое время трактовали эстонские коммунисты, советская печать и историография Советской Эстонии, а также, частично, современная российская пропаганда, т. е. просто как враждебную советской идеологию.

События в Германии, однако же, влияли на внутривнутриполитический климат в Эстонии, причем весьма негативно. Вапсы могли брать пример с нацистской политической бескомпромиссности, а также заимствовать внешние элементы атрибутики и технику их пропагандистских приемов.

Эстонские социалисты отождествили движение ветеранов Освободительной войны с немецким нацизмом по существу. Исходящая из этого политическая логика подсказывала им, что все произошедшее в Германии годом-полтора раньше, повторится в Эстонии, если социалисты не будут бороться с вапсами всеми, в том числе безнравственными, способами. Помимо этого, у них вызывал разочарование такой фактор, как сокращение поддержки избирателей в кризисное время. Их теория провозглашала, что мировой экономический кризис как проявление всеобщего кризиса капитализма должен привести к победе марксистской идеи, а вместо этого народную поддержку получило неизвестно откуда возникшее движение. Их политика и сотрудничество с Советами обостряли внутривнутриполитическое положение в Эстонии.

Была ли у вапсов возможность опровергнуть звучавшие в их адрес обвинения?

Едва ли для этого имелись иные способы, нежели те, которые они пытались использовать. Ясность в этом деле могли бы принести судебный процесс о защите чести, который собирались инициировать Карл Аст и Артур Сирк, а также процесс на основании обвинений в клевете, которые Сирк выдвинул против газет. Однако эти процессы не состоялись. Не состоялись по не зависящим от вапсов причинам.

Исследование осуществлено при поддержке Научного фонда Эстонии, грант № 6079, в рамках целевой темы Министрства образования и науки Эстонской Республики № 0132703s05 и исследовательского проекта Национального архива «Внутренняя политика Эстонской Республики в 1930-е годы».

Як Валге

(1955)

Доктор исторических наук (2003).

Ведущий научный сотрудник Эстонского института демографии.

Область исследований: экономическая история Эстонии и Европы XX века.

Деятельность Управления школ Немецкого культурного самоуправления по организации школьной жизни балтийских немцев в Эстонской Республике (1918/1925–1940)

Кайдо Лауритс

До начала реформ последних десятилетий XIX в., связанных с политикой русификации, школьное образование в городах Эстляндии и Лифляндии в большинстве своем осуществлялось на немецком языке. Существенную роль в образовательной системе играло широкое распространение сети частных немецких школ. В результате политики русификации все типы немецких школ были принудительно переведены на государственный, т. е. на русский язык обучения. Родной язык немцы пытались сохранить в домашнем обучении и в частных пансионах. Революционные события 1905 г. заставили государственную власть, помимо прочего, пойти на либерализацию языковой политики. В 1906 г. в Остзейских провинциях было восстановлено право на школьное обучение на родном языке. Вновь открылись дворянские уездные гимназии и частные немецкие школы. При поддержке соответствующих образовательных, или просветительских, обществ (*Deutsche Vereine*), а также дворянского самоуправления довольно быстро воссоздалась негосударственная сеть немецких школ. 21 августа 1906 г. снова распахнула двери Ревельская

рыцарская Домская гимназия, закрытая в 1893 г.¹ Однако вскоре для немецкой школы снова наступили тяжелые времена. В 1914 г. в связи с началом Первой мировой войны прекратили работу почти все немецкие школы и содержавшие их немецкие просветительские общества, а оставшиеся учебные заведения должны были перейти на русский язык обучения.

Очередное возрождение немецких школ в Эстонии произошло в начальный период немецкой оккупации. В феврале 1918 г. снова открылась немецкая Ревельская рыцарская Домская гимназия. Более масштабное восстановление немецких школ началось, однако, с 1919/1920 учебного года, когда ситуация в стране несколько стабилизировалась. 20 сентября 1919 г. для организации и координации формирующейся системы немецкого образования было создано новое объединение – Общество для поддержания немецких частных школ и нуждающихся учащихся (*Gesellschaft zur Unterstützung deutscher Privatschulen und Mittelloser Schulkinder*). 28 октября этого же года оно было преобразовано в Немецкое общество школьной помощи (*Gesellschaft Deutsche Schulhilfe*),

¹ Feliks Kinkar. *Lehekülgi Eestimaa kultuuriloost. Baltisaksa haridusseltsid Eestis 1905–1914*. Tallinn, 2000, с. 68.

первым председателем которого был избран Аксель фон Майдель (1869–1945).² Под общим руководством Министерства образования совместно с немецким национальным секретарем Иоганнесом Беэрманом (1878–1958) Немецкое общество школьной помощи направляло деятельность всех частных немецких учебных учреждений, оказывая им серьезную материальную поддержку.³ Одной из важнейших задач общества стало улучшение положения преподавателей частных немецких школ. С этой целью были установлены общие для всех учителей ставки заработной платы, которые хоть и не достигали государственной нормы, но все-таки давали определенное чувство уверенности.⁴ Существенным достижением было создание пенсионной кассы для учителей частных школ.⁵ В 1920 г. возникли Тартуское немецкое школьное и вспомогательное общество (*Dorpatser Deutsche Schul- und Unterstützungsverein*) и Пярнуское просветительское общество (*Pernauer Schulferein*), которые тесно сотрудничали с Немецким обществом школьной помощи, ставшим, таким образом, центральной организацией для всей Эстонии.⁶ Как правило, во всех малых городах, где работали немецкие учебные заведения, действовали местные группы Немецкого общества школьной помощи.

Для координации деятельности общества по руководству частными школами в пределах всей республики возникла необходимость создать специальную долж-

ность школьного советника, в чью компетенцию входило поддержание контактов с отдельными школами, учет их нужд, а также сбор статистических данных по школам. В 1920 г. школьным советником Немецкого общества школьной помощи был избран пастор Вильгельм Кентман (*Wilhelm Kentmann*, 1861–1938), затем исполнение этой должности взял на себя его бывший заместитель И. Беэрман. В ноябре 1921 г. школьным советником стал директор Альфред Вальтер (*Alfred Walter* (1886–1945), который занимал эту должность до создания Немецкого культурного самоуправления и основания при нем Управления школ. В 1921 г. Немецкое общество школьной помощи насчитывало 1691 членов.⁷

Согласно отчетам И. Беэрмана и Немецкого общества школьной помощи, в первые годы Эстонской Республики статистика по немецким школам была такова: 1919 г. – 21 школы и 3350 учащихся; 1920 г. – 20 школ и 3445 учащихся; 1921 г. – 22 школы и 3791 учащихся; 1923 г. – 25 школ и 4034 учащихся; 1925 г. – 25 школ и 3739 учащихся.⁸ По официальным статистическим данным, в 1923 г. в Эстонии было 22 немецкие элементарные школы, где обучалось 2325 детей, и 14 немецких средних школ, в которых училось 1616 учащихся. Среди учащихся немецких основных школ было 23 % не немцев, а в школах старшей ступени этот показатель равнялся 20 % . Но с другой стороны, 16,6% немецких детей в городах и 59,4% в сельских мест-

² Аксель Майдель (*Maydell, Moritz Alexander (Axel) Georg*), политик и общественный деятель. В 1919–1938 гг. председатель Общества помощи немецким школам; 1925–1931 – член Немецкого культурного самоуправления.

³ F. Kinkar. *Lehekülgi Eestimaa kultuuriloost*, с. 121–122.

⁴ Wolfgang Wachtmuth. *Von deutscher Schulpolitik und Schularbeit im Baltischen Raum, von ihrer Anfängen bis 1939*. Leipzig, 1939, с. 71.

⁵ Paul Ferdinand Hermann Blossfeld. *Geschichte des deutschen Schulwesens in Estland 1919–1935*. Reval, 1935, с. 12.

⁶ Там же, с. 11.

⁷ В Марбурге, в архивной коллекции Института им. И. Г. Гердера хранится экземпляр объемного труда многолетнего президента Немецкого культурного самоуправления Вильгельма фон Врангеля. Труд представляет собой 11 рукописных тетрадей под общим названием *Materialien zur Geschichte der Kulturselbstverwaltung* (далее – DSHI 100 Wrangell), № 2, л. 31.

⁸ F. Kinkar. *Lehekülgi Eestimaa kultuuriloost*, с. 122.

ностях посещали основные школы не на родном языке; в школах старшей ступени немцы составляли 5,1% учащихся.⁹

В 1923/1924 учебном году в Эстонии работали, по крайней мере, 6 публичных немецких школ.

В Таллинне:

Городская немецкая реальная гимназия, в которой было 10 классов;

3-я городская немецкая женская гимназия – 8 классов;

23-я городская немецкая основная школа – 11 классов.

В Тарту:

Городская немецкая общая гуманитарная гимназия – 6 классов;

14-я городская немецкая основная школа – 5 классов.

В Мустла, недалеко от Выру, работала 5-классная немецкая школа с 46 учениками – детьми местных немецких колонистов.

Наряду с публичными школами, согласно отчету И. Безрмана, в 1921/1922 учебном году работали 18, а по данным статистического отдела Министерства образования – 26 частных школ с немецким языком обучения.¹⁰ Это обуславливалось, очевидно, тем, что Закон о народных школах от 7 мая 1920 г. давал право требовать открытия немецкой школы при наличии в классе не менее 20 детей школьного возраста, из-за чего в небольших городах, поселках городского типа и в сельской местности отсутствовало требуемое (законное) основание ходатайствовать перед местным самоуправлением об открытии школы. В городах же, по мнению Генриха Пантениуса (Heinrich Pantenius, 1865–1935) –директора Тартуской городской немецкой общей гуманитарной гимназии, деятеля как местного, так и Немецкого культур-

ного самоуправления, немцы сами могли бы больше использовать предлагаемые эстонским государством экономические льготы и возможности в деле образования. Почему это не было сделано, Г. Пантениус объясняет отчасти социально-психологическими, а отчасти – образовательными-политическими моментами.¹¹ Балтийским немцам было трудно примириться с изменившимся положением, для части из них «казалось чуждым посылать своих отпрысков в школу, где за одной партой сидели дети богатых и бедных, людей с положением и лиц, занимающих нижние ступени социальной лестницы». К этому прибавлялись также соображения другого плана. С одной стороны, у всех в памяти было еще российское полицейское государство с его единообразной регламентацией во всем, что касалось публичных школ. Отсюда исходило недоверие балтийско-немецкой общественности к новому порядку в школах. С другой стороны, в законодательном плане положение школ национальных меньшинств также не было еще до конца определено.

До 1925 г. немецкие частные и публичные школы подчинялись отделам по делам образования 13 местных самоуправлений,¹² что делало практически невозможным единое руководство жизнью немецких учебных заведений. Создание Немецкого культурного самоуправления открыло в истории развития национальной школы новую главу, поскольку наконец появилась возможность подчинить все немецкие частные и публичные школы единому руководству в рамках Культурного самоуправления и создать для немецкого нацменьшинства оптимальную сеть школ. В марте 1925 г. была созвана комиссия по разработке целевых установок для ревизии отдельных немецких школ – в состав комиссии вошли Г. Пантениус,

⁹ Wilhelm Winkler. Statistisches Handbuch des gesamten Deutschtums. Berlin, 1927, с. 533.

¹⁰ Heinrich Pantenius. Die öffentlichen Deutschen Schulen Dorpats. Dorpat, 1924, с. 48–49.

¹¹ Там же, с. 50–51.

¹² P. Blossfeld. Geschichte des deutschen Schulwesens, с. 17; W. Wachtmuth. Von deutscher Schulpolitik und Schularbeit, с. 72.

В. Штильмарк¹³ и В. Хассельблат.¹⁴ Немецкое культурное самоуправление получило в наследство чрезвычайно разрозненную школьную сеть, созданную еще в то время, когда немецкая община в Эстонии была гораздо более многочисленной и располагала несравненно большими материальными средствами.¹⁵ До создания Культурного самоуправления немецкие школы возникали не благодаря каким-то масштабным планам, а исходя из чисто местных потребностей. У них вообще не было единого учебного плана, каждая школа развивалась своим путем, и многое зависело от школьного руководства.¹⁶ Важнейшей задачей Немецкого культурного самоуправления стала реорганизация школьной сети с целью создания стройной и единой образовательной системы. Однако это влекло за собой также болезненную для немцев потерю многих маленьких городских школ и внутреннюю борьбу в среде немецкого нацменьшинства. Разработкой сети публичных немецких школ должен был заниматься Культурный совет, ее следовало согласовать с местными самоуправлениями, после чего правительство республики в лице министра образования должно было ее утвердить.

Министр решал также те вопросы, по которым Немецкое культурное самоуправление и местные самоуправления не достигли согласия.¹⁷

В декабре 1925 г. на собрании правления Культурного самоуправления было решено создать при Немецком культурном самоуправлении Управление школ (Schulamt), для решения вопросов, связанных с созданием школ немецкого меньшинства, управления ими, их финансирования и осуществления надзора за ними. В состав вышеназванного органа должны были войти избранные правлением Немецкого культурного самоуправления руководитель Управления школ, члены Комиссии по делам образования, а также школьный советник и секретарь правления Культурного самоуправления. В состав Комиссии по делам образования входили руководитель Управления школ, который одновременно исполнял функции председателя комиссии, а также школьный советник, два представителя совета Культурной автономии и два представителя Союза немецких учителей (*Deutsche Lehrerverband*).¹⁸ В компетенцию Управления школ были переданы все вопросы, связанные с организацией немецких школ, в том числе пред-

¹³ Вернер Штильмарк (Werner Barthold Maximilian Stillmark, 1889–1941) в 1924–1939 гг. был директором Таллиннской Елизаветинской школы (*Elisenschule*). С 1925 г. – постоянный член Совета Немецкого культурного самоуправления; в 1930–1936 гг. – председатель Немецкого Союза в Эстонии (*Verband deutscher Vereine in Estland*).

¹⁴ Вернер Хассельблат (Werner Richard Karl Hasselblatt, 1890–1958), 1920–1930 юрисконсульт в Тарту, в 1923–1932 гг. – депутат парламента и председатель немецко-шведской парламентской фракции. Являлся членом нескольких парламентских комиссий и докладчиком в прениях по обсуждению законопроектов. Принимал непосредственное участие в разработке проекта Закона о культурном самоуправлении национальных меньшинств и в претворении в жизнь Немецкого культурного самоуправления. Как член правления Немецко-балтийской партии В. Хассельблат с 1925 г. принадлежал к числу членов-основателей Женевского Конгресса национальных меньшинств. В 1931 г. как председатель Союза немецкой народной группы в Европе (*Verband des Deutschen Volksgruppen in Europa*) переселился в Берлин.

¹⁵ Wilhelm von Wrangell. Zur Situation der Deutschbalten bis zur Umsiedlung. – Zwischen Reval und St. Petersburg. Erinnerungen von Estländern aus zwei Jahrhunderten. Сост. H. v. Wistinghausen. Weisshorn, 1993, с. 400.

¹⁶ Heinrich Pantenius. Schule und kulturelle Selbstverwaltung. – Revaler Bote. Sonderausgabe (Autonomie-Nummer), 1925, № 23, с. 2.

¹⁷ Friedrich von Poll. Das Kulturautonomiegesetz der Republik Estland und seine Bedeutung für das europäische Minderheitenproblem. Diss. Jur. Würzburg, 1926, с. 77.

¹⁸ ERA 85–1–131, протокол собрания Немецкого культурного правления от 3.09.1925; Werner Stillmark. Die Kulturselfverwaltung und das deutsche Schulwesen Estlands. – Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1927, с. 88.

ставление в министерство образования для утверждения всех школ и учителей, проведение открытых конкурсов на замещение преподавательских должностей, ведение послужных списков учителей, решение вопросов, связанных с учебниками, ведение списков немецких детей, подлежащих всеобучу, содержание школ, забота об обеспечении публичных немецких школ учебными пособиями через правительство и муниципальные органы, выработка поручных планов и учебных программ и их представление на утверждение в министерство образования, осуществление решений правления Культурного самоуправления по вопросам образования и т. д.¹⁹ Таким образом, Управление школ при Культурном самоуправлении принял на себя большую часть функций Немецкого общества школьной помощи, и последнему осталось лишь содержание нескольких частных немецких школ. Немецкое общество школьной помощи ведало также содержанием пенсионной кассы и выплатой пенсий учителям частных школ, которые еще не получали государственной пенсии (изменения по этому вопросу были внесены особым законом о частных школах в 1927 г.).²⁰ В маленьких городах сохранялись местные филиалы вышеназванного общества, которые большей частью выполняли функции владельцев частных

школ. Для обсуждения наиболее важных и принципиальных вопросов должна была созываться комиссия по вопросам образования при Культурном совете Немецкого самоуправления, куда кроме основного состава, входили еще и другие избранные Культурным советом члены.²¹ Школьного советника избирал Культурный совет, а утверждало министерство образования. По статусу – это был государственный чиновник, состоящий на коммунальной службе.²² Школьный советник не являлся начальником для директоров и учителей, «а был только наблюдателем-специалистом, доброжелательным советчиком и объективным докладчиком».²³ В декабре 1925 г. школьным советником был избран директор Раквереской немецкой гимназии Карл фон Цеддельман (Karl v. Zeddelmann, 1888–1961), утвержденный министерством образования 1 января 1926 г. Первым руководителем Управления школ при Культурном самоуправлении стал инспектор школ Якоб Гансен (Jacob Hansen).²⁴ В качестве представителей Культурного совета в комиссию по вопросам образования Управления школ²⁵ были избраны Вернер Штильмарк и Александр фон Майдел, а представителями от учителей стали директор Таллиннской Домской школы Пауль Блосфельд²⁶ и директор Таллиннского реального училища Артур Шпрекельзен.²⁷

¹⁹ W. Wachtmuth. Von deutscher Schulpolitik und Schularbeit, с. 80–81.

²⁰ Там же, с. 88.

²¹ ERA 85–1–60, л. 138, Hasselblatt, W. Über die Kulturautonomie (1921–1930). Рукопись и приложения (запись произведены, очевидно, примерно в 1921(1925)–1928(1935) гг.).

²² P. Blossfeld. Geschichte des deutschen Schulwesens, с. 15.

²³ ERA 85–1–67.

²⁴ Якоб Гансен (Jacob Adolph Friedrich Hansen, 1890–1960), педагог и директор школы, заместитель председателя Таллиннского общества немецких учителей и Союза немецких учителей в Эстии. В 1925–1932 гг. был членом Совета Немецкого культурного самоуправления, в 1933–1938 – руководитель школьного департамента Немецкого культурного самоуправления.

²⁵ ERA 85–1–131, протокол собрания Немецкого культурного самоуправления от 3 сентября 1925 г.; ERA 85–1–242, протокол собрания Немецкого культурного самоуправления от 10 декабря 1925 г.

²⁶ Пауль Блосфельд (Paul Ferdinand Hermann Blossfeld, 1864–1944), химик и педагог. В 1920–1930 гг. был директором Домской гимназии, а в 1922–1924 гг. – одновременно и директором Елизаветинской школы. Школьный советник Немецкого культурного самоуправления в 1930–1934 гг.

²⁷ Артур Шпрекельзен (Arthur Leopold Christoph Spreckelsen, 1863–1939), педагог и археолог. Член Совета Немецкой культурной автономии I и II созыва; председатель секции музеев и научных обществ Культурного управления, а также член Комиссии по вопросам образования при Управлении школ Немецкого культурного самоуправления.

Осуществление надзора за учебно-воспитательной работой в немецких школах было возложено на руководителя Управления школ Немецкого культурного самоуправления. В обязанности немецкого школьного советника входила, прежде всего, проверка школ и их учебно-воспитательной деятельности – в качестве проверяющего советник отчитывался перед руководителем Управления школ. Не реже одного раза в год школьный советник должен был проводить в школах инспекции, обращая особое внимание на соответствие знаний и умений школьников действующим нормам. Помимо этого, советник по вопросам образования мог время от времени поручать соответствующим специалистам проведение проверки в отношении преподавания отдельных предметов. В конце каждого учебного года школьный советник был обязан представить правлению Немецкого культурного самоуправления письменный отчет о результатах проверок.²⁸

При реформировании системы немецких школ в Эстонии исходили из принципа, что по возможности следует опираться на исторически существующую сеть и развивать ее настолько, насколько это оправдано и соответствует требованиям современности.²⁹ Так, например, было признано необходимым сохранить классическую гимназию.³⁰ Поскольку немцы в Эстонской Республике не проживали компактной группой, то особенно важным представлялось сохранение школ в малых городах, так как именно там была сосре-

доточена общественно-культурная жизнь местных немцев. Ликвидация таких школ могла еще более усугубить нежелательный отток населения в столицу, где было больше возможностей найти работу.³¹ Уже существующие школы должны были по согласованию с правлением Немецкого культурного самоуправления иметь возможность выбрать для себя один из предусмотренных типов школ.³² Элементарные, или начальные, школы включали в себя 1–6-й классы и создавали основу для последующего обучения учащихся во всех типах средних школах. 5-й и 6-й классы должны были быть предварительными классами в средней школе (*Mittelschule*). В различных типах средних школ предусматривалось сосредоточение на основных учебных предметах, служивших базой для общего образования, предоставляемого данным типом школ. Одним из основных типов средней школы была классическая гимназия (с изучением латинского и греческого языков). Далее шли латинская гимназия (включала в обязательном порядке латинский и, в качестве факультативного предмета, греческий язык), новая гуманитарная гимназия (родной язык и история), высшая реальная школа (математика и естественные науки), а также женская школа, которая в 9–11-м классах отвечала от новогуманитарной гимназии и была поедназначена для тех девушек, в чьи планы не входило обучение в абитуриентуре. Все типы школ включали 5 или 6 классов предварительного обучения, а 7–11-й классы рассматривались как

²⁸ ERA 85–1–67, положение об осуществлении надзора за учебно-воспитательной работой школ, подчиненных Немецкому культурному самоуправлению.

²⁹ ERA 85–1–67, предложения Культурного совета правлению Немецкого культурного самоуправления в отношении типов школ и школьной сети.

³⁰ Э. Муссо считал очень важным сохранение классических гимназий, так как исчезновение классического образования, по его мнению, делало в будущем весьма проблематичным воспроизводство квалифицированных кадров немецких историков, филологов, теологов. С другой стороны, он высоко ценил те духовные богатства, которыми овладевало юношество при изучении классической античности и древних языков, благотворно влияющих на их духовное формирование. ERA 85–1–558, *Denkschrift zur Beurteilung der Lage und der Bedürfnisse des deutschen Schulwesens in Estland. (Auf Grund einer Bitte des Schulausschusses des II. Estl. Deutschen Kulturrats vom 22. Sept. 1930 ausgearbeitet von Emil Musso)*.

³¹ P. Blöschfeld. *Geschichte des deutschen Schulwesens*, с. 15.

³² W. Stillmark. *Die Kulturselbstverwaltung*, с. 89.

классы основной школы. Дополнительно предусматривались 8-летняя т. н. бюргерская школа (*Bürgerschule*) и 9-летняя профессиональная школа (к этому типу относились, прежде всего, коммерческие школы).³³

Другой важной задачей, с которой Управление школ должно было сразу начать заниматься, являлись переговоры с министерством образования о передаче немецких школ в ведение правления Немецкого культурного самоуправления. Правление пыталось, насколько это было возможно по закону, включить все немецкие школы в сеть публичных школ. Переговоры шли тяжело, потому что ни закон о школах, ни закон о культурном самоуправлении не давали на этот счет конкретных указаний. На практике трудности возникали на переговорах с отдельными местными самоуправлениями, в то время как в общении с государством практически никаких недоразумений не возникало.³⁴ В результате переговоров с 1 января 1926 г. частные немецкие школы и с 1 сентября 1926 г. публичные немецкие школы были переданы из ведения министерства образования Эстонской Республики в подчинение Управлению школ Немецкого культурного самоуправления. 1 августа 1927 г. в состав сети публичных школ были включены два класса дополнительного обучения в Таллинне и два нижних комплекта начальных классов немецкой основной школы в Нымме. 1 августа 1928 г. в выше-названную сеть были включены немецкие основные школы в Курессааре, Вильянди, Хаапсалу, Нарве, Валге, Пайде, Выру и Раквере, а также третий и четвертый классы немецкой основной школы в Нымме. 1 августа 1930 г. в эту сеть попала немецкая основная школа в Висусти, а 1 марта 1935 г. – в Хеймтале. С другой стороны,

в связи с правительственной политикой экономии средств или из-за недостатка учащихся из числа публичных школ были исключены: в 1929 г. – гимназическое отделение Таллиннского высшего реального училища; в 1933–1936 гг. – поэтапно, т. е. класс за классом – Таллиннская городская женская гимназия; в 1933 г. – Валгаская основная школа.³⁵

В 1927 г. в Пярнуском уезде для детей рабочих местной стекольной фабрики открылась школа в Эйдапере, в которой в 1928 г. под руководством учительницы Анны Аристовой обучалось 14 детей. Поскольку на расположенной в 10–12 километрах Ярвакандиской стекольной фабрике работали немцы, то для их детей при школе основали интернат. В Тартуском уезде для немецких колонистов появилась школа в Сангла, которую в 1928 г. посещали 12 учеников, в основном, дети немецких сельских рабочих.³⁶ Все же из-за малого числа учеников учебные классы в Сангла и Эйдапере вскоре были закрыты, так как семьи рабочих с окончанием сезонных работ и закрытием фабрик уезжали в поисках нового места работы и заработка.³⁷

Существенной социальной задачей для Немецкого культурного самоуправления стала выплата пособий на обучение учащихся в частных основных школах там, где не было бесплатных публичных немецких основных школ. Родителям эти пособия приносили значительное облегчение в том, что касалось расходов на образование их детей. В то же время, в целях экономии средств приходилось классы с малым числом учеников объединять в слитные классы.³⁸ С 1926 г. Немецкое культурное самоуправление приступило к созданию при школах дешевых интернатов, чтобы у немецких детей из окрестных сельских населенных пунктов была возможность

³³ ERA 85–1–67; ERA 85–1–60, л. 143; W. Stillmark. Die Kulturselbstverwaltung, с. 89–90.

³⁴ DSHI 100 Wrangell, № 3, с. 270.

³⁵ P. Blossfeld. Geschichte des deutschen Schulwesens, с. 52–53.

³⁶ ERA 85–1–574, Bericht zur Tagung des Verbandes deutscher Vereine im März 1928.

³⁷ P. Blossfeld. Geschichte des deutschen Schulwesens, с. 26.

³⁸ ERA 85–1–60, л. 142.

учиться в городской национальной школе,³⁹ ведь у родителей, проживавших на селе, часто не было возможности платить довольно большие суммы за комнату для своего ребенка в пансионе. Таким образом делалась попытка избежать ситуации, при которой дети из немецких семей, достигшие школьного возраста, были вынуждены посещать местные эстонские школы.

В марте 1928 г. совет Немецкого культурного самоуправления постановил создать кассу для оказания помощи материально нуждающимся немецким учащимся начальных и средних школ. Эта касса должна была быть основана, прежде всего, на средства от добровольных пожертвований, причем правление Немецкого культурного самоуправления должно было взять на себя обязанность по созданию и содержанию кассы. Размер денежной помощи и ее распределение определяло вышеназванное правление на основании списка кандидатов, представленного отделом образования.⁴⁰

Уже начиная с 1919/1920 учебного года германское внешнеполитическое ведомство (*Auswärtiges Amt*) начало финансировать немецкие школы в Эстонии. Основную поддержку немецким школам в Эстонии оказывал Союз зарубежных немцев (*Verein (1933–1945 Volksbund) für das Deutschtum im Ausland*), который большую часть своих средств получал от германского внешнеполитического ведомства. По данным балтийско-немецкого историка А. фон Таубе на организацию национальных школ в Эстонии министерство ежегодно выделяло около 20 000 рейхсмарок.⁴¹ Эти средства, прежде всего, шли на поддержку частных школ, находящихся в ведении дей-

ствующих местных немецких школьных союзов и обществ. В 1925 г. немецкие школы Эстонии получили из Германии помощь в размере 15 400 рейхсмарок, в 1929 г. – 40 500, а в 1930 г. – уже в объеме 47 000 рейхсмарок.⁴² Государственные и муниципальные немецкие школы поначалу не могли получать материальную помощь со стороны германской казны. По утверждению немецкого исследователя К.-Х. Грундмана, задача германского посольства в Таллинне сводилась лишь к проведению поверхностной проверки и пересылке во внешнеполитическое ведомство Германии ежегодных ходатайств отдельных частных школ о получении дотации.⁴³ Посольство Германии не принимало участия в принципиальных дискуссиях, касавшихся структуры и целей сети немецких школ, т. е. в этих вопросах правление Немецкого культурного самоуправления пользовалось полной самостоятельностью. Это удивительно, поскольку большая часть бюджетного дефицита немецких школ Эстонии покрывалась за счет средств германского государства. Открытым остается вопрос, в какой мере правительство Эстонской Республики было осведомлено о размерах и каналах поступления здешним немецким школам финансовых средств из Германии. Все же можно предположить, что соответствующие министерства были информированы о фактах поступления через германское посольство в Таллинне дотаций из Германии.

В 1928/1929 учебном году утвержденная советом Немецкого культурного самоуправления сеть немецких школ в Эстонии насчитывала 19 основных и 12 средних (в т. ч. 3 публичные) школ с общим числом учащихся 3315 (1656 мальчи-

³⁹ ERA 85–1–60, л. 144.

⁴⁰ ERA 85–1–67.

⁴¹ Jürgen von Hehn. Die Umsiedlung der baltischen Deutschen. Der letzte Kapitel baltisch-deutscher Geschichte. (Marburger Ostforschungen, 40). Marburg/Lahn, 1984, с. 25.

⁴² Karl-Heinz Grundmann. Deutschumpolitik zur Zeit der Weimarer Republik. Eine Studie am Beispiel der deutsch-baltischen Minderheit in Estland und Lettland. (Beiträge zur baltischen Geschichte, 7). Hannover-Döhren, 1977, с. 606.

⁴³ Там же, с. 604.

ков и 1659 девочек). Помимо этого, 141 ребенок, проживавший в сельской местности, были охвачены домашним обучением при поддержке Управления культуры. Немецкое образование получали 3456 детей, из них 39% – в публичных (т. е. государственных или муниципальных) школах и 61% – в частных школах (содержащихся за счет средств, выделяемых правлением Немецкого культурного самоуправления). Помимо этого, в Винни работала школа домоводства с немецким языком обучения, укомплектованная 23 учениками. Зарплаты учителей частных школ были по-прежнему ниже, чем у преподавателей публичных школ. В 1927/1928 учебном году из всех денег, выделяемых для школ, 64,5% составляли средства самих немцев, а доля государства и местных самоуправлений составляла только 33,5%.⁴⁴ Домашнее образование в 1928 г. получало 106 немецких детей, прежде всего, в сельской местности. Надзор над немецкими детскими садами с 1927 г. также возлагался на Управление школ. В 1928 г. насчитывалось 8 немецких детских садов, половина из них находилась в Таллинне. В эти детские сады ходило также значительное число детей других национальностей.⁴⁵

Весной 1930 г. в Эстонии работали следующие немецкие учебные заведения:

25 публичных немецких основных школ – 82 класса, 1361 учащийся;

8 публичных средних школ – 15 классов, 514 учащихся;

8 полных частных средних учебных заведений – 54 класса, 890 учащихся;

3 неполных частных средних учебных заведения – 7 классов, 47 учащихся;

2 профессиональные школы – 5 классов, 83 учащихся.

Всего: 163 класса, 2885 учащихся.

Помимо этого, работали также учи-

тельская семинария, 2 детских сада, 4 частных учебных кружка и 44 домашних школы, где обучалось 72 ребенка. Все эти учебные заведения, за исключением Ганзейской школы, школы домоводства в Винни и одного детского сада, субсидировало правление Немецкого культурного самоуправления. В среднем, расходы на одного учащегося немецкой школы составляли 141,9 кроны в год, из которых 25,8% выплачивалось из средств Немецкого культурного самоуправления, 29,3% предоставляло государство, 19,3% – местные самоуправления, а 25,6% приходилось на плату за учебу.⁴⁶ В этой статистике не учитываются расходы на публичные школы, которые, согласно законодательству, целиком покрывались за счет государственных и муниципальных средств.

Хотя уже в 1920 г. германское внешнеполитическое ведомство начало присылать в Эстонию книги и различные учебные пособия, предназначенные для немецких школ и других просветительских немецких организаций,⁴⁷ все же ощущалась острая нехватка соответствующих учебников, необходимых для реализации учебных программ немецких школ. Отпечатанные в Германии учебники, как правило, не подходили по своему содержанию, поэтому культурное правление всеми силами поддерживало усилия местных авторов в создании и публикации предметных учебников для школ. 16 июня 1932 г. в министерстве образования состоялось совещание, на котором присутствовали представители национальных меньшинств. Участники обсуждался вопрос о нехватке учебников для национальных школ (прежде всего, по эстонскому языку, истории Эстонии, географии, граждановедению) и искали пути к разрешению этой проблемы.⁴⁸ Министерство образования придерживалось

⁴⁴ Emil Musso. Über das deutsche Schulwesen Estlands. – Jahrbuch des baltischen Deutschtums in Lettland und Estland, 1929, с. 78–79.

⁴⁵ ERA 85–1–574.

⁴⁶ DSHI 100 Wrangell, № 4, л. 348–349.

⁴⁷ К.-Н. Grundmann. Deutschumpolitik, с. 406.

⁴⁸ DSHI 100 Wrangell, № 5, л. 446.

той точки зрения, что в немецких школах должны использоваться преимущественно учебники, изданные в Эстонии.⁴⁹

Большое внимание правление Немецкого культурного самоуправления уделяло обучению и повышению квалификации педагогических кадров. В тесном сотрудничестве с Союзом немецких обществ в Эстонии (*Verband deutscher Vereine in Estland*) был выработан план подготовки молодых учителей, которые должны были посвятить себя тем предметам, в которых была особая нужда. Так, например, вначале ощущалась большая нехватка преподавателей по физической культуре, которых в то время в Эстонии не готовили. Поэтому в Берлин было послано несколько молодых людей специально для получения высшего образования по этой специальности, и позже они с успехом работали в немецких школах Эстонии. Поддержкой пользовались также учебные летние экскурсии в Германию для знакомства с новыми методами преподавания. Правление Немецкого культурного самоуправления организовало также ряд курсов повышения квалификации для учителей-предметников на родине.⁵⁰

Сравнивая в 1930 г. уровень немецкого школьного образования с уровнем образования в эстонских школах, Э. Муссо⁵¹ отмечал, что у немцев еще есть плюсы в некоторых отношениях, но в то же время он писал, что «эстонская школа развивается заметно быстрее, и наши еще имеющиеся преимущества, возможно [подчеркнуто в тексте автором], совсем в скором времени исчезнут. В связи с этим для укрепления нашего положения сле-

довало бы предпринять крупные шаги».⁵² Со стороны же эстонцев постоянно поступали обвинения, что немцы, прилагая большие усилия в области образования, руководствуются стремлением сохранить свои былые преимущества. Немцы отвергали эти обвинения, отвечая, что поскольку из сферы сельского хозяйства их почти полностью вытеснили, они вынуждены готовить свою молодежь к получению профессий, требующих наличия, по крайней мере, полноценного среднего или даже высшего образования.⁵³ По данным Э. Муссо, в 1930 г. 92% выпускников немецких начальных школ продолжили учебу в средних учебных заведениях.⁵⁴ По сведениям Рейна Руутсоо, в 1933 г. на каждую тысячу немцев приходилось 93,6 учащихся в начальной школе, 53,6 ученика средней школы и 13,3 студента высшей школы. У эстонцев эти числа были, соответственно: 101,8; 10,1 и 2,4.⁵⁵

В 1930-е гг. начинает проявляться тенденция к сокращению обучения на родном языке в школах национальных меньшинств. В соответствии с Конституцией 1933 г., образование на родном языке разрешалось, но различные законы в сфере образования давали возможность преподавать некоторые предметы в национальных школах на эстонском языке. В 1934 г., в связи с конституционной реформой, потерял силу закон об уездном самоуправлении, на который во многом опирался закон о культурном самоуправлении национальных меньшинств. Была ликвидирована должность немецкого школьного советника, чьи обязанности (в т. ч. контроль над учебными заведениями)

⁴⁹ DSHI 100 Wrangell, № 3, л. 209.

⁵⁰ P. Blossfeld. Geschichte des deutschen Schulwesens, с. 29.

⁵¹ Эмиль Муссо (Emil Julius Hermann Musso, 1885–1945), педагог. В 1927–1930 гг. школьный советник Немецкого культурного самоуправления, член совета и правления Немецкого культурного самоуправления. Директор Домской гимназии в 1930–1933 гг.

⁵² ERA 85–1–558, Denkschrift zur Beurteilung.

⁵³ DSHI 100 Wrangell, № 3, л. 209.

⁵⁴ ERA 85–1–558, Denkschrift zur Beurteilung.

⁵⁵ Rein Ruutsoo. Rahvusvähemused Eesti Vabariigis. – Vähemusrahvuste kultuurielu Eesti Vabariigis 1918–1940. Dokumente ja materjale. Сост. А. Мацулевич. Tallinn, 1993, с. 18.

перешли в ведение школьного советника министерства образования. После ожесточенной борьбы Немецкому культурному самоуправлению удалось добиться того, что право осуществлять «надзор» над немецкими школами (хотя и без тех государственных полномочий, которые имели прежние школьные советники) получил специальный немецкий «эксперт» (в 1934–1938 гг. в этой должности был Константин Вильде). Согласно новому порядку, национальность определялась по отцу. Детям от смешанных немецко-эстонских браков было запрещено посещать немецкую школу, но ученикам, которые уже получали образование, было все же разрешено продолжать учебу в национальных школах.⁵⁶ Представители других национальностей, среди них и эстонцы, предпочитали посылать своих детей именно в немецкие школы, считая, что там они получают лучшее образование. Например, в 1935 г. в Курессааре из 66 учеников немецкой начальной школы 20, или около 30 %, были эстонцы.⁵⁷ Еще в 1936 г. средние немецкие школы комплектовались не менее чем на 15 % из эстонских учеников.⁵⁸

В 1934 г. в Эстонии была осуществлена серьезная школьная реформа, в результате которой была создана новая промежуточная ступень между начальной школой и гимназией – средняя школа.⁵⁹ После начального 4-годичного обучения ребенок должен был выбрать, продолжит он учебу в двух следующих классах начальной школы или поступит сразу же в 5-летнюю среднюю школу (прогимназию). После этого была возможность поступить в 3-классную гимназию, окончание которой давало право поступать в высшее учебное заведение. Таким образом, гимназический курс стал

12-летним, против прежнего 11-летнего.⁶⁰ В связи со школьной реформой правление Немецкого культурного самоуправления приняло решение основательно переработать положение о школах. В ноябре 1934 г. на заседании правления была организована специальная комиссия из 5 человек для обсуждения вопросов очередной реорганизации немецкой школьной сети. На это газета *Revaler Zeitung* отозвалась заметкой, в которой говорилось, что на заседании правления имело место долгое обсуждение и «торгашество». Газета отмечала, что в составе правления слишком много учителей, которые, с одной стороны, конечно, специалисты, но с другой – каждый исходит из интересов только своей школы.

Школьная сеть, сформированная в результате работы комиссии, выглядела следующим образом: 12 шестиклассных публичных основных школ (в Курессааре, Тарту, Вильянди, Хаапсалу, Нарве, Пярну, Таллинне, Вильянди, Выру, Пайде, а также в крестьянских колониях Хеймтале и Висусте); 4-классная публичная школа в Нымме, а также одна 4-классная частная основная школа в Таллинне. Таллинн должен был получить также еще одну «полную» школу (высшее реальное училище), состоявшую из прогимназии и гимназии, одну женскую гимназию с такой же структурой, а также Домскую школу как прогимназию и гимназию с классическим направлением обучения. В Тарту предусматривались 3-классная публичная средняя школа с параллельными классами для девочек и 3-классная гимназия для мальчиков и девочек; в Пярну – 3-классная средняя школа и 3-классная гимназия. Курессааре, Вильянди и Раквере

⁵⁶ W. Wachsmuth. Von deutscher Schulpolitik und Schularbeit, с. 84–85.

⁵⁷ ERK, 1935, № 2, с. 48.

⁵⁸ Aleksander Vaigla. Eesti lapsi saksa koolides. – Tähiseid, II. Eestluse aastaraamat. (Eesti Rahvuslaste Klubi toimetised, 5). Tartu, 1936, с. 57.

⁵⁹ Väino Sirk, Toomas Karjahärm. Võim ja vaim. Eesti haritlaskond 1917–1940. Tallinn, 2001, с. 380.

⁶⁰ Werner Stillmark. Das deutsche Schulwesen in Estland seit 1918. – Handwörterbuch des Grenz- und Auslandsdeutschtums, 2. Breslau, 1936, с. 214; Hellmuth Weiss. Das deutsche Schulwesen Estlands 1925–1939. – Zeitschrift für Ostforschung, 1986, с. 185.

получили 3-классные средние школы, Хаапсалу, Нарва и Выру – каждый по два дополнительных класса к основной школе. Вдобавок предусматривались две профессиональные школы – женская и мужская.⁶¹ Основным типом школы признавалась средняя школа, а гимназия должна была давать учащимся, имевшим склонность к занятиям наукой и нацеленным на учебу в университете, соответствующую их способностям подготовку. Малое число немецких профессиональных школ должно было компенсироваться периодической организацией специальных курсов повышения квалификации.⁶²

В течение всего этого периода число учащихся в немецких школах стабильно падало. По данным Эмиля Муссо, в немецких учебных заведениях Эстонии в 1927/1928 учебном году было 3380 учащихся, в 1929/1930 г. – 3208 и 1930/1931 г. – только 3161, что означало ежегодный спад в пределах 1,6%.⁶³ В 1932/1933 учебном году в немецких школах Эстонии получили образование 2983 учащихся, в 1933/1934 – всего 2807.⁶⁴ Постоянное снижение числа учеников принудило сократить школьную сеть. Например, в сентябре 1936 г. в связи с этим было решено уменьшить число публичных основных немецких школ в Тарту с 6 до 5-ти, в Нымме – с 4-х до 3-х и в Пярну – с 4 до 2-х.⁶⁵

Новая конституция, вступившая в силу 1 января 1938 г., напрямую не ограничивала гарантированное Конституцией 1920 года право на обучение на родном языке (статья 6 Конституции 1920 г.), однако создавала определенные предпосылки для таких ограничений, поскольку

в статье 22 говорилось, что «в публичных школах и учебных заведениях национальных меньшинств преподавание ведется на языке данной нации и государственном языке в пределах и на основаниях, определенных законом». На практике это означало, что министерство образования определяло объем обучения на родном языке.⁶⁶ В 1938 г. министерством образования был выработан проект, предусматривающий обучение истории, географии и граждановедения на эстонском языке.⁶⁷ В ответ на представленный министерством образования проект Немецкое культурное самоуправление выразило свое отрицательное отношение к нему, заявив, что они принципиально не согласны отказываться от родного языка в школьном обучении.⁶⁸ Тем не менее, немецкая национальная группа за тот малый период, который еще оставался до пресловутой репатриации (*Umsiedlung*) немцев и закрытия немецких национальных школ, в публичных школах не успела почувствовать сколько-нибудь заметного стеснения, связанного с внедрением государственного языка в систему обучения (немецкие публичные школы были официально закрыты в связи с массовым выездом немцев в Германский Рейх, начавшимся 16 октября 1939 г.⁶⁹). В 1939 г. в Эстонии работало 32 немецкие школы (после школьной реформы 1934 г. все ступени школ номинально считались отдельными единицами), из этого числа начальные школы, две прогимназии и гимназия были публичными, а оставшиеся финансировались как частные учебные заведения из средств Немецкого обще-

⁶¹ DSHI 100 Wrangell, № 7, л. 605–606.

⁶² W. Stillmark. Das deutsche Schulwesen in Estland, с. 214.

⁶³ ERA 85–1–558, Denkschrift zur Beurteilung.

⁶⁴ DSHI 100 Wrangell, № 6, л. 515.

⁶⁵ DSHI 100 Wrangell, № 8, л. 735.

⁶⁶ Riigi Teataja (RT). 1937, № 71, арт. 590.

⁶⁷ Leo von Middendorff. Politische Chronik. Estland. Einschränkung des muttersprachiges Unterrichts? – Baltische Monatshefte, 1938, с. 53–55.

⁶⁸ H. Weiss. Das deutsche Schulwesen Estlands, с. 188.

⁶⁹ RT. 1939, № 101, арт. 771, с. 781.

ства школьной помощи и Немецкого культурного самоуправления.⁷⁰

Резюмируя вышеизложенное, можно сказать, что с созданием Немецкого культурного самоуправления в 1925 г. в развитии немецкой школы в Эстонии начался новый и важный этап. В 1926 г. при Немецком культурном самоуправлении было создано Управление школ как регулирующий жизнь немецких школ орган, который в качестве публично-правового учреждения взял на себя надзор над всеми немецкими школами, относившимися ранее к ведению местных самоуправлений или министерства образования. При этом за государством и местными самоуправлениями сохранялась обязанность финансировать публичные немецкие школы. После длительных и трудных переговоров многие частные немецкие школы удалось включить в сеть публичных школ, что высвобождало часть финансовых средств Немецкого культурного самоуправления, которая ранее шла на содержание школ.⁷¹ Таким образом, достигалась экономия средств, и их можно было вкладывать в выполнение других задач, в т. ч. улучшать материальное положение учителей, осуществлять ремонт школьных помещений и даже строить новые здания. Культурное самоуправление не могло только лишь своими силами справиться со всеми возложенными на него обязанностями, связанными с немецкими школами в Эстонской Республике, поэтому заметная экономическая помощь, выразившаяся в строительстве новых школ, снабжении учебниками, по-

полнении библиотек и т. д., была получена из Германии.

Согласно закону о культурном самоуправлении национальных меньшинств, в решении вопросов образования Немецкое культурное самоуправление в административном отношении приравнивалась к местным самоуправлениям. У него было право назначать на должности учителей в публичных основных школах, выбирать учителей для школ старшей ступени и направлять их кандидатуры для утверждения в министерство образования. Несмотря на несколько попыток со стороны балтийских немцев выработать проект школьной автономии для национальных школ, в Эстонской Республике этому не дали хода, считая, что особого закона принимать не стоит.⁷² Для сравнения укажем, что в Латвии по закону о школах от 8 декабря 1919 г. все нелатышские национальные группы имели право на школьную автономию. В 1920 г. при латвийском министерстве культуры немцы основали свое Управление школ, во главе которого вначале был пастор Карл Келлер (Karl Keller, 1868–1939), а затем в 1929–1934 гг. его возглавлял бывший заместитель Вольфганг Вахтсмут (Wolfgang Wachtsmuth, 1876–1964).⁷³ На практике латвийская школьная автономия была нечто большим, чем просто «школьная автономия», по словам В. Вахтсмута, это было немецкое публично-правовое культурное учреждение.⁷⁴ По закону, Управление школ национального меньшинства должно было «руководить всеми своими национальными культурными и просве-

⁷⁰ Sirje Kivimäe. Ümberasumise korraldus. – Umsiedlung 60. Baltisakslaste organiseeritud lahkumine Eestist. 24. novembril 1999 Tallinna Linnaarhiivis toimunud konverentsi ettekanded. Tallinn, 2000, c. 52.

⁷¹ Если еще в 1925/1926 учебном году только 36% немецких школьников посещали публичные школы, то в 1929/1930 учебном году этот показатель возрос уже до 59,3%. Подр.: W. Wachtsmuth. Von deutscher Schulpolitik und Schularbeit, c. 83; H. Weiss. Das deutsche Schulwesen Estlands, c. 184.

⁷² W. Wachtsmuth. Von deutscher Schulpolitik und Schularbeit, c. 86.

⁷³ Georg von Rauch. Balti riikide ajalugu. 1918–1940. Tallinn, 1995, c. 72; Wolfgang Wachtsmuth. Wege, Umwege, Weggenossen. Lebenserinnerungen einer Balten 1876–1950. München, 1954, c. 200 etc.

⁷⁴ Wolfgang Wachtsmuth. Von deutscher Arbeit in Lettland, 1918–1934. Ein Tätigkeitsbericht. Materialien zur Geschichte des baltischen Deutschtums, Bd. 3. Das politische Gesicht der deutschen Volksgruppe in Lettland in der parlamentarischen Periode 1918–1934. Köln, 1953, c. 200.

тительскими делами, а также обязано заботиться о своем национальном образовании и национальных школах». Руководитель Управления немецких школ, подчиненный непосредственно латвийскому министру образования, имел право «совещательного голоса на заседаниях правительства в вопросах, которые касались всех сфер культурной жизни представляемой им национальности». ⁷⁵ Но в Латвии это все же была только школьная автономия, культурной автономии здесь достигнуть не удалось. В Эстонии положение было иным – имелось общее культурное самоуправление национальных меньшинств, в перспективе предусматривался также специальный закон об автономии национальных школ, но этому не суждено было осуществиться. В Латвии в результате государственного переворота 15 мая 1934 г. и перехода к авторитарному режиму управления школ национальных меньшинств как институты были ликвидированы 7 июля 1934 г. ⁷⁶

В Эстонии Немецкое культурное самоуправление обязано было следить за тем, чтобы немецкие дети непременно выполняли требования всеобщего. До 1934 г. это входило в компетенцию немецкого школьного советника, который являлся государственным служащим и утверждался министерством образования. Школьными советниками в Эстонской Республике соответственно были К. Цеддельман (K. Zeddelmann, 1926), В. Шёнфельд (W. Schoenfeldt, 1926–1927), Э. Муссо (1927–1930), и затем, до ликвидации этой должности, ее занимал П. Блосфельд (1930–1934). Руководите-

лями школьного департамента Немецкого культурного самоуправления являлись Я. Ганзен (1925–1932), В. Врангель (1932), затем – снова Я. Ганзен (1933–1938), последним этот пост занимал Вилибальд Хельдт (Wilibald Heldt, 1938–1939). ⁷⁷

Целью Немецкого культурного самоуправления было предоставление возможности каждому немецкому ребенку посещать немецкую школу. В тесном сотрудничестве с немецкими обществами учителей были выработаны и утверждены в министерстве образования государственные учебные программы для разных типов немецких школ. При составлении этих программ Управление школ Немецкого культурного управления пользовалось относительной самостоятельностью, хотя, само собой, разумеется, для претворения их в жизнь требовалось утверждение в министерстве образования. Крупные немецкие учебные заведения с 1925 г. в деле выдачи аттестатов зрелости были приравнены к публичным школам. ⁷⁸ Постоянная забота об образовании на родном языке, а также реформирование и совершенствование системы немецких школ проводилось Немецким культурным самоуправлением под лозунгом «каждому немецкому ребенку немецкое школьное образование согласно его возможностям» ⁷⁹, для решения поставленной задачи тратилось до 85% финансовых средств Немецкого культурного самоуправления. ⁸⁰ Со временем даже возникла опасность, что самоуправление может превратиться в простое просветительское общество, потерять свое значение и авторитет в качестве общего для

⁷⁵ Wolfgang Wachsmuth. Von deutscher Arbeit in Lettland 1918–1934. Ein Tätigkeitsbericht. Materialien zur Geschichte des baltischen Deutschtums. Bd. 2. Die autonome deutsche Schule in Lettland 1920–1934. Köln, 1952, с. 54–55, 57.

⁷⁶ Michael Garleff. Autonomiemodelle in den baltischen Staaten zur Zeit ihrer Selbständigkeit. – Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1980, с. 153–154.

⁷⁷ W. Wachsmuth. Von deutscher Schulpolitik und Schularbeit, с. 80.

⁷⁸ W. Stillmark. Das deutsche Schulwesen in Estland, с. 214.

⁷⁹ DSHI 100 Wrangell, № 3, л. 262.

⁸⁰ ERA 85–1–60, 155; Cornelius Hasselblatt. Minderheitenpolitik in Estland: Rechtswirklichkeit und Rechtswirklichkeit 1918–1995. Hamburg, 1996, с. 55.

всей национальной группы руководящего органа.⁸¹ Действовало значительное число публичных немецких частных и публичных учебных заведений, причем содержать последние помогали как государство, так и местные самоуправления. По некоторым оценкам, немецкая школьная система на 2/3 финансировалась за счет немецких средств (в т. ч. большая их часть поступала непосредственно из Германии), а 1/3 предоставлялась эстонским государством и местными самоуправлениями. Выработанная в 1928 г. школьная сеть охватила основными школами большинство городов и несколько сельских мест (Хеймталь, Сангла, Эйдепере, Висуст, Эльва). В Таллинне, Тарту, Пярну, Вильянди, Раквере, Пайде и Курессааре работало также значительное число школ старшей ступени. Помимо этого, имелись также классы дополнительного обучения, имевшие учебные программы для первых классов средних школ в Нарве, Хаапсалу и Выру.⁸² Таким образом, образование на немецком языке можно было получить во всех больших городах Эстонии и в пределах всех уездов.

Кайдо Лауриц

(1977)

Магистр истории (2005) и докторант Института истории и археологии Тартуского университета
Заместитель начальника отдела надзора Госархива Эстонии

Область исследований: культурная автономия немцев и национальных меньшинств в Эстонской Республике

---

⁸¹ Arved von Taube. Politisches Leben des estländischen Deutschtums seit 1918. – Handwörterbuch des Grenz- und Auslandsdeutschtums, 2. Breslau, 1936, с. 157; DSHI 100 Wrangell, № 9, л. 799.

⁸² W. Stillmark. Das deutsche Schulwesen in Estland, с. 214.

Первые подготовительные курсы пионервожатых в Табасалу. Завязывание пионерских галстуков 7 сентября 1940 г. EFA 0-106977

Секретарь ЦК ЛКСМЭ Э. Таркпяэ вручает матросу комсомольский билет. Август 1940 г. EFA 0-134956

Секретарь ЦК КПЭ по вопросам агитации и пропаганды Неэме Руус беседует с членами ЦК ЛКСМЭ Юлианой Тельман, Эрихом Таркпяэ и Карлом Раэсааром. Таллинн, 1940 г. EFA 0-37584

Места заключения в Эстонии в период немецкой оккупации 1941–1944 гг.

Меэлис Марипуу

В настоящей статье, на фоне истории Эстонии времен Второй мировой войны, рассматриваются вопросы формирования и деятельности системы мест заключения, созданной немецкими оккупационными властями. Понятие «концентрационный лагерь» в контексте истории Второй мировой войны даже в исторической литературе превратилось в синоним самого разного рода карательных учреждений, которые, вследствие большого объема пропагандистских материалов, представляются современному читателю, прежде всего, в виде лагерей Освенцим или Штуттгоф. Цель настоящей статьи – рассмотреть структуру мест заключения, действовавших в Эстонии в 1941–1944 гг., и вопросы их административной подчиненности, а также обратить внимание на корректную систематизацию вышеназванных учреждений.

В течение последних 10–15 лет на эстонском языке вышло много литературы, касающейся исторического этапа, затрагиваемого в настоящей статье, однако это, в основном, все же мемуарные произведения, то есть в настоящее время отсутствует исчерпывающая трактовка данной проблемы. Вышедшие в свет книги зачастую представляют собой повторные издания уже ранее опубликованных в эмиграции работ. Из более новой литературы можно указать на ряд мемуаров бывших фронтовиков, живших на родине, однако все эти воспоминания имеют один недостаток, а именно – большинство их них на-

писано уже в последнее время, что означает солидный возраст авторов и большую временную дистанцию. Авторами как более ранних, так и более поздних мемуаров являются, как правило, люди, которые во время войны не занимали ответственных постов, то есть в большинстве этих воспоминаний представлено видение событий с более низкого уровня. Поскольку тема настоящей статьи касается, главным образом, работы репрессивных органов, следует признать, что эта тема, по понятным причинам, в мемуарах описана весьма скупо. Это объясняет тот факт, что воспоминания ведущих деятелей Эстонского самоуправления Оскара Эпика, Оскара Ангелуса и Хьялмара Мяэ, то есть тех эстонцев, которые, очевидно, находились ближе всего к структурам, принимавшим существенные решения, остаются до сих пор чрезвычайно востребованными и даже «переиспользованными». В результате этого имеет место преувеличение роли Эстонского самоуправления в этих событиях.

Таким образом, хотя в большинстве своем книги, вышедшие до сих пор на эстонском языке, содержат нужные эмоциональные зарисовки и нюансы для формирования обобщающей исторической трактовки, они не заполняют пробелы при системном рассмотрении той или иной темы. Во многих случаях и в наши дни не остается ничего другого, как вновь обращаться к ставшей уже классикой диссертации тридцатилетней давности, написанной

Сеппо Мюллыниemi¹, но и она, конечно же, не в состоянии дать ответы на все вопросы. Поэтому и получается, что те, кто говорит об истории Эстонии, вынуждены исходить из общеевропейских тенденций и явлений, проецируя их на Эстонию, не обладая при этом способностью или не желая проверять применимость этой проекции к нашим конкретным условиям.

В последнее время заполнением пробелов в военной истории стал энергично заниматься Военный музей Эстонии. Свой вклад в исследование отдельных проблем внес Март Лаар, написавший ряд книг о сражениях Второй мировой войны. Деятельности германской полиции безопасности и СД в Эстонии в более узком плане посвящена изданная в этом году на немецком языке книга Рут Беттины Бирн, которая была написана на основе многолетних исследований.² В 2006 г. вышел в свет англоязычный сборник Эстонского фонда по расследованию преступлений против человечности под названием *Estonia 1940–1945*³, который дает фактологический обзор по многим темам данного периода, однако из-за специфического подхода и ориентации на зарубежного читателя он все же не может занять место обобщающей трактовки данной темы на эстонском языке.

Пробелы в имеющейся до настоящего времени историографии по данной тематике привели меня к пониманию того, что перед тем, как перейти к более узкому рассмотрению проблематики, касающейся мест заключения в годы немецкой оккупации, имеет смысл дать краткий обзор административных учреждений немецких оккупационных властей и их роли в Эстонии.

Подготовительные мероприятия

В годы Второй мировой войны руководимая Гитлером Германия вводила на территориях, заселенных т. н. «германским» населением или предусмотренных для колонизации германцами, различные типы гражданской администрации. Например, в Данию назначили имперского уполномоченного (*Reichsbevollmächtigte*⁴), над Богемией и Моравией был установлен протекторат, Польшу превратили в генерал-губернаторство, а Норвегия, Голландия, покоренные ранее Советским Союзом Эстония, Латвия и Литва, а также Белоруссия и Украина были подчинены рейхскомиссарам. В течение всех военных лет Гитлер избегал составления четких планов относительно будущего завоеванных территорий, оставляя за собой свободу рук для формирования «Новой Европы» после успешного завершения войны.

К моменту, когда немецкие войска захватили территорию Эстонии, у Германии уже имелся свежий опыт создания властных структур в завоеванных странах Западной и Северной Европы. После захвата Норвегии в апреле 1940 г. немецкие власти увидели, что далеко не всегда создание новой администрации на завоеванных территориях протекает так же легко, как это было в Дании. Восточный поход добавил еще один важный фактор – захват немцами части территорий означал одновременно их освобождение от советской оккупации, что обуславливало различия в ожиданиях и реакциях населения. В такой ситуации многие поначалу видели в немецкой армии освободительницу, в связи

¹ Seppo Myllyniemi. Die Neuordnung der baltischen Länder 1941–1944. Zum nationalsozialistischen Inhalt der deutschen Besatzungspolitik. (Historiallisia tutkimuksia, 90). Helsinki, 1973.

² Ruth Bettina Birn. Die Sicherheitspolizei in Estland, 1941–1944. Eine Studie zur Kollaboration im Zweiten Weltkrieg. Paderborn, 2006.

³ Estonia 1940–1945. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes against Humanity. Tallinn, 2006.

⁴ Поначалу у имперского уполномоченного (*Reichsbevollmächtigte*) в Дании отсутствовал свой административный аппарат, но со временем он был все же создан, что, по сути, сделало систему управления в Дании аналогичной рейхскомиссариату в Норвегии.

⁵ Meelis Maripuu. German Civilian Administration in Estonia in 1941–1944. – Estonia 1940–1945, с. 524.

с чем возникала иллюзорная надежда на приобретение независимости. Эти ожидания были напрасными, и на смену пришло разочарование в «освободителях». Однако с наступлением 1944 года немецкая армия вновь стала единственной союзницей в связи с возникновением новой угрозы советской оккупации.

17 июля 1941 г. Гитлер издал распоряжение (*Erlass des Führers*), которое заложило конкретную основу управления восточными областями, а также предусматривало их передачу из-под военного управления в ведение Имперского министерства оккупированных восточных территорий (= *Reichsministerium für d. besetzten Ostgebiete*) под руководством Альфреда Розенберга. Однако согласно особому решению (*Sonderregelung*), выполнение полицейских функций по обеспечению безопасности на занимаемых восточных землях возлагалось с учетом властных полномочий рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Гиммлера на министерство внутренних дел. Уже 29 июня 1941 г. по распоряжению фюрера решение экономико-хозяйственных вопросов также было выведено из компетенции создаваемого министерства и передано в ведение *уполномоченного по выполнению четырехлетнего плана* рейхсмаршалу Герману Герингу. Почту и железные дороги планировалось оставить под контролем верховного командования вермахта.⁵ Министерство оккупированных восточных территорий осуществляло управление завоеванными землями на востоке через рейхскомиссариаты (*Reichskommissariat*). Эстония вместе с другими балтийскими странами должна была относиться к рейхскомиссариату Остланд. В составе рейхскомиссариатов должны были быть

образованы генерал-комиссариаты вместе с подчинявшимися им окружными комиссариатами.⁶

В инструкции, направленной в рейхскомиссариат Остланд, Розенберг обозначил первостепенные цели их деятельности: подавить попытки восстановления независимости и создания самостоятельной армии, а также предпринять шаги по превращению Прибалтики в германский протекторат.⁷

Хотя Германия *de facto* признала принадлежность стран Балтии к СССР, с началом войны многие эстонцы, латыши и литовцы надеялись при поддержке Германии в какой-либо форме восстановить свою государственность. 29 июля 1941 г. оставшиеся в Эстонии политики под эгидой последнего премьер-министра Юри Улуотса направили командующему 18-й армии германских вооруженных сил генерал-полковнику Георгу фон Кюхлеру меморандум, в котором заявляли о желании и готовности вместе с немцами бороться против большевиков, подчеркивая необходимость создания действенного административного аппарата. Позже меморандум дошел и до германского внешнеполитического ведомства, но до этого фон Кюхлер ограничился выражением благодарности за этот документ, не высказывая своего отношения к его содержанию. Однако устно было дано понять, что ответ на обращение будет отрицательным.⁸

Гражданская власть под контролем военных властей

Официальным днем создания Эстонского самоуправления (ЭСУ) стало 15 сентября 1941 г., когда администрация, состоявшая

⁶ Поначалу планировалось создать 4 рейхскомиссариата: Остланд (Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия), Украина, Кавказ и Россия. Два последних на практике создать не удалось. Рейхскомиссариаты в Норвегии и Голландии подчинялись не Министерству оккупированных восточных территорий, а непосредственно фюреру.

⁷ BA R90/460/50–56, RM Rosenberg, Anweisung an den RK des Reichskommissariats Ostland, 21.7.1941.

⁸ PA AA Pol. XIII Ostgebiete, R 105190, с. 33–36, Der V.A.A. beim A.Q.K. 18. von Ungern-Sternberg an A.A. Inf. Abt. 11.08.1941.; Edgar Kant. Jüri Uluotsa memorandum Eesti seisundi kohta 29. juulist 1941. – Eesti riik ja rahvas teises maailmasõjas, 6. Stockholm, 1958, с. 7–20.

из пяти директоров, получила от командующего тылом группы армий «Север» генерала Франца фон Рокеса полномочия на руководство этим органом самоуправления. На практике, с ведома военных властей, ЭСУ начало свою работу уже месяцем раньше.⁹ Командующий тылом группы армий «Север» предоставил ЭСУ полномочия осуществлять власть на основе законов Эстонской Республики до тех пор, пока они не будут отменены или изменены специальным постановлением. Указания других учреждений к исполнению не допускались.¹⁰

14 октября 1941 г. директор по внутренним делам ЭСУ Оскар Ангелус также издал постановление, в котором он декларировал, что все законы и постановления, действовавшие в Эстонии до 21 июня 1940 г., остаются в силе. В то же время, продолжали действовать все правовые отношения, созданные в период советской власти.¹¹ Сохранялось административно-территориальное деление времен Эстонской Республики, а также начали работать суды. Легализована была деятельность исполнительных органов муниципальной власти, которые, по договоренности с военными властями, действовали с первых дней оккупации. Однако в условиях войны не были восстановлены представительные органы местного самоуправления – волостные и городские собрания. Таким образом, во многом это было лишь восстановление внешней формы власти.

Решение особо важных в условиях оккупации вопросов обеспечения внутренней безопасности и осуществления полицейских функций как в тылу вермахта,

так и на территориях, руководимых гражданской администрацией, было по распоряжению Гитлера передано в качестве специального поручения рейхсфюреру СС и шефу германской полиции Гиммлеру. В рамках выполнения своих спецзадач соединения, подчинявшиеся Гиммлеру, действовали самостоятельно и под свою ответственность. В Эстонии вопросами полиции и безопасности под руководством штурмбанфюрера СС Мартина Зандбергера занималась зондеркоманда 1а, а с декабря 1941 г. – сформированные на ее основе полиция безопасности и СД в Эстонии.

С точки зрения дальнейшего управления оккупированной Эстонией сотрудничество с эстонцами и их отношение к немцам вышеназванное ведомство оценивало как очень хорошие, но ряд вопросов оно видело иначе, чем германские гражданские власти. Эстонцы как относившиеся в большинстве своем к нордической расе считались весьма подходящим материалом для онемечивания. Однако был сделан вывод, что у самих эстонцев к этому не имеется ни малейшего желания, и их онемечивания в исторически обозримом времени (*in absehbarer geschichtlicher Zeit*) никак не предвидится. В связи с этим не могло быть и речи о каком-либо присоединении Эстонии к Великой Германии как протектората или в каком-либо ином подобном качестве. С планом онемечивания, рассчитанным, примерно, на 20 лет, были ознакомлены только руководящие деятели ЭСУ, которые относились к этой идее положительно. Обнародование этой программы пока что не считалось разумным.¹²

⁹ Использование выбранных Министерством оккупированных восточных территорий эстонцев уже военными властями обуславливалось опытом, полученным в Литве и Латвии. В Эстонии переход власти пытались осуществить по возможности плавно. BA Abt. R R6/278, 87, Erster Landesdirektor in Estland an Reichsminister RMO, 19.10.1944.

¹⁰ Ametlik Teataja (AT). 1941–1–1, с. 2–3, Vollmacht für die Leiter des estnischen Selbstverwaltung. Befehlshaber d. rückw. Heeres-Geb. Nord, 15.9.1941.

¹¹ AT. 1941–2–8, с. 18, Verordnung über das in Estland geltende Recht. Direktor für innere Angelegenheiten, 14.10.1941.

¹² BA R 58/219, 134–143, Der Chef der Sicherheitspolizei und SD. Ereignismeldung UdSSR. Nr. 135, 19.11.1941.

Генерал-комиссариат Эстония

5 декабря 1941 г. территория Эстонии была передана под управление гражданских властей. Однако при этом ввели особое условие, которое действовало до конца оккупации: территория Эстонии по-прежнему считалась также зоной боевых действий вермахта, а точнее группы армий «Север», причем высшую военную власть продолжал осуществлять командующий тылом названной группы армий. Генерал-комиссар Эстонии обергруппенфюрер СА Карл-Зигмунд Литцман принял гражданскую власть над территорией бывшей Эстонской Республики, декларативно подтвердив действительность эстонского законодательства времен независимости¹³, но сказав в своей речи, что «в дальнейшем управление эстонским народом будет осуществляться только в соответствии с волей Адольфа Гитлера».

Структура приступившего к работе генерал-комиссариата в общих чертах соответствовала структурам Министерства восточных территорий и рейхскомиссариата Остланд. Шеф СС и полиции, а также командир полиции безопасности и СД в Эстонии тоже формально относились к структуре генерал-комиссариата, однако они не подчинялись генерал-комиссару, поскольку их служебное подчинение Берлину было выстроено параллельно с системой комиссариатов гражданской администрации. Командир полиции безопасности и СД в Эстонии оберштурмбанфюрер СС Мартин Зандбергер сумел приобрести здесь большое влияние.¹⁴

Генерал-комиссар осуществлял в пределах своего комиссариата как верховную германскую власть (*deutsche Hoheit*), так и политическое руководство. Он следил за

деятельностью всей администрации ЭСУ (*Landesverwaltung* – Эстонское самоуправление) и должен был принимать меры, необходимые для обеспечения административного управления и надзора.

Главе Эстонского самоуправления и его директорам вменялось в обязанность осуществление административного руководства теми сферами, которые соответствовали их должностям. Однако у руководителя ЭСУ Хьялмара Мязэ не было верховной власти над остальными директорами – он был всего лишь «первый среди равных». Глава ЭСУ мог по предложению директоров и с согласия генерал-комиссара издавать постановления, а директора имели право рассылать инструкции подчинявшимся им учреждениям. В целях управления администрацией в соответствии с постановлениями и распоряжениями германских властей глава ЭСУ давал директорам общие указания, а также нес ответственность перед генерал-комиссаром.¹⁵

Рассматривая деятельность оккупационной власти в Эстонии, нельзя забывать о конкуренции между различными институтами, а также о личных качествах и взаимоотношениях лиц, осуществлявших власть. Общим для всего периода было противостояние генерал-комиссара Литцмана – сына прусского генерала – партийной колониальной политике, которую вел рейхскомиссар Хинрих Лозе. С одной стороны, Литцман оказывался таким образом меж двух огней: большинство подчиненных ему окружных комиссаров принадлежали к «Шлезвиг-Гольштинской партийной мафии» рейхскомиссара Лозе.¹⁶ С другой стороны, Литцман пользовался поддержкой у самого Гиммлера, а также у него были налажены хорошие

¹³ Anordnung über das in Estland geltende Recht. Der Generalkommissar in Reval, 5.12.1941. – Amtsblatt, 1942, № 1, с. 4.

¹⁴ M. Maripuu. German Civilian Administration in Estonia, с. 524 etc.

¹⁵ LVVA P-1018–1–1, л. 43–55, Organisationserlass Ostland Nr. 3; LVVA P-70–5–11, л. 109–121, Organisationserlass Ostland Nr. 3: Richtlinien für die Führung der Verwaltung im Generalbezirk Estland.

¹⁶ Wulf Pingel. Von Kiel nach Riga. Schleswig-Holsteiner in der deutschen Zivilverwaltung des Reichskommissariats Ostland. – Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte, 122. Neumünster, 1997, с. 439–465.

отношения с представителями вермахта и тесное сотрудничество с ЭСУ. Немаловажное значение имело и благожелательное отношение к деятельности Литцмана со стороны шефа полиции безопасности и СД Зандбергера, который пользовался большим влиянием, чем формально предполагала его должность. Зандбергер тоже считал немаловажным сохранять положительное отношение эстонцев к немцам.¹⁷

За годы оккупации население избавилось от иллюзий о восстановлении независимости и стало относиться к немецким властям и к ЭСУ критически. Деятельность национальной оппозиции, объединившей свои силы, была направлена на подготовку к тому, чтобы в момент, когда немецкие оккупационные войска покинут Эстонию, в условиях возможного междувластия попытаться восстановить самостоятельность эстонского государства. Попытки Красной армии вновь оккупировать Эстонию, которые предпринимались с начала 1944 г., поставили Эстонию в положение, когда единственной реальной силой, способной противостоять новой советской оккупации до возможного возникновения политических изменений на международном уровне, была Германия. Лишь в дни эвакуации кое-где вспыхивали отдельные, повлекшие человеческие жертвы, вооруженные столкновения между уходящими германскими подразделениями и боевыми отрядами эстонцев. Их причиной были, прежде всего, попытки эстонцев забрать у отступающих немцев оружие, чтобы продолжать оказывать сопротивление Красной армии.¹⁸

Карательные учреждения в нацистской Германии

С приходом Гитлера к власти в Германии стали создаваться разного типа тюремные

лагеря для выполнения различных т. н. функций. В то же время, лагеря, созданные как каторжные, могли превращаться в лагеря смерти и наоборот. Например, часть узников, присланных для уничтожения в лагерь смерти, могли с приближением линии фронта оказаться на каторжных работах. Каторжный лагерь мог превратиться при приближении линии фронта в лагерь смерти, что означало уничтожение каторжан.

С 1933 г. национал-социалисты приступили к ликвидации своих политических противников – коммунистов, а затем и социал-демократов. Декретом «Для защиты народа и государства» была отменена статья 7-я конституции Веймарской республики¹⁹, что позволило подвергнуть превентивному (*Schutzhaft*) тюремному заключению множество коммунистов. Превентивное заключение означало помещение в концентрационный лагерь без судебного процесса и без права на обжалование.

В декабре 1934 г. рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер образовал подведомственную гестапо инспекцию концентрационных лагерей, к компетенции которой относилось создание новых концлагерей, а также осуществление административного и хозяйственного управления лагерями. Инспектором концентрационных лагерей был назначен прежний комендант концентрационного лагеря Дахау бригадфюрер СС Теодор Эйке, которого позже сменил группенфюрер СС Рихард Глюк. Эйке превратил Дахау в образцовый концентрационный лагерь, и в дальнейшем подобная система была введена во всех концлагерях.

До 1936–1937 гг. большинство узников концентрационных лагерей составляли политзаключенные, подвергнутые превентивному заключению и отправленные в лагеря по решениям гестапо. Помимо

¹⁷ По мнению Зандбергера, роль германских властей в Эстонии должна была быть направлена на «завоевание симпатий местного населения». ERA 819 –1–12, KdS Jahresbericht 1.7.1942.

¹⁸ BA-MA RM 45 I-222, Admiral östliche Ostsee über Räumung Estland, 2.10.1944.

¹⁹ Gesetz zur Behebung der Not von Volk und Reich (Ermächtigungsgesetz) vom 23.3.1933. См.: <http://www.dhm.de/lemo/html/dokumente/ermaechtigungsgesetz/index.html> [10.03.2005].

политических противников, арестам подвергались также т. н. асоциальные элементы: цыгане, бродяги, тунеядцы, проститутки, гомосексуалисты, свидетели Йеговы и другие лица, которых гестапо считало вредными для общества. До 1938 г. евреи попадали в концентрационные лагеря в качестве политзаключенных или асоциальных элементов. После «Хрустальной ночи» в ноябре 1938 г. полиция арестовала большое число мужчин еврейской национальности, что ознаменовало начало массовой отправки евреев в концлагеря.

С началом Второй мировой войны количество тюремных лагерей и заключенных возросло в несколько раз. Система концлагерей дополнилась рядом новых карательных учреждений и институтов: гетто, транзитные лагеря, различного типа трудовые лагеря. Не все концлагеря, действовавшие на оккупированных территориях, относились к единой лагерной системе, подчинявшейся инспектору концентрационных лагерей. В начале 1942 г. на оккупированной территории Польши в ходе «акции Рейнхардта» были основаны лагеря смерти в Белжеце, Собиборе и Трешлинке. Они подчинялись непосредственно Главному управлению имперской безопасности и должны были выполнять только одну функцию – уничтожить как можно больше людей, прежде всего – евреев. Самый крупный из концлагерей – Освенцим – соединял в себе функции как концентрационного лагеря, так и лагеря смерти. Более сильных в физическом отношении евреев отбирали для каторжных работ, и их уничтожение на какое-то время откладывалось.

Уже в 1939 г. СС стало создавать в концлагерях производственные структуры, однако с 1942 г., т. е. после провала молниеносной войны (блицкрига) против Советского Союза, сеть концентрационных лагерей начала превращаться в империю массового каторжного труда, поставленную на службу военной промышленности. В лагерях создавались предприятия, подчинявшиеся СС, а кроме этого, названная

организация предоставляла рабочую силу заключенных в аренду промышленным предприятиям.

Растущее экономическое значение лагерей вынуждало провести реорганизацию руководства концлагерями. В марте 1942 г. инспекторат концентрационных лагерей был включен в состав Главного хозяйственно-административного управления СС (*SS Wirtschafts-Verwaltungshauptamt, Amtsgruppenchef der Amtsgruppe D*). Фактическим начальником лагерей стал глава этого управления обергруппенфюрер СС Освальд Польш.

Карательные учреждения в Эстонии

Созданные в Эстонии карательные учреждения различались как по подчиненности, строгости режима содержания, целям создания, так и по продолжительности деятельности. Первые подобные учреждения начали появляться спонтанно в июле 1941 г., когда «лесные братья», а позже члены Омакайтсе начали арестовывать оставшихся в Эстонии коммунистов, советских активистов, сочувствующих им, а также красноармейцев. Совершенные советскими оккупационными властями преступления стали поводом для арестов со стороны эстонских самодеятельных вооруженных отрядов лиц, виновных или подозреваемых в совершении этих преступлений. В качестве мест заключения в уездных центрах стали использовать бывшие тюремные здания, а из-за нехватки помещений, по распоряжению прибывших немецких военных частей, начали создаваться временные лагеря, а в небольших населенных пунктах появились импровизированные тюрьмы. Формировались местные временные военно-полевые суды, которые выносили также смертные приговоры, немедленно приводимые в исполнение. Такая самовольная деятельность продолжалась все же в течение короткого времени, и все места заключения подчинили контролю новых оккупационных властей. Таким образом, лагеря и

тюрьмы в Эстонии составляли неотъемлемую часть системы карательных учреждений Германии, и ее нельзя рассматривать как отдельное явление.

В последующие годы в Эстонии действовали три различные сети германских тюремных лагерей, из которых две подчинялись разными путями рейхсфюреру СС и шефу германской полиции Генриху Гиммлеру.

- 1) Места заключения и лагеря, которые через главу полиции безопасности и СД в Эстонии подчинялись Главному управлению имперской безопасности (т. н. *polizeiliche Haftanstalten*). В них содержали, а также уничтожали, в первую очередь, местных жителей, сочувствующих большевикам и/или враждебно настроенных против нацизма, в том числе – евреев и цыган. В качестве исключения в них были помещены в ходе единовременных акций направленные в 1942 г. в Эстонию германские и чешские евреи, а в 1944 г. – французские евреи.
- 2) В качестве второй лагерной сети, находившейся под властью Гиммлера, в 1943 г. был основан концлагерь для евреев в Вайвара, непосредственно подчиненный Главному хозяйственно-административному управлению СС в Берлине.
- 3) К третьей категории относились лагеря для советских военнопленных, которые через окружного коменданта по вопросам военнопленных при командующем тылом группы армий «Север» подчинялись главному командованию сухопутных войск и отделу по вопросам военнопленных вермахта.²⁰

В настоящей статье больше внимания уделяется местам заключения, подчинявшимся полиции безопасности и СД. Это обусловливается несколькими причинами: во-первых, они больше всего затрагивали местных жителей как в качестве жертв,

так и карателей, а во-вторых, структура этих учреждений и происходившие в ней изменения до сих пор не получили достаточного освещения.

Карательные учреждения полиции безопасности и СД с июля 1941 по июнь 1942 г.

Для упорядочения полицейской деятельности командующий тыловой зоной группы армий «Север» 3 августа принципиально запретил осуществление арестов и казней со стороны негерманских учреждений. Это должны были делать соответствующие германские органы, желательно по распоряжению учреждений, подчинявшихся высшему руководителю СС и полиции, или на основании ордеров, выданных германскими уголовными судами. Невыполнение этого требования допускалось при наличии прямой опасности. Заключенных из гражданских лиц, как правило, передавали немецким полицейским властям, которых первоначально представляло прибывшее в Эстонию в июле входившее в состав оперативной группы А (*Einsatzgruppe A*) подразделение под названием зондеркоманда 1а (*Sonderkommando 1a*), на базе которого 5 декабря 1941 г. была образована новая структура – полиция безопасности и СД в Эстонии.²¹

К 15 октября 1941 г. в Эстонии насчитывалось 16 различных карательных учреждений, в которых в общей сложности насчитывалось 9750 заключенных, из них подавляющее большинство составляли местные жители. Места заключения располагались в уездных центрах и в окрестностях Таллинна, причем эта сеть оставалась почти неизменной до окончания немецкой оккупации. До 1940 г. в Эстонии имелось 14 тюремных учреждений, которые все были вновь задействованы. Самой крупной была Таллиннская центральная тюрьма, в которую к этому времени было

²⁰ Meelis Maripuu, Riho Västriik. Prison Camps in Estonia 1941–1944. – Estonia 1940–1945, с. 679–680.

²¹ U.S. NMMA L-180, 23, Gesamtbericht bis zum 15. Oktober 1941.

помещено 2600 заключенных. Летом и осенью 1941 г. число арестованных по политическим причинам было так велико, что для их размещения, по распоряжению прибывших сюда немецких властей, были помимо тюрем созданы временные концлагеря (например, в Тарту и Пярну)²², однако их все же нельзя ставить на одну доску с созданным позднее концентрационным лагерем в Вайвара. К политическим заключенным добавились расовые враги национал-социализма – евреи и цыгане. Тюремные лагеря временного характера создавались также при более крупных производственных объектах, поскольку большая часть заключенных использовалась в качестве рабочей силы, особенно – на лесозаготовках и торфоразработках, а также при строительстве дорог.

Деятельность судебных органов германские оккупационные власти в Эстонии восстановили не сразу. Все места заключения были подчинены полицейским учреждениям.²³ Начиная с августа–сентября 1941 г., в административном ведении Директории внутренних дел Эстонского самоуправления стали работать Главное управление полиции и самообороны, а также Управление тюрем. В практической деятельности роль ЭСУ была символической, и Управление тюрем в своей работе в большой мере зависело от германской полиции безопасности и IV отделения СД (гестапо). 15 июля 1942 г. Управление тюрем было введено в состав Директории по вопросам юстиции ЭСУ.

Политическая полиция, которая некоторое время входила в структуру Директории внутренних дел ЭСУ, начала свою работу в августе 1941 г. в Тарту.

Образованное в сентябре 1941 г. Управление полиции и самообороны состояло из трех отделов и четырех инспекций, среди которых была и Инспекция политической полиции. Осенью 1941 г. руководителем политической полиции был Роланд Лепик, начавший свою службу у немецких оккупационных властей в июле 1941 г. в качестве начальника особого отдела в Тартуском концлагере.²⁴ 1 мая 1942 г. была создана т. н. полиция безопасности Эстонии, которой в качестве IV и V отделов подчинялись соответственно политическая и криминальная полиция и которая сама была непосредственно подчинена командиру германской полиции безопасности и СД в Эстонии (*Kommandeur der Sicherheitspolizei und des SD*), причем формально она находилась также в подчинении руководителя Эстонского самоуправления Хьялмара Мяз. Официально эстонская полиция безопасности именовалась полиция безопасности и СД в Эстонии, группа «Б». 16 февраля 1944 г. Мяз отказался даже от формальной власти над полицией безопасности и передал ее в исключительную компетенцию шефа полиции безопасности.²⁵

К июлю 1942 г. в ведении полиции безопасности и СД действовали 17 мест заключения (лагеря и тюрьмы) типа KZ для лиц, интернированных по политическим причинам.²⁶

Трудовые и воспитательные лагеря в Эстонии в 1942–1944 гг.

В ходе произошедших в Германии реформ должности инспекторов концлагерей, которые до этого действовали в прямом

²² U.S. HMMA L-180, 20, Anlage 5, Gesamtbericht bis zum 15. Oktober 1941.

²³ U.S. HMMA L-180, 23, Gesamtbericht bis zum 15. Oktober 1941.

²⁴ Роланда Лепика германские власти арестовали в декабре 1941 г. Он был обвинен в злоупотреблении властью и позже казнен.

²⁵ ERA R60–1–11, приказ руководителя Эстонского самоуправления Мяз полиции безопасности от 16.02.1944. Подр. см.: Argo Kuusik. Security police and SD in Estonia in 1941–1944. – Estonia 1941–1945, с. 577–595.

²⁶ ERA R64–1–70, л. 3–19, ответы референтур политической полиции на телефонограмму начальника отдела Б IV полиции безопасности от 19.07.1942.

подчинении СС, были 3 марта 1942 г. переведены в ведение Главного хозяйственно-административного управления СС (*SS Wirtschafts-Verwaltungshauptamt*) как отдел «Д».²⁷ 30 мая 1942 г. шеф германской полиции безопасности и СД информировал все подведомственные учреждения, что целью преобразований является подчинение управления обеспечению нужд, связанных с ведением военных действий, и что это ни в коей мере не влияет на ответственность Главного управления имперской безопасности в вопросах заключения лиц под стражу, их освобождения и т. д.²⁸ В новой ситуации полиции безопасности и СД в Эстонии пришлось уместить в единые рамки созданные в самостоятельном порядке и довольно-таки разноликие лагеря.

8 июня 1942 г. шеф полиции безопасности и СД в Эстонии штурмбанфюрер СС д-р Мартин Зандбергер просил в срочном порядке выслать ему для ознакомления служебные правила действующих в Германии концлагерей. Они прибыли в Таллинн к началу июля. Неделий позже Зандбергер получил также копию постановления об основании трудовых и воспитательных лагерей (*Arbeits- und Erziehungslager*) и управлении ими.²⁹

На состоявшемся 23 июля 1942 г. в Риге совещании Зандбергера известили, что при шефе СС и полиции рейхскомиссариата Остланд назначен чиновник СС по хозяйственным вопросам (*SS-Wirtschaftler*), в подчинении которого находились также концлагеря. На этой же встрече было под-

черкнуто, что трудовые и воспитательные лагеря по-прежнему останутся в ведении гестапо.³⁰ Этой же датой помечены два письма Зандбергера. В первом сопроводительном письме сообщалось, что концентрационными лагерями могут называться только те лагеря, которые были основаны в качестве таковых и сохранили свое название. Он подчеркивал, что места заключения и лагеря в Эстонии, которые до этого назывались концлагерями, таковыми называть нельзя. Места заключения, действовавшие в зданиях тюрем, следовало именовать полицейскими местами заключения (*Polizeiliche Haftanstalt*), а по-эстонски – тюрьмами (*vangimaja*). Лагеря, не располагавшиеся в зданиях тюрем, надо было называть трудовыми и воспитательными лагерями, к их числу относились также лагеря, основанные под Таллинном.³¹ Второе письмо предписывало немедленно переименовать в трудовые и воспитательные лагеря все места заключения и лагеря, которые до этого назывались концентрационными лагерями.³²

Трудовые и воспитательные лагеря, а также тюрьмы остались под непосредственным управлением эстонской группы (Б) полиции безопасности и СД, а через это они формально подчинялись и Эстонскому самоуправлению. Распоряжения по вопросам управления лагерями издавал I отдел германской группы полиции безопасности и СД в Эстонии (А- I). Начальники германских внешних отделов полиции безопасности и СД в Эстонии пользовались правом инспектирования лагерей.³³

²⁷ Таким образом, возникла командная цепочка по концлагерям: Гиммлер, Поль, Глюк, комендант лагеря. <http://www.yale.edu/lawweb/avalon/imt/proc/04-11-46.htm> [10. 03 2005].

²⁸ ERA R819–2–3, л. 36, Der Chef der Sipo und SD an alle Dienststellen, 30.05.1942.

²⁹ ERA R819–2–3, л. 37, Dienstanweisung für KZ. KdS Estland *SS-Sturmabführer* Sandberger an BdS Ostland Abt. II *SS-Sturmabführer* Stüber, 8.06.1942; ERA R819–2–3, л. 44–45, Dienstanweisung für KZ. BdS Ostland Abt. II *SS-Sturmabführer* Stüber an KdS Estland *SS-Sturmabführer* Sandberger, 2.07. и 9.07.1942.

³⁰ ERA R819–2–3, л. 60, Konzentrationslager. *SS-Obersturmbannführer* Sandberger an *SS-Hauptsturmführer* Jagusch, BdS Ostland Abt. II, 3.12.1942.

³¹ ERA R60–1–2a, л. 334, Begriff «Konzentrationslager». Der KdS Estland IV-A, 23.7.1942.

³² ERA R819–2–3, л. 46, Arbeitserziehungslager. KdS an Abt. Leiter A-IV, Gruppenleiter B, Abt. Leiter B-I/II, 23.7.1942.

³³ ERA R64–1–44, л. 153, KdS Estland. Töö- ja kasvatuslaagrite juhtimisest, 18.09.1943; ERA R819–2–3, л. 101–106, Führung der Arbeits- und Erziehungslager. Sipo Estland Abt. B I an den KdS Estland, Oktober 1943.

Карательные учреждения в Эстонии, подчинявшиеся полиции безопасности и СД, с июля 1942 г. по сентябрь 1944 г.³⁴

Трудовые и воспитательные лагеря	Тюрьмы*
Таллинн (№ 1)	Таллинн
Мурру (№ 2)	Харку
Ягала (№ 3) (сент. 1942 – сент. 1943)	Пайде
Тарту	Раквере
	Вильянди
	Тарту
	Хаапсалу
	Пярну
	Нарва
	Курессааре
	Валга
	Выру
	Печоры
	Место заключения для несовершеннолетних в Лайтсе

*Формально находились в ведении Управления тюрем Директории по вопросам юстиции ЭСУ.

По существу, в лагерях и тюрьмах мало что изменилось, в основном, только название. Внутренний распорядок регулировался инструкцией для германских трудовых и воспитательных лагерей. Узники подразделялись на три категории (*Stufe*). Заключенные высшей категории (*Stufe III*) подлежали отправке в таллиннский трудовой и воспитательный лагерь, откуда их следовало переправлять в концлагерь Германии.³⁵ Однако, насколько известно, массовая транспортировка узников в германские концлагеря не производилась вплоть до весны 1944 г., когда эвакуация задержанных стала актуальной в связи с наступлением Красной армии.

Из дальнейшей переписки Зандберге-ра можно понять смысл предпринятых реформ по переименованию мест заключения именно в трудовые и воспитательные лагеря: это давало возможность и в хозяйственном смысле оставить имевшиеся здесь лагеря в подчинении местной по-

лиции безопасности и СД. Здесь следует отметить, что в условиях войны повсюду остро ощущался недостаток рабочей силы, и труд заключенных был очень востребован. Плата за работу узников оседала отнюдь не в их карманах.

Заключенные

Поначалу места заключения, подчинявшиеся политической полиции, а затем группе Б полиции безопасности и СД в Эстонии, использовались, главным образом, для содержания заключенных, лиц, осужденных за совершение политических и иных виновных деяний (деятельность, наносящая ущерб военной экономике, спекуляция и т.д.), а также для наказания уголовных преступников. В эти же места заключения свозились местные евреи и цыгане. К июлю 1942 г., по данным IV отделения полиции безопасности, в Эстонии было арестовано 18 893 лиц, из них

³⁴ ERA R64–1–101; R64–1–104; R64–1–108, списки принятых и этапированных заключенных трудового и воспитательного лагеря № 1 в Таллинне, 1942–1944.

³⁵ ERA R60–1–6, л. 18–21, KdS Estland. Rundbefehl Nr. 25, 24.04.1944.

освобождено 7485, приговорено к помещению в концлагерь 5627 и казнено 5634 человек.³⁶ После начала 1942 г., когда на Ваннзейской конференции территория Эстонии была объявлена «свободной от евреев», в статистических отчетах мест заключения отдельная категория «евреи» более не встречается. Отметки о численности пребывающих в местах заключения евреев в отчетах случайны: например, с апреля по май 1943 г. в полумесячных отчетах таллиннского трудового и воспитательного лагеря отражается категория «евреи».³⁷ Исключением в Эстонии являются данные о евреях из Германии и Чехии, привезенных осенью 1942 г. в трудовой и воспитательный лагерь в Ягала, а также о евреях из Франции, привезенных в таллиннский лагерь в мае 1944 г.

На каком основании заключенных распределяли по тюрьмам и лагерям – не вполне ясно. Известно, что в трудовой и воспитательный лагерь, как правило, отправляли всех лиц, приговоренных к заключению в режиме концлагеря. В то же время, как в тюрьмах, так и в трудовых и воспитательных лагерях находились как подследственные политической полиции, так и осужденные по политическим или иным мотивам, а также лица, наказанные в уголовном порядке. Получившие наказание лица значились в списках как заключенные по категориям полиции безопасности и разных отделов СД либо различных судебных учреждений.

Заключенных использовали на работах в полевых лагерях (лесозаготовки, торфопроизводства и т.д.) или во временных трудовых командах на разных объектах или

на работах в самом лагере. В июне 1944 г. таллиннский трудовой и воспитательный лагерь насчитывал восемь, тартуский – три, а муррусский – один полевой лагерь.³⁸

23 июля 1942 г., когда Зандбергер издал приказ о переименовании лагерей, он писал шефу полиции и СС в Эстонии оберфюреру СС Генриху Мёллеру, что в соответствии с переговорами с Йостом в ближайшее время в Эстонии не предусматривается создание концлагеря, но будет создано несколько трудовых и воспитательных лагерей. В первую очередь, близ Таллинна следует создать один крупный трудовой и воспитательный лагерь.³⁹ В августе 1942 г. начались подготовительные работы для создания лагеря в Ягала неподалеку от Таллинна. В сентябре туда свезли около 2000 чешских и немецких евреев, большинство из которых было сразу же уничтожено в Калеви-Лийва. Трудовой и воспитательный лагерь в Ягала с небольшим числом заключенных действовал до сентября 1943 г., после чего он был закрыт, а оставшихся узников вывезли в таллиннский лагерь.⁴⁰

Во второй раз заключенных извне Эстонии привезли в мае 1944 г. Большинство из примерно 3000 переправленных в Эстонию французских евреев были расстреляны группами; около 40 человек, оставшихся в живых, эвакуировали в концлагерь Штуттгоф в конце августа 1944 г.⁴¹

Таллиннская Центральная (Батарейная) тюрьма

В Эстонии центральным местом заключения в системе полиции безопасности

³⁶ ERA R819–1–12, л. 98–99, Jahresstatistik 1941/42 über die Tätigkeit der Sicherheitspolizei (Geheime Staatspolizei. Abt. IV) in Estland. Статистика неполная – не ясно, отражается ли здесь число лиц, которые понесли наказание до июля 1942 г. и были освобождены. См. также: Indrek Paavle. Population losses in Estonia, II/1. German Occupation 1941–1944. Tartu, 2002, Appendix 2, с. 51.

³⁷ ERA R64–1–69, л. 92, 98, 114, отчет трудового и воспитательного лагеря № 1 о заключенных, представленный отделу Б-IV полиции безопасности 15.04.–15.05.1943.

³⁸ Там же.

³⁹ ERA R819–2–3, л. 47, Konzentrationslager. SS-Sturmbf. Sandberger an HSSPF Möller, 23.07.1942.

⁴⁰ Meelis Maripuu. Annihilation of Czech and German jews in Estonia in 1942–1943. – Estonia 1940–1945, с. 705–715.

⁴¹ Meelis Maripuu. French jews at the Tallinn Central Prison in 1944. – Estonia 1940–1945, с. 717–718.

и СД в течение всего периода немецкой оккупации оставалась Таллиннская Центральная (Батарейная) тюрьма, официально называвшаяся таллинским трудовым и воспитательным лагерем № 1. 28 августа 1941 г. немецкие войска вошли в Таллинн, и уже к 15 октября в Батарейной тюрьме, предусмотренной на 1200 мест, находилось 2600 заключенных.⁴² Персонал тюрьмы составляли, в основном, тюремные служащие времен Эстонской Республики. Осенью 1941 г. якобы вышел приказ, по которому всем бывшим тюремным служащим следовало вернуться на свои прежние рабочие места. Помимо этого, всем сотрудникам были разосланы письменные повестки.⁴³ Об этом свидетельствуют протоколы допросов многих бывших тюремных служащих, проводившихся сотрудниками НКВД и НКГБ.⁴⁴ Исполняющим обязанности начальника Батарейной тюрьмы с лета 1941 до начала 1942 г. был Каарел Таренди. Позднее он служил заместителем начальника по производственной части.⁴⁵ После этого в течение короткого времени и. о. начальника тюрьмы являлся Карл-Август Верги, который во второй половине 1930-х гг. был заместителем директора Таллиннской центральной тюрьмы.⁴⁶ Не позднее чем с 6 июня 1942 и по 20 августа 1943 г. пост коменданта Таллиннского трудового и воспитательного лагеря занимал Аугуст Ильвес. Далее комендантом этого учреждения был назначен капитан Александр Лаак,

бывший комендант ликвидированного к этому времени трудового и воспитательного лагеря в Ягала, и в должности начальника таллиннского лагеря он оставался до конца существования этого учреждения.⁴⁷

В Батарейной тюрьме массовые казни не проводились. В тюрьме имела камера смертников, где казнили приговоренных к повешению заключенных-уголовников.⁴⁸ Роль палачей исполняли за дополнительное вознаграждение некоторые из охранников тюрьмы. Списки приговоренных к казни политических заключенных из полиции безопасности переправлялись начальнику тюрьмы, и на их основании заключенных передавали представителям полиции. Казни совершались по ночам, и с их проведением было связано минимальное число тюремных служащих. От остальных происходящее пытались скрыть.⁴⁹ Проведение казней и контроль за ними возлагались на отдел Б (эстонский) IV полиции безопасности и СД. Смертные приговоры, как правило, приводили в исполнение члены охранной команды отдела Б-IV. Названное подразделение было ликвидировано 23 сентября 1943 г.⁵⁰ Из кого в дальнейшем комплектовалась карательная команда, не известно.

В 1943–1944 гг. в трудовой и воспитательный лагерь Таллинна были привезены остававшиеся в живых евреи из лагеря в Ягала, а также французские евреи (см. выше). По словам Герхардта Исупа –

⁴² Gesamtbericht bis zum 15. Oktober 1941. Op. cit. S. 20, Anlage 5.

⁴³ ERAF 129–2799, л. 86–92, (Viitpoom, Ehavege), протокол допроса тюремного служащего Карла Ауа.

⁴⁴ Например, ERAF 129–2799, следственное дело Иоганнеса Вийтпоома и др.; ERAF 129–4474, следственное дело Герхарда Исупа.

⁴⁵ ERA R294–1–8, л. 5, в справке. Центральная тюрьма, 13.01.1942; ERAF 129–2799, л. 81, следственное дело Каарела Таренди.

⁴⁶ ERA R294–1–8, л. 7, циркуляр для всех тюремных учреждений. 18.02.1942; ERAF 129–28653 (5), л. 86, Лаак, Геррец и др.

⁴⁷ ERA R64–1–70, л. 30, телефонограмма начальника Таллиннской центральной тюрьмы Августа Ильвеса в полицию безопасности от 6.06.1942; ERA R294–1–3, л. 176, приказ № 38 по Таллиннскому трудовому и воспитательному лагерю. Комендант Август Ильвес, 20.08.1943.

⁴⁸ ERAF 129–2799, л. 51 (Viitpoom, Ehavege), охранник тюрьмы Иоганнес Вийтпоом, показания в суде, 1949.

⁴⁹ ERAF 129–4474(1), л. 64 (Isup), охранник-палач Карл Тагасаар, протокол допроса, 2.04.1945; ERAF 129–28653(5), л. 264, Август Исуп, выписка из протокола допроса, 5.04.1945.

⁵⁰ Главный референт IV команды Б доносил начальнику отдела 4.10.1943: Есть необходимость найти новые возможности комплектования экзекуционной команды, в ней не должно быть тех сотрудников, которые проводили расследование. ERA R 64–1–44, л. 152об., 153.

организатора передачи заключенных для казни, они были переданы команде, которой руководил немец, унтершарфюрер СС Витте.⁵¹ На основании этого можно предположить, что привезенными из-за пределов Эстонии евреями занималась группа А (германская) полиции безопасности и СД.

Параллельно с полицией безопасности и СД местами заключения в Эстонии занимались также две вышеназванные системы германских карательных учреждений.

Лагеря советских военнопленных в Эстонии

В период 1941–1944 гг. на территории Эстонии стабильно действовали пять лагерей для советских военнопленных: в Валге, Вильянди, Тапа, Кивиыли и Нарве. В течение этого времени подобные лагеря подчинялись различным комендатурам Дулага или Сталага. В конце 1941 г. в лагерях на территории Эстонии содержалось в общей сложности около 30 000 советских военнопленных. К лету 1942 г. их число сократилось, но все же по-прежнему превышало 20 000. Здешние лагеря военнопленных так или иначе подчинялись через командующего тылом группы армий «Север», а также через комендантов соответствующих округов главному командованию германских сухопутных войск и верховному командованию вермахта.

По политическим причинам отношение к военнопленным разных национальностей и к тем, кто добровольно сдался в плен, значительно различалось, и это эстонцы, в положительном для них смысле, испытали на себе. Идея различения по национальному признаку заключалась в том, чтобы в ведущейся против СССР

войне использовать солдат, мобилизованных в Красную армию с территорий, ранее покоренных Советским Союзом. Военнопленные-эстонцы, как правило, освобождались после кратковременного пребывания в плену, и многие из них вступали в ряды немецких вооруженных подразделений. Большое число освобожденных украинцев передавалось в качестве рабочей силы на эстонские хутора.

В лагерях военнопленных на территории Эстонии массовых казней узников не проводилось, однако, по имеющимся данным, число погибших пленников может составлять около 15 000 человек. Большинство из них погибло зимой 1941–1942 гг. из-за недоедания, неудовлетворительных условий жизни и гигиены, а также в результате тяжелой физической работы.⁵²

Сеть концентрационных лагерей в Вайвара

16 марта 1943 г. рейхсмаршал Герман Геринг в секретном послании писал: «Восстановление и использование сланцевой промышленности в Эстонии является нашей важнейшей военно-экономической задачей на всем пространстве бывших балтийских государств».⁵³ В соответствии с новыми программами развития помимо имеющихся предприятий в регионе следовало построить еще два новых сланцерабатывающих завода – неподалеку от Эреда и Вайвара.⁵⁴ 1 июня 1943 г. рейхсфюрер Генрих Гиммлер отдал распоряжение основать в Эстонии концлагерь,⁵⁵ чтобы обеспечить рабочей силой сланцевые предприятия. В случае необходимости следовало пригнать сюда евреев из гетто со всей территории рейхскомиссариата Остланд.⁵⁶ Концлагерь Вайвара начал действовать в августе 1943 г., оставаясь

⁵¹ Выписка из протокола показаний Герхарда Исупа. 5.4.1945. ERA R64–1–44, л. 265.

⁵² Meelis Maripuu. Soviet Prisoners of War in Estonia 1941–1944. –Estonia 1941–1945, с. 739–768.

⁵³ ERA R187–1–7.

⁵⁴ ERA R187–1–6, л. 130.

⁵⁵ См.: Andrew Ezergailis. The Holocaust in Latvia 1941–1944. The missing center. Riga, 1996, с. 363–364.

⁵⁶ Mark Dworzecki. Jewish Camps in Estonia. 1942–1944. Jerusalem, 1970, с. 8.

единственным на территории Эстонии лагерем, находившимся в подчинении Главного хозяйственно-административного управления СС. Созданные ранее трудовые и воспитательные лагеря подчинялись при посредничестве полиции безопасности и СД Главного управления имперской безопасности.⁵⁷ Персонал концлагеря был прикомандирован в Эстонию из Германии, в основном – из действующих там концлагерей, причем практика межлагерной ротации персонала практиковалась и далее. Комендантом и начальником отдела рабочих команд в сети лагерей Вайвара был гауптштурмфюрер СС Ганс Аумейер, к этому времени имевший уже десятилетний стаж работы в концлагерях. В Эстонию он прибыл из Освенцима, а свою карьеру окончил в Норвегии в концлагере Грин в Мизене (Mysen).

Вайвараская сеть лагерей включала в себя главный лагерь и комендатуру в Вайвара, а также до 20 полевых и вспомогательных лагерей, которые в литературе зачастую ошибочно называют самостоятельными концлагерями. Некоторые из них создавались на короткое время для выполнения конкретных целей, и они существовали лишь несколько недель.

Число заключенных в лагере Вайвара неоднократно являлось объектом спора. Однако документальные свидетельства позволяют утверждать, что в сети вайвараских лагерей число содержащихся там евреев не превышало 10 000.⁵⁸

Смертность евреев в этом лагере была относительно низкой. Это связано с тем, что, прежде всего, в данном случае речь идет о трудовом лагере, и нетрудоспособные евреи отсылались из Эстонии в Ригу или Освенцим. Согласно ежемесячным отчетам лагерного врача оберштурмфюрера СС д-ра Франца фон Бодмана, с октя-

бря 1943 по 26 июня 1944 г. в лагерной сети Вайвара умерло в общей сложности не менее 1513 заключенных.⁵⁹ Все же следует добавить, что указанные отчеты не отражают абсолютного числа погибших, например, в них не показаны заключенные, погибшие в ходе эвакуации.

Ликвидация карательных учреждений в Эстонии в 1944 г.

Заключенных, находившихся в подчинении полиции безопасности и СД, начали поэтапно эвакуировать в начале 1944 г., когда линия фронта приблизилась к Эстонии, и возникла опасность прорыва со стороны Красной армии. Заключенных привозили из других лагерей по всей Эстонии в таллиннский трудовой и воспитательный лагерь, являвшийся центральным лагерем. В Таллинне из заключенных комплектовались группы для их отправки в концлагеря Польши и Германии. Эвакуация проходила двумя волнами: зимой и весной по железной дороге, а во второй половине лета – морем. Весной были высланы все узники русской национальности и те, у кого сроки наказания превышали пять лет.⁶⁰

Самый ранний из сохранившихся транспортных списков датирован 18 февраля 1944 г., и в нем содержатся имена 985 мужчин-заключенных, отправленных в концлагерь Штуттгоф. Этот транспорт состоял почти полностью из русских узников, из которых около 400 происходили из Эстонии.⁶¹ Следующий датированный транспортный список относится к 17 мая 1944 г., когда в Штуттгоф был вывезен 151 человек.⁶²

С изменением положения на фронте в первые дни августа 1944 г. началась новая волна эвакуации узников. Большинство заключенных трудовых и воспитательных

⁵⁷ M. Dworzecki. Jewish Camps in Estonia, с. 102; ERAF 133–1–2, л. 104.

⁵⁸ Der SS Lagerarzt K.L. Waiwara an das SS-WVHA. Monatsberichte. 26.1.1944–26.5.1944. AMD 152–2–40, 43–73.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ERAF 129–4474, л. 117, следственное дело Меты Кальювез.

⁶¹ ERA R64–1–100, t. 1, 30–45, Transportliste. 18.2.1944.

⁶² ERA R64–1–100, t. 1, 9–11, Transportliste. 17.5.1944.

лагерей, в общей сложности около 4 200 человек, были свезены в Таллинн.⁶³ В августе генерал-комиссар издал распоряжение, по которому всем рожденным в 1900–1926 гг. и годным к военной службе заключенным, чьи сроки наказания не превышали два года каторжных работ, предоставлялась возможность вступить в немецкую армию. В армию брали также и тех заключенных, кто был приговорен к пяти годам тюрьмы и в период отбывания срока заключения не получал дополнительных наказаний.⁶⁴ В августе из Таллинна в концлагерь Штуттгоф неоднократно вывозили заключенных различных категорий (военнопленных, евреев из концлагеря Вайвара, политзаключенных). Вместе с другими заключенными из Эстонии были высланы также находившиеся под контролем полиции безопасности и СД евреи, не относившиеся к узникам концлагеря Вайвара. Составленные 8 июня 1944 г. полицией безопасности и СД в Эстонии списки заключенных включали еще имена 441 еврея.⁶⁵ Можно предположить, что половину из них составляли те, которых привезли в мае 1944 г. из концлагеря Дранси (Drancy) во Франции. К другой половине, вероятно, относились узники трудового и воспитательного лагеря Ягала, которых оттуда далее вывезли в таллиннский лагерь. Помимо этого, были и другие заключенные-евреи, например, выделенные из числа военнопленных. Привезенные из Ягала в таллиннский трудовой и воспитательный лагерь женщины еврейской национальности были осенью 1943 г. перемещены далее в концлагерь Вайвара.

Согласно ежедневным отчетам, число заключенных в таллиннском лагере в период 23–28 августа 1944 г. сократилось на 1464 человека.⁶⁶ Вероятно, 28 или 29 августа из Таллинна в Штуттгоф выслали политзаключенных, среди которых были и оставшиеся в живых французские евреи. 1 сентября в Штуттгофе было принято на учет 1736 политзаключенных, вывезенных полицией безопасности из Таллинна.⁶⁷

Имеющиеся данные не дают возможности узнать общее число всех заключенных, высланных полицией безопасности и СД из Эстонии в другие лагеря через таллиннский трудовой и воспитательный лагерь. В сохранившихся лагерных транспортных списках указано около 3800 человек, большинство из них составляли русские (как из Советского Союза, так и из Эстонии), а также и латыши (около 200).⁶⁸ В большинстве списков не указаны даты и места назначения. В качестве мест назначения в транспортных списках фигурируют концлагеря Штуттгоф и Равенсбрюк. Если сложить данные из списков заключенных, отправленных до августа 1944 г. в Штуттгоф из таллиннского трудового и воспитательного лагеря, и данные по лагерю Штуттгоф за август 1944 г., то получается, что число заключенных, отправленных из Таллинна в Штуттгоф, составляет около 3 000 человек.⁶⁹ В концлагерь Равенсбрюк, согласно сохранившимся документам, было отправлено двумя транспортом 132 женщины, а также, очевидно, 44 мужчины.⁷⁰ Часть заключенных из концлагерей Штуттгоф и Равенсбрюк были переправ-

⁶³ ERA R64 1–110, л. 1, справка о числе задержанных в Таллиннской тюрьме № 1 от 5.10.1944.

⁶⁴ ERA R65–1–26, л. 2, Dienstliche Anordnungen Nr. 193. 28.10.1941. F.d.R. Lt. u. Ord. Offz. Der Quartiermeister I.V. Major gez. von Schuekmann.

⁶⁵ ERA R64–1–69, л. 317, Häftlingsbestände und Arbeitseinsatz der Häftlinge in den Arbeits- und Erziehungslagern. Sipu und SD Estland B II. 8.6.1944.

⁶⁶ ERA R294–1–33, л. 233–234, ежедневные отчеты о числе заключенных от 23 и 28.8.1944.

⁶⁷ BA RM 45 I / 246, Kommandierender Admiral östliche Ostsee Vizeadmiral Burchardi. Geleitlage 29.8.1944, Reval; Drywa Danuta. Zagłada Żydów w obozie koncentracyjnym Stutthof (wrzesień 1939 – maj 1945). Gdańsk, 2001, с. 92; ERA R64–1–100, т. 1, 46, Transportliste, Juden.

⁶⁸ ERA R64–1–100, т. 1–2, Transportlisten 1941–1944.

⁶⁹ ERA R64–1–100, т. 1, 9–11, 30–45; т. 2, 120–123, Transportlisten: 18.2., 16.3., 17.5.1944.

⁷⁰ ERA R64–1–100, т. 2, 113, 129, 145–147, Transportliste 11.3.1944. На одном из транспортных списков управляемых женщин отсутствует дата. Список мужчин-заключенных от 11.3.1944 г. трудночитаем.

лены далее в другие концлагеря. Данные об их дальнейшей судьбе, а также о числе погибших в лагерях и в ходе эвакуации отсутствуют. После войны Советский Союз репатриировал большинство оставшихся в живых бывших узников концлагерей.

В ходе ликвидации таллиннского трудового и воспитательного лагеря заключенных могли также казнить. Как бы там ни было, шефом полиции безопасности и СД в Эстонии штурмбанфюрером СС Бернгардом Баатцом было подготовлено распоряжение, которое предоставляло трем зондеркомандам полиции безопасности и СД право в случае необходимости и в соответствии с ситуацией казнить заключенных по своему усмотрению.⁷¹ Документы о казнях в связи с ликвидацией лагерей до сих пор не найдены. Во время ликвидации лагерей выкапывались и сжигались трупы заключенных, ранее казненных в Таллинне, Калеви-Лийва и Тарту.

Имеющиеся данные не позволяют также ответить на вопрос, сколько заключенных было отпущено на свободу в ходе ликвидации лагерей. 11 сентября 1944 г. в таллинском лагере находилось еще 1633 узника.⁷² По словам бывших пленников,

перед уходом немецких войск из Таллина часть заключенных было освобождено тюремными охранниками. Красная армия заняла Таллинн 22 сентября 1944 г.

С эвакуацией советских военнопленных тянули до крайнего момента, так как по требованию Гитлера сланцевое производство должно было работать до последней минуты. По мере продвижения линии фронта часть трудовых лагерей на востоке подверглась все же ликвидации, а часть военнопленных использовалась для сооружения оборонительных линий. В последний момент в сентябре 1944 г. были эвакуированы оставшиеся к этому времени в Эстонии около 16 000 военнопленных, которых походным маршем отправили на Сааремаа, поскольку весь морской транспорт в Германию был задействован для эвакуации из Таллинна. По прошествии некоторого времени военнопленных с острова Сааремаа эвакуировали далее в Германию.

С приближением линии фронта летом 1944 г. началась поэтапная эвакуация евреев из лагерей Вайвара. Поскольку немцы желали продолжать работу сланцевого производства, то и эвакуация евреев проводилась в последний момент.

Ликвидация сети лагерей Вайвара в июле–сентябре 1944 г.

26 июня	6662	Число евреев в сети лагерей Вайвара
9 августа	ок. 1000	Эвакуировано в концлагерь Штуттгоф
19 августа	ок. 2100	Эвакуировано в концлагерь Штуттгоф
9 сентября	?	Казнь евреев в Эреда
18 сентября	426	Казнь евреев в Лагеди (по данным Дворжека)
19 сентября	ок. 1800	Казнь евреев в Клоога

В сентябре Красная армия прорвала фронт, и эвакуация последних евреев оказалась под вопросом. Если советские военнопленные из-за недостатка транспорта были отправлены на острова Эстонии, то в отношении евреев было приня-

то решение об их уничтожении на месте. Благодаря воспоминаниям оставшихся в живых евреев, а также многочисленным иллюстративным материалам в течение всего послевоенного периода больше всего говорилось о казни примерно 1800

⁷¹ ERA R819–2–3, л. 115, Durchführung von Sonderbehandlungen und Einweisungen in die AuE-Lager, 10.9.1944.

⁷² ERA R64–1–110, л. 1, справка о числе заключенных в Таллиннской тюрьме № 1, 5.10.1944.

евреев в лагере Клоога близ Таллинна, совершенной 19 сентября, т. е. за три дня до прихода Красной армии.

Заключение

Одной из важнейших задач любой оккупационной власти является обеспечение внутренней безопасности в интересах самой власти, что осуществляется с помощью различных репрессивных органов и методов. Репрессивная политика гитлеровской Германии в обычном понимании связывается со словом «концлагерь», охватывающим несколько различных типов карательных учреждений. Поскольку места заключения различного типа подчинялись разным полицейским или военным институтам, ответственность за происходившее в них ложится на различных лиц и на различные учреждения. В связи с этим представляется важным хотя бы в научной литературе следить за корректным употреблением названий разных типов мест заключения, что к тому же дает информацию об их подчиненности, режиме содержания и т.д.

Прежде всего, в самом общем плане важно различать три основных типа мест заключения в соответствии с учреждениями, которым они подчинялись: лагеря военнопленных в подчинении военных властей, а также лагеря и тюрьмы, которые относились к сфере властных полномочий рейхсфюрера Гимmlера через Главное хозяйственно-административное управление СС и через Главное управление имперской безопасности. В отношении лагерей, входивших в сферу властных полномочий Гимmlера, следует различать лагеря, действовавшие в подчинении разных главных ведомств. Сеть концентрационных лагерей Вайвара, подчиненная Главному хозяйственно-административному управлению СС, предусматривалась для содержания там евреев, привезенных в Эстонию извне для выполнения каторжных работ. Места заключения, подчинявшиеся Главному управлению имперской безопасности, действовали под руководством полиции

безопасности и СД в Эстонии и использовались преимущественно для осуществления репрессий против местного населения (об исключениях речь шла выше).

Конкретно название «концентрационный лагерь» корректно употреблять, прежде всего, только по отношению к сети лагерей Вайвара. Остальные примерно двадцать лагерей, входившие в ее состав, неправомерно называть самостоятельными концентрационными лагерями, а следует показывать их принадлежность к сети концлагерей Вайвара. Концентрационный лагерь Вайвара был по своей сути каторжным лагерем.

Относительно созданных германской полицией безопасности и СД (в начальный период – зондеркоманда 1а) лагерей следует обращать внимание на период, о котором идет речь. Лагеря, основанные относительно бессистемно в начальный период оккупации, можно называть концентрационными, поскольку именно так они именовались в делопроизводстве того времени. Казнь большого числа заключенных в концентрационном лагере Тарту дает этому основание и по существу. В 1942–1944 гг. места заключения, находившиеся в подчинении полиции безопасности и СД, назывались трудовыми и воспитательными лагерями (помимо этого имелись и тюрьмы), которые по сути представляли собой каторжные лагеря, предназначенные для содержания большого числа подозреваемых, из которых более трети было освобождено, остальных приговорили к смерти либо к заключению в концлагере.

Меэлис Марипуу

(1966)

Магистр истории (2007) и докторант Института истории и археологии Тартуского университета. Научный сотрудник Института Памяти Эстонии. Область исследований: Советская и немецкая оккупация в Эстонии.

Балтийский вопрос в Кремле в последние месяцы 1944 года: как бороться с вооруженным движением сопротивления?

Тыну Таннберг

Многогранный балтийский вопрос

В годы Второй мировой войны Кремль активно занимался балтийским вопросом как в военном, дипломатическом, так и во внутривластном плане. Особое значение этот вопрос приобрел в конце 1943 года и в 1944 году, когда советские войска подошли к границам Балтии, а впереди ожидалась военная кампания Красной армии в целях «освобождения» территории Эстонии, Латвии и Литвы. В это самое время на международной арене крупные державы активно занимались разработкой принципов послевоенного устройства мира, что в определенной мере касалось судьбы стран Балтии.

На самом деле, дипломатический аспект балтийского вопроса приобрел актуальность уже в 1940 году, когда СССР оккупировал три государства Балтии и в повестку дня встал вопрос о том, каким образом отреагируют на это западные страны и признают ли они завоевания Москвы. После начала советско-германской войны в 1941 году одной из главных целей Москвы стало именно достижение признания вышеназванными государствами западной границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 года. Таким образом, Москва желала получить одобрение завоеваниям, осуществленным в 1939–1941 годах, в том числе – аннексии балтийских стран. Западные государства не пошли на юри-

дическое признание оккупации Балтии, но на практике смирились со сложившейся ситуацией.

Военный аспект балтийского вопроса был для Кремля связан с отвоеванием Эстонии, Латвии и Литвы у немецких войск. По первоначальным планам Генерального штаба Красной армии, балтийские страны предполагалось захватить уже в декабре 1943 года. Однако этого сделать не удалось, поскольку советские войска увязли в боях под Ленинградом, Новгородом и Великими Луками, а также в Белоруссии. Лишь после окончательного снятия блокады Ленинграда и успешных действий под Новгородом Красная армия начала 14 января 1944 года наступление с целью захвата Балтии (Ленинградско-Новгородская операция). Первоначальный успех советских войск вскоре сошел на нет, и приказ Верховного главнокомандующего Иосифа Сталина о взятии Нарвы не позднее 17 февраля 1944 года остался невыполненным. В марте–апреле продолжались ожесточенные бои за Нарву, однако ни одна из сторон решающего успеха достичь не сумела. К концу апреля под Нарвой наступило трехмесячное относительное затишье. Военные действия вновь активизировались летом 1944 года. 23 июня советские войска перешли в генеральное наступление в Белоруссии. Это повлекло за собой частичное отступление немцев

из-под Нарвы и ослабление фронта. 25 июля Красная армия начала новое наступление на нарвском направлении, и на следующий день, то есть 26 июля 1944 года, город был взят. 22 сентября советские части вошли в Таллинн, а 24 ноября 1944 года пала южная оконечность полуострова Сырве на острове Сааремаа. Таким образом, вся территория Эстонии оказалась под контролем Красной армии. В 1944 году были также завоеваны Литва и большая часть территории Латвии, но немецкая группировка в Курляндии капитулировала лишь в мае 1945 года.

Однако наибольшую сложность для Кремля представляла, безусловно, внутриполитическая составляющая балтийского вопроса, поскольку после военного захвата Балтии там нужно было приступить в срочном порядке к строительству и укреплению новой власти. Проще говоря, необходимо было развернуть планомерный и эффективный процесс советизации, который укрепил бы новый режим и обеспечил его функционирование в более далекой перспективе. Для достижения этой цели следовало, в свою очередь, установить надежную систему контрольных механизмов, начать идеологическое подавление общества и как можно скорее ликвидировать любое сопротивление новому режиму.

В конце октября и в конце ноября 1944 года балтийский вопрос обсуждался в Кремле на самом высоком уровне – в Оргбюро ЦК ВКП(б), то есть Центрального комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), в результате чего были приняты постановления «об ошибках и недостатках» в работе партийных организаций трех бал-

тийских союзных республик, в которых в качестве первоочередной задачи наряду с восстановлением экономики и прочими подобными вопросами выдвигалась необходимость сосредоточиться на борьбе с «буржуазным национализмом»¹. Таким образом, для Москвы одной из первичных целей было установление идеологического контроля над недавно завоеванными территориями. Таким же образом Кремль ранее вел себя на территории Украины и Белоруссии.

Названные постановления, бесспорно, стали значительными вехами в формировании в последующие годы политических условий во всех трех балтийских союзных республиках, а для руководителей союзных республик – непосредственным руководством к действию. В более широком плане это были основополагающие документы советизации Эстонии, Латвии и Литвы. Именно в качестве таковых содержащиеся в них указания воспринимались тогдашними руководителями балтийских союзных республик.² Одновременно с принятием названных постановлений был разработан план применения более широких мер с целью обеспечить успешный старт процесса советизации и, что еще важнее, внедрения существенных для Москвы контрольных механизмов.

Историография и постановка проблемы

Содержание названных постановлений и закулисные подробности их принятия в историографии уже довольно подробно освещены. В этом контексте достойны, прежде всего, упоминания исследования

¹ См. подробнее: Постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и задачах в области политической работы партийной организации Эстонской ССР», 30.10.1944. – РГАСПИ 17–117–459, л. 1–4. Относительно Литовской ССР аналогичное постановление было принято 1 ноября (см. текст постановления: РГАСПИ 17–117–460, л. 8–11), а относительно Латвийской ССР – 3 ноября. РГАСПИ 17–117–464, л. 16–18.

² Н. Каротамм также начинает свое «покаянное письмо» с признания, что указания от 30 октября 1944 года до сих пор не исполнены. См. подробнее: ERAF 1–46–6, л. 1, письмо Н. Каротамма И. Сталину от 17 февраля 1950 г.

Елены Зубковой³ и ее вышедшая в свет в 2007 году монография о политике Москвы в балтийских союзных республиках в 1944–1953 годах.⁴ Автор настоящей статьи также опубликовал отдельную подробную трактовку контрольных механизмов, применявшихся Москвой.⁵ Имеются также другие публикации по этой теме.

Гораздо меньше внимания в исторической литературе уделялось до сих пор деятельности Кремля по подавлению сопротивления в начальной фазе процесса советизации – в 1944 году, когда вторжение Красной армии сопровождалось масштабным вооруженным сопротивлением советской оккупации в Западной Украине,

Западной Белоруссии, а также в Балтии. Подавление этого сопротивления стало одной из первоочередных задач Кремля, выполнением которой следовало заниматься постоянно. Довольно скоро Москва поняла, что установление советской власти на этих территориях, в том числе и в Балтии, будет нелегким делом и не обойдется без сопротивления. По мере продвижения Красной армии вопрос о том, как подавлять постоянно возрастающее сопротивление, становился для Кремля все более актуальным и важным. В официальной риторике Москвы это называлось борьбой с бандитизмом.⁶

Цель настоящей статьи – подробный

³ См. например: Елена Зубкова. Советский фактор в Балтийском регионе: кадровая политика как механизм советизации (1944–1947 гг.). – Сталин. Сталинизм. Советское общество. Сборник статей. Москва, 2000, с. 194–211; Елена Зубкова. Москва и Балтия: механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в 1944–1953 годах. – Труды Института российской истории, IV. Москва, 2004, с. 266–283; Елена Зубкова. Феномен «местного национализма». «Эстонское дело» 1949–1952 годов в контексте советизации Балтии. – Отечественная история. 2001, № 3, с. 89–102; Jelena Subkova. Kaderpolitik und Säuberungen in der KPdSU (1945–1953). – Terror. Stalinistische Parteiaübungen 1936–1953. Сост. Г. Вебер, У. Мяхлерт. Paderborn, München, Wien, Zürich, 1998, с. 187–236; Elena Zubkova. Estland unter sowjetischer Herrschaft 1944–1953. – Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zu Stalins Tod. Estland 1939–1953. Сост. О. Мертельсманн. Hamburg, 2005, с. 266–281; Елена Зубкова. Проблемная зона: особенности советизации республик Балтии и послевоенные годы. 1944–1952 гг. – Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. Под ред. Г. Бродюгова, Н. Исии, Т. Томита. Москва, 2001, с. 355–374.

⁴ Елена Зубкова. Прибалтика и Кремль, 1940–1953. Москва, 2008. К настоящему времени это исследование издано также на эстонском языке: Jelena Zubkova. Baltimaad ja Kreml 1940–1953. Tallinn, 2009.

⁵ Tõnu Tannberg. Moskva institutsionaalsed ja nomenklatuursed kontrollmehhanismid Eesti NSV sõjajärgsetel aastatel. – Eesti NSV aastatel 1940–1953. Sovietiseerimise mehhanismid ja tagajärjed Nõukogude Liidu ja Ida-Euroopa arengute kontekstis. Сост. Т. Таннберг. (Eesti Ajalooarhiivi toimetised, 15 (22)). Tartu, 2007, с. 225–272.

⁶ В советской терминологии слово «бандитизм» не имело однозначного толкования. Наряду с понятием «уголовный бандитизм» использовалось также понятие «бандитско-повстанческая деятельность», или политический бандитизм, который рассматривался органами советской власти как форма деятельности «буржуазно-националистического элемента». Исходя из этой трактовки, Эстония, Латвия, Литва, Западная Украина, Западная Белоруссия и другие оккупированные Советским Союзом в 1939–1940 гг. территории Восточной Европы относились к особой зоне, где в подавляющем большинстве присутствовал политический бандитизм, то есть национальное вооруженное движение сопротивления. В трактовке советских органов безопасности движение сопротивление делилось на два различных уровня. Соответственно этому было организовано разделение труда: задачей НКГБ было уничтожение высшего уровня движения сопротивления, то есть руководящих организаций, а к задачам НКВД относилось обеспечение ликвидации созданных или руководимых ими вооруженных банд. Выполнением этой задачи занимались внутренние войска и истребительные батальоны, находившиеся в распоряжении НКВД. В условиях войны и оккупации, когда круг людей, относящихся к сфере интересов органов безопасности, является чрезвычайно широким, право производить аресты и вести следствие в отношении антисоветского элемента было предоставлено также оперативным работникам НКВД. Таким образом, отделы по борьбе с бандитизмом НКВД в Эстонии, а также в Латвии, Литве, Украине, Белоруссии и Молдавии начали в 1944 году работать наряду с НКГБ, и их основной целью была ликвидация антисоветского подполья, организующего бандитскую деятельность. См. также: Джеффри Бурдс. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944–1953 гг. – Социальная история. Ежегодник. 2000. Москва, 2000, с. 169–190.

анализ деятельности Москвы по подавлению вооруженного сопротивления в Эстонии, Латвии и Литве в последние месяцы 1944 года. При этом здесь не рассматриваются детально различные акции и операции органов внутренних дел и безопасности против повстанцев в конкретных районах, а делается попытка дать ответы на самые общие вопросы:

- (1) какие институциональные рамки были созданы для подавления движения сопротивления;
- (2) какие методы стали применяться для подавления сопротивления;
- (3) как вообще Москва оценивала движение сопротивления в Балтии, и кто в Кремле занимался данным вопросом;
- (4) какую «кадровую помощь» предлагала Москва союзным республикам в борьбе с движением сопротивления;
- (5) каких результатов удалось Москве добиться в борьбе с движением сопротивления, и применялись ли в дальнейшем принципы, выработанные в тот период;
- (6) какие награды получали чекисты, участвовавшие в борьбе с движением сопротивления?

Получить ответы на данные вопросы можно на основе имеющихся работ, посвященных вооруженному движению сопротивления в Балтии в послевоенные годы.⁷ Упоминания достойны, безусловно, специальные исследования Валдура Охманна⁸, Пеару Куузе⁹, Меэлиса Сауэаука¹⁰, Елены Зубковой¹¹, Александра Кокурина¹², Тиллманна Тегелера¹³ и других авторов, изучавших различные аспекты деятельности органов внутренних дел. Однако до сих пор никто (за исключением Е. Зубковой) подробно не изучал происходившее в последние месяцы 1944 года с точки зрения Москвы, то есть – что конкретно предпринималось Кремлем и как постепенно внедрялись различные механизмы с целью подавления сопротивления и очистки общества от «враждебных элементов», а также – какой интерес этот процесс представлял в целом для Москвы. Настоящая статья пытается заполнить этот пробел в исторической литературе, на основе, главным образом, публикаций источников, вышедших в свет в последнее время в России¹⁴, и в меньшей мере – на основе архивных материалов (Государственного архива

⁷ The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Сост. А. Анушаускас. Vilnius, 1999.

⁸ Valdur Ohmann. Eesti NSV Siseministeriumi institutsionaalne areng ja arhivaalid (1940–1954). Магистерская работа. Руководитель Тыну Таннберг. Tartu, 2000.

⁹ Pearu Kuusk. Nõukogude võimu lahingud Eesti vastupanuliikumisega. Banditismivastase Võitluse Osakond aastatel 1944–1947. Tartu, 2007; Pearu Kuusk. Julgeolekuorganite võitlus Eesti vastupanuliikumisega sõjajärgsetel aastatel: Banditismivastase Võitluse Osakond (1944–1947). – Eesti NSV aastatel 1940–1953. Sovietiseerimise mehhanismid ja tagajärjed Nõukogude Liidu ja Ida-Euroopa arengute kontekstis. Сост. Т. Таннберг. (Eesti Ajalooarhiivi toimetised, 15 (22)). Tartu, 2007, с. 322–325.

¹⁰ Meelis Saueauk. Riikliku julgeoleku rahvakomissariaat (NKGB) Eestis 1944–1946. – Tuna. 2008, № 3, с. 33–57; Meelis Saueauk. Nõukogude julgeolekuorganid Eestis 1944–1953. – Ajalooline Ajakiri. 2009, № 1–2, с. 77–122.

¹¹ Елена Зубкова. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны. – Отечественная история. 2007, № 2, с. 74–90; № 3, с. 14–30.

¹² Александр Кокурин. Органы НКВД–НКГБ СССР по борьбе с вооруженным националистическим подпольем (Западная Украина и Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония) (1939–1953). – Труды общества изучения истории отечественных спецслужб, 3. Москва, 2007, с. 254–276.

¹³ Tillmann Tegeler. Der litauische Partisanenkampf im Lichte sowjetischer Akten. München, 2001.

¹⁴ Прежде всего, в данном случае имеются в виду следующие публикации источников: Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Москва, 2006; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Том 5, книга 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). Москва, 2007; НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов. Сост. Н. Владимирцев, А. Кокурин. Москва, 2008.

Эстонии, Российского государственного архива социально-политической истории) и опубликованной литературы по этой теме.

Институциональное начало: создание отделов по борьбе с бандитизмом

В рассматриваемый период, то есть в 1944 году, разработка и внедрение мер по борьбе с бандитизмом велась интенсивно и на разных уровнях. В общегосударственном масштабе важным шагом стала осуществленная в начале декабря 1944 года реорганизация отдела по борьбе с бандитизмом (ОББ), действовавшего в составе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) в Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ). Однако свою историю этот орган вел уже с 1941 года.

Создание организационной структуры по борьбе с бандитизмом началось ранней весной 1941 года. В феврале из состава НКВД СССР были выведены структурные единицы, занимавшиеся вопросами госбезопасности. На их базе был сформирован Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ).¹⁵ Спустя некоторое время, т. е. в апреле 1941 года с целью активизации борьбы с любыми видами политического и уголовного бандитизма на территории СССР в составе Главного управления милиции НКВД был образован отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ). В рамках деятельности вновь созданного отдела (начальник Ш. Церетели) вопросами балтийских республик (а также Карело-Финской ССР) ведало 3-е отделение. Аналогичные структурные единицы следовало создать также при республиканских наркоматах и

областных управлениях внутренних дел.¹⁶ Однако сделано это было не во всех союзных республиках и областях – в некоторых из них борьбой с бандитизмом занимались местные республиканские или областные отделы уголовного розыска. При наркоматах внутренних дел балтийских республик ОББ в 1941 году также не были созданы. Задачей подобных отделов, созданных в рамках НКВД, в то время оставалась все же, прежде всего, борьба с «уголовным бандитизмом», поскольку подавлением «политического бандитизма» непосредственно занимались созданные в составе НКГБ СССР 2-й (контрразведка) и 3-й (тайнополитический) отделы, а также их соответствующие подразделения в союзных республиках и областях.¹⁷

После начала советско-германской войны летом 1941 года в спешном порядке была проведена новая реорганизация органов безопасности: наркоматы внутренних дел и госбезопасности были вновь объединены в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР.¹⁸ Отдел по борьбе с бандитизмом поначалу продолжал функционировать в подчинении Главного управления милиции, однако 30 сентября 1941 года приказом народного комиссара внутренних дел СССР был образован самостоятельный ОББ, на который возложили задачи по ликвидации всех «бандитских формирований» посредством оперативно-агентурной и розыскной деятельности, а также по уничтожению отдельных бандитов и поимке их пособников на всей территории СССР. Вторая основная задача, которая возлагалась на ОББ, заключалась в изъятии во взаимодействии с милицией незаконно-

¹⁵ См. подробнее: проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о реорганизации Народного комиссариата внутренних дел, январь 1941 г. – Лубянка, с. 224–226.

¹⁶ Лубянка, с. 419.

¹⁷ НКВД–МВД СССР, с. 420.

¹⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об объединении народных комиссариатов внутренних дел и государственной безопасности, 21.07.1941 г. – Лубянка, с. 298–299.

¹⁹ Приказ народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берия № 001414 от 30.09.1941 г. – НКВД–МВД СССР, с. 474–475.

го оружия у населения. Соответствующие подразделения ОББ НКВД СССР следовало сформировать во всех союзных республиках и областях. Начальником ОББ был назначен майор госбезопасности Сергей Клепов¹⁹, которого позже сменил Александр Леонтьев. К моменту издания вышеуказанного приказа балтийские страны были уже оккупированы немецкими войсками, и там создание ОББ не представлялось возможным.

ОББ НКВД СССР был реорганизован в Главное управление 1 декабря 1944 года. Главной причиной реорганизации было возникновение масштабного вооруженного сопротивления в западных областях Украины и Белоруссии, а также «освобождение» Балтии в 1944 году. Помимо прочего, в состав создаваемого ГУББ был включен также Штаб истребительных батальонов НКВД СССР, в связи с чем руководство деятельностью этих батальонов на местах перешло, разумеется, в подчинение Главного управления по борьбе с бандитизмом. Возглавил ГУББ бывший начальник отдела, комиссар госбезопасности 3-го ранга А. Леонтьев, в подчинении которого работали 7 отделов, несколько специализированных отделений и секретариат ГУББ. Функции отделов были поделены по территориальному принципу. Балтийским регионом в рамках ГУББ НКВД СССР занимался, прежде всего, 2-й отдел (насчитывавший в общей сложности 21 человек во главе с подполковником госбезопасности Венямином Карлиным), к задачам которого относилась координация борьбы против подпольных антисоветских организаций и движения вооруженного сопротивления в Белоруссии и трех балтийских республи-

ках. Распределение обязанностей внутри отдела было организовано так, что 1-е отделение занималось подпольными организациями в Белоруссии, 2-е отделение – подпольными организациями в балтийских республиках, а 3-е отделение – борьбой с бандитизмом как в Белоруссии, так и в Эстонии, Латвии и Литве. 6-й отдел ГУББ НКВД СССР отвечал за координацию деятельности истребительных батальонов.²⁰

ОББ НКВД Эстонской ССР начал свою деятельность в марте 1944 года в Ленинграде, занимаясь поначалу «обработкой» эвакуированных и вербовкой агентов в приграничных районах Эстонии – в Кингисепском районе. Одновременно с этим отдел владел информацией о «лесных братьях», действовавших в Эстонии, а также он заслал в тыл к немцам не менее двух агентов («Коткас» и «Метс»).²¹ Начальником ОББ Эстонской ССР был уже в январе 1944 года назначен капитан госбезопасности Константин Кольк (вступил в должность 1 февраля), которого, однако, в августе сменил подполковник госбезопасности Владимир Глушанин.²² Начальником ОББ НКВД Литовской ССР стал в июле 1944 года подполковник госбезопасности Николай Слепнев, а в конце ноября на его место вступил подполковник (позже – полковник) госбезопасности Александр Гусев. Начальником ОББ Латвийской ССР работал с марта 1944 года майор Карл Бедик, который пробыл на этом посту до ранения в конце апреля 1945 года (позднее умер от полученных ран).²³ О численности составов ОББ НКВД трех балтийских республик по состоянию на октябрь 1944 года дает представление нижеследующая таблица.

²⁰ НКВД–МВД СССР, с. 431–432.

²¹ Сообщение начальника 6. отделения ОББ НКВД СССР В. Головлева от 06.07.1944 г. – НКВД–МВД СССР, с. 164–165. Создание ОББ НКВД Эстонской ССР подробно рассматривал в своей магистерской диссертации Пеару Кууск. См. подробнее: Р. Kuusk. Nõukogude võimu lahingud, с. 28–42; Р. Kuusk. Julgeolekuorganite võitlus, с. 322–325.

²² Р. Kuusk. Nõukogude võimu lahingud, с. 28, 31. В. Глушанин оставался в этой должности до октября 1946 года.

²³ НКВД–МВД СССР, с. 436, 444.

Таблица 1

Численность ОББ народных комиссариатов внутренних дел балтийских республик по состоянию на 13 октября 1944 г.

Союзная республика	Начальник ОББ	Численность личного состава		Всего
		в центральном аппарате	на периферии	
Эстонская ССР	Владимир Глушанин	31	46	77
Латвийская ССР	Карл Бедик	23	63	86
Литовская ССР	Николай Слепнев	20	75	95
Всего		74	184	258

Таблица составлена на основе: НКВД–МВД СССР, с. 436, 444.

Приведенные в таблице данные показывают, что в союзных республиках отделы по борьбе с бандитизмом являлись малочисленными структурными подразделениями, которые не были способны осуществить поздней осенью 1944 года и предстоящей зимой успешное подавление постоянно возраставшего движения сопротивления. В балтийских республиках структурные подразделения по борьбе с бандитизмом остались в статусе отделов, а в Украинской и Белорусской ССР, где движение сопротивления было значительно масштабнее, чем в Балтии, местные ОББ были преобразованы в управления, что сопровождалось заметным увеличением численности их личного состава.²⁴

Однако, в целом, нужно еще раз подчеркнуть, что как в Западной Украине и Западной Белоруссии, так и в трех балтийских республиках сил местных отделов / управлений по борьбе с бандитизмом не хватало для организации эффективного подавления вооруженного сопротивления. В Москве понимали, что эту «борьбу» необходимо организовать централизованно и осуществлять совместно силами НКВД и НКГБ.

Начало сотрудничества органов внутренних дел и госбезопасности: совместные операции

В действительности Москва уже ранней осенью 1944 года уяснила, что народные комиссариаты внутренних дел не могут в одиночку справиться с подавлением вооруженного сопротивления. Поэтому всячески подчеркивалась необходимость сотрудничества с народными комиссариатами госбезопасности. Собственно говоря, соответствующие прямые указания были даны из Москвы органам госбезопасности союзных республик. В октябре 1944 года народный комиссар госбезопасности СССР Всеволод Меркулов направил своим подчиненным в Литовской ССР конкретные указания по оказанию помощи местному НКВД в борьбе с бандитизмом. В этом распоряжении однозначно сказано, что несмотря на общепринятый принцип, согласно которому борьбой с бандитизмом занимается наркомат внутренних дел, органы безопасности не должны оставаться в стороне. По словам В. Меркулова, названные структуры должны «оказывать всестороннюю помощь» народному комиссариату внутренних дел в борьбе с бандитизмом, что при применении надлежащих оперативно-агентурных мер обеспечит «ликвидацию банд-

²⁴ См. подробнее: НКВД–МВД СССР, с. 431, 435–437.

формирований». Примечательным является также обоснование, предложенное Меркуловым, а именно – наряду с прочим, это следовало делать, поскольку «банды», созданные немцами в Литве, являются «по своей сущности антисоветскими организациями».²⁵ Заниматься же таковыми должны были именно органы безопасности. И в данном случае нет никаких оснований полагать, что указания, направленные Наркомату госбезопасности Литовской ССР, не были также получены НКГБ Эстонской и Латвийской ССР.

Первым проявлением навязанного таким образом «сотрудничества» стали совместные операции народных комиссаров внутренних дел и госбезопасности, инициированные Москвой в октябре 1944 года. Основанием для них были совместные приказы, изданные наркоматами внутренних дел и госбезопасности. Первый такой приказ был издан для координации деятельности названных структур на территории Украины, за ним последовали аналогичные по содержанию приказы от 12 октября 1944 года, касавшиеся Белорусской и Литовской ССР.²⁶

В целом, запланированные меры по подавлению движения сопротивления можно разделить на организационные и оперативно-тактические.

На примере Литовской ССР можно утверждать, что организационные меры, которые в конечном итоге должны были обеспечить успех в проведении акций против движения сопротивления, заключались в следующем:

- назначались конкретные лица, отвечавшие за эффективность «оперативно-агентурной» деятельности. В Литовской ССР общая ответственность была возложена на народного комиссара вну-

тренних дел Юозаса Барташонаса, а его заместителями остались нарком госбезопасности Александрас Гузявичус и командир 4-й дивизии внутренних войск НКВД генерал-майор Павел Ветров;

- вышеназванным лицам было предоставлено право оперативно проводить перестановки частей внутренних войск, дислоцированных в союзной республике²⁷;
- в «наиболее пораженных бандитизмом» районах предусматривалось формирование при уездных отделах НКВД отделов по борьбе с бандитизмом из 3–5 человек, что означало временное увеличение численности личного состава этих отделов; штатный состав ОББ при НКВД следовало также увеличить на 15 человек;
- для усиления личного состава республиканских органов внутренних дел и госбезопасности туда были командированы оперативные работники из Москвы и других районов. В Литву предусматривалось направить на трехмесячный срок 35 опытных оперативников;
- партийное руководство следовало держать в курсе дела, предоставляя ему соответствующую информацию;
- для повышения эффективности допросов арестованных следовало реорганизовать следственный отдел НКВД Литовской ССР, одновременно увеличив его штат на 7 мест, чтобы обеспечить бесперебойное проведение следственных действий в отношении членов антисоветского подполья и «лесных братьев»;
- информацию, полученную в ходе допросов и представляющую оперативный интерес, следовало незамедлительно передавать соответствующим должностным лицам, чтобы ее можно было незамедлительно и оперативно использовать;
- пограничным войскам, расположенным

²⁵ Инструкция народного комиссара госбезопасности СССР В. Меркулова НКГБ Литовской ССР от 4.10.1944 г. – Органы государственной безопасности СССР, с. 399–400.

²⁶ Совместный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берии и народного комиссара госбезопасности СССР В. Меркулова о повышении эффективности борьбы с движением сопротивления в Литовской ССР от 12.10.1944 г. – Органы государственной безопасности СССР, с. 454–457.

²⁷ В Литовскую ССР была перебросена из Северного Кавказа 4-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД; в Латвии была дислоцирована 5-я, а в Эстонии – 63-я стрелковые дивизии.

- в Литовской ССР, было дано распоряжение очистить приграничные районы от «антисоветских и бандитско-шпионских элементов»;
- следовало также усилить оперативно-розыскную и антидиверсионную деятельность на железных дорогах Литовской ССР (в распоряжение командующего 14-й дивизии железнодорожных войск НКВД, осуществлявших охрану железных дорог, были переброшены боевой и учебный бронепоезд вместе с маневренной группой из 100 человек, а также 150 курсантов сержантской школы НКВД; в помощь железнодорожному транспортному отделу НКВД Литовской ССР были направлены две оперативно-розыскные группы 3-го управления НКВД СССР;
  - для повышения маневренности частей внутренних войск НКВД, дислоцированных в Литовской ССР, в союзную республику отправили 30 грузовых автомобилей, а в распоряжение руководителя операции были переданы также два «виллиса»;
  - НКВД Литовской ССР получил также 24 радиостанции типа «Белка» вместе с радистами, получившими соответствующую подготовку.

Оперативно-тактические меры включали в себя конкретные инструкции о том, как действовать против движения сопротивления. Наиболее существенные из них были, в целом, следующими:

- следовало обеспечить выявление и ликвидацию находившихся в распоряжении повстанцев оружейных складов, боеприпасов, продовольственных запасов, множительных аппаратов и т. п.;
- при проведении военно-чекистских операций против движения сопротивления следовало обеспечить их своевременную поддержку, т. е. с помощью засад и прочих подобных мер отрезать «лесным братьям» возможные пути отступления,

чтобы таким образом достичь полного разгрома «противника»;

- необходимо было тщательно подготовить и целенаправленно осуществлять планы по ликвидации вооруженных «банд», а это означало, прежде всего, то, что при ликвидации отдельных отрядов или «зачистке» какого-либо района следовало исключить проникновение в этот район новых отрядов. Для достижения этой цели в населенных пунктах и на предполагаемых путях передвижения «лесных братьев» нужно было создать небольшие боеспособные гарнизоны или устроить засады;
- к процессу ликвидации подпольных организаций и вооруженных отрядов следовало как можно шире привлекать местное население, для чего при участковых уполномоченных милиции надо было создать на местах вспомогательные вооруженные группы, в которые принимались «честные советские граждане» (прежде всего, имелись в виду члены семей красноармейцев, представителей местного советского и партийного актива, а также люди, пострадавшие от деятельности «лесных братьев»).

Совместные операции органов внутренних дел и госбезопасности, начавшиеся в октябре 1944 года в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Литовской ССР, охватили в 1945 году и территорию Латвийской и Эстонской ССР. В Эстонию, помимо прочего, в начале 1945 года прибыл внедрять «новый метод работы» прежний начальник ОББ Литовской ССР Слепнев.²⁸

Роль московских эмиссаров НКВД и НКГБ при проведении первых «зачисток»

В отношении совместных операций, развернутых осенью 1944 года, следует еще раз подчеркнуть несколько существенных

²⁸ О совместных операциях, проведенных в Эстонской ССР, см. подробнее: P. Kuusk. Nõukogude võimu lahingud, с. 51–94.

моментов. Во-первых, они представляли собой т. с. унифицированные меры, которые применялись, в целом, по единому образцу как в западных областях Украины и Белоруссии, так и в республиках Балтии. Местное своеобразие или региональная специфика никоим образом не учитывались. Другой существенной характерной чертой было то, что практическое осуществление совместных операций возлагалось, во многом, на чекистов, командированных в порядке «кадровой помощи» из Москвы, Ленинграда и других внутренних регионов СССР. Особенно ценились, безусловно, те, кто уже имел какой-либо опыт борьбы с движением сопротивления.²⁹ Однако еще более знаменательным было то, что в последние месяцы 1944 года Эстонскую, Латвийскую и Литовскую ССР лично посещали руководители НКВД и НКГБ СССР. Понятно, что они приезжали сюда не отдыхать, а для того, чтобы лично ознакомиться с внутривнутриполитическим положением, координировать ведение борьбы с повстанцами и руководить т. с. необходимыми операциями по «очистке» территории вышеуказанных республик от «враждебных элементов».

Под руководством наркома госбезопасности СССР В. Меркулова в ноябре и декабре 1944 года в Таллинне действовала московская оперативная группа.³⁰ В этот период ей были подчинены как НКВД, так и НКГБ Эстонской ССР. Аресты производились в Таллинне и уездах. В. Меркулов прибыл в эстонскую столицу в начале ноября (вероятно, где-то 5–6 ноября), а о мерах, принятых после прибытия эмисса-

ра высокого ранга, можно частично получить обзор из доклада, отправленного им в Москву. В нем В. Меркулов сообщает, что по прибытии в Таллинн он ознакомился с работой органов госбезопасности, после чего приступил в первую очередь к укреплению оперативного аппарата НКГБ в городе Таллинне и уездах.³¹ На практике это означало применение следующих мер:³²

- проведение более масштабной операции по «очистке» территории республики от «враждебных элементов», в ходе которой в период с 6 по 14 ноября было арестовано по неполным данным (из уездов часть данных еще не поступила) 420 человек, всего же к указанному дню, т. е. к 14 ноября, органы безопасности арестовали в Эстонии 1116 человек (в том числе 575 – в Таллинне);

- вся территория Эстонской ССР была поделена на 7 оперативных секторов (таллиннский, раковерский, пярнуский, вильяндиский, тартуский, хаапсалуский и сааремааский), куда были направлены оперативные группы, руководимые чекистами, присланными из Москвы или Ленинграда (в общей сложности – 70 оперативных работников);

- часть оперативных работников, прибывших в Эстонию в качестве «кадровой помощи», были направлены в оперативные отделы НКГБ Эстонской ССР для оказания помощи и участия в практической деятельности отделов;

- для усиления личного состава органов НКГБ на уездном уровне в Эстонскую ССР из Москвы и других регионов было

²⁹ К октябрю 1944 года в западные области Украины и Белоруссии, а также в Литву в качестве кадровой помощи было направлено уже более 3800 чекистов из других регионов СССР. Если же учитывать также Эстонию и Латвию, то это число будет значительно выше.

³⁰ В данном случае, безусловно, представляет также интерес вопрос, почему народный комиссар госбезопасности СССР лично прибыл в Эстонию, хотя здесь сопротивление новому режиму было значительно слабее, чем в Литве или Латвии. Весьма вероятно, что причиной было «разоблачение» правительства Отто Тифа органами НКВД Эстонской ССР.

³¹ Сообщение народного комиссара госбезопасности СССР В. Меркулова Государственному комитету обороны СССР об организации оперативно-агентурной работы в Эстонской ССР от 14.11.1944. – Органы государственной безопасности СССР, с. 588.

³² Там же, с. 588–590.

вызвано еще 50 оперативных работников, часть из которых прибыла в республику уже к середине ноября;

– более пристальное внимание стало уделяться наиболее важным «делам», находившимся в производстве НКГБ и НКВД Эстонской ССР, среди которых первостепенное значение приобрело дело «демократического правительства Эстонии»³³. Большое внимание уделялось также поимке членов организации «Омакайтсе».³⁴ Достойным внимания остается факт, что дела некоторых более значимых лиц – прежде всего, это касается членов правительства Отто Тифа, арестованных НКВД Эстонской ССР, – были переданы, по распоряжению В. Меркулова, НКГБ Эстонской ССР.³⁵

В самых крупных городах – в Таллинне и Тарту – органы безопасности, подразделения милиции и армии осуществили несколько акций по проведению проверок и «зачисток». В начале октября 1944 г., а точнее 5 октября, в Таллинне были проверены все жилые площади в соответствии с ранее составленными планами.³⁶ В операции, которой руководил комендант Таллинна полковник Денисов, участвовало 1486 человек, и первоначально был арестован 401 человек, из которых 205 были после проверки освобождены. Материалы по задержанным были переданы Смершу Ленинградского фронта. Военную поддержку проведению операции обеспечивал командующий тыловыми войсками НКВД Ленинградского фронта генерал-майор Иван Панкин.³⁷

Вторая крупная акция по «очистке»

Таллинна была запланирована на 12 ноября, и ее целью провозгласили поимку «антисоветского и шпионского элемента».³⁸ Эту операцию должны были также провести совместно НКВД и НКГБ, на которых возлагалась задача по составлению списков подлежащих арестам и выявлению их персональных данных. Окончательные списки и план всей операции должны были подписать народный комиссар госбезопасности Эстонской ССР Борис Кумм, народный комиссар внутренних дел Александр Резев и, как представитель Москвы, Леонид Райхманн, который в то время занимал пост замначальника 2-го главного управления НКГБ СССР. После этого план был передан для утверждения народному комиссару госбезопасности СССР В. Меркулову. Практическое проведение операции, т. е. проведение арестов людей, внесенных в списки, возлагалось на «тройки», состоявшие из представителей НКВД и НКГБ, а также одного военного из 260-го полка НКВД. Для оформления ордеров на арест была образована отдельная группа. Считалось, что санкция прокурора для проведения арестов не нужна. Особые группы предусматривалось также создать для приема арестованных в тюрьмах и скорейшего проведения следственных действий. При этом, например, на эту т. н. приемную группу возлагались задачи по проведению личного досмотра в отношении арестованных лиц и их размещению в камерах с таким расчетом, чтобы в одну камеру не попадали люди, знакомые между собой. При каждой такой «приемной» группе

³³ К этому времени органы безопасности уже арестовали О. Тифа, А. Суси, Х. Пяртельпоэга, В. Сумберга и Я. Майде.

³⁴ К этому времени органы безопасности уже арестовали 421 члена организации «Омакайтсе».

³⁵ Об этом см. подробнее: ERAF 17SM-4-7, л. 84-98, доклад НКВД Эстонской ССР народному комиссару внутренних дел СССР Л. Берии за 4-й квартал 1944 г.; M. Saueauk. Riikliku julgeoleku rahvakomissariaat (NKGB) Eestis 1944-1946, с. 44.

³⁶ См. подробнее: ERAF 17SM-4-9, 239-241, план по осуществлению контроля за населением Таллинна (без даты).

³⁷ M. Saueauk. Riikliku julgeoleku rahvakomissariaat (NKGB) Eestis 1944-1946, с. 43.

³⁸ ERAF 17SM-4-9, л. 228-231, план по поимке антисоветского и шпионского элемента в Таллинне (ноябрь 1944 г.).

был один сотрудник НКГБ, который должен был принимать на учет предметы, конфискованные в местах жительства арестованных, и обеспечивать передачу этих предметов следователям.³⁹

Акции, аналогичные тем, что проводились в Таллинне, были в октябре–ноябре 1944 года осуществлены также в Тарту. По сути, в этом городе органы безопасности провели три крупные операции по поимке «антисоветского элемента». В общей сложности, в ходе этих акций было задержано 483 человека, из которых большинство составляли лица, служившие в немецких войсках или уклонявшиеся от мобилизации в Красную армию.⁴⁰ Во время операции, осуществленной в Тарту 6 ноября 1944 года, был арестован 251 человек.⁴¹

«Зачистки» проводились не только в городах – московских эмиссаров направляли подавлять вооруженное сопротивление по всей Эстонии. 17 ноября 1944 года на остров Сааремаа прибыл представитель Москвы, полковник госбезопасности Павел Пастельняк, назначенный начальником местного оперативного сектора. Начальники оперативных секторов пользовались по существу безграничной властью при проведении репрессий на местах. Пастельняк также привез с собой совместный приказ НКВД и НКГБ СССР о незамедлительном аресте бандитов, контрреволюционеров и прочих антисоветских элементов. На практике аресты людей и другие подобные акции осуществ-

ляли оперативные группы. На Сааремаа в ноябре 1944 года было создано в этих целях 8 оперативных групп по поимке «антисоветского элемента». К акциям следовало привлечь также местную милицию. Чуть более чем через месяц, т. е. 20 ноября, на Сааремаа прибыл лично народный комиссар госбезопасности СССР В. Меркулов в сопровождении свиты из 12 человек. В официальной переписке подчеркивалось, что в этой борьбе с движением сопротивления существенное значение имеет совместная и скоординированная деятельность НКВД и НКГБ.⁴²

В Латвию и Литву были также из Москвы направлены эмиссары высокого ранга, которые должны были руководить подавлением вооруженного сопротивления. В ноябре 1944 года в Литовскую ССР отправили заместителя народного комиссара внутренних дел, комиссара госбезопасности 2-го ранга Сергея Круглова в сопровождении «группы ответственных работников».⁴³ В Латвию же после визита в Эстонию прибыл народный комиссар госбезопасности СССР В. Меркулов. В январе 1945 года В. Меркулов со свитой был уже в Риге и проводил необходимые организационные меры по укреплению чекистских органов Латвии для лучшей организации оперативно-агентурной работы⁴⁴, т. е. в принципе был задействован тот же сценарий, что и в Эстонии.

На практике это означало раздел территории Латвийской ССР, находившейся к тому времени под контролем советской

³⁹ Операция, проведенная 12 ноября в Таллинне, в литературе уже подвергалась анализу. См. подробнее: M. Saueauk. Riikliku julgeoleku rahvakomissariaat (NKGB) Eestis 1944–1946, с. 43–44; Pearu Kuusk. Vabastajad või vallutajad? Siseasjade Rahvakomissariaadi Tartu Linnaosakonna tegevusest 1944. aastal. – Tuna. 2008, № 3, с. 25.

⁴⁰ P. Kuusk. Vabastajad või vallutajad, с. 25.

⁴¹ M. Saueauk. Riikliku julgeoleku rahvakomissariaat (NKGB) Eestis 1944–1946, с. 44.

⁴² ERAF 17SM-4-3, л. 31, начальник Сааремааского отдела НКВД ЭССР начальнику ОББ НКВД ЭССР В. Глушанину от 1.12.1944 г.; P. Kuusk. Vabastajad või vallutajad, с. 24–25; M. Saueauk. Riikliku julgeoleku rahvakomissariaat (NKGB) Eestis 1944–1946, с. 44.

⁴³ Доклад Л. Берии И. Сталину и В. Молотову от 1.12.1944 г. – НКВД–МВД СССР, с. 211–212. В это же время в Белоруссию был направлен заместитель народного комиссара госбезопасности СССР Богдан Кобулов.

⁴⁴ Спецсообщение Л. Берии И. Сталину, В. Молотову и Г. Маленкову о результатах «очистки» территории Латвии от 26.01.1945. – Лубянка, с. 487.

власти, на 6 оперативных секторов, возглавлять которые были назначены «квалифицированные оперативные работники», присланные из Москвы. Части внутренних войск были также распределены между оперативными секторами. Кадровая помощь, прибывшая из Москвы, была направлена также для укрепления личного состава уездных и волостных подразделений наркоматов внутренних дел и госбезопасности. К январю 1945 года в Латвию прибыло 40 чекистов из Москвы и других регионов СССР, теперь же было дополнительно вызвано еще 100 оперативных работников. Прибытие московских эмиссаров сказалось, конечно, на результативности работы органов безопасности – в период с 8 по 20 января 1945 года сотрудники НКВД и НКГБ арестовали в общей сложности 1396 человек; всего же, начиная с июля 1944 года до 20 января 1945 года, было арестовано 5223 человека. Среди арестованных оказались также 8 проживавших в Риге лиц немецкой национальности, которые были немедленно отправлены в лагерь. Органы безопасности занимались также постановкой на учет других немцев, чтобы их также выслать из республики. Таким образом, в январе 1945 года велась

уже подготовка депортации лиц немецкой национальности.⁴⁵

Примечательным является также тот факт, что органы безопасности стремились установить контроль над церковью. Из отчета Л. Берия И. Сталину и другим кремлевским лидерам видно, что в тот период велась подготовка ареста главы латышской лютеранской церкви, чтобы поставить во главе церкви своего агента, обладавшего авторитетом как среди населения, так и в кругу священников.⁴⁶ К тому времени чекисты уже провели аресты ведущих священников православной и католической церквей. Свой доклад Л. Берия заканчивает традиционными словами, что работа по очистке территории Латвийской ССР от враждебного элемента продолжается.⁴⁷

Первоначальные результаты «зачисток»

Обобщенные результаты акций по подавлению сопротивления в балтийских республиках, начатые поздней осенью 1944 года под руководством московских эмиссаров высокого ранга (В. Меркулова, С. Круглова), приведены в нижеследующей таблице.

Таблица 2

Первоначальные результаты «зачисток», проводившихся органами госбезопасности в Эстонии, Латвии и Литве, по состоянию на ноябрь 1944 г. – январь 1945 г.

Категории арестованных	в Эстонии по состоянию на 14.11.1944 г.	в Латвии по состоянию на 20.01.1945 г.	в Литве по состоянию на 01.01.1945 г.
Агенты разведки и члены контрреволюционных организаций	48	625	449
Сотрудники органов разведки и члены контрреволюционных организаций	97	379	26

⁴⁵ В Эстонской ССР депортация немцев была проведена летом 1945 года. Об этом см. подробнее: Aigi Rahi-Tamm. Deportation und Verfolgung in Estland 1939–1953. – Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zu Stalins Tod. Estland 1939–1953. Сост. О. Мертельсманн. Hamburg, 2005, с. 211–237.

⁴⁶ Спецсообщение Л. Берия И. Сталину, В. Молотову и Г. Маленкову о результатах «очистки» территории Латвии от 26.01.1945 г. – Лубянка, с. 488.

⁴⁷ Спецсообщение Л. Берия И. Сталину, В. Молотову и Г. Маленкову о результатах «очистки» территории Латвии от 26.01.1945 г. – Лубянка, с. 490.

Члены националистических организаций	421	479	1007
Изменники Родины и пособники немецких оккупантов	206	2721	5456
Члены отрядов «лесных братьев» и их пособники	-	376	543
Разнообразный прочий «антисоветский элемент»	344	643	992
Всего	1116	5223	12449

Таблица составлена на основе: Спецсообщение Л. Берии И. Сталину, В. Молотову и Г. Маленкову о результатах «очистки» территории Латвии от 26.01.1945 г. – Лубянка, с. 486–487; Сообщение народного комиссара государственной безопасности СССР В. Меркулова Государственному комитету обороны СССР от 14.11.1944 г. – Органы государственной безопасности СССР, с. 589; Доклад народного комиссара внутренних дел Литовской ССР Ю. Барташюнаса и народного комиссара госбезопасности А. Гузьявичуса народному комиссару внутренних дел СССР Л. Берии от 5.01.1945 г. – НКВД–МВД СССР, с. 230.

Масштаб репрессий против движения сопротивления характеризуется также численностью заключенных. После «освобождения» Балтии задачей отделов тюрем при республиканских наркоматах внутренних дел стала организация бесперебойного приема всех заключенных, направленных в места заключения органами безопасности, суда и следствия. Например, в Эстонской ССР из существовавших ранее 11 тюрем к 1944 году были полностью уничтожены 3 (в Пайде, Курессааре и Нарве), остальные требовали частичного восстановления, ремонта и очистки от хлама.⁴⁸ 21 октября 1944 г. начальник Управления тюрем НКВД СССР М. Никольский направил заместителю наркома внутренних дел В. Чернышеву обзор ситуации в балтийских республиках.⁴⁹ Из обзора явствует, что в Эстонской ССР лимит тюрем составлял 3085 мест. К этому времени, т. е. к середине октября 1944 года, большинство из сохранившихся тюрем были уже частично задействованы. По состоянию на 10 октября, в тюрьмах Эстонской ССР состояло на учете 202 заключенных. Тюрьмы в

Пярну и Валге не были еще к тому времени открыты из-за отсутствия кадров. В тюрьмах Литовской ССР на тот момент состояло на учете 2170, а в Латвийской ССР – 1311 заключенных.⁵⁰

В последние месяцы 1944 года все места заключения были приведены в «рабочее состояние», и в тюрьмах было обеспечено создание условий для массового задержания «контрреволюционного элемента», что в октябре–декабре 1944 года осуществлялось силами наркоматов безопасности и внутренних дел, армии, а также следственных органов. В результате этих массовых задержаний тюрьмы на территории Эстонии к началу 1945 года были уже переполнены. По состоянию на 1 января 1945 года в тюрьмах содержалось в общей сложности 4218 заключенных, из которых большинство – 2378 человек – находились, естественно, в Таллиннской тюрьме (№ 1). Однако эта тюрьма была рассчитана на 1300 заключенных. В Тартуской тюрьме, лимит которой составлял 415 заключенных, содержалось в это время 855 человек. Поскольку Таллиннская

⁴⁸ ERAF SM17/1–1–8, л. 97–98, доклад народного комиссара внутренних дел ЭССР А. Резева народному комиссару внутренних дел СССР Л. Берии от 01.1945 (точная дата отсутствует).

⁴⁹ Александр Кокурин. Тюрьмы НКВД Латвии, Литвы и Эстонии (1944–1953 гг.). – Padomju okupācijas režīms Baltijā 1944–1959. gadā. Politika un tās sekas. Rīga, 2003, с. 188.

⁵⁰ А. Кокурин. Тюрьмы НКВД Латвии, Литвы и Эстонии, с. 188.

и все другие тюрьмы (за исключением Тартуской) были готовы и дальше принимать заключенных, то руководитель НКВД ЭССР Александр Резев рапортовал Л. Берии оптимистично, что это позволяет непрерывно продолжать задержания контрреволюционных, бандитских и прочих враждебных элементов.⁵¹

На тот момент в тюрьмах по всей территории СССР состояло на учете 275 510 заключенных (лимит – 206 218 мест). Таким образом, наполняемость тюрем составляла 134%. В тюрьмах Литовской и Латвийской ССР в то время состояло на учете соответственно 9578 (141% от лимита) и 3193 (198%) заключенных. Наполняемость тюрем в Эстонской ССР (лимит – 3085 мест) составляла 137% при 4218 заключенных.⁵² В начале 1945 года в тюрьмах ЭССР находилось 1,5% от всех заключенных, пребывавших в тюрьмах СССР. В трех балтийских республиках в

тюрьмах содержалось в общей сложности 16 989 заключенных, т. е. 6,2% от всех заключенных красной империи.

Довольно красноречивыми являются также данные о заключенных, которые показывают их, так сказать, ведомственную принадлежность. Эти сведения показывают, какие органы занимались «очисткой» общества от «враждебных элементов» и какова была их доля в осуществлении репрессий. Ведомственная принадлежность заключенных в тюрьмах трех балтийских республик в конце 1944 года делилась, в основном, между тремя структурами – НКГБ, НКВД и прокуратурой. По республикам в этом отношении имелись существенные различия: если в Эстонской и Латвийской ССР основными проводниками репрессий в последние месяцы 1944 года был НКГБ, то в Литве – прежде всего, НКВД. Более точные цифры приведены в нижеследующей таблице.

Таблица 3

«Ведомственная принадлежность» заключенных, содержащихся в тюрьмах СССР и союзных республик Балтии по состоянию на 01.01.1945 г.

«Ведомственная принадлежность» и прочие характеристики заключенных	СССР	Лит. ССР	Латв. ССР	Эст. ССР
НКГБ	19675	2227	1221	2860
Смерш	3077	167	55	163
НКВД	22564	4246	579	204
Милиция	34358	330	96	126
Прокуратура	4844	562	319	218
Суды	26227	298	181	102
Особое совещание	6296	80	26	1

Таблица составлена на основе: А. Кокурин. Тюрьмы НКВД Латвии, Литвы и Эстонии, с. 188–189.

Уполномоченные НКВД–НКГБ

В состав созданных в 1944 году важных контрольных институтов Москвы – бюро

ЦК ВКП(б) по союзным республикам – входили в качестве центральных фигур уполномоченные НКВД–НКГБ. В Эстонии эту должность занимал поначалу

⁵¹ ERAF SM17/1–1–8, л. 97–98, доклад народного комиссара внутренних дел ЭССР А. Резева народному комиссару внутренних дел СССР Л. Берии от 01.1945 (точная дата отсутствует).

⁵² А. Кокурин. Тюрьмы НКВД Латвии, Литвы и Эстонии, с. 188–189.

Николай Сазыкин, а позже – Николай Горлинский.⁵³

Назначение ценных работников центрального аппарата органов безопасности уполномоченными в составе республиканских бюро ЦК ВКП(б) довольно ясно свидетельствовало, что для Москвы Эстония была далеко не второстепенным регионом. Прежний опыт Н. Сазыкина и Н. Горлинского несомненно планировалось использовать в процессе советизации Эстонии. Летом 1941 года Н. Сазыкин занимал пост народного комиссара госбезопасности Молдавской ССР, и под его руководством в республике была проведена масштабная депортация. В годы войны он поначалу занимал должность начальника особого отдела Южного фронта, а затем – начальника 3-го отдела в центральном аппарате наркомата внутренних дел СССР.

В эстонских условиях, безусловно, пригодился также опыт Горлинского, полученный им в 1938–1940 гг. в качестве заместителя наркома внутренних дел Украинской ССР. После этого Горлинскому нашли применение в центральном

аппарате органов безопасности. Как Сазыкин, так и Горлинский пользовались доверием Л. Берии. После смерти Сталина они в 1953 году возглавили важные отделы объединенного министерства внутренних дел.⁵⁴ До этого Горлинский успел некоторое время – с февраля по апрель 1949 года – поработать министром госбезопасности Литовской ССР, где он руководил проведением мартовской депортации. После этого его перевели на должность начальника ленинградского управления госбезопасности. Сазыкин был одной из ключевых фигур в т. н. ленинградском деле. Опыт работы министром имел также уполномоченный НКВД–НКГБ в Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии Алексей Бабкин, занимавший в 1940–1943 гг. пост народного комиссара внутренних дел и госбезопасности Казахской ССР. В 1944–1945 гг. он пребывал в должности начальника челябинского областного управления НКВД. Функции уполномоченного органов безопасности в Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии А. Бабкин исполнял с марта 1945 по апрель 1946 года.⁵⁵

Таблица 4

Уполномоченные НКВД–НКГБ в балтийских республиках в 1944–1945 гг.

Союзная республика	Уполномоченный НКВД–НКГБ	Назначен в должность	Прежняя должность
Эстонская ССР	комиссар госбезопасности 3-го ранга Николай Сазыкин	22.11.1944	начальник 2-го отделения НКГБ СССР

⁵³ С их биографиями можно подробнее ознакомиться: Никита Петров, Константин Сорокин. Кто руководил НКВД 1934–1941. Москва, 1999, с. 372–373; Константин Залесский. Империя Сталина. Москва, 2000, с. 122–123, 402–403.

⁵⁴ Падение Л. Берии повлияло, разумеется, кардинально и на дальнейшую карьеру его окружения. В 1954 году Н. Сазыкин был уволен из органов безопасности, и ему пришлось зарабатывать на жизнь в системе Министерства среднего машиностроения. Он умер в 1985 году в Москве. Н. Горлинский был в действительности уволен на короткое время из органов госбезопасности уже в 1951 году, но в 1953 году это было сделано вновь по той причине, что он якобы злоупотреблял служебным положением и занимался расхищением государственной собственности; не осталось также без внимания его участие в «Ленинградском деле». В 1954 году он был лишен всех воинских званий, а в следующем году его, к тому же, исключили из партии. В 1964 году он был восстановлен в звании генерал-лейтенанта. Умер в 1965 году.

⁵⁵ Н. Петров, К. Сорокин. Кто руководил НКВД 1934–1941, с. 97.

Латвийская ССР	комиссар госбезопасности 3-го ранга Алексей Бабкин	10.03.1945	начальник Челябинского областного управления НКГБ СССР
Литовская ССР	комиссар госбезопасности Иван Ткаченко	14.12.1944	начальник Ставропольско- го областного управления НКГБ СССР

Таблица составлена на основе: НКВД–МВД СССР, с. 439–440.

К задачам уполномоченных органов госбезопасности относились руководство деятельностью по подавлению движения сопротивления и «очистке» общества от «враждебных элементов», а также координация деятельности НКВД и НКГБ союзных республик.

В более широком смысле, уполномоченные должны были следить за тем, что происходит в обществе. Их обязанностью являлось слежение за руководством союзных республик и руководителями республиканских бюро ЦК ВКП(б), а также передача соответствующей информации прямо в Москву. В этом смысле ярким примером является деятельность уполномоченного НКВД–НКГБ в литовском Бюро ЦК ВКП(б) Ивана Ткаченко⁵⁶, который, например, в июне 1945 года лично информировал Лаврентия Берия о ситуации, сложившейся в руководстве Литвы. Л. Берия уведомляли о том, насколько добросовестно сотрудники ходят на работу и, что особенно важно, насколько неохотно и вяло местные руководители ведут борьбу с «антисоветским элементом». Одновременно с этим, указывалось на то, что республиканское руководство проводило также закрытые совещания, куда не приглашали «русских товарищей», имея в виду, прежде всего, второго секретаря ЦК КП(б) Литвы Александра Исаченко.⁵⁷ Наряду с этим, М. Ткаченко не оставил

без внимания то, что председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. Суслов «мало работает», причем в рабочее время он нередко «читает художественную литературу». Кроме того, Суслов, якобы, проводит большую часть в времени в Москве и совершил лишь одну–две поездки в уезды.⁵⁸

Благодарность Кремля – ордена чекистам

За развертывание акций против вооруженного движения сопротивления, а также за их первоначальные результаты участники этого процесса были награждены высокими государственными наградами. 24 мая 1945 года нарком внутренних дел СССР Л. Берия и нарком госбезопасности В. Меркулов обратились к тогдашнему председателю Государственного комитета обороны СССР И. Сталину с предложением наградить тех, кто участвовал в развертывании и ведении борьбы против движения сопротивления в Балтии, высокими государственными наградами. Оба наркома констатировали в своем совместном обращении, что органы НКВД и НКГБ Латвийской, Литовской и Эстонской ССР провели «большую работу» по очистке территории союзных республик от «немецких шпионов, диверсантов и бандитских групп».⁵⁹ Одновременно с

⁵⁶ М. Суслов привез И. Ткаченко с собой из Ставрополя, где тот был начальником госбезопасности Ставропольского края.

⁵⁷ Спецсообщение уполномоченного НКГБ–НКВД в Бюро ЦК ВКП(б) по Литве И. Ткаченко Л. Берии от 19.06.1945 г. – Лубянка, с. 528–532.

⁵⁸ Спецсообщение уполномоченного НКГБ–НКВД в Бюро ЦК ВКП(б) по Литве И. Ткаченко Л. Берии от 19.06.1945. – Лубянка, с. 532. О деятельности И. Ткаченко см. также: Lietuva 1940–1990: okupuotos Lietuvos istorija. Сост. А. Анушаускас. Vilnius, 2005, с. 272–274, 283, 305, 350.

⁵⁹ НКВД–МВД СССР, с. 451–452.

этим в обращении содержалась просьба одобрить приложенный к нему законопроект о награждении наиболее отличившихся в этой «борьбе» лиц достойными государственными наградами.

Это предложение, очевидно, не вызвало особых возражений, и уже 31 мая 1945 года Президиум Верховного совета СССР принял указ о награждении 1118 человек, в том числе 33 чекистов, орденом Красного Знамени, 5 – орденом Кутузова 2-й степени, 64 – орденом Отечественной войны 1-й степени, 142 – орденом Отечественной войны 2-й степени, 289 – орденом Красной звезды, 158 – орденом Знак почета, 185 – медалью «За отвагу» и 242 – медалью «За боевые заслуги».

Список получивших награды вызывает интерес по ряду причин. Перечень награжденных дает хороший обзор того, кто непосредственно участвовал в борьбе против движения сопротивления. В списке представлены также люди, направленные из Москвы в Эстонию, Латвию и Литву подавлять движение сопротивления, однако чьи «заслуги» во многом оставались в тени. Так орден Кутузова 1-й степени получили комиссары госбезопасности Леонид Райхманн и Дмитрий Родионов, оба занимавшие должности заместителей начальника 2-го отдела НКГБ СССР. Сам начальник названного отдела – комиссар госбезопасности Лев Новобратский – стал кавалером ордена Отечественной войны 1-й степени. Такую же награду получил заместитель начальника 3-го отдела НКГБ СССР полковник госбезопасности Андрей Боярский. Однако самой высокой награды – ордена Красного знамени – удостоились наркомы внутренних дел и госбезопасности трех балтийских республик, а также, частично, их заместители, начальники отделов по борьбе с бандитизмом и, например, уполномоченный госбезопасности в Латвийской ССР Алексей Бабкин. Остальные два уполномоченных – Н. Сазыкин и

И. Ткаченко – в список награжденных не попали.

Уже ранее, в октябре 1944 и апреле 1945 года, по предложению Л. Берии и В. Меркулова были награждены чекисты, помогавшие подавлять движение сопротивления на территории Украины. Всего за это получили награды 1693 чекиста. В апреле 1945 года были награждены также 1516 чекистов за вклад в подавление вооруженного сопротивления в Белоруссии.⁶⁰ Таким образом, государственных наград за участие в подавлении движения сопротивления по «результатам» за 1944 и начало 1945 года на территории Украины, Белоруссии и Балтии были удостоены в общей сложности 4327 чекистов.

Основные выводы

Заинтересованность кремлевских властей в скорейшем подавлении вооруженного сопротивления в западных областях Украины и Белоруссии, а также в Балтии как в 1944, так и в последующие годы определялась внешне- и внутривнутриполитическими причинами. В целом, было ясно, что восстановленная в 1943–1944 гг. советская власть не могла чувствовать себя уверенно, пока существовало вооруженное сопротивление – оно являлось значительным препятствием на пути советизации недавно присоединенных к СССР территорий. Без подавления сопротивления центральная власть не могла полностью контролировать эти территории, т. е. их нельзя было считать окончательно завоеванными. Миру нужно было также демонстрировать монолитность империи, чтобы отражать возможные обвинения со стороны Запада. Поэтому нельзя полностью согласиться с представленными в исторической литературе утверждениями, что в конце 1944 и в первой половине 1945 года Кремль не обращал особого внимания на борьбу с движением сопротивления в Балтии.⁶¹

⁶⁰ См. подробнее: НКВД–МВД СССР, с. 438, 448–450.

⁶¹ Е. Зубкова. Прибалтика и Кремль, с. 224–225.

Кремлевская верхушка была хорошо информирована о событиях в Балтии, поскольку в то время на стол Сталину попадало по несколько соответствующих докладов в неделю. Особый интерес Москвы к этому вопросу проявляется, безусловно, в том, что для подавления вооруженного восстания, проведения т. с. необходимых «зачисток», а также, естественно, для сбора правдивой информации с места в Эстонию, Латвию и Литву были командированы высшие руководители органов внутренних дел и госбезопасности – наркомы и их первые заместители. Такого «консультирования» на высшем уровне Москва в процессе советизации в других областях жизни не применяла. Следовательно, указанный аспект в процессе советизации приобрел уже в 1944 году особую важность для Кремля.

В трактовке советских органов безопасности движение сопротивления делилось на два различных уровня, в соответствии с чем в 1944 году в Эстонии, Латвии и Литве была развернута борьба против как «националистического подполья», так и связанных с ним «банд», то есть вооруженного движения сопротивления. Такой двухуровневой трактовке соответствовало также «разделение труда»: задачей НКГБ было уничтожение высшего уровня движения сопротивления, то есть организаций, а НКВД должен был обеспечить ликвидацию созданных или руководимых названными организациями вооруженных банд – вооруженного сопротивления. Для выполнения этой задачи в рамках НКВД были созданы отделы по борьбе с бандитизмом, а также использовались внутренние войска и истребительные батальоны.

В условиях войны и оккупации, когда круг людей, к которым органы безопасности проявляли интерес, был чрезвычайно широким, право производить аресты антисоветского элемента и возбуждать следствие было дано также оперативным работникам НКВД. Таким образом, в 1944

году отделы по борьбе с бандитизмом НКВД Эстонской, Латвийской и Литовской (а также Украинской, Белорусской и Молдавской) ССР начали работать наряду с НКГБ, основной задачей которого была «ликвидация антисоветского подполья, организующего бандитскую деятельность». Примечательным является тот факт, что уже начиная с 1944 года Москва не полностью доверяла ОББ народных комиссариатов внутренних дел союзных республик, принуждая их к «сотрудничеству» с наркоматами госбезопасности. Одним из проявлений этого «сотрудничества» стали развернутые уже в 1944 году в Литовской ССР совместные операции силовых структур по подавлению вооруженного сопротивления под руководством эмиссаров НКВД–НКГБ, прикомандированных из Москвы. В 1945 году подобный «новый метод работы» стал применяться также в Эстонии и Латвии.⁶² Это, конечно же, не был характерный только для балтийских республик «метод» – на Балтию была распространена практика, применявшаяся ранее в западных областях Украины и Белоруссии. Такое навязанное «сотрудничество» вызывало между двумя силовыми структурами – наркоматами внутренних дел и безопасности – конкуренцию и взаимные обвинения. Однако с точки зрения более длительной перспективы можно все же констатировать, что уже в 1944 году было положено начало процессу, по которому органы госбезопасности стали постепенно перенимать у наркомата (позже министерства) внутренних дел функции, связанные с подавлением вооруженного движения сопротивления. Этот процесс пришел к своему логическому концу в 1947 году, когда отделы по борьбе с бандитизмом, действовавшие в составе МВД, были переданы в состав министерств госбезопасности.

Москва не доверяла местным кадрам и в 1944 году направила в распоряжение НКВД и НКГБ Эстонии, Латвии и Литвы

⁶² Что касается Эстонии, см. подробнее: P. Kuusk. Nõukogude võimu lahingud, с. 28–42.

большое число сотрудников органов безопасности из Москвы, Ленинграда и других регионов СССР. Под их руководством были развернуты разработка и активное применение на практике мер по подавлению вооруженного сопротивления. Подобная «кадровая помощь» носила, как правило, временный характер, то есть большинство командированных в Балтию сотрудников органов безопасности вернулись через некоторое время в места прежней службы. Однако не все – часть из них остались на ведущих должностях в органах внутренних дел и госбезопасности трех балтийских республик и играли ведущие роли в репрессиях, развернутых здесь в послевоенный период. Представлять Москву на местах в вопросах государственной безопасности стали в 1944 году уполномоченные НКВД–НКГБ, назначенные в составы бюро ЦК ВКП(б) по каждой союзной республике. До ликвидации названных бюро в 1947 году наркомы/министры внутренних дел и госбезопасности по существу подчинялись московским уполномоченным и должны были согласовывать с ними свою деятельность. После 1947 года непосредственный контроль Москвы несколько ослаб также и в вопросах безопасности.

Помимо прочего, 1944 год является примечательным в том смысле, что в этот период были определены основные направления деятельности советской власти по подавлению движения сопротивления на разных уровнях – прежде всего, упор делался на репрессии и массовое насилие. В процессе ликвидации вооруженного сопротивления основным методом стали так называемые военно-чекистские операции. Применение органами внутренних дел и госбезопасности подобных унифицированных мер было характерным при подавлении вооруженного сопротивления как в Балтии, так и в западных областях Украины и Белоруссии. Несмотря на некоторые изменения в организации борьбы против движения сопротивления, произошедшие в последующие годы, их основная

суть не изменилась – до 1953 года власти продолжали делать основной упор на насилие. Учитывая более длительную перспективу, выбор, сделанный в 1944 году, оказался неудачным и не обеспечил выполнения поставленных задач. Первоначальной цели, то есть ликвидации сопротивления уже в 1945 году, достичь не удалось. Кровавое противостояние продолжалось долгие годы, и ставку на насилие сам Кремль признал ошибочной в 1953 году, когда после смерти Сталина в рамках так называемого нового курса под руководством Л. Берии начался пересмотр прежней деятельности по подавлению движения сопротивления на западных территориях Советской империи.

Исследование осуществлено в рамках целевой темы Министерства образования и науки Эстонской Республики «Эстония в годы холодной войны» (SF0180056s09) и гранта Научного фонда Эстонии № 7523 «Управление Эстонской ССР: институциональное развитие и функционирование властной структуры (1944–1964)»

Тыну Таннберг

(1961)

Доктор исторических наук (1996).

Доцент Института истории и археологии Тартуского университета и советник генерального директора Национального архива.

Область исследований: военная и политическая история России и Прибалтики в XIX–XX веках.

Вид на читальный зал Дома политпросвещения. На переднем плане – агитатор А. Ширяев готовится к докладу о жизни и деятельности В. И. Ленина. EFA 0-30639

Многодетные матери, награжденные орденом «Мать-героиня». 1946 г. Фотография Э. Лукина EFA 0-333

Борьба органов госбезопасности с движением сопротивления в Эстонии в послевоенные годы. Отдел по борьбе с бандитизмом (1944–1947)

Пеару Кууск

В 1944–1947 годах борьбой с «лесными братьями» на территории Эстонии руководил отдел по борьбе с бандитизмом Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) Эстонской ССР, подчинявшийся одноименному отделу НКВД СССР. Последний из названных отделов был в декабре 1944 года переименован в Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ).

В феврале 1941 года НКВД СССР был разделен на два наркомата: НКВД СССР и Народный комиссариат государственной безопасности СССР (НКГБ); первым стал руководить Л. Берия, вторым – В. Меркулов. Приказом НКВД СССР № 00349 от 4 апреля 1941 года при Главном управлении милиции был создан отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ). Вначале отдел состоял из секретариата и 5 отделений: четыре – по зонам СССР, пятое – следственное. Главной причиной создания отдела была напряженная обстановка в Западной Украине и Белоруссии, где особенно сильно ощущалось сопротивление советской власти. Борьбой с бандитизмом на этих территориях должно было заниматься 2-е отделение. Эстония, Латвия, Литва и Карело-

Финская ССР относились к ведению 3-го отделения. С началом войны деятельность отдела приобрела особую важность, и уже 30 сентября 1941 года отдел, ранее подчинявшийся Главному управлению милиции НКВД, был переведен в непосредственное подчинение НКВД (ОББ НКВД). К этому времени НКВД и НКГБ были вновь объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР во главе с Л. Берией.¹

Понятие «бандитизм» в советской терминологии было неоднозначным. От обычного (уголовного) бандитизма четко отличалась бандитско-повстанческая деятельность, или политический бандитизм, рассматривавшийся как форма буржуазно-националистической деятельности. Исходя из этого понимания, Эстония, Латвия, Литва, Западная Украина, Западная Белоруссия и другие оккупированные Советским Союзом в 1939–1940 годах территории были с точки зрения отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР особой зоной, где преобладал политический бандитизм, или националистическое вооруженное сопротивление.

В послевоенные годы отдел по борьбе с бандитизмом занимал одно из важнейших

¹ Александр Кокурин. Органы НКВД-НКГБ СССР по борьбе с вооруженным националистическим подпольем (Западная Украина и Белоруссия, Латвия, Литва и Эстония) 1939–1953. – Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб, III. Москва, 2007, с. 256–257.

положений в структуре НКВД Эстонской ССР (с 1946 года – Министерство внутренних дел). Во имя скорейшей и окончательной ликвидации бандитизма под эгидой отдела по борьбе с бандитизмом в борьбу вовлекались и многие другие структурные подразделения НКВД – управление милиции, отдел контрразведки «Смерш», истребительные батальоны, погранохрана, внутренние войска. Борьба с политическим бандитизмом, или «лесным братством», занимала в числе задач МВД Эстонской ССР, несомненно, одно из важнейших мест до начала 1947 года. В контексте истории МВД ЭССР период с 1944 по 1947 год можно рассматривать как период упрочения советской власти, одним из важнейших признаков которого и является деятельность отдела по борьбе с бандитизмом и истребительных батальонов.

В январе 1947 года отдел по борьбе с бандитизмом был переведен из ведения НКВД ЭССР в состав Министерства государственной безопасности (МГБ) Эстонской ССР. Период деятельности отдела по борьбе с бандитизмом в составе МГБ был коротким, уже в июне–июле того же года отдел объединили с отделом 2-Н МГБ. С этого времени вся деятельность по подавлению сопротивления в Эстонии относилась к компетенции отдела 2-Н.

Создание и начало деятельности отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЭССР

Одним из важнейших структурных подразделений НКВД ЭССР после восстановления в 1944 году стал отдел по борьбе с бандитизмом, начальником которого в январе 1944 года был назначен майор госбезопасности Константин Кольк. Родившийся в России К. Кольк был завербован в органы госбезопасности СССР еще в 1927

году, а после оккупации Эстонии направлен сюда заместителем начальника отдела морского транспорта НКВД. В 1941 году он уже исполнял обязанности заместителя начальника особого политического отдела НКГБ Эстонской ССР.²

В составе оперативных групп, созданных в июле 1944 года для охвата занятых Красной армией территорий и перерегистрации их жителей, важные позиции занимали именно оперативные работники отдела по борьбе с бандитизмом, что подтверждает назначение командиром Южной группы начальника отдела К. Колька, а командиром Северной группы – его заместителя, подполковника госбезопасности Владимира Глушанина.³

Двигаясь вслед за Красной армией, все оперативные группы НКВД по очереди начинали деятельность в назначенных им пунктах. 22 сентября 1944 года пал Таллинн, к 25 сентября Красная армия захватила всю материковую часть Эстонии. Последние бои на мысе Сырве завершились к 24 ноября, и вся территория Эстонии попала под новую советскую оккупацию. Первыми днями ноября 1944 года можно датировать и начало четкой деятельности отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЭССР. В военных условиях весь оперативный состав отдела был задействован в выполнении множества побочных задач, не было и точных инструкций и предписаний по организации борьбы с бандитизмом.

К осени 1944 года успел смениться первый начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЭССР. С августа 1944 года руководивший отделом К. Кольк приступил к исполнению обязанностей начальника отдела контрразведки «Смерш», начальником отдела по борьбе с бандитизмом был назначен В. Глушанин, бывший ранее заместителем К. Колька.⁴ Таким

² ERAF 1–6–1220, Константин Кольк; ERAF 1–1–225.

³ ERAF 17SM–4–4, л. 277–288, 298, 303–304.

⁴ ERAF 1–1–225, Константин Кольк. Константин Кольк оставался начальником контрразведки до 1949 г. После этого его обвинили в растрате 12 000 рублей государственных денег и арестовали; его также исключили из рядов КПЭ.

образом, настоящую борьбу во имя подавления «лесного братства» в Эстонии отдел по борьбе с бандитизмом начал под руководством русского В. Глушанина (род. 1897). К 1944 году он уже 15 лет проработал на ниве борьбы с бандитизмом на Северном Кавказе, в органах госбезопасности работал с момента их создания. С Эстонией В. Глушанин был связан только с 1944 года, когда короткое время исполнял обязанности начальника «Смерша».⁵

Отчет В. Глушанина о борьбе с бандитизмом от 1 ноября 1944 года – первый основательный обзор деятельности отдела по борьбе с бандитизмом в Эстонии. Начиная работу в Эстонии осенью 1944 года, советская служба госбезопасности, основываясь на прежних разведанных, предполагала наличие большей централизации движения сопротивления, четкой структуры и приказной вертикали. Основное внимание НКВД было, несомненно, направлено на ликвидацию членов правительства Отто Тифа. В качестве важнейшего достижения выделяется арест назначенного главнокомандующим полковника Яана Майде, министра финансов Хуго Пяртельпозга и министра социальных дел Вольдемара Сумберга.⁶ Захват членов «нового буржуазного правительства» часто упоминается как большая трудовая победа и в документах НКВД за 1945 год.

В первых отчетах отдела по борьбе с бандитизмом явно прослеживается недостаточная ясность в оценке текущей ситуации. В отчете начальника отдела В. Глушанина, отражающем состояние на 1 ноября 1944 года, выражено мнение, что в лесах Южной и Юго-Западной Эстонии созданы подразделения в составе до 200 человек. Однако сразу же говорится и о том, что в реальности отдел взял на учет лишь 5 бан-

дитских группировок, число членов в которых остается в пределах 4–5 человек или же оно вообще неизвестно.⁷ Названные цифры даже приблизительно не отражали ситуацию в лесах Эстонии осенью 1944 года. Отсутствие объективного представления о силах и масштабах движения сопротивления в Эстонии не было секретом и для самих руководящих работников отдела по борьбе с бандитизмом. В отчете подчеркнуто, что начало деятельности НКВД, в том числе и отдела по борьбе с бандитизмом, напрямую зависело от скорости продвижения Красной армии, в связи с чем работа городских и уездных отделов наркомата еще очень слаба, в них ощущается нехватка кадров, а имеющиеся работники либо неопытны, либо даже неграмотны. Не полностью был укомплектован и центральный аппарат отдела по борьбе с бандитизмом в Таллинне, в ноябре 1944 года в штате не было одного начальника отделения, двух старших оперуполномоченных и одного оперуполномоченного.⁸

Основываясь на отчетах НКВД и отдела по борьбе с бандитизмом, можно уверенно утверждать, что в 1944 году местных представителей советской власти гораздо больше, чем выступления «лесных братьев», волновала преступность красноармейцев, местами приобретающая массовый характер. Из отчета В. Глушанина явствует, что председатель Совета народных комиссаров Эстонской ССР Арнольд Веймер в октябре 1944 года направил командованию 8-й армии письмо, в котором просил принять меры для прекращения террора в отношении местного населения. Нарком внутренних дел Эстонской ССР А. Резев был также вынужден направить письмо подобного содержания напрямую наркому внутренних

⁵ ERAF 1–6–5528, Владимир Глушанин.

⁶ ERAF 131SM–1–1, л. 3–13, 77–78, месячный отчет начальника ОББ НКВД Эстонской ССР Глушанина по состоянию на 1 ноября 1944 г.; месячный отчет начальника ОББ НКВД Эстонской ССР Глушанина за октябрь–декабрь 1944 г.

⁷ ERAF 131SM–1–1, л. 2–20.

⁸ Там же. К сожалению, рапорты отдела не содержат данных о точном составе или количестве работников в 1944 году.

дел СССР Л. Берии.⁹ Большое количество совершенных самими представителями советской власти преступлений красноармейско отражается и в статистике проявлений бандитизма НКВД за 1944 год. Из зарегистрированных за год 219 якобы совершенных «лесными братьями» вылазок 206 составили ограбления частных лиц и хуторских хозяйств. Нападений же на красноармейцев, работников НКВД и партийный актив за этот же период зарегистрировано лишь 13.¹⁰ Преступлениями, совершенными красноармейцами, уклоняющимися от службы и дезертирами, занимался отдел по борьбе с бандитизмом, поэтому показатели проявлений бандитизма росли с большой скоростью. В течение всех последующих лет деятельности отдел по борьбе с бандитизмом не регистрировал такого числа проявлений бандитизма, как осенью 1944 года.

Инкриминирование же всех этих преступлений в отчетности НКВД «националистическому подполью и связанным с ним вооруженным бандам», т.е. эстонскому движению сопротивления, является сознательной фальсификацией данных.

Однако в контексте 1944 года еще нельзя говорить о сформировавшемся отделе по борьбе с бандитизмом и тактике, использовавшейся им в борьбе с «лесным братством». В первые месяцы деятельности весь оперативный состав отдела зачастую использовался в крупных операциях по арестам, которыми, как правило, руководили работники НКГБ. Не исключено, что во время совместных операций НКВД и НКГБ острее вставал вопрос о более четкой организации агентурной работы. В конце 1944 года у работников отдела по борьбе с бандитизмом не было ясно-го представления о своих полномочиях и

обязанностях, и вместо того, чтобы действовать, они предпочитали скорее передавать информацию коллегам из НКГБ.

После очередного разделения НКВД и НКГБ СССР в апреле 1943 года функции 3-го управления НКВД перешли ко 2-му управлению НКГБ, это означало, что борьба с антисоветскими элементами отныне входила в компетенцию НКГБ. Отдела по борьбе с бандитизмом реорганизации 1943 года не коснулись, отдел остался в подчинении НКВД. 1 декабря 1944 года приказом № 001447 НКВД СССР отдел по борьбе с бандитизмом был переименован в Главное управление по борьбе с бандитизмом, и в его состав был включен штаб истребительных батальонов НКВД. Руководить работой состоящего из семи отделов Главного управления по борьбе с бандитизмом стал Александр Леонтьев. «Борьба с антисоветским подпольем и созданными немецкими разведорганами и оставленными вооруженными бандами в Белоруссии и Прибалтике» была возложена на 2-й отдел. За подавление движения сопротивления на Украине отвечал 1-й отдел Главного управления по борьбе с бандитизмом.¹¹

Частая реорганизация работы органов госбезопасности на республиканском уровне вызывала множество недоразумений в организации оперативной и агентурной работы народных комиссариатов. Неразбериху пытались устранить совместными циркулярами народного комиссара внутренних дел СССР Л. Берии и наркома госбезопасности СССР В. Меркулова народным комиссарам внутренних дел и госбезопасности союзных республик. После захвата Эстонии Красной армией осенью 1944 года аналогичные проблемы возникли и здесь. Наркомам были направлены в

⁹ Там же.

¹⁰ ERAF 131SM-1-244II, л. 314-315, отчет начальника 4-го отдела МВД Эстонской ССР Бореля о работе МВД ЭССР по ликвидации в ЭССР националистического подполья и связанных с ним вооруженных банд за период 1944 - 1 июня 1953 г. В ноябре 1944 г. из 168 проявлений бандитизма 157 квалифицировались как ограбления частных лиц. ERAF 131SM-1-1, л. 22-29, доклад ОББ НКВД ЭССР начальнику ОББ НКВД СССР Леонтьеву за ноябрь 1944 г.

¹¹ А. Кокурин. Органы НКВД-НКГБ СССР, с. 262-263.

качестве руководства к действию циркуляры НКВД и НКГБ СССР № 366/48 от 16 июля 1943 г. и № 478/89 от 1 октября 1943 года.¹² На основании этих двух документов 23 ноября 1944 года было подготовлено постановление А. Резева, напоминающее оперативным работникам наркомата, что касающиеся пособников оккупантов, предателей родины, полицейских, связанных с органами немецкой разведки лиц, членов Омакайтсе и прочих антисоветских элементов материалы не подлежат немедленной передаче НКГБ – следует самим реализовать всю информацию, арестовывать и отдавать под следствие людей.¹³

Советские органы госбезопасности разделяли движение сопротивления на два уровня, на что указывают и названия отчетов наркомов: в Эстонии и на других оккупированных территориях шла борьба с «националистическим подпольем» и «связанными с ним бандами». Отсюда вытекало и распределение работ. В задачи НКГБ входила ликвидация высшего уровня движения сопротивления, или организаций, НКВД должно было обеспечить ликвидацию созданных или руководимых ими вооруженных банд. Для выполнения этой задачи в состав НКВД входили внутренние войска и истребительные батальоны. В условиях войны и оккупации, когда круг входящих в орбиту интересов лиц был чрезвычайно широк, право арестовывать и брать под следствие антисоветские элементы было предоставлено

также оперативным работникам НКВД. Таким образом, отдел по борьбе с бандитизмом НКВД в Эстонии (а также в Латвии, Литве, Украине, Белоруссии и Молдавии) в 1944 году начал работать наряду с НКГБ, главной целью которого была «ликвидация организующего бандитизм антисоветского подполья».¹⁴

Совместные операции НКВД и НКГБ СССР в 1945 году

К 15 февраля 1945 года, по данным отдела по борьбе с бандитизмом, начиная с осени 1944 года, в Эстонии было ликвидировано 37 бандитских групп, объединявших 278 членов. Кроме того, было арестовано 360 бандитов-одиночек, членов Омакайтсе и прочих пособников врага. Дезертиров из Красной армии и уклоняющихся от военной службы задержано 1435 человек, в спецлагеря отправлено 1372 бывших солдата Германской армии и других лиц. Выявление и арест всего названного контингента, согласно рапорту наркома внутренних дел А. Резева, были произведены только в результате работы оперативного состава НКВД ЭССР и внутренних войск НКВД.¹⁵

Несмотря на «заметную работу по очистке территории Эстонии от вражеского элемента»,¹⁶ ситуация на поприще борьбы с бандитизмом по-прежнему лишь ухудшалась. В письме начальникам уездных отделов НКВД от 17 февраля 1945

¹² ERAF 17SM-4-1, л. 26–27. См. также: Valdur Ohmann. Eesti NSV Siseministeeriumi institutsionaalne areng ja arhivaalid (1940–1954). Магистерская работа. Руководитель Тыну Таннберг. Tartu, 2000, с. 54–55.

¹³ ERAF 17SM-4-1, л. 28.

¹⁴ О руководстве и выборе тактики со стороны Москвы в борьбе с движением сопротивления в Эстонии в 1944 г. см. подробнее: Tõnu Tannberg. Balti küsimus Kremliis 1944. aasta lõpukuudel: kuidas võidelda relvastatud vastupanuliikumisega? – Tuna. 2009, № 4, с. 50–66; Tõnu Tannberg. Moskva institutsionaalsed ja nomenklatuursed kontrollimehhanismid Eesti NSV sõjajärgsetel aastatel. – Eesti NSV aastatel 1940–1953. Sovetiseerimise mehhanismid ja tagajärjed Nõukogude Liidu ja Ida-Euroopa arengute kontekstis. Сост. Т. Таннберг. (Eesti Ajalooarhiivi toimetised, 15(22)). Tartu, 2007, с. 225–272; Meelis Saueauk. Nõukogude julgeolekuorganid Eestis 1944–1953. – Ajalooline Ajakiri. 2009, № 1–2, с. 77–122; Meelis Saueauk. Riikliku Julgeoleku Rahvakomissariaat (NKGB) Eestis 1944–1953. – Tuna. 2008, № 3, с. 33–57.

¹⁵ ERAF 131SM-1-25, л. 71, доклад Резева начальнику ГУББ НКВД СССР Леонтьеву о работе по очистке территории Эстонской ССР от бандитско-повстанческих, дезертирских и прочих враждебных элементов, апрель 1945 г.

¹⁶ Там же, л. 71–72.

года А. Резев ставит на вид, что за первые полтора месяца года задержаны лишь отдельные «лесные братья» и другие антисоветчики. Многие уездные отделы слабо занимаются борьбой с бандитизмом, которая является «главной задачей наших органов». Многие отделы совершенно отстранились от борьбы, только в Вирумаа, Ярвамаа и Тартумаа удалось добиться некоторого перелома и ликвидировать часть действующих банд.¹⁷

В апреле 1945 года в докладе начальнику Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А. Леонтьеву А. Резев описывает «новый метод работы» НКВД ЭССР в условиях Эстонии, состоящий в объединении агентурной работы, операций чекистов и политической разъяснительной работы среди бандитов, нелегалов, их родственников и местного населения.¹⁸ Подобная комбинация должна была разделить простых членов бандитских и нелегальных группировок и ключевые фигуры, в результате первых предполагалось использовать в оперативной работе, разогнав таким образом банды.

По сути «новый метод» НКВД заключался лишь в формулировании основных истин оперативной работы, которые до сих пор в Эстонской ССР не сумели или не смогли применить на должном уровне. Такое изменение тактики навязывалось в первую очередь Москвой, где ощущалось недовольство плохими результатами в деле подавления сопротивления в Эстонии. На инициативу извне указывает и замечание

А. Резева о том, что взятый на вооружение метод нов для Эстонии, а также прибытие в Эстонию в начале февраля 1945 года представителя Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР подполковника Николая Слепнева.¹⁹

Под руководством Н. Слепнева в Эстонии была образована объединенная оперативная группа Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР и НКВД ЭССР, которая 15 февраля 1945 года начала деятельность в Ярвамаа, как наиболее охваченном бандитизмом уезде. Целью оперативной группы был избран действующий в волости Койги²⁰ «хорошо организованный и вооруженный», насчитывавший 18 человек отряд «лесных братьев» под командованием Карла Ваасма²¹. Показательная операция, которая должна была прежде всего продемонстрировать на практике новые методы борьбы с бандитизмом, прошла крайне успешно. Умело соединив агентурную информацию и чекистские операции, использовав общественные и религиозные авторитеты, проведя среди населения масштабную разъяснительную работу, оперативная группа сумела быстро ликвидировать банду бывшего командира отряда Омакайтсе К. Ваасма. Согласно рапорту А. Резева, К. Ваасма вместе с членами своего отряда вышел из леса и добровольно сложил оружие.²² Кроме успешного выполнения главной цели, объединенной оперативной группе удалось выявить и разогнать в Ярвамаа еще целых 7 бандитских групп,

¹⁷ ERAF 17SM-4-17, л. 23.

¹⁸ ERAF 131SM-1-25, л. 73.

¹⁹ У Н. Слепнева уже имелся опыт по уничтожению партизан в Украине и Литве. Приказом НКВД СССР № 00861 от 15 мая 1943 г. был утвержден в должности новый состав ОББ НКВД СССР. Н. Слепнев был назначен руководить 5-м отделом ОББ, отвечавшим за борьбу против бандитизма в Ставропольском и Краснодарском краях, в Калмыкской АССР, в Ростовской и Сталинградской областях и в Украине. С июля по ноябрь 1944 г. Н. Слепнев занимал должность начальника ОББ НКВД Литовской ССР.

²⁰ Яан Роос в своих воспоминаниях описывает Койги как самую большую в Ярвамаа деревню, несколько напоминающую русские села, а о волости говорит, что она самая злая в отношении коммунистов. Возможно, именно поэтому Койги выбрали в качестве места проведения показательной операции. Jaan Roos. Läbi punase öö, II. Tartu, 2000, с. 75.

²¹ ERAF 131SM-1-25, л. 73; ERAF 131SM-1-11, л. 127. См. также: Jaan Ellen. Ei halastust, ei armu. Okupandi salapäevikud. Tallinn, 2003, с. 42.

²² ERAF 131SM-1-25, л. 73.

состоявших из бывших членов Омакайтсе, дезертиров Красной армии и уклоняющихся от военной службы. Из 60 захваченных лиц 19 сдались сами. В общей сложности оперативная группа под командованием Слепнева арестовала в Ярвамаа 39 человек, легализовала 37.²³

После успешного проведения совместной операции в Ярвамаа было решено применять «новый метод» по всей Эстонии. 12–14 марта 1945 года прошло совещание начальников всех уездных отделов НКВД и НКГБ ЭССР, представителей отдела контрразведки «Смерш», командиров внутренних войск НКВД и погранвойск Прибалтийского округа, на котором подполковник Н. Слепнев выступил с докладом о методах ликвидации и легализации бандитских элементов, дезертиров и нелегалов. Территорию Эстонии поделили на два сектора. Пять северных уездов – Ярвамаа, Вирумаа, Хартюмаа, Ляэнемаа и Сааремаа – составили первый сектор, подчиненный НКВД. Второй сектор, в который вошли Вырумаа, Валгамаа, Тартумаа, Вильяндимаа и Пярнумаа, закрепили за НКГБ.²⁴

Подобное деление на сектора произошло не впервые. Еще в декабре 1944 года в отделе по борьбе с бандитизмом был подготовлен план, предусматривающий образование трех–четырёх отдельных оперативных округов для улучшения работы уездных отделов. Каждый округ должны были возглавить руководящие работники НКВД ЭССР.²⁵ В начале 1945 года был подготовлен новый план деления, теперь уже на пять секторов, в каждый из которых направлялась оперативная группа НКВД.²⁶

Резкая активизация «лесного братства»

в начале 1945 года не оставила советским органам власти выбора, к борьбе с бандитизмом следовало привлечь и НКГБ. Это было неприятное решение, поскольку оно означало признание существования активного вооруженного сопротивления. Настолько важные решения, разумеется, не принимались на республиканском уровне, привлечение НКГБ было главным козырем «нового метода» Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР. Именно под руководством представителя Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Н. Слепнева в марте 1945 года разрабатывались планы создания объединенных оперативных групп НКВД и НКГБ и конкретные планы их расположения и действий в двух созданных секторах. Наряду с оперативными работниками двух наркоматов в составе оперативных групп было решено использовать солдат 260-го и 138-го полков внутренних войск НКВД.²⁷

Об успешном проведении операции в волости Койги и о новых планах борьбы с бандитизмом был проинформирован и Центральный комитет КП(б)Э. Партия должна была одновременно с будущими операциями провести в уездах широко-масштабную политическую разъяснительную работу. Первым секретарям уездов разослали специально разработанные для пропагандистов и агитаторов тезисы докладов. Со стороны ЦК КП(б)Э были подготовлены речи о международной ситуации, о мощи Советского Союза и Красной армии и призывы к нелегалам о добровольной легализации.²⁸

18 марта 1945 года оперативная группа НКВД продолжила работу в Ярвамаа

²³ Там же, л. 73–74.

²⁴ ERAF 131SM–1–30, л. 46, отчет Резева НКВД СССР о борьбе с бандитизмом в Эстонской ССР по состоянию на 1 апреля 1945.

²⁵ ERAF 131SM–1–1, л. 42, отчет Резева и Глушанина о деятельности ОББ НКВД Эстонской ССР, декабрь 1944 г.

²⁶ ERAF 131SM–1–1, л. 87–88, приказ Глушанина начальникам уездных и городских отделов НКВД Эстонской ССР от 5 января 1945 г.

²⁷ ERAF 131SM–1–30, л. 46–47.

²⁸ ERAF 131SM–1–25, л. 74.

под руководством представителя Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Н. Слепнева. Укомплектованные на базе НКВД оперативные группы были направлены также в Вирумаа, Ляэнемаа и Пярнумаа. В подразделения входило в общей сложности 950 человек, из них 93 – оперативные и милицейские работники НКВД, 58 офицеров, 799 младших офицеров и рядовых 260-го полка внутренних войск НКВД и 99-го погранотряда. Из четырех оперативных групп самой важной и крупной была ярвамааская группа Слепнева, в которую входили 620 человек. Состав групп в Вирумаа, Ляэнемаа и Пярнумаа был значительно меньше, их возглавили начальники отделений отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЭССР.²⁹

НКГБ ЭССР образовал в марте 1945 года одну оперативную группу во главе с заместителем наркома госбезопасности Эстонской ССР подполковником госбезопасности Н. Михайловым, которая направилась в Вирумаа и Валгамаа. В группу входил 831 человек: 56 оперативных работников НКГБ и НКВД, 60 офицеров и 715 младших офицеров и рядовых 138-го полка внутренних войск НКВД.³⁰

В уездах оперативные группы не действовали единым подразделением, а разделялись по волостям гарнизонами по 20–45 человек. Уезды были разделены на 3–4 оперативных сектора, в каждый входило по 3–4 волостных гарнизона.³¹

Объединенные оперативные группы НКВД и НКГБ действовали в Эстонии до конца 1945 года. В общей сложности в течение года было укомплектовано 17 объединенных оперативных групп, из них 10 подчинялись руководящим оперативным

работникам НКВД и 7 – НКГБ. Перелома в борьбу с движением сопротивления в Эстонии их тактика не внесла, до конца 1945 года количество учтенных отделом по борьбе с бандитизмом отрядов «лесных братьев» оставалось по сути неизменным.

К концу октября 1945 года на учете отдела по борьбе с бандитизмом значилось 46 отрядов «лесных братьев» с 437 членами, в последние дни ноября – 42 отряда с 358 членами. С сентября резко уменьшилось число ликвидированных банд, сократившись к концу декабря 1945 года до минимального уровня.³² В то же время число взятых на учет отрядов «лесных братьев» к 1 января 1946 года увеличилось до 60, в них насчитывалось 444 члена.³³

По данным отдела по борьбе с бандитизмом, в 1945 году в Эстонской ССР ликвидировали 237 бандитских и мятежных групп с 1426 членами, 2058 отдельных бандитов и вооруженных нелегалов, 450 пособников и укрывателей бандитов.³⁴

Последние совместные операции НКВД и НКГБ против бандитов закончились в ноябре–декабре 1945 года. Полная ликвидация «лесного братства» с помощью «нового метода» не удалась, к концу года на учете отдела число групп сопротивления и их участников выросло до высокого весеннего уровня, а сотрудничество отрядов «лесных братьев» и подпольных организаций заметно углубилось.

В документах отдела по борьбе с бандитизмом называются основные причины провала тактики совместных операций наркоматов: слабость внутренней агентуры, низкий уровень работы и плохая укомплектованность уездных отделов наркоматов, отсутствие дисциплины военнослужа-

²⁹ ERAF 131SM–1–25, л. 74; ERAF 131SM–1–11, л. 127.

³⁰ ERAF 131SM–1–25, л. 74–75. В архивных материалах находятся несколько разные данные о количественном составе оперативных групп. Например, в ERAF 131SM–1–30, л. 48 указана величина оперативной группы НКГБ – 830 бойцов. Однако существенных различий в данных не имеется.

³¹ ERAF 131SM–1–25, л. 76–78.

³² В сентябре 1945 г. ликвидировали 39, в октябре 26, в ноябре 16, а в декабре всего 13 банд. См.: ERAF 131SM–1–14, л. 53, сводный статистический отчет ОББ НКВД ЭССР за 1945 г.

³³ ERAF 131SM–1–14, л. 53.

³⁴ ERAF 131SM–1–54, л. 24; ERAF 131SM–1–72, л. 5; ERAF 17SM–4–40, л. 126.

щих и вытекающая отсюда преступность, а также недостаточность политической разъяснительной работы и коммунистической пропаганды. Однако важнее этих «официальных причин» следует считать общую непродуманность и недостаточное планирование, в силу которых достижение перелома в борьбе с бандитизмом было изначально обречено. Хотя представитель Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР и руководитель первых оперативных групп Н. Слепнев после проведения первых крупных операций весной 1945 года указывал на их нецелесообразность, применение избранной тактики продолжалось на протяжении всего года.

Основным козырем нового метода борьбы с бандитизмом в 1945 году было привлечение НКГБ к этой борьбе наряду с отделом по борьбе с бандитизмом НКВД. В то же время именно отсутствие сотрудничества между ведомствами стало главным недостатком совместных операций. Оперативные группы были объединены в основном по названию, разделение на десятки оперативных звеньев происходило всегда в соответствии с наркоматами или другими ведомствами. Обмена оперативной информацией по сути не происходило, зачастую оперативные звенья действовали без всякого согласования и в разных направлениях. Наряду с уездными отделами НКВД и НКГБ в операциях были задействованы внутренние войска НКВД, истребительные батальоны, «Смерш», подразделения Красной армии, пограничные войска и милиция. Кроме крупных операций все ведомства параллельно проводили множество более мелких захватов и прочесываний лесов, что только запутыва-

ло обстановку.³⁵ По статистике отдела по борьбе с бандитизмом, в 1945 году в Эстонии было проведено в общей сложности 737 полевых операций по поимке «лесных братьев». Наибольшее количество операций пришлось на осенние месяцы: в сентябре 124, в октябре 146 и в ноябре 114.³⁶

Провал тактики объединенных оперативных групп вызвал замену в руководстве отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЭССР. 1 ноября 1945 года В. Глушанина на посту начальника отдела сменил майор Григорий Живага, ранее работавший заместителем начальника 2-го отдела Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР.³⁷ Последние составленные в конце октября 1945 года по линии отдела по борьбе с бандитизмом планы продолжения и реформирования масштабных операций остались невыполненными, начался переход от использования войсковых подразделений к «глубокой разведывательной работе».³⁸

Структура отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЭССР

Учитывая важность для советской власти подавления вооруженного сопротивления, численность работающих в области борьбы с бандитизмом в уездных отделах НКВД кадров была на удивление мала, в основном в пределах 1–2 оперативных работников на уезд. Официально названные оперативные работники составляли отделения по борьбе с бандитизмом уездных отделов НКВД Эстонской ССР. По состоянию на апрель 1945 года в 11 городских и уездных отделах НКВД работали 8 старших и 10 младших оперативных уполномочен-

³⁵ ERAF 131SM–1–31, л. 11, 20.

³⁶ ERAF 131SM–1–12, статистические месячные отчеты ОББ Главному управлению по борьбе с бандитизмом НКВД СССР за 1945 г.

³⁷ ERAF 1–6–5746, Григорий Живага. Г. Живага, украинец по национальности, родился в 1913 г. В органах безопасности работал с 1934 г., окончил в Ленинграде Высшую школу НКГБ СССР в 1941 г.

³⁸ ERAF 17SM–4–40, л. 12. ERAF 17SM–4–18, л. 187–191 – здесь находится оперативная справка № 1 объединенного оперативного штаба НКВД и НКГБ ЭССР, дающая обзор борьбы с бандитизмом на всей территории Эстонии и подписанная 7 ноября 1945 г. начальником штаба, заместителем наркома госбезопасности П. Пастельяком.

ных.³⁹ Проблема заключалась не столько в вакантных должностях, что было обычным явлением в структурах НКВД в 1945 году⁴⁰, сколько в недостаточности штатных мест. В уездных отделах НКВД по линии борьбы с бандитизмом было не укомплектовано всего 6 штатных мест. Однако оперативные уполномоченные в уездных отделах были в общем неопытны, с низким уровнем образования и плохо владели эстонским языком – эти признаки характеризуют всю структуру НКВД ЭССР в первые послевоенные годы и новое поколение его работников.⁴¹ В апреле 1945 года занимающиеся борьбой с бандитизмом кадры уездных отделов НКВД состояли в основном из людей, имеющих 1–2-летний стаж работы в «органах», в подавляющем большинстве русских.⁴²

В общем похожая ситуация существовала и в Таллинне в отделе по борьбе с бандитизмом НКВД, подразделявшемся на центральный аппарат, учетно-информационную группу и 4 отделения. К апрелю 1945 года по линии отдела было создано 48 штатных должностей, вакантны были лишь три. Большинство оперативных работников пришли на работу в органы госбезопасности в 1943–1944 годах, они относились к новому и неопытному поколению. Большинство работников отдела по борьбе с бандитизмом до прихода на работу не прошли никакой подготовки, лишь некоторые начальники отделов и старшие оперуполномоченные имели большой опыт и 10–20 лет трудового стажа.⁴³ Кроме всесторонней координации и учета работы по борьбе с бандитизмом уездных отделов НКВД, отдел по борьбе с бандитизмом сам активно участвовал в

оперативной работе, занимаясь как вербовкой агентуры, так и расследованием дел. Зачастую арестованных уездными отделами конвоировали в Таллинн, поскольку на местах из-за нехватки кадров не могли ими заниматься. В подчинении 4-го отделения отдела по борьбе с бандитизмом находились также истребительные батальоны.

За время существования отдела по борьбе с бандитизмом его руководство составило несколько проектов расширения состава. Проект, подписанный 17 апреля 1945 года начальником отдела В. Глушаниным и утвержденный наркомом внутренних дел ЭССР А. Резевом, предусматривал увеличение штата отдела на 68 мест.⁴⁴ В случае реализации этого плана количество оперативных работников отделений по борьбе с бандитизмом во всех уездных отделах НКВД увеличилось бы на 7–8 человек, в центральном аппарате отдела по борьбе с бандитизмом добавилось бы 13 новых должностей. Это означало бы заметный рост числа работников по сравнению с прежними цифрами.

Однако из последующих отчетов отдела по борьбе с бандитизмом явствует, что представленное в апреле ходатайство об увеличении штата не было удовлетворено. В июле того же года в уездах по линии отдела было по-прежнему по 1–2 работников, которые не слишком успешно справлялись со все возрастающим объемом работы. В одном только Вирумааском отделе НКВД под следствием одновременно находилось 104 арестованных.⁴⁵ Проблемы существовали не только в уездных отделах, о чем наглядно свидетельствует предложение В. Глушанина

³⁹ ERAF 131SM–1–30, л. 62.

⁴⁰ В 1945–1946 гг. в НКВД Эстонской ССР из 6909 штатных мест было заполнено 4850, или 70,2%. См.: V. Ohmann. Eesti NSV Siseministeeriumi, с. 79.

⁴¹ В 1945–1946 годах 79,5% работников НКВД имели начальное образование. См.: V. Ohmann. Eesti NSV Siseministeeriumi, с. 79–82.

⁴² ERAF 131SM–1–30, л. 60–61, оперативный состав ОББ НКВД Эстонской ССР по состоянию на 17 апреля 1945 г.

⁴³ Там же, л. 58–60.

⁴⁴ Там же, л. 56–57.

⁴⁵ ERAF 131SM–1–31, л. 38.

о создании по линии отдела по борьбе с бандитизмом специального отдела для города Таллинна и постоянные просьбы к Москве о присылке следователей.⁴⁶

Причины, почему не увеличивались штаты отдела по борьбе с бандитизмом, следует, вероятно, искать в решении высшего руководства привлечь к борьбе с бандитизмом наряду с НКВД Наркомат государственной безопасности. Это решение означало не только создание объединенных оперативных групп двух наркоматов, но и использование для подавления «лесного братства» всех структур НКГБ, в том числе всех уездных и городских отделов. По сути это означало удвоение занятых борьбой с бандитизмом кадров и агентуры, которому сопутствовало и вольное или невольное соперничество наркоматов внутренних дел и госбезопасности. Отчеты наркома внутренних дел А. Резева за 1945 год, в которых неоднократно подчеркивается продолжающаяся политизация и прямая антисоветская направленность проявлений бандитизма, проясняют, почему вместо того чтобы расширять отдел по борьбе с бандитизмом НКВД, к борьбе с бандитизмом предпочли привлечь органы государственной безопасности.

Первым обещанием и целью Г. Живага, сменившего в ноябре 1945 года В. Глушанина на посту начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЭССР, был переход к «более глубокой разведывательной работе». В действительности же было не так просто найти альтернативу совместным операциям наркоматов. В составленном Г. Живагой рабочем плане отдела на 1946 год главным новшеством названо создание должностей оперативных уполномоченных по борьбе с бандитизмом в волостях.⁴⁷ По плану предполагалось завербовать 100 человек, в первую очередь во имя улучшения работы уезд-

ных отделов наркомата, низкий уровень которой еще осенью 1944 года отмечался как главный недостаток НКВД. Однако найти новые кадры на новые должности было не просто. В основном оперуполномоченными становились бойцы истребительных батальонов и работники милиции, не имевшие никакой теоретической, а зачастую и практической подготовки в области борьбы с бандитизмом. Среди архивных материалов имеется составленный Г. Живагой в ноябре 1945 года (непосредственно после вступления в должность начальника отдела по борьбе с бандитизмом) и утвержденный А. Резевым план занятий для проведения подготовки волостных оперуполномоченных по борьбе с бандитизмом. 10-дневный курс (98 часов – 48 часов лекций и 50 часов практики) должен был дать будущим оперуполномоченным представление о задачах и обязанностях НКВД и основах агентурной, следственной работы, проведении обысков, допросов и оформлении документов. Вторую часть курса составляли практические занятия по стрельбе.⁴⁸

В плане работы отдела, кроме создания должностей волостных оперуполномоченных, упоминается также увеличение штата самого отдела по борьбе с бандитизмом и его уездных отделений.⁴⁹ Нет сомнений, что число работников отдела в 1946 году увеличилось, но точные данные о кадровых изменениях, к сожалению, отсутствуют. Неясно также, удалось ли завербовать 100 волостных оперуполномоченных или пришлось довольствоваться меньшим числом.

В 26 декабря 1945 года ЦК КП(б)Э и Совнарком Эстонской ССР приняли постановление «О повышении эффективности борьбы с буржуазно-националистическим подпольем и его бандами», в котором «главным оружием против бандитизма»

⁴⁶ Там же. Отчеты Отдела по борьбе с бандитизмом свидетельствуют, что по состоянию на 1 июля 1945 г. из Москвы в Эстонию командировано 9 оперативных работников вместо запрашиваемых 20.

⁴⁷ ERAF 17SM-4-40, л. 12.

⁴⁸ ERAF 131SM-1-19, л. 98-101.

⁴⁹ ERAF 17SM-4-40, л. 12.

названа не Красная армия, а истребительные батальоны НКВД.⁵⁰ В постановлении отмечается, что до сих пор истребительные батальоны использовались в борьбе с бандитизмом недостаточно, на их руководство и структуры не обращалось особого внимания, добровольцев привлекают лишь для охраны государственных магазинов и предприятий. В постановлении прозвучал также упрек в пассивности в адрес волостных исполнительных комитетов и партийных организаций, которые слишком надеются в борьбе с бандитами на НКВД и НКГБ, не проводя политической разъяснительной работы и советской пропаганды.

В постановлении ЦК КП(б)Э от 26 декабря содержалась просьба к ЦК КП(б) СССР разрешить уравнивать службу в Красной армии и истребительных батальонах, а также создать в истребительных батальонах 1000 платных должностей.⁵¹ На основании того же постановления еще в декабре 1945 года в Таллинне был создан центральный штаб истребительных батальонов, в следующем составе: секретарь ЦК КП(б)Э Н. Каротамм, председатель Совета народных комиссаров ЭССР А. Веймер, секретарь ЦК ЛКСМЭ А. Мери, нарком внутренних дел А. Резев и нарком госбезопасности Б. Кумм.⁵²

Постановлением Министерства внутренних дел СССР № 00188 от 8 марта 1946 года была изменена структура истребительных батальонов, в подразделения, состоявшие до сих пор только из добровольцев, было введено 500 оплачиваемых должностей. Во всех уездах создали шта-

бы батальонов, подчиненные начальникам уездных отделов МВД.⁵³

Это означает, что в начале 1946 года в подавлении вооруженного сопротивления в Эстонии ставка была сделана на деятельность структур НКВД и в их числе, прежде всего, на отдел по борьбе с бандитизмом и истребительные батальоны.

Крупнейшее столкновение весны 1946 года органов госбезопасности с отрядом «лесных братьев» под руководством Ааво Прууза произошло 1 апреля в Вырумаа в деревне Мязэритса волости Сымерпалу. После длившейся восемь часов осады подразделениям МВД в составе 120 человек и 15 бойцам истребительного батальона удалось поджечь хутор. Двое «лесных братьев» были убиты в ходе перестрелки, восемь членов отряда предпочли погибнуть в огне, продолжая борьбу до последнего. Не сдавшиеся «лесные братья» подняли над хутором сине-черно-белый флаг.⁵⁴

Причиной крупной операции МВД по ликвидации отряда А. Прууза было принятое 13 марта 1946 года отрядом «лесных братьев» из 25 человек нападение на исполком волости Сымерпалу, в ходе которого было убито 13 «советских активистов» деревень Осула и Сульби и членов их семей. На кровавые события 13 марта в Вырумаа МВД Эстонской ССР отреагировало постановлением № 0058, которым на начальников уездных отделов МВД были возложены дополнительные обязанности. В основу приказа легло аналогичное решение ЦК КП(б)Э.⁵⁵

Постановлением № 0058 в уездные

⁵⁰ ERAF 17SM-4-32, л. 131-137.

⁵¹ В постановлении ЦК КП(б)Э от 26 декабря не было ничего оригинального. Свидетельством того, что направление деятельности было указано сверху, является сохранившаяся в архиве копия постановления ЦК КП(б) Латвии «О повышении эффективности борьбы с контрреволюционным националистическим подпольем и бандитизмом» от 31 октября 1945 г. ERAF 17SM-4-32, л. 112-116. На копии имеется пометка с требованием вернуть бумаги в течение трех дней. По какой-то причине этого сделано не было. Постановление ЦК КП(б)Э от 26 декабря дословно повторяет латвийский документ, единственное различие – в истребительные батальоны Латвии требовалось 2000 платных должностей.

⁵² ERAF 17SM-4-34, л. 20.

⁵³ ERAF 17SM-4-32, л. 96. В декабре 1945 г. ЦК КП(б)Э просил у Москвы разрешения на создание в истребительных батальонах 1000 платных должностей.

⁵⁴ О бое А. Прууза у хутора Мязэритса см.: Evald Laasi. Lahing rahuajal. – Pilk. 1989, № 7, с. 1-2.

⁵⁵ ERAF 131SM-1-54, л. 31-36.

отделы МВД был направлен 31 ведущий оперативный работник из выпускников школы МВД (в том числе 9 человек в Вырумаа, 8 в Тартумаа, 8 в Вирумаа как в наиболее охваченные «лесным братством» уезды). Кроме того, приказом личный состав уездных отделов МВД был дополнен 234 оперативными и милицейскими работниками, окончившими школу МВД, и в уездах создано дополнительно 36 оперативных отделений (в общей сложности 90 человек).

Подписанный 24 мая 1946 года план повышения эффективности борьбы с бандитизмом МВД ЭССР и отдела по борьбе с бандитизмом требовал усиления проверки репатриантов и использования их в оперативной работе.⁵⁶ Как уже упоминалось, еще в апреле 1945 года отдел по борьбе с бандитизмом состоял из 4 отделений, в задачи 4-го отделения входила координация деятельности истребительных батальонов. Наряду с отделениями в состав отдела входила группа учета и информации. Следующим точным сведением о структуре отдела является сообщение о создании 15 мая 1946 года⁵⁷ 7-го отделения отдела по борьбе с бандитизмом – подразделения, занимающегося репатриантами. С 16 июня 1945 года общим приказом наркоматов № 00706/0-0268⁵⁸ задача фильтрации репатриантов была возложена на уездные и городские отделы МВД и МГБ. С 1945-го по 1 июня 1946 года в Эстонию было репатрировано 7619 человек (3492 женщины, 2793 мужчины, детей до 16 лет 1334), большая часть из них из Германии (4847), Польши (709) и Швеции (319).⁵⁹ Советская госбе-

зопасность видела в репатриантах потенциальных агентов иностранной разведки и новую базу для движения сопротивления в Эстонии, на что прямо указывает и их направление под надзор отдела по борьбе с бандитизмом. К 1 августа 1946 года из числа репатриантов был завербован 1 резидент и 89 информаторов.⁶⁰ По состоянию на 25 октября того же года в используемую для обработки репатриантов агентуру 7-го отделения отдела по борьбе с бандитизмом входили уже 6 резидентов, 13 агентов и 385 информаторов.⁶¹

Таким образом, летом 1946 года отдел по борьбе с бандитизмом состоял уже из семи отделений, образуя одно из важнейших подразделений в послевоенном составе МВД. Проследивая поступление и движение отчетов отдела, можно предположить, что задачи между отделениями распределялись следующим образом:

Таблица 1. Отделения отдела по борьбе с бандитизмом МВД ЭССР в 1946 году.

Отделения ОББ	Задачи, сферы деятельности
1-е отделение	Вырумаа, Тартумаа, Валгамаа
2-е отделение	Харьюмаа, Ляэнемаа, Пярнумаа
3-е отделение	учет и информация
4-е отделение	истребительные батальоны
5-е отделение	Ярвамаа, Вильяндимаа, Сааремаа
6-е отделение	Вирумаа, Нарва
7-е отделение	репатрианты

⁵⁶ Постановлением СНК Эстонской ССР от 3 февраля 1945 г. при СНК ЭССР создан Отдел по делам репатриации, реально начавший работать 15 апреля того же года. С момента создания отдел интенсивно сотрудничал с НКВД, и часть состава была укомплектована по линии НКВД. О деятельности Отдела по делам репатриации см.: David Vseiov. Repatrieerimisretoorika kui abivahend kohandumiseks tagasipöördumisideega (1945–1953). – Kohandumise märgid. Tallinn, 2002, с. 67–86.

⁵⁷ ERAF 131SM–1–45, л. 56, отчет ОББ НКВД Эстонской ССР ОББ НКВД СССР, май–июнь 1945 г.

⁵⁸ См.: V. Ohmann. Eesti NSV Siseministeeriumi, с. 60–61.

⁵⁹ ERAF 131SM–1–45, л. 56.

⁶⁰ ERAF 131SM–1–76, л. 63–64.

⁶¹ ERAF 17SM–4–32, л. 221.

В связи с созданием новых отделений, несомненно, возросло и число работников, однако точных данных об этих изменениях в архивных материалах найти не удалось. В июне–июле 1946 года из Москвы для проверки работы МВД ЭССР прибыла комиссия во главе с заместителем начальника Главного управления милиции МВД СССР комиссаром милиции Бодуновым. По состоянию на 10 июня 1946 года по линии МВД ЭССР имелось 6124 штатных мест, из них было заполнено 4772 (русских 2181, эстонцев 2084, других национальностей 507). Неукомплектовано было 22,1% рабочих мест. Наряду с большим количеством вакансий, по данным «Смерш», в системе МВД работало 622 человека, подозреваемых в антисоветских настроениях, предательстве, службе в Германской армии, Кайтселийте или Омакайтсе.⁶² С начала 1945 года проблему слабости кадрового состава пытались решать республиканское учебное заведение МВД, где готовили новые национальные кадры.

Под руководством заместителя начальника Главного управления милиции МВД СССР комиссара милиции Бодунова летом 1946 года была рассмотрена и деятельность отдела по борьбе с бандитизмом МВД ЭССР. Несмотря на выявленные многочисленные недостатки, работе отдела была дана в общем положительная оценка, прежде всего по сравнению с работой милиции по борьбе с уголовной преступностью, где ситуация оставляла желать много лучшего.⁶³ Выявленные московской комиссией недостатки и ошибки были подтверждены и повторены в отчете

МВД и ОББ в августе 1946-го, когда подробно рассматривалось выполнение составленного в мае плана повышения эффективности борьбы с бандитизмом.⁶⁴ Самым серьезным из выявленных недостатков стало большое расхождение в статистических данных 1-го спецотдела МВД, ОББ и его уездных отделов. Комиссия Бодунова обнаружила, например, что в Тартуском городском отделе МВД по состоянию на июнь 1946 года на учете состояло 145 агентов, а в 1-ом спецотделе министерства было в это же время зарегистрировано лишь 78 из них.⁶⁵

Органы госбезопасности в борьбе с бандитизмом и создание отдела 2-Н

Разделение территории Эстонии между НКВД и НКГБ на северный и южный сектор в марте 1945 года существенно отличалось от прежних реорганизаций. С 1944 года борьба с бандитизмом в Эстонской ССР входила в компетенцию НКВД. В бюрократическом смысле бандитизм был внутрисоветским преступлением, расследование которого не требовало вмешательства органов госбезопасности. Приоритетной задачей НКГБ Эстонской ССР была борьба с «антисоветскими элементами», другими словами – с лицами, связанными с зарубежными разведорганами, с буржуазно-националистическим подпольем и созданными ими контрреволюционными формированиями.⁶⁶ Несмотря на то, что в условиях Эстонии четкое разделение бандитов и антисоветских элементов было делом сложным, если не

⁶² ERAF 17SM-4-32, л. 242–259, доклад заместителя начальника Главного управления милиции МВД СССР комиссара милиции Бодунова министру внутренних дел СССР С. Круглову о работе МВД Эстонской ССР, июль 1946 г. О комплектовании личного состава МВД ЭССР и анализе кадров см.: V. Ohmann. Eesti NSV Siseministeeriumi, с. 68–88.

⁶³ Согласно официальной статистике МВД, в Эстонской ССР в 1946 г. зарегистрировано 5797 уголовных преступлений, из них раскрыто 3860, или 66,6%. Из 2526 арестованных 55,5% (1353) составляли эстонцы, 42,9% (1085) русские, 3,6% (88) – представители других национальностей. ERAF 131SM-1-78, л. 22–27.

⁶⁴ К 13 августа 1946 г. был определен состав оперативного совещания начальников уездных отделов МВД и отделений ОББ по контролю за выполнением подписанного 24 мая плана работы МВД и ОББ.

⁶⁵ ERAF 17SM-4-32, л. 242–259.

⁶⁶ ERAF 131SM-1-70, л. 330–331 об.

совершенно безнадежным, это, однако, делалось, и деятельность двух названных наркоматов еще весной 1945 года протекала параллельно, без заметных связей и сотрудничества на nive борьбы с бандитизмом.

На основании рапортов и отчетов НКВД Эстонской ССР создается четкое впечатление, что в 1945 году НКГБ ЭССР привлекали к совместным операциям по предложению Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР в качестве временной помощи, от которой не ожидали инициативы или наличия планов действий. В качестве центра управления и координатора по-прежнему явно выступает отдел по борьбе с бандитизмом.

К сожалению, в архивах Эстонии документация НКГБ ЭССР сохранилась в объемах, не сравнимых с материалами НКВД, поэтому выводы, основанные на поверхностном рассмотрении, могут оказаться необъективными. В этой ситуации особо ценными и интересными становятся отдельные документы 1945 года, касающиеся работы НКГБ, которые значительно корректируют представления, созданные на основании отрывочных источников.⁶⁷ В составленном в начале 1946 года отчете НКГБ Эстонской ССР за 1945 год главной темой обозначен заметный рост бандитизма и возникновение новых хорошо вооруженных банд и мятежных формирований. В то же время в отчете никоим образом не подчеркивается руководящая роль НКВД,

но отмечается, что распоряжение начать борьбу с вооруженными бандами поступило от НКГБ СССР. Основным связующим с НКВД обстоятельством представляется использование личного состава внутренних войск при создании предусмотренных распоряжением оперативных групп.⁶⁸ В отчете представлено также описание того, каким образом, исходя из новых задач, была реорганизована работа уездных отделов НКГБ. Для выявления бандитских формирований неизбежно было создание новой агентурной сети, агентов пытались вербовать как из числа легализовавшихся, так и активных бандитов.⁶⁹ На основании этой информации можно сделать два важных вывода: до марта 1945 года НКГБ не был напрямую вовлечен в борьбу с бандитизмом, не было и соответствующей агентуры, которую начали создавать лишь параллельно с началом совместных операций. Участие НКГБ в подавлении «лесного братства» не ограничивалось участием в совместных операциях, после марта 1945 года для НКГБ и его уездных отделов, как и для НКВД, борьба с бандитизмом стала рутинной работой.

Приказом НКГБ Эстонской ССР № 0024 от 30 ноября 1945 года бывший заместитель начальника 2-го отдела НКГБ Эстонской ССР Эдуард Неелус был с 1 декабря 1945 года назначен заместителем начальника 2-го отдела НКВД Эстонской ССР по периферии.⁷⁰ В 1946 году в руках Э. Неелуса сосредоточился контроль и руко-

⁶⁷ Одним из таких документов является составленный в начале 1946 г. годовой отчет НКГБ Эстонской ССР за 1945 г. ERAF 131SM-1-128, л. 85-119. Отчет НКГБ ЭССР за 1945 г. включен в материалы отдела 2-Н МГБ Эстонской ССР за 1948 г. Видимо, отчет использовался в 1948 г. при составлении нового документа, поскольку в текст внесены отдельные поправки и изменения. Местами наименование наркомата заменено министерством, вычеркнуто имя составителя документа, заместителя наркома госбезопасности Эстонской ССР полковника госбезопасности П. Пастельяка, которое заменено именем подполковника госбезопасности Н. Михайлова. Отчеты НКГБ о проявлениях бандитизма, о ликвидации банд и отдельных бандитов в сентябре-декабре 1945 см.: ERAF 131SM-1-18.

⁶⁸ ERAF 131SM-1-128, л. 85-90.

⁶⁹ Там же, л. 96.

⁷⁰ Из документов Пярнуского городского отдела МГБ следует, что летом 1946 г. в отделе существовало отделение по делам города, уездное отделение и четыре оперативных группы (в Килинги-Нымме, Мыйзакула, Вяндра, Пярну-Яагупи). Уездное отделение именуется также отделением по периферии. Можно заключить, что под периферией понимались территории вне крупных центров (городов), т.е. регионы, где главной проблемой была борьба с «лесным братством».

водство работой уездных и городских отделов МГБ по разработке антисоветского подполья и бандитов. В течение 1946 года результаты борьбы с бандитизмом отражались в отчетах МГБ отдельной графой, и от уездных отделов требовали отдельных отчетов по борьбе с бандитизмом.⁷¹

Из отчетов МГБ явствует, что борьбой с «лесным братством» в уездах старались заниматься как можно меньше, а неписанным правилом для оперативных работников была передача всей информации о «лесных братьях» (вне зависимости от наличия или отсутствия политической подоплеки) отделу по борьбе с бандитизмом. Эту тенденцию подтверждают и результаты – точнее, их отсутствие – отделов госбезопасности в сфере борьбы с бандитизмом. Так, Пярнуский городской отдел МГБ в июне 1946 года организовал и провел лишь одну операцию, в ходе которой было уничтожено два бункера, но арестовать не удалось ни одного человека.⁷² В сентябре 1946 года назначенный новым начальником Пярнуского городского отдела МГБ полковник Тарасов в своем рапорте Б. Кумму признал, что отдел до сих пор не уделял особого внимания борьбе с буржуазно-националистическим подпольем, а для разоблачения подполья нет соответствующей агентурной сети и учета.⁷³

Фрагментарность материалов МГБ в архивах Эстонии не позволяет дать корректного обзора результатов работы министерства в 1946 году. Сохранились отдельные отчеты Б. Кумма начальнику 2-го

управления МГБ СССР генерал-майору Е. Питовранову, но они отражают деятельность 2-го отдела МГБ в области контрразведки с декабря 1946 года.⁷⁴ На вопрос, почему названные отчеты не касаются борьбы с политическим бандитизмом и антисоветским подпольем, можно найти ответ во вводной части одного из отчетов Б. Кумма о работе 2-го отдела МГБ за декабрь: между прочим в нем упоминаются «перестановки в работе отдела в ноябре 1946 года».⁷⁵ Хотя конкретного описания реорганизаций в отчете нет, можно с уверенностью утверждать, что суть их заключается в создании самостоятельного отдела 2-Н. В учебнике Высшей школы Комитета государственной безопасности СССР также упоминается о создании при 2-ом Главном управлении МГБ СССР управления 2-Н, однако, к сожалению, без точной датировки. Кроме того, из секретного учебника выясняется, что в составе МГБ Украинской и Литовской ССР были также созданы управления 2-Н, а при МГБ Белорусской, Латвийской и Эстонской ССР сформированы отделы 2-Н.⁷⁶

Из послужного списка Э. Неелуса следует, что с 6 ноября 1946 года он исполнял обязанности начальника отдела 2-Н МГБ, в архивных материалах имеются составленные им отчеты 2-му Главному управлению МГБ СССР.⁷⁷ По состоянию на 1 января 1947 года в отделе 2-Н было зарегистрировано и разрабатывалось агентурных дел по антисоветским организациям и буржуазно-демократическим группам 14 (51 членов), формулярных дел 32 и учетно-

⁷¹ ERAF 131SM-1-68, л. 63–63 об, письмо начальника 2-го отдела НКГБ Эстонской ССР Неелуса и начальника 5-го отделения 2-го отдела НКГБ Эстонской ССР Сыромятникова начальнику нарвского городского отдела НКГБ Эстонской ССР Иванову от 13 июня 1946 г.

⁷² ERAF 131SM-1-68, л. 110, отчет Пярнуского городского отдела НКГБ Эстонской ССР о борьбе с бандитизмом за июнь 1946 г.

⁷³ Там же, л. 250. В рапорте рядом с этим признанием красным карандашом поставлена пометка на русском языке «плохо».

⁷⁴ ERAF 131SM-1-39.

⁷⁵ Там же, л. 1.

⁷⁶ История Советских органов государственной безопасности. Учебник. Председатель ред. коллегии: В. М. Чебриков. Москва, 1977, с. 445.

⁷⁷ ERAF 131SM-1-109, отчеты отдела 2-Н МГБ ЭССР 2-му Главному управлению МГБ СССР за декабрь 1946 – май 1947.

следственных дел 19. По антисоветским буржуазно-националистическим партиям, организациям и группам агентурных дел 3 (10 членов), формулярных дел 26 и учетно-следственных дел 32.⁷⁸

Целью создания отдела 2-Н было повышение эффективности деятельности МГБ для скорейшего подавления движения сопротивления в Эстонии. В ноябре 1946 года новому отделу были переданы для разрешения все собранные 2-м отделом МГБ материалы по антисоветскому подполью, т. е. «лесному братству», и тайным организациям. В подчинение отдела 2-Н была перенаправлена и вся созданная для разработки банд и организаций агентура. К 1 апреля 1947 года в отделе 2-Н было зарегистрировано 120 агентов и 341 информатор.⁷⁹

Таким образом, к началу 1947 года наряду с отделом по борьбе с бандитизмом МВД был создан отдел 2-Н МГБ, с весьма схожими целями и задачами. Наибольшим различием между двумя отделами было то, что в компетенцию отдела 2-Н входили лишь случаи с политической подоплекой, а отделу по борьбе с бандитизмом приходилось кроме этого заниматься и разбойными бандами и другими криминальными группировками.

Переход отдела по борьбе с бандитизмом в подчинение МГБ Эстонской ССР

В начале 1947 года в организации работы органов госбезопасности Эстонской ССР произошли принципиальные изменения. На основании постановления Совета министров СССР № 101-48сс от 20 января 1947 года министры С. Круглов и В. Абакумов подписали 21 января 1947 года совместный приказ МВД и МГБ

СССР № 0074/0029, согласно которому МВД передал МГБ внутренние войска МВД в составе 68 582 человека вместе с вооружением, казармами, транспортом и прочим имуществом. МГБ СССР были переданы также 1-й и 2-й отделы Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР вместе с личным составом. В задачи 1-го отдела входила борьба с бандитизмом на Украине и в Молдавии, 2-го отдела – в Прибалтике и Белоруссии. Согласно совместному приказу, в структуры МГБ перешел весь аппарат МВД, до сих пор курировавший борьбу с бандитизмом в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, а также в западных регионах Украинской и Белорусской ССР. Как и внутренние войска, республиканские управления и отделы по борьбе с бандитизмом передавались с кадрами и всем материальным имуществом.⁸⁰

На остальной территории Советского Союза борьба с бандитизмом входила в компетенцию МВД до июля 1950 года, когда соответствующее главное управление перешло в подчинение МГБ.⁸¹ До этого времени в задачи 1-го отдела Главного управления по борьбе с бандитизмом входила борьба с (криминальным или разбойным) бандитизмом на Украине, в Молдавии, Белоруссии, Карелии, Калининградской, Ленинградской, Мурманской, Новгородской и Псковской областях. Отсутствие в этом перечне Эстонии, Латвии и Литвы еще раз подтверждает, что в республиках Прибалтики в послевоенные годы проблемой для советской власти была не организованная преступность, а националистическое сопротивление. Ярким доказательством этого служит и статистика МВД СССР, согласно которой из ликвидированных в 1946 году в СССР 1196 «связанных с националистическим

⁷⁸ Там же, л. 31.

⁷⁹ ERAF 131SM-1-109, л. 144.

⁸⁰ А. Кокурин. Органы НКВД-МБД СССР, с. 272.

⁸¹ На основании приказа МВД СССР от 4 февраля 1950 г. Главное управление по борьбе с бандитизмом было реорганизовано в Главное оперативно-следственное управление.

подпольем банд» лишь маргинальные 27 групп (2,2%) происходили не из «новых» республик (Украина, Белоруссия, Эстония, Латвия и Литва). А из задержанных в 1946 году 2895 уголовных банд 2427 (83,8%) представляли «старые» республики СССР, на долю Западной Украины пришлось 6%, на республики Прибалтики – лишь 5,6% общего числа разбойных банд.⁸²

Достаточно ясный ответ на вопрос, по каким причинам отдел по борьбе с бандитизмом вместе с агентурой и истребительными батальонами был в начале 1947 года передан госбезопасности, дают собственные документы отдела по борьбе с бандитизмом МВД Эстонской ССР. Террористические или политические банды составляли более 2/3 из ликвидированных отделом в 1946 году группировок (в 1946 г. из ликвидированных 155 банд разбойными были 45). К началу 1947 года ситуация не изменилась, и отряды сопротивления «лесных братьев» по-прежнему составляли подавляющее большинство значившихся на учете МВД банд. По состоянию на 1 января 1947 года в Эстонской ССР на учете состояло 36 банд с 206 членами. Из них 27 классифицировались как бандитско-террористические и 9 как бандитско-разбойные.⁸³ Из зарегистрированных 36 банд все были созданы еще в 1944–1945 годах. В 9 из них насчитывалось 2–3 члена, в 14 – 4–5 членов, в 10 – 6–10 членов и в трех – более 10 членов. Отдел по борьбе с бандитизмом насчитывал 1181 нелегала, из них 59 – бандиты-одиночки, 690 бывших членов Омакайтсе, 4 укрывателя и помощника бандитов, 108 дезертиров Советской армии, 38 уклоняющихся от службы в армии и 282 – прочий уголовный элемент.⁸⁴

С передачей отдела по борьбе с бандитизмом МВД Эстонской ССР в подчинение МГБ ЭССР был положен конец стран-

ной ситуации, когда основная тяжесть борьбы с вооруженным сопротивлением лежала на МВД и его отделе по борьбе с бандитизмом, а не на органах госбезопасности. В целом совместный приказ МВД и МГБ от 21 января 1947 года можно рассматривать как признание советской властью существования вооруженного движения сопротивления или «лесного братства». Деятельность отдела по борьбе с бандитизмом в 1944–1947 годах по линии МВД наряду с органами милиции явно служила интересам советской власти, стремившейся представить «лесных братьев» уголовными преступниками, жестокими грабителями и убийцами. Правда, для общественности эти интерпретация осталась неизменной и после 1947 года, но на уровне институтов в дальнейшем подобная фальсификация данных стала невозможной. Борьба с бандитизмом была четко поделена между МВД (аполитичная) и МГБ (политическая), и на юридическом уровне впервые пришлось отделять бандитов от бойцов сопротивления.⁸⁵

По документам переход отдела по борьбе с бандитизмом в подчинение МГБ определяла дата 21 января 1947 года, однако окончательный акт приема-передачи между министерствами был подписан лишь 11 марта 1947 года. В акте упоминается, что задержка была вызвана необходимостью проверить и уточнить все передаваемые агентурные дела, оперативные материалы и прочее имущество отдела. МГБ было передано 187 штатных должностей, в истребительных батальонах – 500. Из них укомплектовано было соответственно 154 и 276, иными словами, из МВД реально ушло 430 штатных работников. Агентурных дел было передано 67, дел формуляров 203, учетных дел 2698. Агентов 116, 24 резидента и 1240 инфор-

⁸² Елена Зубкова. «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны. – Отечественная история. 2007, № 2, с. 83–84.

⁸³ ERAF 17SM-4-63, л. 204.

⁸⁴ ERAF 17SM-4-32, л. 50–52.

⁸⁵ Уголовный кодекс РСФСР рассматривал бандитизм как антиобщественное преступление (§ 59-3) и тем самым аполитичное, политический характер имели контрреволюционные преступления (§ 58).

маторов. Наряду с прочим имуществом отдела в бухгалтерию МГБ был передан и 101 человек, арестованный по линии отдела и содержавшийся на момент передачи в тюрьмах МВД.⁸⁶

Переходу отдела по борьбе с бандитизмом в подчинение МГБ сопутствовали изменения в работе отдела. Директива Б. Кумма № 487 от 25 марта 1947 года установила, что впредь главным направлением деятельности отдела по борьбе с бандитизмом МГБ и уездных отделов МГБ является «борьба с политическим бандитизмом». Если в ходе агентурной разработки или расследования выяснялось, что дело не имеет политического характера, задержанных следовало передавать уездным отделам МВД, которые продолжали заниматься борьбой с уголовным бандитизмом.⁸⁷

В директиве министра госбезопасности № 487 задачи отдела по борьбе с бандитизмом и уездных отделений по борьбе с бандитизмом МГБ определялись следующим образом:

- 1) выявление, оперативная разработка и ликвидация организующих бандитизм антисоветских организаций и групп, бандитско-террористических и бандитско-диверсантских формирований, отдельных бандитов и их пособников;
- 2) оперативная разработка и преследование нелегалов, вне зависимости от вида преступления. Организация легализации нелегалов в сотрудничестве с партийными органами;
- 3) учет и агентурно-оперативная разработка легализованных, вне зависимости от вида преступления. Преследование вновь скрывающихся легализованных;
- 4) преследование и задержание дезертиров Советской армии, войск МГБ и истребительных батальонов;

- 5) конфискация вооружения, боеприпасов и взрывчатых веществ у местного населения, нелегалов и бандитов;
- 6) преследование и задержание преступников, совершивших преступления по политическим мотивам, как то: нападения на советских и партийных работников, членов истребительных батальонов, новопоселенцев, солдат войск МГБ и Советской армии;
- 7) расследование грабежей государственных учреждений (волостные исполкомы, кооперативные магазины и т. д.), совершенных политическими бандами, нелегалами, легализованными и прочим антисоветским элементом;
- 8) розыск пропавших без вести членов партийно-советского актива;
- 9) координация действий истребительных батальонов, организация охраны волостных исполкомов, кооперативных магазинов и др. государственных учреждений.

Согласно учебнику истории советских органов государственной безопасности для Высшей школы КГБ СССР, начало II этапа борьбы с националистическим подпольем и бандитскими формированиями отмечает постановление МГБ СССР № 00207 от 22 апреля 1947 года «О повышении эффективности борьбы с националистическим подпольем и связанными с ним вооруженными бандами в Украинской ССР». Там же отмечается, что вскоре были изданы аналогичные постановления и по другим союзным республикам. Время масштабных чекистских военных операций закончилось, с этих пор в ликвидации бандитских группировок следовало опираться на более эффективную агентурную работу.⁸⁸

Из отчета заместителя министра вну-

⁸⁶ ERAF 17SM-4-80, л. 81. Документы о передаче Отдела содержат по уездам списки членов истребительных батальонов и данные о вооружении, агентуре, делах отдела, взятых на учет группам сопротивления и т.д.

⁸⁷ ERAF 131SM-1-80, л. 46-47. См.: Peeter Väljas. Hävitusagendid. Mõningatest julgeolekuorganite operatiiv-agentuurtöö meetoditest metsavendadevastases võitluses sõjajärgsel perioodil. – Luuramisi. Salateenistuste tegevusest Eestis XX sajandil. Сост. Т. Ноормерс. Tallinn, 1999, с. 125.

⁸⁸ История Советских органов государственной безопасности, с. 471.

тренних дел Эстонской ССР А. Баранникова заместителю начальника Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР В. Прошину следует, что после реальной передачи отдела по борьбе с бандитизмом в подчинение МГБ созданное для работы с репатриантами 7-е отделение осталось в подчинении МВД. В соответствии с шифрованной телеграммой министра внутренних дел СССР С. Круглова № 63 от 27 марта 1947 г. «О разграничении функций органов по борьбе с бандитизмом и милиции в области бандитизма, краж, ограблений, убийств и других особо опасных преступлений», с 1 апреля 1947 года отделение по работе с репатриантами было реорганизовано в отделение по борьбе с бандитизмом МВД Эстонской ССР, а в уездных и городских отделах МВД были созданы группы по борьбе с бандитизмом. Соответствующая директива А. Резева от 3 апреля «Об организации групп по борьбе с бандитизмом в уездных и городских отделах МВД и разграничении функций групп по борьбе с бандитизмом и милиции», в основу которой легла телеграмма С. Круглова от 27 марта, подтверждала, что в задачи отделения по борьбе с бандитизмом и уездных групп отныне входит борьба с бандитской деятельностью, вооруженными ограблениями и другими особо опасными преступлениями, классифицируемыми по ст. 59-3 Уголовного кодекса РСФСР. Расследование всех нарушений закона, классифицируемых по другим статьям уголовного кодекса, следовало впредь передавать Уголовному розыску Управления

милиции.⁸⁹ После реорганизации в апреле 1947 года отделение по борьбе с бандитизмом и уездные группы продолжили также работу с репатриантами и оформление высылки на спецпоселение.⁹⁰

Начальником отделения по борьбе с бандитизмом МВД был назначен бывший начальник 7-го отделения отдела по борьбе с бандитизмом Арон Милявский. Временный состав отделения вместе с городскими и уездными группами был определен в 50 человек, из которых 16 вошли в расположенный в Таллине центральный аппарат.⁹¹

С передачей отдела по борьбе с бандитизмом в распоряжение МГБ поступила и вся агентура отдела. Поэтому с 1 апреля 1947 года первичной задачей отделения по борьбе с бандитизмом МВД стало создание новой агентуры в центре и во всех уездах. В апреле были завербованы 1 резидент и 11 информаторов, а в Таллине для начала конспиративной деятельности была приобретена квартира. За первый месяц работы отделение по борьбе с бандитизмом МВД ликвидировало 2 разбойные банды с 17 членами.⁹²

Самостоятельное отделение по борьбе с бандитизмом существовало в составе МВД ЭССР недолго. Из личного дела начальника отделения А. Милявского следует, что уже в сентябре 1947 года он был переведен на должность начальника отдела уголовного розыска Таллиннского управления милиции МВД ЭССР в связи с ликвидацией отделения по борьбе с бандитизмом.⁹³ Таким образом,

⁸⁹ ERAF 17SM-4-27, л. 65-66.

⁹⁰ ERAF 17SM-4-77, л. 25-30, отчет заместителя министра внутренних дел Эстонской ССР Баранникова заместителю начальника ОББ МВД СССР Прошину, май 1947 г.

⁹¹ ERAF 17SM-4-27, л. 67-71, список временного состава ОББ. В реальности все 50 должности заполнены не были. При передаче ОББ из ведения МВД в подчинение МГБ в качестве отдела репатриантов в ведении МВД осталось 50 штатных мест, из которых укомплектовано было 37. ERAF 17SM-4-80, л. 2.

⁹² ERAF 17SM-4-77, л. 25-30.

⁹³ ERAF 1-2-17239, Арон Милявский. Частые реорганизации и изменения были не вполне понятны и самим работникам органов госбезопасности. В деле А. Милявского есть записи, ошибочно утверждающие, что он работал до 1949 года в отделении по борьбе с бандитизмом. Там же записано, что в качестве начальника отделения по борьбе с бандитизмом А. Милявский проделал примерную работу по ликвидации вооруженных бандитско-разбойных и политических банд. Позже слово «политических» было вычеркнуто.

отделение по борьбе с бандитизмом, реорганизованное из отделения по работе с репатриантами отдела по борьбе с бандитизмом МВД, действовало всего 5 месяцев – с 1 апреля до 1 сентября 1947 года.

Наряду с новыми реорганизациями на несколько лет сложилась интересная ситуация: в Москве при МВД СССР существовало Главное управление по борьбе с бандитизмом, однако в Эстонской ССР соответствующего подразделения не было. Ликвидация отделения по борьбе с бандитизмом (точнее, присоединение его к уголовному розыску) была предсказуемым шагом, поскольку с самого начала отделение по борьбе с бандитизмом было в структуре МВД скорее искусственным формированием, чем созданным из реальной потребности подразделением. С большой долей уверенности можно утверждать, что на практике разделение задач отделения по борьбе с бандитизмом и милиции на основании только ст. 59-3 Уголовного кодекса РСФСР было делом крайне сложным, если не неосуществимым.⁹⁴

Для МВД передача отдела по борьбе с бандитизмом, истребительных батальонов и внутренних войск означало начало нового этапа развития, т.е. начало сдачи позиций Министерству госбезопасности. В сентябре 1949 года главное управление милиции и пограничные войска были переведены в структуры МГБ, а в следующем году МГБ были переданы воинские части особо важных промышленных объектов и железнодорожной охраны. В 1950 году из подчинения МВД СССР Мини-

стерству госбезопасности были переданы также Главное управление по борьбе с бандитизмом и его подразделения.⁹⁵

Объединение отдела по борьбе с бандитизмом МГБ Эстонской ССР и отдела 2-Н

Параллельное существование отдела по борьбе с бандитизмом и отдела 2-Н в составе МГБ Эстонской ССР было недолгим. Уже в июне 1947 года началась подготовка к объединению двух отделов. 18 июня Б. Кумм предложил ЦК КПЭ утвердить начальника отдела по борьбе с бандитизмом на должность начальника отдела 2-Н.⁹⁶ Бывший начальником отдела 2-Н с ноября 1946 года Э. Неелус был переведен с 10 июля 1947 года на должность начальника 2-го отдела МГБ.⁹⁷ Назначение на должность начальника отдела 2-Н Г. Живаги, видимо, свидетельствует о том, что ядром реорганизованного структурного подразделения стал, несмотря на смену названия, отдел по борьбе с бандитизмом, бывший крупнее по составу и имевший больший опыт работы по сравнению с отделом 2-Н. К сожалению, хранящиеся в Эстонии архивные материалы не содержат точных данных о личном составе и внутренней структуре отдела 2-Н в период с ноября 1946 до ноября 1947 года. В процессе слияния двух отделов МГБ в июне-июле 1947 года лучше просматривается структура отдела по борьбе с бандитизмом. Довольно хороший обзор дают составленные в июне 1947 года документы о кадровом составе отдела.⁹⁸

⁹⁴ Из регистров репрессированных лиц (составлен на базе данных 34620 лиц и применения 50544 статей) выясняется, что в 1940–1955 годах статья УК 59-3 использовалась в общей сложности 234 раза (в т.ч. в 1944 г. 10 раз, в 1945 г. 45 раз, 1946 – 38 раз, в 1947 – 42, 1948 – 31, 1949 – 34 раза, в 1950 г. 9 раз), что составляет 0,46% от общего числа применения. Nõukogude okupatsioonivõimu poliitilised arreteerimised Eestis, II. Соост. Л. Ыйспу. Tallinn, 1998, D20–D21.

⁹⁵ V. Ohmann. Eesti NSV Siseministeeriumi, с. 29–30, 39–41.

⁹⁶ ERAF 1–6–5746. Г. Живага оставался начальником отдела 2-Н до 17 апреля 1948 г. затем был отозван в Москву.

⁹⁷ ERAF 1–2–23062, Эдуард Неелус.

⁹⁸ ERAF 131 SM–1–87, л. 179, кадровый состав ОББ Эстонской ССР по состоянию на 20 июня 1947 г.

Таблица 2. Личный состав отдела по борьбе с бандитизмом МГБ ЭССР в 1947 году.

Личный состав ОББ МГБ	Отдел по борьбе с бандитизмом		Периферия	
	Переведено из МВД 01.03. 1947.	На учете 20.06. 1947.	Переведено из МВД 01.03. 1947.	На учете 20.06. 1947.
1. Начальник отдела	1	1	–	–
2. Зам. начальника отдела	2	1	–	–
3. Секретарь	1	–	–	–
4. Машинистка	2	2	2	3
5. Начальник отделения	7	6	9	9
6. Зам. начальника отделения	1	1	–	–
7. Старший оперуполномоченный	7	7	10	10
8. Оперуполномоченный	7	7	10	10
9. Помощник оперуполномоченного	1	1	1	1
10. Старший следователь	3	2	–	–
11. Следователь	3	3	–	–
12. Младший следователь	4	4	–	–
13. Переводчик	2	1	–	–
14. Волостной оперуполномоченный	–	–	57	51
15. Разведчик	1	1	–	–
16. Старший радиооператор	2	2	–	–
17. Радиооператор	4	4	–	–
Всего	48	43	89	84

Вышеприведенные данные позволяют заключить, что весной 1947 года после перехода отдела по борьбе с бандитизмом в состав МГБ заметных изменений в структуре отдела не произошло. Отдел по-прежнему разделялся на шесть отделений (7-е отделение по работе с репатриантами осталось в составе МВД), при городских и уездных отделах министерства продолжали работать отделения по борьбе с бандитизмом, состоящие из 3–4 оперативных работников. Сохранилась также должность волостного оперуполномоченного, хотя из запланированных в 1946 году 100 мест волостных уполномоченных к лету 1947 года была заполнена только половина (51).

Как отмечалось выше, ко времени передачи ОББ в подчинение МГБ в 11 истребительных батальонах из 500 штатных мест было также укомплектовано чуть более половины (276), в общей сложности в марте 1947 года МВД передало МГБ 6895 членов истребительных батальонов. К моменту объединения ОББ и отдела 2-Н это соотношение существенно не улучшилось, к 1 июля 1947 года на учете в подчиняющихся теперь уже отделу 2-Н истребительных батальонах состояли 6650 мужчин и женщин, из них 307 – на окладе.⁹⁹ Бойцов истребительных батальонов по-прежнему задействовали в основном при поиске отрядов «лесных

⁹⁹ ERAF 131SM–1–107, л. 91, отчет отдела 2-Н НКГБ Эстонской ССР 2-му управлению НКГБ СССР о борьбе с бандитизмом и антисоветской деятельностью за июль 1947 г.; ERAF 131SM–1–87, л. 178.

братьев» или на охране государственных предприятий. По данным МГБ, членов истребительных батальонов использовали в июне 1947 года в 76 полевых операциях и 57 засадах, в ходе которых

задержано 9 и убито 3 бандитов и нелегалов.¹⁰⁰

К 1 июля 1947 года были объединены агентуры отдела по борьбе с бандитизмом и отдела 2-Н.¹⁰¹

Таблица 3. Агентура отдела 2-Н МГБ Эстонской ССР в 1947 году.

	Переведено из МВД 01.03.1947.	На учете ОББ 20.06.1947.	На учете в отделе 2-Н 01.07.1947.
Резидентов	24	18	35
Агентов	116	119	252
Информаторов	1240	1061	1443
Конспиративных квартир	–	1	7

В учетно-архивном отделе «А» МГБ в течение июля 1947 года было перерегистрировано еще 5 бывших резидентов ОББ и 3 информатора, которых присоединили к агентуре отдела 2-Н.¹⁰²

Несомненно, объединение отдела по борьбе с бандитизмом и отдела 2-Н означало значительное улучшение обмена информацией, что позволяло представлять в Москву более точные доклады о борьбе с «антисоветским подпольем» и «его вооруженными бандами». После объединения отделов на основании хранящихся в Эстонии архивных материалов начиная с 1947 года можно проследить деятельность органов госбезопасности по раскрытию и задержанию «антисоветских подпольных организаций», которая в более ранних материалах МВД и отдела по борьбе с бандитизмом, как правило, не отражается. Так, из составленных в начале 1948 года отчетов отдела 2-Н явствует, что уже в январе 1947 года госбезопасности было

известно о 17 действующих в Эстонии организациях сопротивления, объединявших 63 человека.¹⁰³

Согласно справке от начала 1950 года, отдел 2-Н МГБ включал 5 отделений:¹⁰⁴

- 1) 1-е отделение – слежение за руководящими деятелями буржуазно-националистического подпольного движения;
  - 2) 2-е отделение – борьба с буржуазно-националистическими организациями и вооруженными формированиями в Таллинне, Нарве и шести уездах (перечень уездов отсутствует);
  - 3) 3-е отделение – борьба с буржуазно-националистическими организациями и вооруженными формированиями на территории остальных уездов;
  - 4) 4-е отделение – контроль за обучением истребительных батальонов, оперативное использование и руководство ими;
  - 5) 5-й отдел – учет и информация.
- Вероятно, вышеприведенная структу-

¹⁰⁰ ERAF 131SM-1-107, л. 91.

¹⁰¹ ERAF 131SM-1-87, л. 155, 177, 273; ERAF 131SM-1-98, л. 107-108.

¹⁰² ERAF 131SM-1-107, л. 102-103.

¹⁰³ ERAF 131SM-1-98, л. 1-8, статистические отчеты о работе отдела 2-Н НКГБ Эстонской ССР за 1947 г.

¹⁰⁴ ERAF 131SM-1-244 I к, л. 89-90.

ра отдела 2-Н была создана сразу после объединения с отделом по борьбе с бандитизмом, что подтверждают и списки оперативных работников отдела по состоянию на 1 февраля 1948 года.¹⁰⁵ С июля 1947 года основная тяжесть подавления движения сопротивления в Эстонии была полностью возложена на отдел 2-Н МГБ.

Объединение отдела по борьбе с бандитизмом и отдела 2-Н в июне–июле 1947 года положило конец многолетней практике советской власти, когда ответственность за подавление движения сопротивления в Эстонии была четко поделена между разными отделами двух министерств. Первым серьезным шагом в этом направлении можно считать привлечение НКГБ к участию в масштабных операциях против «лесных братьев» весной 1945 года. Перевод отдела по борьбе с бандитизмом в состав МГБ в начале 1947 года окончательно подтвердил, что «лесные братья» в Эстонии были не разбойниками, а борцами эстонского движения сопротивления.

Исследование осуществлено в рамках гранта Научного фонда Эстонии № 7523 «Управление Эстонской ССР: институциональное развитие и функционирование властной структуры (1944–1964)»

Пеару Кууск

(1974)

Магистр истории (2005), докторант Института истории и археологии Тартуского университета.

Область исследований: движение сопротивления после II мировой войны и коммунистические репрессии.

¹⁰⁵ ERAF 131SM–1–98, л. 115. К спискам прилагаются данные о том, с какими агентурными делами и агентами связаны оперативные работники 1-го, 2-го и 3-го отделений отдела 2-Н.

О роли Коммунистической партии Эстонии в проведении мартовской депортации 1949 года

Меэлис Саузаук

Из послевоенных репрессий самый жестокий удар по Эстонии нанесла проведенная Министерством государственной безопасности (МГБ) в Литве, Латвии и Эстонии в марте 1949 года операция «Прибой», в ходе которой только из Эстонии были насильственно вывезены во внутренние области Советского Союза более 20 000 человек, в основном женщины, дети и старики. К этому времени в результате 30-летней практики репрессий у советского руководства сложилась «политика депортаций» и отработанная до мелочей технология их проведения.¹ Начиная с середины 1930-х годов решения о депортациях, даже наиболее мелких, принимались на самом высоком уровне, с некоторыми исключениями во время войны, когда право принятия решений делегировалось военным властям.

Как известно, в только что аннексированной Эстонии первая массовая депортация прошла в июне 1941 года, поэтому эстонский народ опасался новой «сибирской ссылки» сразу после занятия Эстонии

Красной армией в 1944 году. Однако, хотя в 1945 году по Эстонии прокатилась самая массовая волна арестов, а затем арестам подверглись члены семей участников сопротивления, лица немецкой национальности и другие люди, массовых депортационных операций против семей поначалу не проводилось.

Целью настоящей статьи является рассмотрение в свете проведенных ранее и в последнее время исследований значения и роли партийных органов в проведении мартовской депортации. Мартовская депортация – наиболее изученная из проведенных в Эстонии сталинских репрессий, при этом исследования в основном сосредоточивались на выявлении жертв и их судеб.² Наибольший вклад в изучение этой темы внесла Айги Рахи-Тамм, которая описывала также проведение операции.³ В масштабе всех стран Балтии ход операции «Прибой» рассматривал латвийский исследователь Хейнрих Стродс.⁴

О роли партийного аппарата в депортациях писали еще в советский период

¹ Сталинские депортации 1928–1953. Под ред. академика А. Н. Яковлева; сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. Москва, 2005, с. 10.

² Список депортированных см.: Represeeeritud isikute registrid. Raamatud 4–5. Küüditamine Eestist Venemaale. Märtsiküüditamine 1949. Сост. Л. Ёйиспуу. Tallinn, 1999.

³ См.: Aigi Rahi. 1949. aasta märtsiküüditamine Tartu linnas ja maakonnas. Tartu, 1998; Aigi Rahi-Tamm. Küüditamised Eestis. – Eestlaste küüditamine. Mineviku varjud tänases päevas. Artiklid ja elulood. Tartu, 2004 (по-английски: Deportations in Estonia, 1941–1951. – Soviet deportations in Estonia: Impact and Legacy. Articles and Life Histories. Tartu, 2007).

⁴ Heinrich Strods, Matthew Kott. The File on Operation «Priboi». A Re-Assessment of the Mass Deportations of 1949. – Journal of Baltic Studies. 2002, № 1, с. 1–36.; Хейнрих Стродс. Депортация населения Прибалтийских стран в 1949 году. – Вопросы истории. 1999, № 9, с. 130–135.

– главным образом, в связи с руководящей ролью партии в государстве и ее деятельностью в рамках коллективизации и сопутствующей ей «классовой борьбы», поэтому эти исследования несут на себе печать своего времени.⁵ Однако, по мнению автора настоящей статьи, депортации нужно рассматривать не как главный инструмент коллективизации в сельском хозяйстве, а как попытку окончательно ликвидировать сопротивление советской власти в уездах Эстонии. К сходному выводу пришла и российская исследовательница Елена Зубкова, по мнению которой операция «Прибой» задумывалась как «широкомасштабная и многоцелевая акция, призванная ликвидировать социальную базу сопротивления политике советизации на всей территории Прибалтики».⁶

Как поддерживающие, так и осуждающие действия коммунистов авторы подчеркивают руководящую роль московского партийного центра по направлению деятельности компартии Эстонии, которую можно рассматривать как территориальный орган всесоюзной коммунистической партии. В постсоветской историографии актуальность в первую очередь приобрел вопрос о деятельности и ответственности за депортации тогдашнего руководителя эстонской компартии Николая Каротамма, что является также одной из важнейших тем настоящей статьи. Роль Каротамма оценивалась весьма по-разному:

его считают либо отторгнутым от реального руководства подставным лицом, от которого по сути не зависело ни начало, ни предотвращение депортации, либо чиновником, несущим ответственность за развитие событий, который делал даже больше, чем от него требовалось. Первую позицию разделяют, например, Калев Таммисту, Эвальд Лаази и др., вторую – Херберт Лиги и Лембит Райд.⁷

Практическая деятельность компартии при подготовке и проведении операции по депортации рассматривалась меньше, здесь основными вопросами являются информированность и процесс вовлечения партийных органов, а также возможное направление депортации и определение подлежащих депортации лиц местными партийными активистами. Эрвин Кивимаа пришел к выводу (в соответствии с принципами послесталинской советской историографии), что «кампания по высылке за пределы республики кулацких элементов и врагов народа проводилась в период расцвета культа личности органами госбезопасности в порядке военной операции, при этом деятельность последних выходила из-под контроля партийных органов».⁸ Однако изучение связей между партийными органами и руководившим операцией МГБ довольно четко выявляет поддерживающую роль партийных органов.⁹ Следует отметить и множество публикаций источников, раскрывающих роль партии в депортациях.¹⁰

⁵ См. например: Ervin Kivimaa. EKP tegevus vabariigi põllumajanduse kollektiviseerimisel aastail 1944–1950. Диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. Tartu, 1970; Эрвин Кивимаа. Переломные годы в прибалтийской деревне. Деятельность КП Литвы, Латвии и Эстонии по коллективизации сельского хозяйства. Таллин, 1986.

⁶ Елена Зубкова. Прибалтика и Кремль. 1940–1953. Москва, 2008, с. 180.

⁷ Kalev Tammistu. Tasalülitamine. – Õhtuleht, 1989, 26.04.–18.08.1989; Herbert Ligi. Ääremärkusi küüditamise ajaloole, III. N. Karotamm ja küüditamine. – Kleio. 1991, № 3, с. 6–10; Lembit Raid. Kas peremees või käsualune? Parteiarhiivi materjalidest, III. – Kleio. Ajaloo ajakiri. 1995, № 2, с. 46, 47.

⁸ E. Kivimaa, EKP tegevus, с. 271.

⁹ См. например: Andres Kahar. Eesti NSV Riikliku Julgeoleku Ministeeriumi tegevus 1949. a märtsiküüditamise ettevalmistamisel Saaremaa osakonna näitel. Bakalaureusetöö. Руководительница А. Рахи-Тамм. Tartu Ülikool, Tallinn, 2007.

¹⁰ Eesti NSV põllumajanduse kollektiviseerimine. Dokumentide ja materjalide kogumik. Главный редактор Э. Тынурист. Tallinn, 1978; Märtsivapustused. Сост. М. Аролд. Tallinn, 1995; Valdur Ohmann, Tõnu Tannberg. Dokumente 1949. aasta märtsiküüditamisest. – Akadeemia. 1999, № 3–12.

Взаимоотношения чекистов и партийного аппарата в Эстонской ССР

Послевоенный период сталинизма представляет собой фазу насильственной советизации, в которой центральную роль играли репрессивные органы. В послевоенные годы сформировались взаимоотношения работников органов госбезопасности, *чекистов*, проводивших репрессии, и местной партийной верхушки, *большевиков*, проводившей политику Москвы. Эти взаимоотношения должны были развиваться по предписанным Кремлем правилам. В Эстонии (как и в Литве и Латвии) по всей республике формировались контрольные механизмы.¹¹

Хотя, согласно уставу партии, партийные органы не имели права контролировать работу министерств, Центральный комитет Коммунистической партии (большевиков) Эстонии отвечал перед руководителем партии и правительства Иосифом Сталиным за ход советизации в Эстонии. Первый секретарь должен был отвечать за руководство во всех областях и поддерживать контакты с органами госбезопасности в республике. Центральный комитет должен был утверждать на должности руководящих работников МГБ ЭССР (правда, не известны факты об отклонении какой-либо из представленных МГБ кандидатур), помогать в комплектации кадров, контролировать работу партийного комитета МГБ и время от времени на бюро ЦК напоминать о важнейших политических задачах (точнее, об их невыполнении, как это происходило в последнее время в ходе борьбы с *бандитизмом*, или вооруженным сопротивлением). Следует подчеркнуть, что все делопроизводство в связи с госбезопасностью было секретным и велось на русском языке.

Связующим звеном между КП(б)Э и

органами государственной безопасности было то, что министр госбезопасности ЭССР генерал-майор Борис Кумм являлся также и членом Бюро ЦК КП(б)Э – высшего местного партийного органа. Немаловажен и тот факт, что министр госбезопасности Кумм был соратником и доверенным лицом 1-го секретаря ЦК КП(б)Э Николая Каротамма – это было отмечено и в Москве.

По партийной линии Эстонию после смерти Андрея Жданова (31 августа 1948) курировал секретарь ВКП(б) и заместитель председателя Совета министров СССР Георгий Маленков, в то же время министр Б. Кумм подчинялся министру государственной безопасности СССР генерал-полковнику Виктору Абакумову. По сложившейся практике Кремль больше доверял своим эмиссарам, которые официально занимали посты заместителей вышеназванных руководителей. По партийной иерархии представителем Кремля в Эстонии был тогдашний второй секретарь ЦК КП(б)Э Георгий Кедров, в МГБ оперативное руководство поддерживали первый заместитель министра Б. Кумма полковник Павел Пастельняк и заместитель министра полковник Александр Михайлов.

Роль партийных функционеров в планировании мартовской депортации

К сожалению, даже сейчас невозможно точно сказать, от кого исходила инициатива проведения массовой депортации 1949 года. Очевидно, что инициатора следует искать либо в рядах чекистов, либо среди партийных чиновников, но это довольно большая группа. Для чекистов к этому времени депортация была уже рутинным методом по ликвидации вражеских элементов. В то же время, переписка по

¹¹ Tõnu Tannberg. Moskva institutsionaalsed ja nomenklatuursed kontrollmehhanismid Eesti NSVs sõjajärgsetel aastatel. – Eesti NSV aastatel 1940–1953. Sovietiseerimise mehhanismid ja tagajärjed Nõukogude Liidu ja Ida-Euroopa arengute kontekstis. Сост. Т. Таннберг. (Eesti Ajalooarhiivi toimetised, 15 (22)). Tartu, 2007, с. 225–272.

этому вопросу между Лубянской и Старой площадью исследователям недоступна.

В ходе советизации сельского хозяйства на пути создания колхозов¹² стояло экономически самостоятельное крестьянство, политически и юридически обозначаемое русским словом *кулак*, в большевистском контексте это означало, что репрессирование этих людей было лишь вопросом времени. Первой мерой стало обложение *кулаков* повышенными налогами, что должно было постепенно привести к вымиранию зажиточных хозяйств.¹³ Партийные чиновники должны были изучить вступающих в колхозы и позаботиться о том, чтобы *кулаки* в колхозы не попали.¹⁴ Что оставалось тем хуторянам?

Переписка партийного аппарата свидетельствует, что в начале 1948 года инспекторы рапортовали в Москву, что колхозному строительству «в Прибалтийских республиках препятствуют буржуазные националисты и их вооруженные банды», их противодействие и «система хуторов» как таковая.¹⁵ К этому же времени относится (принятое, видимо, под давлением из Москвы) постановление Бюро ЦК КП(б)Э от 26 января 1948 года «О работе партийных организаций по созданию колхозов в Эстонской ССР»: создание колхозов названо «важнейшим мероприятием», в котором должны активно участвовать партийные организации. Направленная против кулаков деятельность должна была заключаться в разъяснительной работе среди потенциальных колхозников, «которая смело

разоблачает антиколхозную деятельность кулаков и последствия фашистской анти-советской и антиколхозной пропаганды, а также разоблачает вражескую «теорию» буржуазных националистов и кулаков о невозможности создания колхозов в условиях хуторского землепользования».¹⁶

Калев Таммисту утверждал, что о депортации как способе решения проблемы кулаков Каротамму и Веймеру сообщили из Москвы еще в конце 1948 года.¹⁷ Это могли быть общие слова, поскольку дело только начали обсуждать в Совете министров ЭССР и в ЦК КП(б)Э.¹⁸ В октябре 1948 года Каротамм поставил перед председателем Совета министров ЭССР Арнольдом Веймером задачу разработать предложения по «ликвидации кулачества как антиколхозного элемента», затем последовало предложение выслать кулаков с их местожительства в регионы сланцедобычи и лесозаготовок в Эстонской ССР, которое, однако, не нашло одобрения Кремля. Но это предложение стало одним из обвинений против Каротамма и Веймера в 1950 году. Оценивать это предложение можно двояко: К. Таммисту видит здесь проявление гуманизма Каротамма, поскольку это было более человечное предложение, чем ссылка в Сибирь; Х. Лиги утверждает, что это была попытка вербовки местной рабочей силы вместо ввозимой из-за пределов Эстонии, т. е. скорее прагматичные соображения.¹⁹ Представляется, что это предложение в первую очередь исходило из потребно-

¹² Об организации колхозов на основании решения оргбюро ЦК КП(б)Э от 16 апреля 1947 года см.: Е. Зубкова. Прибалтика и Кремль, с. 177–179.

¹³ Признаки кулацких хозяйств и процесс признания кулаком см.: Постановление Совета министров ЭССР № 654 от 30.08.1947 «*Talumajapidamiste maksustamisest Eesti NSVs*». – ENSV Teataja. 1947, № 25, 411–415. Это постановление было принято на основании постановления № 2874 Совета министров СССР от 17 августа 1947 года.

¹⁴ КП(б)Э постоянно делегировала вниз требование вытеснения кулаков из колхозов, см. например: Об изменении порядка создания колхозов в Эстонской ССР. Выдержки из протокола заседания Бюро КП(б)Э, 22.9.1948. – *Eesti NSV põllumajanduse kollektiviseerimine*, с. 386–387.

¹⁵ РГАСПИ 17–88–899, л. 120Г, Борков А. Жданову, 1948.

¹⁶ *Eesti NSV põllumajanduse kollektiviseerimine*, с. 277–280.

¹⁷ К. Tammistu. *Tasalülitamine*, 12.

¹⁸ *Märtsivapustused*, с. 59.

¹⁹ К. Tammistu. *Tasalülitamine*, 12.

сти в рабочей силе, на что в дальнейшем указывал и Каротамм.²⁰ По мнению автора этих строк, дело может быть в неверно понятом намеке из Москвы, а не в желании сдержать Сталина – у Каротамма не могло быть иллюзий по поводу такой возможности.

В январе 1949 года Каротамм находился в Москве, в Центральном комитете ВКП(б), где обсуждалась ситуация в колхозном строительстве. Это была неординарная поездка, кульминацией ее должна была стать встреча со Сталиным. Можно довольно уверенно утверждать, что к тому времени Кремль взял курс на углубление советизации, но, как показывает и более ранняя практика, для ее проведения требовалась формальная инициатива с мест. Каротамм признавал, что сделал предложение о «высылке кулаков», т.е. депортации из Эстонской ССР в СССР, после обсуждения вопроса кулачества в ЦК ВКП(б).²¹ В Москве 15 января он написал Маленкову и другим справку, в которой третьим и последним пунктом предлагал ЦК ВКП(б) выслать из Эстонской ССР кулаков, их семьи и некоторые «враждебные советской власти элементы» (всего 18–20 тысяч человек), а их имущество передать колхозам.²² Согласно этому документу, в Эстонской ССР выявлено 5500 семей кулаков.

В числе прочего, Каротамм предлагал создать для принятия решений республиканскую пятерку, в которую должны были войти председатель Совета министров ЭССР, секретарь ЦК КП(б)Э, министр госбезопасности (МГБ), министр внутренних дел и прокурор республики.²³

Создание пятерки означало бы передачу права решения о подлежащих депортации людях местным чиновникам, в том числе самому Каротамму, что, как будет видно далее, не устраивало Сталина. Х. Лиги отмечал, что создание пятерки означало бы передачу руководства операцией Каротамму, что еще увеличило бы его власть.²⁴ Из предложения Каротамма следовало, что большинство высылаемых составят семьи кулаков (около 16 500 человек), хотя в действительности большинство депортированных составили семьи *националистов*, в число которых вошли и близкие «лесных братьев» (для сравнения: в Латвии т.н. националисты составили около 1/3 депортированных²⁵). Каротамм предоставил окончательное решение московским товарищам и предложил в качестве альтернативного варианта, «если вопрос о высылке кулаков из Эстонской ССР не будет положительно решен в ближайшее время», применить в их отношении ограничения паспортного режима, запрет на проживание в определенных районах и т.д.

17 января Сталину как председателю Совета министров СССР было написано секретное письмо того же содержания, в котором от имени Центрального комитета КП(б)Э просили помощи и инструкций от ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР в общей сложности по 14 пунктам. В третьем пункте говорится, что «в отношении кулаков мы до сих пор проводили политику ограничения и вытеснения. Однако пришло время сделать поворот в этой политике и ликвидировать в Эстонской ССР кулачество как класс, выслать кулаков и членов их семей, а также семьи пособни-

²⁰ ERAF 1–4–890, л. 300, речь Н. Каротамма на VIII пленуме ЦК КП(б)Э, 24.03.1950.

²¹ Märtsivapustused, с. 61.

²² ERAF 1–14–66, л. 1–6, справка о состоянии и очередных задачах строительства колхозов в Эстонской ССР, 15.01.1949.

²³ Тогда эти посты занимали соответственно Арнольд Веймер, Н. Каротамм, Б. Кумм, Александр Резев и Каарел Паас – назначенные Кремлем политические фигуры. Все, кроме Каротамма, – бывшие политзаключенные в Эстонской Республике.

²⁴ H. Ligi. Ääremärkusi, с. 8.

²⁵ Iveta Skinke. Deportation of Latvian Citizens on March 25, 1949. A Structural Analysis. Доклад на Вильнюсской международной конференции в мае 2008 г., во владении автора.

ков немецких оккупантов за пределы республики. Эту высылку следует тщательно подготовить и провести до весеннего сева 1949 года. Очень важно провести это мероприятие одновременно в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР».²⁶ Интересно, что речь больше не идет о «враждебных советскому строю элементах», что, несомненно, более широкое понятие, чем «пособники немецких оккупантов». Очевидно, что предложение о высылке было предварительно согласовано с первыми секретарями ЦК литовской и латвийской компартий Антанасом Снечкусом и Янисом Калнберзиньшем, которые также находились в то время в Москве.

18 января в 22.05 партийные руководители Латвии, Эстонии и Литвы вошли в кабинет Сталина, где находились и другие члены советского руководства, и доложили важнейшие вопросы по коллективизации. Из записей Каротамма об этой беседе видно, что о депортации говорили все руководители партии, при этом Сталин выяснял, уверены ли они в необходимости депортации. Наконец Сталин сказал: «Вышлем их! Но это надо сделать быстро, чтобы деревня нервничала недолго». Сталин поддержал и передачу имущества депортированных колхозам, сказав, что и хуторян надо вовлечь в это дело против кулаков. Обсуждались и другие темы, а в завершение обсуждения Сталин поставил перед своим заместителем в Совете министров СССР Лаврентием Берией задачу решить вопросы «высылки кулачества» вместе с МГБ и МВД СССР.²⁷

В конце января в Москве «на ковре»

у своего начальника Абакумова побывал и министр госбезопасности ЭССР Кумм, который доложил о ходе коллективизации в ЭССР и мероприятиях по борьбе с кулацкими, буржуазно-националистическими и бандитскими элементами в деревне.²⁸ Конечно, суть доклада заключалась не в том, что Кумм и МГБ ЭССР будут организовывать колхозы. Очевидно, эта встреча была подготовкой к организации депортации. В докладе среди прочего говорилось, что все выявленные кулаки взяты на учет МГБ, на их обработку направлена агентура, а начальникам уездных отделов МГБ ЭССР дано распоряжение провести анкетирование всех семей «кулаков, пособников немцев, бандитов и их пособников». Напрямую о депортации речь в этом докладе не шла, что означает, что эта тема должна была стать в Москве неожиданностью для Кумма. В Москву по спецсвязи были вслед направлены также точные цифры депортируемых по категориям – Кумму и заместителю Абакумова Сергею Огольцову по отдельности; копии этих списков, как ни удивительно, сохранились в деле КГБ «Справки о результатах борьбы с бандитизмом за 1949 год».²⁹

Как известно, решение об одновременной депортации из Эстонской, Латвийской и Литовской ССР было подготовлено постановлением Совета министров СССР от 29 января 1949 года, которым задача по проведению высылки возлагалась на министра госбезопасности СССР Абакумова.³⁰ Неизвестно, было ли решение о депортации письменно оформлено и со стороны ЦК ВКП(б), так сказать «по пар-

²⁶ ERAF 1–14–66, л. 1–14; Eesti NSV põllumajanduse kollektiviseerimine, с. 489–494.

²⁷ ERAF 9607–1–302, запись Н. Каротамма беседы со Сталиным, 18.01.1949.

²⁸ ERAF 131–1–182, л. 1–28, доклад (копия) датирован 20.01.1949, как и отметка «Взято лично министром Т. Куммом в Москву».

²⁹ ERAF 131SM–1–138, л. 3–5.

³⁰ Постановление Совета Министров СССР № 390–138СС «О выселении с территории Литвы, Латвии и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализовавшихся бандитов, продолжающих вражескую деятельность, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов», 29 января 1949. История сталинского ГУЛАГа. Т. 1. Массовые репрессии в СССР. Отв. ред. Н. Верт, С. В. Мироненко. Москва, 2004, с. 517–519.

тийной линии», и какие конкретные задачи руководство ВКП(б) возложило на партийные органы.

Подводя итоги вышесказанного и не желая оставаться «в плену» доступных документов, можно произвести гипотетическую реконструкцию планирования депортации. К концу 1948 – началу 1949 года у руководства СССР созрело решение широко-масштабно и окончательно решить вопрос коллективизации и – шире – ликвидации сопротивления советской власти в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР путем депортации соответствующей категории населения. Руководство СССР не было удовлетворено поступившими из этих союзных республик предложениями, и в январе 1949 года партийных руководителей, бывших также и территориальными лидерами, вызвали в Москву под предлогом обсуждения вопроса коллективизации. После некоторой обработки и консультаций в Центральном комитете ВКП(б) было подготовлено предложение о депортации: руководству СССР это было нужно, чтобы связать руководителей союзных республик с готовящейся операцией по депортации, в которой они активно участвовали. Далее организацию депортации продолжил уполномоченный Сталиным Берия, делегировавший дальнейшие шаги курируемым им МГБ и МВД. Непосредственно после этого в Москву к министру госбезопасности СССР под схожими предложениями вызвали министров госбезопасности Эстонской, Латвийской и Литовской ССР, которым сообщили о принятом решении, с ними обсудили организационную сторону планируемой операции и определили категории³¹ и количества депортируемых семей, а затем было разработано соответствующее постановление Совета министров СССР и организационные приказы МГБ.

Участие в депортации партийных чиновников и рядовых членов партии

По сохранившимся весьма отрывочным материалам видно, что, вернувшись в Таллинн, Каротамм не спешил широко освещать решение о депортации в Центральном комитете КП(б)Э и в партийных организациях, да он и не получил на это разрешения от Москвы. В то же время, Каротамм не остался в стороне от практических вопросов организации депортации, о чем свидетельствуют его рукописные заметки, которые пытался расшифровать Лембит Райд, и которые, с большой долей вероятности, относятся ко времени после встречи со Сталиным.³² Как следует из заметок, в период подготовки депортации Каротамм контактировал по этому вопросу прежде всего с Берией. Вместе с председателем Совета министров Веймером он направил в Москву Берии шифровку о масштабах депортации – 7500 семей и до 22 500 человек. К этому времени эти данные через МГБ уже имелись у связанных с делом людей в Москве, Каротамм и Веймер сами могли получить названные данные только через МГБ ЭССР, поскольку сведения о категориях прочих, не кулацких, семей «антисоветских элементов (националистов)» имелись прежде всего в МГБ. Неизвестно, были ли заметки об организационной стороне депортации инструкциями Берии Каротамму или совместно подготовленными инструкциями для передачи МГБ ЭССР.

В Таллинне подготовили постановление Совета министров ЭССР от 14 марта «о высылке кулаков», подписанное Веймером, которое впоследствии предъявляли семьям кулаков в качестве основания для депортации (националистов и людей других категорий этот документ, как и

³¹ Кроме кулаков были и другие основные категории – *националист* и *бандит* в политическом смысле (будучи одновременно криминализован чужой властью); первый означал противника верховной власти СССР (и сторонника независимости Эстонии), второй – лицо, оказывавшее сопротивление советской власти или скрывалось с оружием в руках или в составе вооруженного отряда. Криминальным бандитизмом (вооруженные ограбления и т.д.) занималось в то время МВД, их депортация не коснулась.

³² L. Raid. Kas peremees, с. 46.

решение Совета Министров Латвийской ССР, не касался). В 1950 году Веймер сам отрицал свое участие в депортации и ее подготовке, утверждая, что во время подготовки депортации его вообще не было в Эстонии, а когда он вернулся, «все руководство этой работой было сосредоточено в руках Каротамма, и (Веймер) участвовал в этой работе в последние дни только как член Бюро (КП(б)Э)».³³

В центре руководства операций – в оперативном штабе республиканского МГБ – представителей КП(б)Э не было.³⁴ На уровне уездов в составе штабов был предусмотрен уполномоченный от ЦК КП(б)Э и СМ ЭССР, данных о том, что в штаб входили и секретари (председатели) уездных комитетов, нет.³⁵ Для назначения уполномоченных от ЦК КП(б)Э и СМ ЭССР Каротамм созвал в марте руководящих партийных и государственных деятелей ЭССР на инструктаж в Центральный комитет, где им сообщили о «высылке кулаков», обосновали ее и сообщили об их назначении в уезды для поддержки проведения операции.³⁶ МГБ видело в членах местных партийных организаций (использовалось более широкое понятие советско-партийный актив, включающее и доверенных работников административных органов), прежде всего, резерв живой силы для проведения операции. Отдельно в качестве вспомогательной силы рассматривался истребительный батальон.

В общей сложности, МГБ планировало привлечь к операции 9375 партийных активистов и проверенных колхозников, о чем Кумм доложил и Каротамму.³⁷

Хотя МГБ предусматривало привлечение местного партийного актива к задержанию депортируемых, уездные партийные секретари узнали об операции лишь непосредственно перед ее началом. Из соображений конспирации собрания местных партийных ячеек МГБ также не проводились, поскольку через участвовавшего в собрании представителя уездного комитета партии могла просочиться информация о готовящейся операции.³⁸ Местный партактив созвали под различными ложными предлогами (в основном обсуждение весеннего сева) и проинструктировали о проведении операции. Партийные активисты должны были входить в группы по задержанию, т. н. оперативные группы, в качестве проводников, переводчиков и переписчиков имущества. То, насколько активно активисты участвовали в операции, зависело от руководителя группы и самого партийца.

После операции МГБ проинформировало Каротамма о результатах депортации и произошедших в ее ходе инцидентах.³⁹ Бюро ЦК КП(б)Э задним числом обсудило проведение операции по депортации, и Каротамм составил соответствующее решение Бюро, в котором отметил: «Бюро ЦК КП(б)Э отмечает, что высылка

³³ ERAF 1–4–890, л. 133, выступление А. Веймера на VIII пленуме ЦК КП(б)Э, 23.03.1950.

³⁴ А. Kahar. Eesti NSV Riikliku Julgeoleku Ministeeriumi tegevus, с. 67–68. Сначала существовал оперативный штаб под руководством майора военной контрразведки МГБ Александра Запорошука, позже под руководством заместителя министра Кумма по кадрам подполковника Владимира Ведеева.

³⁵ Система уполномоченных «сверху» действовала во время мартовской депортации и в системе МГБ, к министру Кумму прикомандировали из МГБ СССР генерал-майора Ивана Ермолина, МГБ ЭССР направило своих уполномоченных к начальникам уездных отделов. По партийной линии в разных республиках возможны различия: так, например, в Литовской ССР партийный лидер Снечук и министр госбезопасности Горлинский составили 5 марта 1949 года инструкции для секретарей уездных комитетов, в которых содержались конкретные пункты об участии в подготовке и проведении депортации, однако предусматривалось и направление уполномоченных от ЦК КП(б)Л и Совмина. LYA V-135.7-162, 4–5.

³⁶ Arnold Meri. Volinikuna Hiiumaal. – Edasi. 1988, 8. veebruar.

³⁷ ERAF 1–14–87, л. 43–45, Кумм Каротамму, 17.03.1949.

³⁸ А. Kahar. Eesti NSV Riikliku Julgeoleku Ministeeriumi tegevus, с. 77.

³⁹ ERAF 1–14–87, л. 53–55, Кумм Каротамму, 29.03.1949.

кулацких элементов из Эстонской ССР в отдаленные районы проведена своевременно и успешно». Кроме того, местным партийным комитетам предписывалось улучшить политическую разъяснительную работу среди населения о «социалистическом переустройстве» сельского хозяйства, а МГБ – принять решительные меры для окончательной ликвидации *бандитизма*.⁴⁰ Для сравнения: подобное постановление Бюро ЦК компартии Латвии включало и второй пункт, в котором отмечалось активное участие в депортации республиканской партийной организации, комсомольского и советского актива.⁴¹

Характерны и написанные Каротаммом после депортации Маленкову письма, в которых он, среди прочего, ясно выражал мнение о том, что подлежащие высылке, но не задержанные семьи следует все-таки в будущем депортировать.⁴²

Итоги и выводы: кто несет ответственность?

На примере Эстонской ССР можно утверждать, что в Кремле придавали достаточно большое значение тому, чтобы представить инициатором депортации руководство союзных республик. Для принятия принципиального решения о депортации руководителей компартий Литвы, Эстонии и Латвии вызвали в январе 1949 года в Москву, где Сталин принял предложения о проведении депортации кулаков. Каротамм в своих записках и высказываниях четко взял на себя ответственность за инициативу депортации «кулаков». Попросив о начале депортации и одобрив ее, он связал себя с нею как морально, так и юридически. В то же время очевидно, что никто из исследователей того периода не

питает иллюзий по поводу политической самостоятельности Каротамма – особенно в случаях, когда его позиция не совпадала с мнением Кремля. Остается вопрос, каково было личное отношение Каротамма к депортации, но не хотелось бы высказывать здесь то или иное мнение, основываясь на характерной для сталинской эпохи лживой информации. Напомним лишь, что на VIII пленуме КП(б)Э Каротамм сожалел не о депортации, а о допущенных при ее проведении технических ошибках, пытаясь и в тот раз оставаться искренним. То же относится и к другому высокопоставленному партийному деятелю, министру госбезопасности Кумму, приказы которого по проведению операции (в отличие от приказов Каротамма) до сих пор не поступили в распоряжение историков. Сочувствие же следует выражать жертвам депортации.

Почему Сталин не передал организацию и руководство мартовскими депортациями аппарату Центрального комитета КП(б)Э? Одна из причин, несомненно, оперативная: у ЦК не было ресурсов и опыта для проведения военной операции. Существенное значение имело также действие тогдашней вертикали власти в СССР, где и решения Политбюро ЦК ВКП(б) принимались задним числом в порядке «опроса», а власть концентрировалась скорее в возглавляемом Сталиным Совете министров СССР.⁴³ А если учесть, что МГБ и МВД Эстонской ССР напрямую подчинялись Москве, а не Совету министров ЭССР, становится ясно, что здешние наместники и не могли организовывать и руководить этим делом. В качестве третьей причины на примере Эстонии нельзя не учитывать и утрату Сталиным доверия к здешним партий-

⁴⁰ ERAF 1–5–23, протокол Бюро ЦК КП(б)Э № БИ-16 (Особая папка).

⁴¹ Постановление Бюро ЦК КП(б) Латвии пр. № 14 § 26 от 29 марта 1949 «О результатах операции по выселению из республики кулаков и их семей, семей бандитов и националистов». – *Aizvestie*. 1949. gada 25. marts. Rīga, 2007, с. 108.

⁴² Письма Маленкову основательно проанализировал Х. Лиги, см.: Н. Ligi. *Ääremärkusi*, с. 8–9.

⁴³ Рудольф Пихоя. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны, 1945–1985. Москва, 2007, с. 11.

ным руководителям, причиной которого была как борьба за власть в руководстве ВКП(б) («Ленинградское дело»), так и несоответствия между рапортами Каротамма и московских контролеров. Что же говорить о рядовых партийцах, через которых информация о планируемой операции могла просочиться в народ, что разрушило бы главный фактор удачи – неожиданность?

Поэтому Кремль все организовал так, чтобы вне МГБ о депортации знал лишь узкий круг – верхушка партии и власти, представителей которой командировали на места наблюдать за проведением депортации. Не стоит, однако, недооценивать значимость этих уполномоченных, поскольку при их посредничестве можно было распоряжаться местным административным аппаратом и его ресурсами. Для привлечения к операции местного партийного аппарата, как правило, использовались ложные предлоги, а задействовали его в оперативных группах для выполнения вспомогательных функций. В разных республиках и уездах задачи и информированность партаппаратчиков об операции депортации могли различаться. Ответственность каждого отдельного партийца можно оценить только с учетом его конкретных действий, что является очень трудным делом с учетом отрывочности сохранившегося документального материала.

В основу настоящей статьи лег доклад, сделанный на конференции в Вильнюсе в мае 2008 года. Исследование осуществлено в рамках целевой темы Министертства образования и науки Эстонской Республики «Эстония в годы холодной войны» (SF0180056s09) и гранта Научного фонда Эстонии № 7523 «Управление Эстонской ССР: институциональное развитие и функционирование властной структуры (1944–1964)»

Меэлис Саузаук

(1971)

Докторант Института истории и археологии
Тартуского университета.

Научный сотрудник Института Памяти Эстонии.

Область исследования: сталинизм и Эстония.

О получении высшего партийного образования во второй половине 1940-х годов на примере партийных деятелей Эстонской ССР

Олев Лийвик

■ 12 мая 1949 года первый секретарь Тартуского комитета КП(б)Э¹ Пеэтер Тийдо написал заявление на имя первого секретаря Центрального комитета КП(б)Э (далее – ЦК) Николая Каротамма, в котором просил направить его на учебу. Тийдо хотел получить партийно-политическое образование², которое обеспечило бы ему «кусочек хлеба на старости лет»³. 40-летний Тийдо окончил в 1930 году Ленинградский коммунистический университет им. Кирова по специальности пропагандист и в 1935 году – Московский институт журналистики⁴. Его положение партийного руководителя уезда, которое он занимал уже три года, должно было обеспечить ему возможность поступления в партшколу.

К сожалению, будущее не обещало Тийдо обеспеченной старости, поскольку у него было не подходящее для партийного руководителя прошлое. Более того, Тийдо был недостоин даже быть большевиком, так как его обвиняли в обмане партии: он скрывал и отрицал то, что у него было наказание по политической статье в 1939 году⁵. В мае 1949 года, будучи еще секретарем партии, Тийдо обратился к Каротамму, напомнив ему обещание поддержать его при поступлении в партшколу. Но к тому моменту положение Тийдо было уже безнадежным, он писал Каротамму: «Неужели моя судьба действительно так грустна, что я не могу даже пойти учиться?»⁶. В июле того же года Тийдо был снят с поста

¹ Коммунистическая партия (большевиков) Эстонии. С 1952 года – Коммунистическая партия Эстонии, или КПЭ. На всесоюзном уровне до 1952 года использовалось название Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) – ВКП(б), а затем Коммунистическая партия Советского Союза – КПСС.

² В СССР для обозначения коммунистического идеологического образования использовались термины партийно-политическое, партийное и политическое образование. Целью данной статьи не является анализ содержания и истории формирования этих терминов. Автор использует в качестве равнозначных термины «партийно-политическое» и «партийное образование», целью которого была политическая подготовка кадров для выполнения заданий партии.

³ ERAF 1–6–9273, л. 50, личное дело Пеэтера Тийдо.

⁴ Eestima Kommunistliku Partei kohalikud organisatsioonid 1940–1941. Сост. Э. Тарвел. Tallinn, 2005, с. 330–331.

⁵ Тийдо, будучи в 1935–1937 годах ответственным редактором эстонского издания Кингиссепской районной газеты «Колхозник», в одной статье пропустил в слове *klassivaenlane* (классовый враг) букву *l*, в результате чего получилось слово *kassivaenlane* (кошачий враг). Тийдо обвинили в том, что он использовал газету в контрреволюционных целях.

⁶ ERAF 1–6–9273, л. 50, личное дело Пеэтера Тийдо.

первого секретаря Тартуского комитета, а в декабре исключен из партии.⁷

Случай с Тийдо показывает, что желание коммуниста учиться не обязательно совпадало с планами партии. Поскольку партийно-политическое образование было направлено на воспитание кадров и на подготовку их к выполнению задач партии, решение о том, кому следует получать соответствующее образование, принимала партия. Комплектация партийных школ и курсов входила в компетенцию партийных органов, учащихся, или слушателей, как их называли в тогдашних документах – отбирали и утверждали партийные органы.

При рассмотрении партийно-политического образования важно понять, каково было его значение для отдельной личности. Было ли партийное образование обязательным для коммуниста, какова была мотивация для его приобретения, и способствовало ли это образование карьерному росту в партийных и советских⁸ органах? Настоящая статья рассматривает только вопросы, связанные с высшим партийным образованием в 1940-е годы на примере руководящих коммунистов Эстонской ССР, но вкратце остановимся и на образовании более низкого уровня.⁹

Для понимания значения партийного образования коротко ознакомимся со структурой этого института и с содержанием образования в высших партийных школах. Более подробно проанализируем критерии направления и приема в партийные школы, причины отчисления из партшкол и дальнейшую профессиональную деятельность выпускников. Обратим внимание и на тех коммунистов, которые были кандидатами на поступление в партшколы или выражали желание там учиться, но по какой-либо причине не были приняты.

Вопросы партийно-политического образования в СССР до сих пор в специальной литературе основательно не исследовались. Первая серьезная работа по истории партийных школ в СССР появилась в конце 1950-х.¹⁰ Стоит отметить также изданную в 1979 году монографию Лиры Леоновой¹¹ и работу Ивана Пронина о руководящих кадрах, в которой наряду с общим образованием затрагивается и партийное образование в Советском Союзе.¹² Историю возникновения и развития системы партийно-политического образования в 1920-е годы прослеживает Дэвид-Фокс.¹³ Подготовку зарубежных партийных кадров в СССР в 1930-е годы

⁷ Старость Тийдо была материально обеспечена. После смерти Сталина в 1953 году Тийдо восстановили в партии, в 1957 году его полностью реабилитировали, в 1967 году к его партийному стажу добавили 1937–1942 годы, когда он был арестован и исключен из партии, и с 1969 года он был персональным пенсионером республиканского значения.

⁸ Советскими работниками называли в основном работников госучреждений, в отличие от партийных работников.

⁹ Более подробное рассмотрение системы партийного образования выходит за рамки данной статьи и требует отдельного анализа. Тем или иным способом партийное образование получали все коммунисты и беспартийные, учившиеся в партшколах и на курсах, участвовавшие в политических кружках и семинарах. В систему партийного образования только в Эстонии входили сотни политических кружков и десятки учебных заведений. Например, в 1965/66 учебном году в Эстонской ССР в системе партобразования получали знания 92 027 коммунистов и беспартийных, что составляло около 7% населения. См. подробнее: ЕКР *ideoloogiatöö kogemusi*. Главный редактор В. Вяляс, сост. Э. Матров. Tallinn, 1976, с. 176.

¹⁰ См.: М. Фильченков. Из истории партийных учебных заведений. – Вопросы истории КПСС. 1958, № 1, с. 108–122.

¹¹ Лира Леонова. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917–1975. Москва, 1979.

¹² Иван Пронин. Руководящие кадры: подбор, расстановка и воспитание. Москва, 1981.

¹³ Michael David-Fox. *Revolution of the Mind: Higher Learning Among the Bolsheviks, 1918–1929*. Ithaca, NY, 1997.

рассматривают в своем исследовании Бригитте Штудер и Бертольд Унфрид.¹⁴ В последние годы внимание многих российских исследователей привлекает история многих высших партийно-политических учебных заведений, действовавших в 1920-е и 1930-е годы.¹⁵ В настоящей работе использовались также всесоюзные решения партии о партийно-политическом образовании.¹⁶

Эстонские исследователи также уделяли некоторое внимание партийному образованию. Можно назвать две небольшие статьи о связанном с эстонцами Коммунистическом университете национальных меньшинств Запада (далее – КУНМЗ)¹⁷ и существовавшей при ЦК КПЭ Республиканской партийной школе.¹⁸ Хороший обзор числа партийно-политических учебных заведений и учеников в Эстонской ССР дают статистические показатели партийного образования.¹⁹ Ценную общую информацию о партийном образовании можно найти во многих воспоминаниях.²⁰ При написании настоящей статьи использовались в основном архивные источники Государственного архива Эстонии, а также Российского государственного архива социально-политической истории и Российского государственного архива новейшей истории.

Организация партийного образования и высшие партийно-политические учебные заведения Советского Союза

Партийно-политическое образование в СССР было интегрировано в советскую систему образования и считалось специальным образованием. В советской образовательной статистике рассматривались следующие уровни образования: высшее, неоконченное высшее, среднее специальное, среднее, неоконченное среднее, неполное среднее и начальное образование.

В партийно-политическом образовании как в специальном выделялись только три уровня: высшее, неоконченное высшее и среднее. В отношении руководящих кадров в анкетных данных, в основном, выделяли непартийное и партийно-политическое образование, но зачастую в анкету вносилось только образование более высокого уровня, вне зависимости от того, было ли оно партийным или нет.²¹

В деле организации партийно-политического образования в Советском Союзе можно выделить по меньшей мере три периода. Первый период, который можно датировать начиная с прихода большевиков к власти в России и до 1936 года, характеризует большое количество партийно-

¹⁴ Brigitte Studer, Berthold Unfried. Der stalinistische Parteikader. Identitätsstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der Dreissiger Jahre. Köln, 2001.

¹⁵ Лариса Козлова. Институт Красной Профессуры (1921–1938 годы). Историографический очерк. – Социологический Журнал, 1994, № 1, с. 96–112; Александр Чистиков. Будущие управленцы: студенты Коммунистического университета им. тов. Зиновьева в 1920-е гг. – Отечественная история и историческая мысль России XIX–XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. Санкт-Петербург, 2006, с. 398–408.

¹⁶ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953. Москва, 2004, с. 134–143.

¹⁷ Мати Граф, Витольд Раевский. О деятельности коммунистического университета национальных меньшинств Запада им. Ю. Ю. Мархлевского. – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. 1980, № 2, с. 131–154.

¹⁸ Margit-Mariann Koppel. Kүүiditajate kool: Inimsusevastased kuriteod. – Kultuur ja Elu. 2001, № 2, с. 49–52.

¹⁹ Коммунистическая Партия Эстонии в цифрах, 1920–1980. Сборник статей. Таллин, 1983, с. 237–245.

²⁰ Hilda Moosberg. Neevalinnast Emajõelinnast. Mälestusi. Tallinn, 1989; Johannes Vend. Rahutu rahuaeg. Sõjakeeristest koduradadele. Tallinn, 1983; Voldemar Teppich-Kasemets. Põrandaaluste juhi paljastusi. – Akadeemia. 2001, № 9, с. 2023–2054; 2001, № 10, с. 2215–2246; 2001, № 11, с. 2431–2462; 2001, № 12, с. 2653–2685; 2002, № 1, с. 191–222; 2002, № 2, с. 416–448; 2002, № 3, с. 629–672.

²¹ Olev Liivik. Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee aparaat 1945–1953. Tartu, 2006, с. 103–104.

политических учебных заведений, их спонтанное создание, неравномерный уровень и внимание к подготовке коммунистов из представителей нацменьшинств. К концу периода большинство созданных в 1920-е годы партийных школ было ликвидировано. Второй период можно датировать с середины 1930-х годов и до 1946 года. В это время начался переход к новой организации партийно-политического образования, создавались и новые учебные заведения, в основном просуществовавшие недолго. Началом третьего периода автор считает 1946 год, когда был установлен новый порядок партийного образования, началась унификация уровней партийного образования, и было введено партийное обучение на научные степени. Созданная в 1946 году система партобразования с небольшими изменениями существовала до развала Советского Союза.

Существенной вехой в организации партийно-политического образования стало принятое 2 августа 1946 года постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников».²² Согласно этому постановлению основанная в 1939 году Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б) (далее – Высшая партийная школа) стала одним из двух высших партийно-политических учебных заведений в СССР. На основании решения ЦК ВКП(б) наряду с Высшей партийной школой была создана Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) (далее – Академия общественных наук), которая должна была готовить преподавателей высших учебных заведений и теоретиков для научно-исследовательской работы. В Высшей партийной

школе учеба длилась три года, поступающий должен был иметь по меньшей мере среднее образование. Выпускник Высшей партшколы получал диплом о высшем образовании. В Академии общественных наук можно было поступить в аспирантуру или докторантуру. Для этого требовалось высшее образование.²³ Была создана также сеть партийных школ в республиках, краях и областях.

Действовавшие до 1946 года годичные партшколы были ликвидированы, вместо них создавались двухгодичные партийные школы. Изначально во всем СССР было создано 50 двухгодичных партшкол²⁴, которые хотя и считались высшими учебными заведениями²⁵, но их выпускники получали неоконченное высшее образование. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) была создана Республиканская партийная школа при ЦК КП(б)Э (далее – Республиканская партийная школа).

В системе высшего образования СССР важное место занимало заочное обучение. Партийное образование не составляло исключения. В Высшей партшколе отделение заочного обучения было создано в 1944 году, в 1956 году оно было преобразовано в Заочную высшую партийную школу при ЦК КПСС.²⁶

Реорганизованная в 1946 году система партийно-политического образования без серьезных изменений просуществовала до 1956 года, когда было создано 30 межобластных и межреспубликанских высших партийных школ.²⁷ Продолжила деятельность Высшая партийная школа, которая в 1978 году вместе с Заочной высшей партийной школой была ликвидирована в связи с присоединением к Академии

²² РГАСПИ 17–3–1059, л. 97, протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 52 от 2 августа 1946 г.; л. 188–202, решение – в приложении к протоколу.

²³ Там же.

²⁴ И. Пронин. Руководящие кадры, с. 28.

²⁵ Eesti NSV haridusametuste ajaloo teatmik, II. Kõrg- ja keskharidus aastail 1940–1960. Tallinn, 1989, с. 119.

²⁶ И. Пронин. Руководящие кадры, с. 28–29; Соответствующее решение ЦК КПСС от 26 июня 1956 «О мерах по дальнейшему улучшению подготовки партийных и советских кадров» – <http://www.bestpravo.ru/ussr/data04/tex16186.htm> [6.06.2008].

²⁷ И. Пронин. Руководящие кадры, с. 29–30.

общественных наук. АОН действовала до 1992 года.²⁸

Реформа 1956 года означала конец Республиканской партийной школы. В 1954 году время обучения в школе продлили до трех лет, но в 1958 году учебное заведение было закрыто. Вместо Республиканской партийной школы была создана Республиканская советская партийная школа, которая была средним специальным учебным заведением.²⁹

Структура партийных школ и преподаваемые предметы

Руководящие партийные и советские функционеры Эстонской ССР в 1940-х годах учились в основном в Высшей партийной школе и в Республиканской партийной школе, поэтому рассмотрим подробнее действовавший в этих учебных заведениях порядок.

Основанием для деятельности обеих школ было уже упоминавшееся постановление политбюро ЦК ВКП(б) «О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских работников» от 2 августа 1946 года. В соответствии с постановлением, Высшая партийная школа обучала руководящих партийных, советских, комсомольских работников, пропагандистов и журналистов из областей, краев и союзных республик, руководящих партработников окружных комитетов и партийных комитетов крупных городов, а также высших советских работников автономных республик и городов. Из перечисленных в постановлении должностей для Эстонии речь шла о секретарях, заведующих отделами, заместителях заведующих отдела-

ми Центрального комитета, председателе Совета министров и первых заместителях, редакторах республиканских газет и их заместителях, редакторах городских газет и секретарях ЦК ЛКСМЭ.³⁰ Включенные в список должности в основном входили в номенклатуру ЦК КП(б)Э³¹, однако делались исключения для тех, кто не входил в номенклатуру, но был выдающимся деятелем партийной и общественной жизни.³² Поскольку высшее партийное образование было, таким образом, доступно в первую очередь для высокопоставленных функционеров, Высшую партийную школу можно считать элитарным советским учебным заведением.

Однако прием в партшколу зависел не только от должности. В постановлении политбюро детально прописаны условия приема в партшколу. Поступающий должен был быть моложе 40 лет и иметь, по меньшей мере, среднее образование. Для приема в партшколу следовало иметь направление; например, членам парторганизаций КП(б)Э требовалось направление от ЦК КП(б)Э. Кроме того, требовалось заявление поступающего. Поступающий в Высшую партийную школу должен был сдать вступительные экзамены по истории СССР, географии, основам марксизма-ленинизма, а также письменный и устный экзамен по русскому языку. Поступить в Высшую партийную школу можно было только на основании решения ЦК ВКП(б), которое принималось после сдачи вступительных экзаменов. Если у поступающего было высшее образование, его могли после сдачи зачетов за первый курс сразу перевести на второй курс.³³

В середине 1940-х годов в Высшей

²⁸ Российский государственный архив социально-политической истории. Справочно-информационные материалы к документальным и музейным фондам РГАСПИ. Выпуск 3. Москва, 2004, с. 105, 112.

²⁹ Eesti NSV haridusametuste ajalooteatmik, с. 119, 120, 175.

³⁰ В перечень не вошли республиканские министры, секретари уездных комитетов и председатели уездных исполкомов, из числа которых также отбирали слушателей в ВПШ. См.: РГАСПИ 17-3-1059, л. 191, протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 52 от 2 августа 1946.

³¹ Редакторы газет городского подчинения не входили в номенклатуру ЦК ВКП(б).

³² РГАСПИ 17-3-1059, л. 190, протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 52 от 2 августа 1946.

³³ Там же, л. 190-191.

партийной школе было два факультета: партработников и советских работников. На факультете партийной работы были отделения партийно-организационной работы и пропаганды и журналистики. На факультете советских работников только отделение советских работников. В 1949 году решением ЦК ВКП(б) партийный и советский факультеты объединили. Объединили также отделения партийно-организационной работы и пропаганды и журналистики.³⁴

В Высшей партийной школе преподавались следующие предметы: история ВКП(б), история СССР, общая история, политэкономия, диалектический и исторический материализм; логика; международные отношения и внешняя политика СССР; русский язык и литература; основы советской экономики; экономическая и политическая география; иностранные языки и специальные предметы³⁵ в соответствии с отделением³⁶.

Согласно утвержденному в 1946 году порядку, в конце обучения следовало сдать государственные экзамены по истории ВКП(б), политэкономии, основам советской экономики и по специальному предмету соответствующего отделения.³⁷ В 1949 году количество государственных экзаменов сократили до трех. Кроме истории ВКП(б) и политэкономии, выпускник должен был сдавать экзамен по диалектическому и историческому материализму.³⁸

Обучение на заочном отделении Высшей партийной школы несколько отличалось от очного обучения. Обучавшийся на очном отделении коммунист на время

учебы освобождался от занимаемой должности и жил в Москве, на заочном же отделении учились без отрыва от работы. Учебу несколько облегчали учебные отпуска и прочие льготы. Кроме того, многие принятые на заочное обучение могли учиться по месту жительства, поскольку у заочного отделения Высшей партийной школы были консультационные пункты в союзных республиках, краях и областях. В отличие от очной формы обучения на заочном отделении не было возрастных ограничений, сквозь пальцы смотрели и на наличие среднего образования.

На основании постановления ЦК ВКП(б) от 2 августа 1946 года, 31 августа было принято решение бюро ЦК КП(б)Э о создании Республиканской партийной школы.³⁹ По примеру всесоюзного постановления в нем описывались условия приема в школу и учебный план. В партийную школу могли поступать члены коммунистической партии в возрасте до 40 лет, имеющие среднее образование, работающие на должности секретаря, заведующего отделом, инструктора или пропагандиста уездного, городского или районного комитета; секретарем уездного, городского или районного комитета комсомола; председателем, заместителем или заведующим отделом уездного, городского или районного исполкома совета народных депутатов; редактором уездной газеты или секретарем крупной партийной организации. В партшколу разрешалось принимать на основании личного выбора членов партии, не входящих в названную номенклатуру, но положительно проявивших себя в партийной

³⁴ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 136 (Постановление политбюро ЦК ВКП(б) «Об изменениях в учебных планах Высшей партийной школы, республиканских, краевых и областных партийных школ и курсов переподготовки партийных и советских работников» от 5 мая 1949).

³⁵ В 1946 году были следующие предметы: партийное строительство, основы государственного права, государственное право и основы советского строя, журналистика.

³⁶ РГАСПИ 17-3-1059, л. 190-193, протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 52 от 2 августа 1946; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 136-137.

³⁷ РГАСПИ 17-3-1059, л. 190-193, протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 52 от 2 августа 1946.

³⁸ ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 137.

³⁹ ERAF 1-4-320, л. 8-10, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 183 от 31 августа 1946 г.

и общественной работе. Послабления делались и в части образования: поскольку подходящих людей со средним образованием не хватало, в партшколу принимали и коммунистов с более низким уровнем образования.⁴⁰

Поступающий в Республиканскую партийную школу должен был знать конституцию СССР, владеть русским языком, знать географию на уровне школьной программы и основы марксизма-ленинизма. Прием в школу проходил по рекомендации уездного, городского, районного комитета КП(б)Э и отдела кадров центрального комитета. Учащихся партшколы утверждали решением бюро ЦК КП(б)Э.⁴¹

Как и в Высшей партийной школе, в Республиканской партшколе было два факультета – для партийных и советских работников. На факультете партработников создали три отделения: партийно-организационной работы, пропаганды и комсомольской работы.⁴² В качестве подразделений в партшколе работали четыре кафедры: экономических наук, основ марксизма-ленинизма, истории и языка и литературы.⁴³

Учебный план Республиканской партшколы несколько отличался от плана Высшей партшколы. Если в Высшей партийной школе преобладали иностранные языки, то в Республиканской школе больше занимались изучением русского языка и идеологическим воспитанием. По окончании второго учебного года следовало сдать государственные экзамены по истории партии, политэкономии, основам экономики СССР и по спецпредмету

в зависимости от отделения. В 1949 году произошли изменения: вместо основ экономики СССР и экзамена по специальности ввели экзамен по диалектическому и историческому материализму.⁴⁴ Выпускник партшколы получал неоконченное высшее образование.

В Высшей партийной школе в Москве и при Республиканской партшколе действовали постоянные курсы повышения квалификации для руководящих партийных и советских работников и для журналистов.⁴⁵ Курсы Высшей партийной школы в середине 1940-х годов длились девять месяцев, позже их продлили до одного года. Для слушателей курсов не вводилось образовательных ограничений и принятых на курсы не освобождали от работы, но прием на курсы проводился по той же процедуре, что и в партшколу: слушателей курсов Высшей партийной школы отбирал ЦК КП(б)Э и утверждал ЦК ВКП(б).

Прием в партийные школы

Для приема в партшколы ЦК ВКП(б) ввел квоты. В 1946 году было утверждено предельное число поступивших в Высшую партийную школу – триста коммунистов, для приема на курсы в это же время предусматривалось шестьсот человек.⁴⁶ Эти квоты распределялись по всему СССР. Сколько мест выделялось для Эстонской ССР, не известно, но в 1940-е годы ЦК КП(б)Э командировал на очное обучение в Высшую партийную школу до десяти человек⁴⁷, а на заочное отделение от двенадцати до

⁴⁰ Olaf Kuuli. *Stalini-aja võimukaader ja kultuurijuhid Eesti NSV-s (1940–1954)*. Tallinn, 2007, с. 63.

⁴¹ ERAF 1–4–320, л. 8–10, 22–23, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 183 от 31 августа 1946 г.

⁴² Там же, л. 8–10.

⁴³ М.-М. Koppel. *Küüditajate kool*, с. 50.

⁴⁴ ERAF 1–4–320, л. 22–23, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 183 от 31 августа 1946; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, с. 138.

⁴⁵ РГАСПИ 17–3–1059, л. 190, протокол заседания политбюро ЦК ВКП(б) № 52 от 2 августа 1946.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ В 1947 году ЦК КП(б)Э представил для утверждения ЦК ВКП(б) имена 9 коммунистов, в 1949 году 10 коммунистов. См.: ERAF 1–4–245, л. 163, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 245 от 16 июня 1947; ERAF 1–4–734, л. 16–17, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 27 от 7 мая 1949.

двадцати коммунистов⁴⁸. Если попытаться приблизительно определить число членов КП(б)Э, учившихся в Высшей партийной школе в 1940-е годы, то их могло быть примерно сто пятьдесят человек.⁴⁹ Например, в конце 1947 года в Высшей партийной школе на очном отделении учился 21 и на заочном – 47 коммунистов из Эстонской ССР.⁵⁰

На всесоюзном уровне было утверждено также допустимое число слушателей на одном курсе Республиканской партшколы. На основании всесоюзного решения, бюро ЦК КП(б)Э утвердило 31 августа 1946 года прием в Республиканскую партшколу ста слушателей.⁵¹

Очевидно, что на приобретение партийно-политического образования направляли, прежде всего, функционеров, имевших недостаточную партийно-политическую подготовку, или тех, чьи знания следовало углубить в связи с повышением на более ответственную должность. Вероятно, такие функционеры и составляли большинство, но на очное отделение Высшей партийной школы направляли и тех, от кого по той или иной причине хотели избавиться.⁵²

Несмотря на то, что местные партийные комитеты играли существенную роль при выборе кандидатов на учебу, необходимо было точно следовать всесоюзным направлениям и установленным Москвой приоритетам. Например, в 1940-е годы большое внимание уделялось образованию секретарей местных комитетов, что в условиях Эстонии означало направление в

партшколы секретарей уездных, городских и районных комитетов.⁵³ Этот вопрос рассматривался даже в отчете ЦК КП(б)Э за 1947 год, в котором отмечалось, что ЦК разработал план по подготовке и обучению партийных кадров, которым предусматривалось в течение ближайших трех–четырёх лет, т. е. до начала 1950-х, повысить политическую подготовку кадров. Для этого секретари уездных, городских и районных комитетов должны были пройти обучение в Высшей партийной школе или на годичных курсах ВПШ, в Республиканской партшколе или на ее курсах.⁵⁴

При приеме в партшколы часто имели место нарушения действующих правил, что свидетельствует об амбивалентности системы партийно-политического образования. В некоторых случаях в ВПШ принимали коммунистов старше 40 лет, хотя существовало возрастное ограничение в 40 лет. При приеме в партшколу в 1940-е годы делались исключения для некоторых товарищей, не имевших среднего образования, занимавших скромную должность или провалившихся на вступительных экзаменах. В то же время иных коммунистов, не соответствующих названным требованиям, в партшколы не принимали и для них исключений не делали. При выборе кандидатов в Высшую партийную школу следовало следить, чтобы среди них были как работники партии, исполнительной власти, так и пропагандисты и журналисты, которых распределяли по соответствующим отделениям партшколы.⁵⁵

⁴⁸ В 1947 году на заочное отделение направили 12 человек, в 1949 году – 20. См.: ERAF 1–4–470, л. 16, 17, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 274 от 14 ноября 1947.

⁴⁹ На заочное отделение первых коммунистов из Эстонской ССР приняли в 1944 году, на очное отделение – в 1945 году. Если считать, что в среднем ежегодно на заочное отделение принимали 15 и на очное – 10 человек, то в 1944–1949 годах на заочное отделение поступило примерно 105, а на очное – около 50 человек.

⁵⁰ ERAF 1–47–25, л. 19, отчет о работе ЦК КП(б)Э, декабрь 1947.

⁵¹ ERAF 1–4–432, л. 1–3, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 242 от 31 мая 1947.

⁵² См. подробнее: O. Liivik. Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee aaraat, с. 170–173.

⁵³ ERAF 1–4–432, л. 1–3, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 242 от 31 мая 1947.

⁵⁴ ERAF 1–47–25, л. 47, отчет о работе ЦК КП(б)Э, декабрь 1947.

⁵⁵ В списке кандидатов на поступление в ВПШ в 1947 году были партийные работники, работники пропаганды и газет, советские работники – поровну. См.: ERAF 1–4–432, л. 163, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 245 от 18 июня 1947.

Благодаря наличию архивных источников можно проследить направление в партшколы уже с 1944 года – непосредственно после повторной оккупации Эстонии. Для партийно-политического образования руководящих кадров Эстонской ССР важное значение имело решение оргбюро ЦК ВКП(б) от 30 октября 1944 года «О мерах помощи Эстонской ССР в деле улучшения массово-политической и культурно-просветительной работы».⁵⁶ Согласно этому решению, ЦК КП(б)Э совместно с управлением пропаганды и агитации и управлением по кадрам ЦК ВКП(б) следовало отобрать и направить в Высшую партийную школу и Высшую школу партторгов группу членов партии. Решение было исполнено без промедления: уже в середине ноября ЦК ВКП(б) направило в ВПШ семь⁵⁷ и в Высшую школу партторгов – десять коммунистов⁵⁸. Аналогичные шаги были предприняты и в Латвии и Литве.⁵⁹

Один из семи избранных в ноябре 1944 года для поступления на заочное отделение Высшей партийной школы, Андрей Павлов, к учебе не приступил.⁶⁰ Как выяснилось, он представил бюро ЦК КП(б)Э заявление о желании учиться в партийной школе 9 февраля 1945 года. Бюро ЦК КП(б)Э решило только 20 июня

1945 года, что Павлов отправится в школу с осенним призывом.⁶¹ Для ЦК КП(б)Э направление Павлова в партшколу и освобождение от должности было, видимо, необходимо: ему требовалось и партийно-политическое и общее образование, поскольку формально у него было лишь начальное образование. Вероятно, в послевоенных условиях было уже немыслимо, чтобы заведующим особым отделом ЦК КП(б)Э был коммунист с начальным образованием.⁶² Кроме того, при поступлении в партшколу Павлову было уже более 40 лет.⁶³ В 1946 году ЦК КП(б)Э пришлось бы ходатайствовать об исключении для него и по части образования, и по возрасту.

Иногда руководство ЭССР более явно выражало желание избавиться от кого-либо. Подобным примером может служить случай работника аппарата ЦК КП(б)Э Александра Ауле.⁶⁴ Бюро ЦК КП(б)Э приняло решение рекомендовать его в ВПШ 31 августа 1946 года⁶⁵, но ЦК ВКП(б) не утвердило это решение. Препятствием могло быть то, что весной того же года Ауле исполнилось 40 лет. Однако руководству ЭССР все же удалось от него избавиться: осенью 1948 года его направили учиться в Академию общественных наук. О причинах такого

⁵⁶ РГАСПИ 17–117–459, л. 59–60, решение оргбюро ЦК ВКП(б) № 182/2-с от 30 октября 1944.

⁵⁷ Видимо, речь идет о слушателях заочного отделения ВПШ, поскольку бюро ЦК КП(б)Э приняло 4 ноября 1944 года решение о направлении на заочное отделение. См.: ERAF 1–4–122, л. 20–21, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 79 от 4 ноября 1944.

⁵⁸ РГАСПИ 17–117–459, л. 66, письмо заведующего отделом управления кадрами Щербакова и инструктора Горбатова Г. Маленкову 15 ноября 1944.

⁵⁹ На основании аналогичного решения из Литвы направили в Высшую партийную школу 8 и в Высшую школу партторгов 4 коммунистов, из Латвии и в ВПШ, и в школу партторгов по 7 коммунистов. См.: РГАСПИ 17–117–460, л. 23, письмо заведующего отделом управления кадрами Щербакова и инструктора Горбатова Г. Маленкову от 15 ноября 1944; РГАСПИ 17–117–464, л. 22, письмо заведующего отделом управления кадрами Щербакова и инструктора Горбатова Г. Маленкову от 15 ноября 1944.

⁶⁰ ERAF 1–4–122, л. 20–21, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 79 от 4 ноября 1944.

⁶¹ ERAF 1–4–2447, л. 2–10, личное дело Андрея Павлова.

⁶² Андрей Павлов руководил особым сектором ЦК КП(б)Э также в 1940–1941 гг. и с 1943 года.

⁶³ В 1945 году к моменту поступления в партшколу Андрею Павлову был 41 год.

⁶⁴ Александр Ауле был в 1945–1946 годах начальником организационно-инструкционной группы Совета министров Эстонской ССР, в 1946–1948 гг. заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)Э. См. биографию А. Ауле: *Eestima Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur*, с. 427.

⁶⁵ ERAF 1–4–320, л. 2, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 183 от 31 августа 1946.

решения свидетельствует составленная несколькими месяцами ранее справка. Согласно справке, подписанной Николаем Каротаммом 7 мая, у Ауле не было опыта партийной работы. Он якобы был слишком осторожен при принятии решений и уклонялся от ответственности. Кроме того, он был безынициативен. Следовательно – «надо перевести на другую работу и укрепить отдел более сильным работником». ⁶⁶ Видимо, местное руководство и тогда не было вполне уверено в том, что удастся командировать Ауле в Москву, и подыскивало для него на всякий случай подходящую работу. Однако препятствий не возникло, и от Ауле избавились солидно – направив его на учебу.

Одним из ведущих коммунистов ЭССР, не отвечавшим условиям приема в ВПШ, был командированный в высшую школу в 1948 году Алгус Раадик, имевший образование КУНМЗ. При поступлении на учебу ему было 42 года. Раадик был в 1947 году утвержден на должность секретаря ЦК КП(б)Э, но уволен в мае 1948 года, поскольку выяснились компрометирующие факты о его родственниках. ⁶⁷ Освобождение Раадика от должности связали с направлением на учебу в Высшую партийную школу, хотя с мая по сентябрь он нигде не работал. Из ВПШ он при неясных обстоятельствах пере-

шел в Академию общественных наук. ⁶⁸

На заочном отделении Высшей партийной школы в 1940-х годах училось заметное число молодых коммунистов, которые по возрасту могли бы учиться на очном отделении. Вероятно, препятствием могла стать слишком скромная должность либо то, что не было возможности заменить надежные кадры и приходилось мириться с учебой без отрыва от работы. На заочное отделение поступали главным образом коммунисты без высшего образования, каждый год среди принятых были и люди, не имевшие среднего образования. Стоит отметить, что довольно часто ЦК КП(б)Э приходилось менять свои решения о направлении на учебу заочников и отказываться от рекомендации. В основном изменения решений не объясняются, но некоторых выбранных для учебы на заочном отделении направляют на очное обучение ⁶⁹, а некоторым коммунистам приходилось до поступления в партшколу пройти курсы при партшколе. ⁷⁰

Первую группу коммунистов из Эстонской ССР направили на заочное отделение Высшей партийной школы в конце 1944 года, следующую же группу заочников сформировали всего несколько месяцев спустя. В два призыва вошли в общей сложности 24 человека. Явное предпочтение отдавалось работникам аппарата ЦК КП(б)Э,

⁶⁶ ERAF 1–6–193, л. 17, личное дело Александра Ауле.

⁶⁷ В биографии Алгуса Раадика для партии были проблемой его отец Коста Раадик, арестованный и расстрелянный в 1938 году, и якобы кулак дядя Март Рюк. Биография А. Раадика: Eestima Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur, с. 337–339; ERAF 1–307–22, л. 76р–77, статистический отчет о смене работников и продвижении новых кадров в 1948 году.

⁶⁸ Согласно личным карточкам аспирантов, хранившимся в бухгалтерии Академии общественных наук, Раадик учился в этом учебном заведении 16.10.1948–18.08.1950. РГАСПИ 606–1–932, л. 37.

⁶⁹ Рекомендованных на заочное отделение, но учившихся на очном коммунистов было в 1940-е годы более десяти. Стоит назвать ставших впоследствии секретарями ЦК Энделя-Йоханнеса Яанимяги и Александра Кельберга.

⁷⁰ Министр пищевой промышленности Эстонской ССР Лембит Луйс в 1947 году прошел 9-месячные курсы ВПШ, в конце 1948 года был командирован на заочное отделение ВПШ; Елена Кангур, работавшая в 1946–1948 гг. заведующей сектором ЦК КП(б)Э и в 1948–1950 гг. первым секретарем Ныммеского райкома КП(б)Э, в 1947–1948 гг. была на 9-месячных курсах ВПШ, в 1950 году была направлена в Высшую партийную школу; первый секретарь Вирумааского комитета КП(б)Э в 1948–1950 гг. Хейнрих Айо был направлен в 1948 году на годовичные курсы Высшей партийной школы, а в 1950 году на заочное отделение ВПШ. ERAF 1–6–12028, л. 5, 29, личное дело Лембита Луйса; ERAF 1–6–11105, л. 3–6, личное дело Елены Кангур; Биография Х. Айо: Eestima Kommunistliku Partei kohalikud organisatsioonid, с. 236–237.

которых в двух группах было 12 человек.⁷¹

Среди принятых на заочное отделение Высшей партийной школы руководящих работников Эстонской ССР было несколько коммунистов, сдавших хотя бы один экзамен на неудовлетворительную отметку. ЦК КП(б)Э относилось к этому с пониманием и всегда обращалось к ЦК ВКП(б) с просьбой утвердить слушателями ВПШ также тех, кто провалился на экзаменах. Чаще всего просьба ЦК КП(б)Э удовлетворялась. Впервые вопрос встал на повестку дня заседания бюро ЦК КП(б)Э осенью 1947 года, когда письменный экзамен по русскому языку на неудовлетворительную оценку сдали три кандидата на заочное отделение⁷²: русский Герасим Карпов, обрусевший эстонец Иван Оя и Леонид Вальтер, происходивший из смешанной русско-эстонской семьи. Все они были приняты на заочное отделение Высшей партийной школы. В конце 1940-х годов число провалившихся на вступительных экзаменах увеличилось. Неудовлетворительные оценки были получены не только на письменном, но также на устном экзамене по русскому языку и на экзамене по истории ВКП(б).⁷³

В 1940-е годы больше внимания, по сравнению с другими партийными кадрами, уделялось партийно-политической подготовке секретарей уездных комитетов КП(б)Э, поскольку у большинства секретарей не было соответствующей теоретической подготовки и образования. Внимательно отслеживалось образование и идейно-политический уровень первых секретарей. Например, в 1947 году ЦК КП(б)Э

счел, что в Высшую партийную школу или на курсы при ней следует направить первого секретаря Харьюского уездного комитета КП(б)Э Рудольфа Мейеля. Единственной проблемой оказалось отсутствие среднего образования⁷⁴, но центральный комитет надеялся, что Мейель получит его в ближайшее время. Однако два года спустя отсутствие у Мейеля среднего образования почему-то уже не было проблемой: 7 мая 1949 года ЦК КП(б)Э утвердил список кандидатов в ВПШ, в котором значился и Мейель. В решении говорилось, что Мейель имеет 9-классное образование и в течение четырех лет занимает в партийных органах ответственные должности, действуя энергично и принципиально.⁷⁵ Так Рудольф Мейель стал слушателем Высшей партийной школы.⁷⁶

Одним из наиболее курьезных примеров в Эстонии 1940-х годов был случай партийного функционера Алексея Овсянникова, бывшего в 1944–1945 годах первым секретарем Пярнуского уездного комитета и в 1945–1950 годах – Валгамааского комитета КП(б)Э. У него было начальное образование и недостаточная грамотность. Согласно составленной в 1945 году партийной характеристике, у него возникали трудности в работе «из-за слабой общеобразовательной и политической подготовки». Двумя годами позже выяснилось, что у него были сложности и с грамматикой русского языка, да он и не стремился пополнить свои знания.⁷⁷ Несмотря на критику, Овсянникова не уволили, а направили в 1947 году на курсы ВПШ.⁷⁸ После окончания курсов в 1948 году его порекомендовали на заочное

⁷¹ ERAF 1–4–122, л. 20–21, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 79 от 4 ноября 1944 г.; ERAF 1–4–165, л. 75, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 95 от 8 февраля 1945 г.

⁷² ERAF 1–4–470, л. 16–17, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 274 от 24 ноября 1947 г.

⁷³ Проваливших более одного экзамена в партшколу все же не принимали.

⁷⁴ Рудольф Мейель в 1930-е годы учился в Тарту в профессиональном училище, но не окончил его. ERAF 1–6–12167, л. 5, личное дело Рудольфа Мейеля.

⁷⁵ ERAF 1–4–734, л. 16–17, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 24 от 7 мая 1949 г.

⁷⁶ В Высшей партийной школе Рудольф Мейель учился успешно и окончил ее в 1952 году. См. биографию Р. Мейеля: Eestimaa Kommunistliku Partei kohalikud organisatsioonid, с. 282–283.

⁷⁷ Eestimaa Kommunistliku Partei kohalikud organisatsioonid, с. 141–142.

⁷⁸ ERAF 1–4–457, л. 37, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 264 от 4 октября 1947 г.

отделение Высшей партийной школы, где он проучился до 1950 года.⁷⁹

Гораздо чаще приходилось делать исключения по части образования для поступающих в Республиканскую партийную школу. В 1947 году Николай Каротамм просил секретаря ЦК ВКП(б) Алексея Кузнецова принять в школу 15 не имевших среднего образования человек, успешно сдавших вступительные экзамены.⁸⁰ Исключения делались не только для Эстонии. В 1950 году ЦК КП(б) Латвии представил ЦК ВКП(б) просьбу разрешить в порядке исключения принять в Республиканскую партийную школу пятьдесят партийных и советских работников, не имевших среднего образования.⁸¹ Секретариат ЦК ВКП(б) удовлетворил прошение, которое, конечно, было не редкостью, ведь пятьдесят функционеров без среднего образования составляли половину поступающих.

Несмотря на то, что в Республиканской партийной школе требования были мягче, а аудитория слушателей скромнее, чем в ВПШ, республиканская партшкола выполняла важную роль в подготовке и пополнении образования руководящих партийных функционеров Эстонской ССР. В Республиканской партийной школе учились как рядовые работники, так и руководящие работники аппарата ЦК КП(б)Э, уездных, городских и районных комитетов, коллегам которых посчастливилось поступить в Высшую партийную школу. Вероятно, приходилось мириться с тем, что все желающие просто не могли попасть в ВПШ или им приходилось ждать своей возможности.⁸²

Крайне трудно найти свидетельства о недостаточной мотивации некоторых коммунистов для получения партийного обра-

зования. Но на примере Республиканской партийной школы видно, что далеко не все желали поступить на учебу в партшколу и были готовы выражать свое нежелание. В 1947 году в партшколу направили второго секретаря таллиннского Центрального районного комитета КП(б)Э Михаила Кукли. В 1946 году он всего два месяца проработал заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Э, и, видимо, за этот короткий срок проявилась его неспособность ориентироваться в работе. Секретарь ЦК по кадрам Дмитрий Кузьмин написал в справке по поводу его увольнения 26 августа 1946 года, что знания Кукли не соответствует занимаемой им должности.⁸³ В 1947 году было решено направить Кукли, очевидно, против его желания, в Республиканскую партшколу. Вместо того чтобы выучиться за счет партии и государства, Кукли в 1948 году написал на имя Н. Каротамма заявление, в котором просил направить его вместо учебы на работу в милицию. Каротамм прошение не удовлетворил и написал Кузьмину: «Что с этим т. Кукли? Он не хочет учиться. Я пообещал ему для облегчения его материального положения выдать пособие из партийной кассы, но он все равно против учебы. Прошу выяснить, в чем дело».⁸⁴ В ноябре 1948 года Кукли, к облегчению руководства ЦК, окончил партшколу.

На примере Кукли и других партийных работников видно, что мотивации не хватало у нижестоящих кадров. Исследовавший волостные партийные кадры Дэвид Феэст утверждает, что многие партработники считали партийное образование скучной и неприятной обязанностью, не имевшей отношения к повседневной работе.⁸⁵

⁷⁹ ERAF 1–4–636, л. 45–47, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 336 от 20 ноября 1948 г.

⁸⁰ ERAF 1–5(старый опись)–12, л. 13–15, копия обращения Николая Каротамма к секретарю ЦК ВКП(б) Кузнецову от 12 июля 1947 г.

⁸¹ РГАСПИ 17–116–524, л. 38, протокол заседания секретариата ЦК ВКП(б) № 517 от 14 июля 1950 г.

⁸² За 1940-е годы нет данных о том, что выпускники Республиканской партшколы продолжали учебу в Высшей партийной школе, но такие примеры имелись в 1950-е годы.

⁸³ O. Liivik. Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee aparaat, с. 163.

⁸⁴ ERAF 1–6–6597, л. 25, личное дело Михаила Кукли.

⁸⁵ David Feest. Zwangskollektivierung im Baltikum. Sowjetisierung des Estnischen Dorfes 1944–1953. Köln–Weimer–Wien, 2006, с. 430.

Не попавшие в партийные школы

Несомненно, существует множество причин, по которым тот или иной коммунист не был принят в партийную школу. При рассмотрении вопроса я бы выдели два уровня: во-первых, официальный уровень, партийные и советские функционеры, которых партийные органы рекомендовали кандидатами в партшколы, с другой стороны – неофициальный уровень, т. е. те, которых даже не квалифицировали в качестве кандидатов в партшколы. Для первых препятствием могли стать отсутствие среднего образования, короткий партстаж, скромная должность, провал на вступительных экзаменах или политические причины. Хранящиеся в Эстонии архивные документы позволяют выявить коммунистов, отобранных ЦК КП(б)Э для поступления в Высшую партийную школу, но не утвержденных ЦК ВКП(б).⁸⁶ Правда, в большинстве случаев невозможно выяснить причину отказа со стороны ЦК ВКП(б), поскольку не ЦК ВКП(б) принимал отрицательное решение, но ЦК КП(б)Э приходилось изменять свое решение. Сложнее проследить т. н. неофициальный уровень. Я бы причислил к этой группе тех функционеров, которые хотели поступить в партшколу, но получили отказ парткома, и тех, кого местный комитет хотел направить на учебу, но кандидатура которых отпала по политическим причинам.

В первую очередь проанализируем официальный уровень, на котором одним из препятствий могла быть невысо-

кая должность. Вероятно, из-за должности не попал в Высшую партийную школу Николай Макаров, работавший на момент представления его кандидатуры в 1945 году инструктором ЦК КП(б)Э.⁸⁷ Реже из числа кандидатов на поступление в ВПШ исключали тех, кто провалился на вступительных экзаменах. Одним из таких товарищей была Эмилия Силинек, получившая неудовлетворительную отметку как на письменном, так и на устном экзаменах по русскому языку.⁸⁸ Силинек рекомендовали к поступлению на заочное отделение ВПШ и в 1953 году, но слушателем партшколы она стала лишь в 1954 году.⁸⁹

В 1940-х годах исключенных из списка кандидатов в Высшую партийную школу по политическим причинам было мало, так как в большинстве случаев компрометирующие биографические факты обнаруживались до принятия решения, но встречались и исключения. Например, 7 мая 1949 года решением ЦК КП(б)Э к поступлению в ВПШ рекомендовали заведующего сектором ЦК КП(б)Э Леонида Алгуса,⁹⁰ но уже 28 мая 1949 года решение изменили.⁹¹ Осенью 1949 года выяснилось, что при вступлении в партию и поступлении на работу в аппарат ЦК КП(б)Э он скрыл факт ареста и расстрела в 1937 году своего отца, якобы врага народа и немецкого шпиона.⁹²

Примечательным примером может служить случай первого секретаря Тартуского уездного комитета КП(б)Э Пезтера Тийдо, который работал секретарем с 1946 года и хотел получить высшее партийное

⁸⁶ Число не утвержденных ЦК ВКП(б) кандидатов на учебу в партшколе может быть около двух десятков.

⁸⁷ ERAF 1–4–158, л. 59, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 90 от 10 января 1945 г. Николаю Макарову все же удалось в 1945 г. поступить в ВПШ, которую он окончил в 1947 г. См.: ERAF 1–4–914, л. 39–40, постановления заседаний бюро ЦК КП(б)Э, протокол № 78 от 18 ноября 1950 г.

⁸⁸ ERAF 1–4–636, л. 45–47, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 336 от 20 ноября 1948 г.

⁸⁹ К сожалению, личное дело Э. Силинек отсутствует, ее персональное дело можно проследить только по решениям бюро ЦК КП(б)Э. См.: ЕКР КК Büroo istungite registid, I. 1940–1954. Сост. Т. Таннберг. Tartu, 2006, с. 538.

⁹⁰ ERAF 1–4–734, л. 16–17, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 24 от 7 мая 1949.

⁹¹ Вместо Л. Алгуса в партшколу рекомендовали второго секретаря Йыгеваского уездного комитета КП(б)Э Арнольда Эллера. См.: ERAF 1–4–768, л. 19, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 28 от 25 мая 1949 г.

⁹² ERAF 1–6–4787, л. 28, личное дело Леонида Алгуса.

образование. Его желание не сбылось, поскольку в 1947 году – из-за присланной неким Воробьевым жалобы управлению кадров ЦК КП(б)Э и председателю бюро ЦК КП(б)Э Георгию Перову – было начато расследование прошлого Тийдо. Автор письма утверждал, что в среду руководителей партийной организации Эстонии затесался опасный и хитрый враг Тийдо.⁹³ В частности, Воробьев знал, что в 1937 году Тийдо обвинили в шпионаже. Расследование вопроса Тийдо продвигалось медленно, решение было принято лишь в 1949 году. Все время, пока шло расследование, Тийдо боролся за право учиться в партшколе и сравнивал свое положение с положением Алгуса Раадика, который также впал в немилость, но все же был направлен в Высшую партийную школу.⁹⁴ В 1940-е годы Тийдо был не единственным секретарем уездного комитета, направление которого в ВПШ не попало в повестку дня заседания бюро ЦК КП(б)Э.⁹⁵

Неуспеваемость и исключение из партшколы

Из партшколы могли исключить, в основном, по двум причинам. Во-первых, из-за неуспеваемости и задолженностей в учебе, а во-вторых – по политическим причинам. В некоторых случаях имели место обе причины. Реже прекращали учебу по болезни. С заочного отделения могли исключить и после увольнения с должности,

в то же время неуспеваемость и задолженности могли стать причиной увольнения.

В 1940-е годы учебные задолженности слушателей заочного отделения Высшей партийной школы были серьезной проблемой для ЦК КП(б)Э. За это получали выговоры и сами студенты, и руководство эстонского консультационного пункта партшколы. 26 марта 1947 года на бюро ЦК КП(б)Э обсуждалась успеваемость поступивших на заочное отделение ВПШ в 1944 и 1945 годах. В принятом решении отмечалось, что из двадцати коммунистов, поступивших в партшколу в 1944 году, учебную программу выполнили семнадцать. Самое серьезное положение сложилось у заместителя секретаря ЦК КП(б)Э по транспорту Хермана Паппеля, который за два с половиной года не сдал ни одного зачета. Плохо шла учеба и у министра госконтроля Артура Ваха, у которого было восемь задолженностей. Ему дали на ликвидацию задолженностей время до 1 июня и пригрозили увольнением.⁹⁶ Херману Паппелю же не позволили дожидаться 1 июня: уже 31 марта 1947 года бюро ЦК КП(б)Э решил просить ЦК ВКП(б) исключить его из списка слушателей партшколы в связи с ухудшением здоровья.⁹⁷ Волны увольнений в 1947 году и позже все же не последовало, хотя большинство неуспевающих не смогли ликвидировать свои задолженности, а количество отстающих возрастало и впоследствии.⁹⁸ Видимо, из партшколы за «хвосты» тоже не исключали.⁹⁹ Возможно,

⁹³ ERAF 1–6–9273, л. 21, личное дело Пеэтера Тийдо.

⁹⁴ ERAF 1–6–9273, л. 50–50 об.

⁹⁵ По политическим причинам не попал на учебу в партшколу Аугуст Минне, бывший в 1945–1948 гг. первым секретарем Ляэнемааского комитета КП(б)Э. В 1947 г. было решено направить Минне на партийные курсы или в партшколу. Выяснилось, что брат Минне служил в немецкой армии и Омаякитсе. Минне уволили в 1948 году. См.: ERAF 1–6–2110, л. 30–34, личное дело Аугуста Минне.

⁹⁶ ERAF 1–4–421, л. 40–46, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 232 от 26 марта 1947.

⁹⁷ Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur, с. 386–387.

⁹⁸ 29 июня 1949 года бюро ЦК КП(б)Э предупредило 12 слушателей и потребовало ликвидировать задолженности под угрозой строгого партийного наказания. Из решения бюро ЦК КП(б)Э от 30 ноября 1949 г. явствует, что задолженности по учебе были у 20 из 85 слушателей заочного отделения. См.: ERAF 1–4–777, л. 47, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 35 от 29 июня 1949 г.; ERAF 1–4–852, л. 45–46, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 66 от 30 ноября 1949 г.

⁹⁹ Поступившая в Высшую партийную школу в 1944 году партийный функционер Адель Куйк окончила школу лишь в 1952 году. Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur, с. 502.

проблема заключалась в сложности процедуры исключения: в начале 1953 года ректор Высшей партийной школы предложил дать ректорату право исключать с заочного отделения слушателей, не сдавших за учебный год без уважительной причины ни одного экзамена.¹⁰⁰

Отсутствие порядка и низкая успеваемость были проблемой и в Республиканской партшколе. В 1947 году бюро ЦК КП(б)Э отмечало, что в школе имеются случаи нарушения учебной программы и отмены занятий. Некоторые ученики отстают в учебе, особые трудности для слушателей представляют языки.¹⁰¹

Однако важнее учебы в партшколе все же была политическая благонадежность. Исключения из Высшей партийной школы по политическим причинам начались во второй половине 1940-х годов. Первыми исключенными стали те, кто попал в партшколу, преодолев трудности. В 1946–1948 годах в ВПШ учился Александр Ару, исключенный из партшколы решением ЦК ВКП(б) из-за того, что при вступлении в ВКП(б) в 1944 году скрыл свое социальное происхождение.¹⁰² 18 августа 1950 года решением секретариата ЦК ВКП(б) из Академии общественных наук был исключен Алгус Раадик, направленный в Высшую партийную школу в 1948 году, когда компрометирующие факты о

его родственниках уже расследовались.¹⁰³ Однако после VIII пленума ЦК КП(б)Э руководство Эстонской ССР обнаружило в его прежней деятельности и в прошлом новые обстоятельства, бросающие на него тень.¹⁰⁴ 1 июля 1950 года решением ЦК ВКП(б) с заочного отделения Высшей партийной школы был исключен и Алексей Овсянников, которого в апреле сняли с поста первого секретаря Валгаского уездного комитета КП(б)Э как пособника кулачества и других буржуазно-националистических и контрреволюционных элементов.¹⁰⁵ После пленума с заочного отделения ВПШ исключили и Лембита Льюйса как «снятого с должности министра пищевой промышленности за организацию незаконной выработки спирта и отпуск его без фондов».¹⁰⁶ В отличие от Овсянникова, работавший до 1949 года министром Льюйс был не только уволен, но и арестован органами госбезопасности.¹⁰⁷

В конце 1940-х годов начались исключения по политическим причинам и из Республиканской партийной школы.¹⁰⁸ Слушателей этой школы стали считать крайне неблагонадежными. Из обзора отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) накануне VIII пленума в январе 1950 года явствует, что на 92 из 298 слушателей партшколы имелись компрометирующие данные. Среди выпускников 1948-го

¹⁰⁰ РГАНИ 5–15–405, л. 16–18, письмо ректора Высшей партийной школы при ЦК КПСС Митронова секретарю ЦК КПСС А. Аристову от 28 января 1953 г.

¹⁰¹ ERAF 1–4–421, л. 43–44, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 232 от 26 марта 1947 г.

¹⁰² Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur, с. 373–375.

¹⁰³ РГАСПИ 17–119–18, л. 1–5, решение секретариата ЦК ВКП(б) № 554/228-с от 18 августа 1950 г.

¹⁰⁴ Например, вхождение в троцкистско-зиновьевскую группу в середине 1930-х годов. Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur, с. 337–339.

¹⁰⁵ Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur, с. 300–301.

¹⁰⁶ Л. Льюйс учился в партшколе с 1948 года и успел окончить два курса. См.: ERAF 1–6–12028, л. 50, личное дело Лембита Льюйса.

¹⁰⁷ Л. Льюйса арестовали 1 марта 1950 г., 23 января 1952 года решением Военной коллегии Верховного суда СССР на основании ст. 58-1а, 58-10 п. 2 и 58-11 УК РСФСР приговорили к 25 годам заключения. Освобожден в 1955 году. Nõukogude okupatsioonivõimu poliitilised arreteerimised Eestis, 3 = Political arrests in Estonia under Soviet occupation, 3. Сост. Л. Ёйспуу. Tallinn, 2005, с. 536.

¹⁰⁸ Одним из известных партийцев был исключенный из школы в 1949 году по политическим причинам Эдуард Сяремат, бывший в 1946–1948 гг. первым секретарем Ярвамааского комитета КП(б)Э. Причиной направления Сяремата в партшколу стало кулацкое прошлое родственников жены, которое выяснилось в 1948 году. «Ошибки» Сяремата в работе тогда объяснили отсутствием политического образования. Eestimaa Kommunistliku Partei kohalikud organisatsioonid, с. 323–324.

и 1949 годов выявлено десять бывших членов «Кайтселията» и семеро наказанных в уголовном порядке.¹⁰⁹ Вероятно, на негативный имидж партшколы повлиял и скандал Гуйдо Тафта, высказавшего на семинаре в учебном заведении «враждебное» мнение¹¹⁰ о работе Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». При заступничестве Каротамма Тафту позволили в 1949 году окончить партшколу, но после VIII пленума он был арестован и приговорен к 10 годам лишения свободы.¹¹¹

Дальнейшая деятельность выпускников партшколы: карьера с партийным образованием?

На основании хранящихся в Эстонии документов невозможно выяснить, сколько коммунистов из списка партийной организации ЭССР окончили Высшую партийную школу, поскольку отсутствует соответствующая статистика. Некую картину дают всесоюзные показатели. Изучавшая партийную пропаганду Эллен Мицкевич утверждает, что в период с 1946-го по 1966 год в Советском Союзе партийно-политическое учебное заведение окончили лишь 159 000 партийных функционеров, или 2% вступивших в этот период в партию.¹¹² Окончивших республиканские, краевые и областные партшколы в 1948–1958 годах было 55 000. За тот же период Высшую партийную школу окончили 2843 и заочное

отделение ВПШ – 6000 коммунистов.¹¹³ Имеется статистика и по выпускникам Республиканской партийной школы. До закрытия партшколы в 1958 году ее окончили 734 человека, при этом из первого выпуска в 1948 году школу окончил 81 человек из 100.¹¹⁴

Чтобы выяснить, какие возможности и преимущества давало высшее партийное образование, надо остановиться на дальнейшей карьере выпускников партшкол. В большинстве случаев после окончания школы партийного или советского функционера направляли на то же место, где он работал ранее. Например, выпускников Республиканской партийной школы отправляли в те уезды и города, откуда их направили в партшколу.¹¹⁵ Большинство тех, кого в Высшую партийную школу командировал ЦК КП(б)Э, после окончания возвращались на работу в Эстонию. Исключение составляли отдельные русские по национальности коммунисты.¹¹⁶

Как правило, карьера выпускников Высшей партийной школы складывалась не более успешно, чем у других коммунистов с партийно-политическим образованием. Нет данных и о том, что не имеющим партийного образования товарищам приходилось уступать свои посты выпускникам партшкол. Кроме того, еще в 1950 году доля коммунистов, имеющих партийно-политическое образование, в руководстве Эстонской ССР была невелика, и преимущество наличия образования вы-

¹⁰⁹ РГАСПИ 17–132–335, л. 23–31, письмо инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Шихарева секретарю ЦК ВКП(б) М. Сулову 26 января 1950 г.

¹¹⁰ Тафт якобы выразил свое непонимание текста словами «Täiesti jama, mitte midagi ei saa aru» («Полная ерунда, ничего не понимаю»).

¹¹¹ ERAF 1–7–8482, л. 3, 3 об, 4–13, дело по персональному вопросу Гуйдо Тафта; ERAF SM 130–1–3711, л. 123, 140, следственное дело Гуйдо Тафта.

¹¹² Эта цифра получена путем суммирования числа выпускников Академии общественных наук, высших и республиканских и областных партшкол и советских партийных школ. Ellen Mickiewicz. *Modernization of Party Propaganda in the USSR*. – *Soviet Studies*. 1971, № 2, с. 262–263.

¹¹³ И. Пронин. *Руководящие кадры*, с. 28–29.

¹¹⁴ М.-М. Koppel. *Küüditajate kool*, с. 52.

¹¹⁵ ERAF 1–4–762, л. 28–30, протокол собрания ЦК КП(б)Э № 28 от 25 мая 1949 г.

¹¹⁶ Заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских организаций ЦК КП(б)Э Александра Олина направили в Высшую партийную школу в 1949 году, в дальнейшем он с Эстонией связан не был. *Eestimaa Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur*, с. 543–544.

явить сложно. По состоянию на 1 января 1950 года из 666 руководящих работников ЭССР партийно-политическое образование имели 100 человек, из них лишь у двадцати одного было высшее партийное образование.¹¹⁷ Выпускников Высшей партийной школы среди руководящих кадров было 19 человек.¹¹⁸

В случае с выпускниками партшкол возникает вопрос: не сделали бы они столь же успешную карьеру и без партийного образования? Ответ явно «да», потому что в высшем руководстве Эстонской ССР в 1940-е годы было достаточно коммунистов без партийного образования.¹¹⁹ С другой стороны, нельзя отрицать, что среди выпускников партшкол были коммунисты, сделавшие карьеру. Окончивший Высшую партийную школу в 1948 году Эндель-Йоханнес Янимяги стал в 1953 году секретарем ЦК КП(б)Э.¹²⁰ Пик карьеры учившегося в ВПШ в 1946–1949 гг. Александра Кельберга пришелся на март 1950 года, когда он занял пост секретаря ЦК КП(б)Э.¹²¹ Лучшие возможности карьерного роста открывались перед коммунистами, занимавшими до поступления в партшколу скромные должности.¹²² Достаточно обычной была ситуация, когда окончание ВПШ не приводило к продвижению по службе. Мало того, не для всех вернувшихся из партшколы находилось

место в организации, откуда их направили в партшколу и куда они рассчитывали вернуться.¹²³

Окончившие заочное отделение Высшей партийной школы были в другой ситуации. Их, как правило, после вручения дипломов не назначали на новую должность, а смена места работы происходила не из-за образования, а по каким-то другим причинам. У выпускников Республиканской партшколы перспективы были несколько лучше, поскольку они, в основном, работали до учебы на более низких должностях.

Заключение

В заключение можно сказать, что партийно-политическое образование в 1940-е годы было привилегией немногих, однако, несмотря на это, являлось составной частью идеологической подготовки и воспитания занимавших руководящие посты коммунистов. На очном и заочном отделениях Высшей партийной школы в 1940-е годы учились лишь около сотни членов КП(б)Э, что составляет менее 1% от общего числа коммунистов в партийной организации Эстонии.¹²⁴

Из настоящего исследования явствует, что многие поступающие в партийные школы не отвечали условиям приема

¹¹⁷ ERAF 1–307–33, л. 64, справка о составе руководящих кадров по состоянию на 1 января 1950 г.

¹¹⁸ Среди членов КП(б)Э к 1950 году должно было быть больше 19 выпускников, это означает, что и окончание партшколы не гарантировало карьеры в партийных и советских органах.

¹¹⁹ Председатель Совета министров ЭССР Арнольд Веймер, вторые секретари ЦК КП(б)Э Сергей Сазонов и Георгий Кедров и преемник Веймера Алексей Мюйрисепп.

¹²⁰ Eestimaа Kommunistliku Partei Keskkomitee organisatsiooniline struktuur, с. 296–297.

¹²¹ Там же, с. 305–307.

¹²² Типичный пример этого – Яан Ребане, который до поступления в Высшую партийную школу в 1947 году был руководителем группы лекторов ЦК ЛКСМЭ, а в 1950 году после окончания вуза был утвержден на должность заведующего сектором литературы и искусства отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Э. См.: ERAF 1–4–432, л. 213, протокол заседания собрания ЦК КП(б)Э № 247 от 25 июня 1947 г.; ERAF 1–4–997, л. 240, протокол заседания бюро ЦК КП(б)Э № 122 от 24 августа 1950 г.

¹²³ В 1948 году обратно в ЭССР направили бывшего заведующего спецсектором ЦК КП(б)Э Андрея Павлова, который хотел работать в аппарате ЦК КП(б)Э. В заявлении на имя Н. Каротамма он писал, что готов работать в любом отделе, но ЦК КП(б)Э предложил ему место первого секретаря комитета КП(б) Морского района Таллинна, с чем Павлов после некоторых сомнений согласился. См.: ERAF 1–6–2447, л. 15, личное дело Андрея Павлова.

¹²⁴ В начале 1945 года в КП(б)Э состояли 2409 человек, в начале 1950 года – 17 639 коммунистов. Коммунистическая Партия Эстонии в цифрах 1920–1980, с. 88–91, 108, 109.

– из-за отсутствия требуемого среднего образования, из-за превышения предельного возраста или по причине провала на вступительных экзаменах. С другой стороны, находились коммунисты, которых не приняли в партшколу по политическим причинам. Неудачность и политика были основными причинами исключения из партийных школ в конце 1940-х годов.

Дальнейшая деятельность выпускников партийных школ свидетельствует, что партийно-политическое образование не давало преимуществ при построении политической карьеры, с точки зрения партийных органов гораздо важнее была политическая надежность. Среди окончивших партшколу были как коммунисты-карьеристы, так и те, которых направили на те же должности, которые они занимали до учебы.

Исследование осуществлено в рамках целевой темы Министерства образования и науки Эстонской Республики «Эстония в годы холодной войны» (SF0180056s09) и гранта Научного фонда Эстонии № 7523 «Управление Эстонской ССР: институциональное развитие и функционирование властной структуры (1944–1964)»

Олев Лийвик

(1971)

Магистр истории (2005), докторант Института истории и археологии Тартуского университета.

Научный сотрудник Исторического музея Эстонии.

Область исследований: Политическая история Эстонии в XX в.

Артиллеристский офицер и орденосец Мельников подписывается на государственный заем. 1947 г. EFA 0-451

Первый заместитель Верховного совета ЭССР Н. Андресен вручает звеньевому совхоза Юленурме Антону Розину орден Ленина. 1948 г. EFA 0-1349

Система советских наград и Советская Эстония (1945–1953)

Хильяр Таммела

Введение

Вторая половина 1940-х и начало 1950-х годов стали поворотным периодом в истории Эстонии XX века, и ключевое слово этого периода – советизация, или установление советского государственного и общественного строя.¹ При рассмотрении процесса советизации Эстонии до сих пор больше исследовались механизмы принуждения и репрессивная политика советской власти. Проводившаяся одновременно с репрессиями политика своего рода мягкого охватывания, включавшая в себя предоставление различных благ (льгот, премий, почетных званий, наград и т. д.), оставалась на заднем плане.

Настоящая статья призвана сделать шаг в направлении исследования этого вопроса путем рассмотрения основных принципов советской наградной системы и статистики наград первого десятилетия советизации Эстонии. Цель этой статьи – выяснить, какие ордена и медали составляли систему наград, за какие достижения они вручались, кому и сколько их было дано за рассматриваемый период. При этом здесь рассматривается верхняя часть системы, т. е. награждение важнейшими орденами и медалями. Автор не рассматривал всесоюзные премии, почетные звания и почетные грамоты, а также награждения на более низком уровне (союзная республика, всесоюзное

или республиканское министерство, уездный или районный исполком и т. д.).

Литературу о советских наградах нельзя назвать слишком многосторонней и обширной. В Советском Союзе в то время, когда эта система реально действовала, не было возможностей для научного изучения ее принципов. Касающаяся награждений литература, конечно, издавалась, но оставалась в основном на уровне воспитательного чтения для молодежи. Издавались биографические сборники о кавалерах высших наград, а также отдельные статистические сборники для служебного пользования. В последние два десятилетия активизировалась деятельность коллекционеров, результатом которой, помимо прочего, стали соответствующие печатные издания и интернет-сайты. Хотя интерес западных и современных российских историков к теме наград невелик, опубликованы некоторые работы, которые несколько глубже анализируют систему советских наград.²

Основным источником для написания статьи послужили хранящиеся в Государственном архиве Эстонии материалы отдела учета и регистрации награжденных при Президиуме Верховного совета Эстонской ССР, а также документы Центрального комитета Коммунистической партии Эстонии.³ Источником

¹ См. напр.: Eesti NSV aastatel 1940–1953: Sovetiseerimise mehhanismid ja tagajärjed Nõukogude Liidu ja Ida-Euroopa arengute kontekstis. Сост. Т. Таннберг. (Eesti Ajalooarhiivi toimetised, 15 (22)). Tartu, 2007.

² Олег Смыслов. Загадки советских наград. 1918–1991 годы. Москва, 2005; Philomena Guillebaud. The Role of Honorary Awards in the Soviet Economic System.– American Slavic and East European Review. 1953, № 4, с. 486–505, и т. д.

³ Коммунистическая партия Эстонии (КПЭ) – территориальная организация, часть Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). До 1952 г. эти организации назывались соответственно Коммунистическая партия (большевиков) Эстонии (КП(б)Э) и Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) (ВКП(б)).

ценной информации стал и Российский государственный архив социально-политической истории. Кроме того, в статье использованы различные правовые акты, регулирующие порядок присуждения, вручения и т. д. советских наград.⁴

Формирование системы советских наград

Учреждение орденов союзных республик

16 сентября 1918 года декретом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) был учрежден первый советский орден – орден «Красное знамя» Советской России. В октябре того же года президиум ВЦИК утвердил эскиз ордена, и в январе 1919 года были изготовлены первые ордена. Это была военная награда, т. е. ее вручали за военные заслуги. В общей сложности, за годы гражданской войны было выдано 15 000 орденов «Красное знамя». Декретом ВЦИК от 8 апреля было дополнительно учреждено почетное революционное оружие – наградное холодное оружие (шашка или кортик) с накладным орденом «Красное знамя» РСФСР.

В декабре 1920 года был учрежден орден «Трудовое красное знамя» РСФСР. Он стал параллельной боевому ордену Красного знамени наградой в гражданской области, которую стали вручать за трудовые достижения. В 1920–1921 годах аналогичные орденам Красного знамени и Трудового красного знамени награды были учреждены и в других советских республи-

ках. В общей сложности было учреждено 22 ордена союзных республик.⁵

В 1921 году появилось почетное звание «Герой труда». Звания удостоивались рабочие с большим стажем, вместе со званием им вручали «ценные подарки» – дефицитные товары, например, отрез ткани, туфли и т.п. Никаких официальных почетных знаков этому званию не сопутствовало. Точных данных о том, насколько это почетное звание было распространено в других союзных республиках, нет, как и данных об общем числе Героев труда.⁶

Известно постановление Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 1927 года, регулирующее статус звания «Герой труда». Оно могло быть присвоено «лицам, имеющим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы» и проработавшим по найму не менее 35 лет. Это звание присваивалось и военным.⁷

Всесоюзные ордена и медали

Другие советские республики не полностью копировали существовавшую в РСФСР систему наград, по регионам существовали многие различия. Однако после создания унитарного государства СССР в 1922 году был взят курс на унификацию союзных республик. В 1924 году был учрежден всесоюзный орден Красного знамени и орден Трудового красного знамени.

Первое Общее положение об орденах Союза ССР от 1930 года⁸ еще предусма-

⁴ Nõukogude Sotsialistlike Vabariikide Liidu Konstitutsioon (Põhiseadus). Tallinn, 1950; Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик. 1927–1938; NSVL seaduste ja NSVL Ülemnõukogu Presiidiumi seadluste kogu. 1938. a. – juuni 1944. a. Moskva, 1944; Nõukogude Sotsialistlike Vabariikide Liidu Ülemnõukogu Teataja. 1945–1953 и т. д.

⁵ Александр Кузнецов. Награды. Энциклопедический путеводитель по истории Российских наград. Москва, 1998, с. 355.

⁶ Почетное Звание «Герой Труда».

<http://www.mirnagrada.ru/cgi-bin/exinform.cgi?page=11&ppage=1> [28.04.2008]

⁷ О героях труда [27.07.1927]. – Собрание, № 45, 11.08.1927, с. 866. В развитие звания «Герой труда» в 1938 г. было создано звание Героя социалистического труда, более четко регламентированное и занимавшее более высокое место в системе советских наград.

⁸ Этот правовой акт устанавливал порядок учреждения, вручения и ношения орденов (позже и медалей), а также сопутствующие им льготы. Общее положение позже выходило в новых редакциях от 1936 и 1979 гг.

тривало параллельное существование республиканских и общесоюзных орденов, при этом за республиканским ЦИК оставалось право награждать орденами союзных республик, и – при согласии ВЦИК – учреждать новые. В 1933 году республики лишились этих прав, однако выданные до этого республиканские ордена сохранились, т. е. они были признаны государственными почетными знаками. Тем самым, право учреждать советские ордена и награждать ими полностью перешло на всесоюзный уровень.

К концу 1920-х годов вся всесоюзная система орденов, как ранее на уровне РСФСР, состояла лишь из двух наград, т. е. ордена Красного знамени за боевые заслуги и ордена Трудового красного знамени за трудовые подвиги. Наряду с орденами в качестве государственной формы признания существовало и почетное звание Героя труда.

Представление, что для государственной системы наград достаточно лишь одного военного и одного гражданского ордена, начало меняться уже во второй половине 1920-х гг. В 1930 году появились две новые награды – орден Ленина, задуманный как высший гражданский орден (согласно первоначальному статуту, им награждали «за особые заслуги в деле социалистического строительства») и орден Красной звезды – военный орден ступенью ниже ордена боевого Красного знамени.

В 1935 году был учрежден пятый всесоюзный орден «Знак почета», представляющий собой определенный «гибрид» военной и гражданской награды: его можно было вручать как за особые достижения «в социалистическом строительстве», так и «за заслуги по повышению боеспособности Красной Армии и обороноспособности Союза ССР».⁹ В этот период за боевые заслуги стали награждать и орденом Ленина.

В 1938 году систему государственных наград СССР дополнили двумя военными и двумя гражданскими медалями.

В иерархии наград более высокое место занимали медаль за военные заслуги «За отвагу» и гражданская «За трудовую доблесть». Медали более низкого класса соответственно назывались «За боевые заслуги» и «За трудовое отличие». В 1938 году была вручена также первая всесоюзная юбилейная медаль «XX лет РККА» (Рабоче-крестьянской Красной армии).

Вершиной советской системы наград стали два высших почетных звания. В военной области высшим было почетное звание Героя Советского Союза (учреждено в 1934 г.). Удостоенным этого звания вручали также орден Ленина и медаль «Золотая звезда» (с 1939 г.). Высшим гражданским почетным званием было звание Героя социалистического труда (учреждено в 1938 г.), ему также сопутствовал орден Ленина и медаль «Серп и Молот» (начиная с 1940 г.).

В годы Великой Отечественной войны было учреждено еще множество военных орденов и медалей, которые значительно изменили существовавшую систему. Большинство новых орденов носили имена известных русских полководцев и предназначались главным образом для награждения командиров Красной армии. Таковы были, например, ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Нахимова и Ушакова (два последних дополнялись и одноименными медалями). Эксклюзивным можно считать орден Победы, которым награждались лица высшего командного состава Красной Армии и некоторые военачальники союзных государств. За все время существования было вручено всего 20 таких орденов (17 кавалерам). Для рядовых солдат и младших офицеров предназначался орден Отечественной войны и орден Славы, которым награждали за личную храбрость. Кроме того, было учреждено множество медалей за защиту советских городов и за взятие городов противника. В честь окончания войны десятиmillion-

⁹ Об установлении ордена «Знак Почёта» [25.11.1935]. – Собрание, № 24, 28.05.1936, с. 366.

ными тиражами были выпущены различные памятные медали.

В 1944 году появились особые награды в знак признания многодетным матерям. Было учреждено три разные награды, которые вручались матерям в зависимости от количества рожденных и воспитанных ими детей. «Медалью материнства» II и I степени награждались матери соответственно пятерых и шести детей, ордена «Материнская слава» III–I степени вручались матерям, родившим и воспитавшим восемь и девять детей. Матерям, родившим и воспитавшим десять и более детей, присваивалось звание «Мать-героиня» и вручался одноименный орден.¹⁰

В последующие десятилетия до развала Советского Союза система наград пополнилась еще пятью орденами. К 50-й годовщине октябрьского переворота 1917 года был учрежден орден Октябрьской революции (1967), которым награждались как лица, внесшие вклад в становление советского государства, так и тогдашнее руководство страны. Орден Дружбы народов (1972) должен был подчеркивать хорошие отношения с дружественными странами, а также дружбу между народами Совет-

ского Союза. В том же году (1972) был учрежден орден Трудовой славы, соответствовавший боевому ордену Славы. В 1974 году был создан специальный орден «За службу Родине в Вооруженных Силах» для награждения военнослужащих. В последние годы существования СССР был учрежден орден «За личное мужество» для награждения граждан за мужество и отвагу в мирное время (при спасении людей, охране общественного порядка и социалистической собственности и т. д.). Было учреждено также множество юбилейных и прочих медалей.

В 1945–1953 годах система наград Советского Союза состояла на государственном уровне из трех важнейших почетных званий, 29 орденов и 11 медалей (не считая медалей, связанных с Великой Отечественной войной, и различных памятных и юбилейных медалей). Если исключить награды многодетным матерям и награды, напрямую связанные с боевыми действиями прошедшей войны, остается более универсальное ядро системы наград (два почетных звания – пять орденов – четыре медали), которое в основном и рассматривается в настоящей статье.

Схема 1. Высшие государственные награды СССР 1945–1953 годов, в порядке старшинства – сверху вниз.¹¹

<i>военная область</i>		<i>гражданская область</i>	
Почетное звание Героя Советского Союза (+ медаль «Золотая звезда»)		Почетное звание Героя социалистического труда (+ медаль «Серп и молот»)	
Орден Ленина			
Орден Красного Знамени Орден Красной Звезды		Орден Трудового Красного Знамени Орден «Знак почета»	
медаль «За отвагу»		медаль «За трудовую доблесть»	
медаль «За боевые заслуги»		медаль «За трудовое отличие»	

¹⁰ Постановление Президиума Верховного совета СССР об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, об усилении охраны материнства и детства, учреждении почетного звания «Мать-героиня» и ордена «Материнская слава» и «Медали материнства» [08.07.1944]. – ENSV Teataja. 1945, № 4, с. 43.

¹¹ В таблицу не включены награды, учрежденные во время Великой Отечественной войны, и награды многодетным матерям.

В рассматриваемый период делалось немало предложений по дополнению системы советских наград, которые не получили положительного решения. В числе прочих руководство Эстонской ССР в 1944 году выступило с предложением учредить на республиканском или всесоюзном уровне орден Лембиту.¹² Посылком послужило, вероятно, учреждение во время войны других орденов имени полководцев, особенно ордена Богдана Хмельницкого (единственная награда имени не русского полководца, созданная перед наступлением Красной Армии на Украине в 1943 году). Однако к 1944 году ситуация уже изменилась и борьба с «национализмом» вновь стала в повестку дня. Во всяком случае, предложение принято не было.¹³

Вопрос группирования наград

В рассматриваемый период в Советском Союзе ежегодно вручали тысячи наград. Для того, чтобы понять принципы построения системы советских наград, было бы полезно распределить эти награды по определенным группам. Для начала их можно разделить на те, что вручались за военную доблесть, и те, которыми отмечались гражданские заслуги. Награды можно также разделить на две группы исходя из того, кто был награждаемым – отдельные личности или коллективные образования (завод, театр, союзная республика и т. д.). Однако для детального изучения вышеназванной системы этого недостаточно.

Разумно было бы разделить выдававшиеся в Советском Союзе в рассматрива-

емый период почетные звания, ордена и медали на группы, взяв за основание перечисленные в законодательстве о награждениях заслуги, за которые присваивались конкретные награды. Таким образом, четко выделяется пять крупных групп, обозначенных далее буквами от а до е:

- a) награждение за какое-либо особое **достижение**. В армии или в системе госбезопасности это могла быть, например, успешно проведенная военная операция. В гражданской области подобным достижением могло быть завершение какой-либо крупной стройки (канала, завода, гидроэлектростанции и т. п.), создание и успешное испытание (военной) техники и т. д.;
- b) выполнение установленной **орденской нормы** (в основном, это касалось сельского хозяйства, где существовали определенные нормы урожайности, за превышение которых работников периодически награждали)¹⁴;
- c) **юбилей (трудового) коллектива** – массовые награждения в связи с юбилеем какого-либо учреждения или даже союзной республики;
- d) награждения **за выслугу лет** (вводились определенные нормы трудового стажа, и превысивших их работников периодически награждали. Первую медаль за выслугу лет можно было получить после 10–15 лет работы);
- e) награждение по случаю **юбилея конкретного человека** или индивидуального «трудового юбилея». Такого признания удостоивались очень немногие, причем почти без исключений это были представители партийной и культурной элиты.

¹² Лембиту – эстонский старейшина, в XIII веке руководивший дружинами эстов в важных сражениях против рыцарей ордена Меченосцев. Можно сказать, что для эстонцев Лембит – символ сопротивления немецким крестоносцам (сравнимый с Александром Невским).

¹³ Tõnu Tannberg. Lembitu ordeni asutamist peame ... üsna tähtsaks. – Eesti Ekspress, 11.08.2004, с. А24–А25.

¹⁴ В действительности в эту группу можно включить и большое количество награждений времен Великой Отечественной войны, поскольку в статутах орденов военных лет детально обозначены заслуги, за которые вручались соответствующие ордена. Например, орден Отечественной войны I степени вручался тому, кто «...уничтожил огнем артиллерии не менее 3 самолетов противника» или «...с боем захватил артиллерийскую батарею противника» и т. д. Об учреждении ордена «Отечественная война» I и II степени. Указ от 20 мая 1942. – Законы СССР, с. 224–229.

Процедура награждения

Представление лиц к награде

При рассмотрении тематики присуждения наград за различные заслуги сразу возникает вопрос о том, кто и как решал, какие именно люди достойны соответствующего признания. Знакомство с архивными источниками создает впечатление, что присвоение наград **категории А** (за особые достижения) осуществлялось на основании определенных квот. Вероятно, в СССР на самом высоком государственном уровне принималось политическое решение о том, что представители какой-либо сферы деятельности достойны государственного признания (например, в случае успешного осуществления какого-либо крупного проекта), определялось и количество награждаемых лиц. Затем, вероятно, в соответствующем министерстве или в отделе ЦК ВКП(б) это число пропорционально распределялось между союзными республиками: сколько лиц и на какие награды может представить каждая республика.

Самым выразительным источником, встреченным автором при исследовании этой темы, являются переданные из Москвы в Таллинн инструкции по одному конкретному случаю. Это письменный конспект телефонного разговора чиновника отдела тяжелой промышленности ЦК КПСС Грозова с ЦК КПЭ, в котором даны указания по выдвижению кандидатов на предстоящее награждение работников нефтегазовой отрасли. Эстонская ССР получила квоту на выдвижение 18 человек (один орден Ленина, четыре ордена Трудового Красного знамени, семь орденов «Знак почета», три медали «За трудовую доблесть» и три медали «За трудовое отличие»). При этом уточнялось, что «среди представленных на награждение должно

быть 65–67% рабочих и мастеров, 19% занятых непосредственно на производстве инженерно-технических работников» и т. д. Там же имеется и сделанное работниками ЦК КПЭ первоначальное распределение квоты среди предприятий ЭССР.¹⁵ Правда, этот документ относится к 1958 году, выходящему за рамки обозначенного в настоящей статье периода, но прочие источники и прослеживаемая внутренняя логика и механизмы действия системы награждений позволяют полагать, что точно так же происходило представление к наградам категории А и в предшествовавшие годы.

Награждения **категории В** получили в Советском Союзе начало в 1947 году, когда Президиум Верховного Совета СССР принял первые указы, устанавливавшие определенные нормы в сельском хозяйстве, при выполнении которых работники имели право на получение награды. Для регулирования соответствующего делопроизводства были изданы постановления Совета министров СССР, на их основании – постановления республиканских Советов министров, которые устанавливали порядок представления лиц к наградам категории В. Согласно порядку, руководство хозяйства должно было представлять материалы о лицах, выполнивших соответствующие нормы, уездному или районному исполкому Совета депутатов трудящихся, откуда их следовало направить Совету министров союзной республики. Оттуда материалы направлялись для проверки межрайонным государственным инспекторам по определению урожайности, и в случае подтверждения с их стороны ходатайство пересылалось в соответствующее союзное министерство.¹⁶ При этом все вышеперечисленные инстанции должны были проверять, соответствует ли действительности высокий урожай или

¹⁵ Филиал Эстонского Государственного Архива (ERAF) 1–219–1, л. 59–61, рукописный конспект телефонограммы тов. Грозова, ЦК КПСС, 17.12.1958.

¹⁶ В случае представления к наградам работников совхозов – в министерство совхозов СССР, работников колхозов, МТС и т.п. – в министерство сельского хозяйства СССР.

высокий прирост стада, связываемый с кандидатом на получение награды.

В этих инструкциях не упоминается политический контроль, сопутствовавший проверке результатов труда. В рассматриваемый период в Эстонской ССР лишь дважды (в 1948 и 1950 годах) представленные к награде категории В кандидатуры рассматривались на самом высоком уровне – бюро ЦК КПЭ.¹⁷ В остальных случаях утверждение, вероятно, происходило в сельскохозяйственном отделе ЦК КПЭ или в сельхозотделах уездных комитетов.

Стоит отметить, что в рассматриваемый период награждения категории В серьезно пропагандировались среди сельчан¹⁸, что должно было повысить мотивацию работников сельского хозяйства, а тем самым и результаты их труда. Однако награды категории В составляют лишь очень малую долю от общего числа выданных орденов и медалей (см. таблицу 3).

Заклучалась причина этого в упадке сельского хозяйства в послевоенные годы, в низкой мотивации сельчан, в излишней занятости соответствующих должностных лиц (они не успевали корректно оформлять требующиеся документы¹⁹) или в их невысоком профессиональном уровне – этот вопрос нуждается в отдельном исследовании.

В том, что касается награждений **категории С**, очевидно, что в случае юбилея крупной всесоюзной организации (в рас-

сматриваемый период, например, прокуратуры или комсомола) – так же, как и при награждениях категории А – принималось политическое решение о необходимости массовых награждений и утверждалась общая квота, распределявшаяся между подразделениями в союзных республиках.

Летом 1950 года, перед массовыми награждениями в связи с 10-летием Эстонской ССР, квоты были разосланы в уездные комитеты КП(б)Э, которые должны были произвести отбор кандидатов на награждение в рамках предусмотренных норм. В переписке между республиканским центральным комитетом компартии и ЦК ВКП(б) награждение оформлялось в виде якобы инициативы Эстонской ССР: «В связи с 10-й годовщиной установления Советской власти в Эстонской ССР ЦК КП(б)Э просит ЦК ВКП(б) разрешить представить к награждению орденами и медалями Советского Союза самых передовых работников... которые самоотверженно боролись за послевоенное восстановление республики».²⁰

Награждение за выслугу лет (**группа D**) получило начало в 1944 году, первоначально награды присваивались лишь за многолетнюю службу в вооруженных силах и органах госбезопасности. С 1947 года награждения за выслугу лет стали распространять также на различные должности гражданской сферы. Были установлены нормы стажа, необходимые для получе-

¹⁷ См.: ЕКР КК büroo istungite regestid, I. 1940–1954. Сост. Т. Таннберг. Tartu, 2006, с. 234, 377.

¹⁸ Необходимые для награждений группы В нормы печатались как в виде специальных брошюр, так и публиковались в республиканских газетах. Агитаторы говорили о них на собраниях. Соответствующее структурное подразделение министерства сельского хозяйства ЭССР называлось отделом агро-зоотехнической пропаганды. При министерстве сельского хозяйства СССР существовал специальный отдел по вопросам награждения передовиков.

¹⁹ По каждому кандидату, представляемому на награду из группы В, следовало оформить огромное количество различных отчетов как по поводу конкретного работника, так и по результатам работы всего хозяйства в целом. Министерство сельского хозяйства ЭССР в рассматриваемый период постоянно упрекало сельхозотделы уездных исполкомов в том, что они не представили данные о награждениях к нужному сроку, неверно заполнили бланки и т.п. См.: ERA R6–8–35, переписка по вопросам получения высоких урожаев сельхозкультур и награждения передовиков сельского хозяйства в колхозах республики, 1949 год.

²⁰ ERAF 1–53–197, л. 74–75, доклад секретаря ЦК КП(б)Э Кэбина секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину от 9 июля 1950 г. Летом 1950 г. подобные массовые награждения «в связи с 10-й годовщиной установления Советской власти» имели место также в Латвийской и Литовской ССР.

ния той или иной награды (нормы были разными в различных сферах). Награждения за стаж регулировались указами и специальными инструкциями Президиума Верховного Совета СССР.

В соответствии с ними, кандидатов на награды группы D Президиуму Верховного Совета СССР могли представлять, например, республиканское министерство (в случае награждения учителей – министерство просвещения Эстонской ССР), Совет министров республики (в случае награждения научных работников) или же всесоюзное министерство (министерство совхозов СССР должно было передавать полученные из Эстонской ССР данные о зоотехниках, агрономах и др. работников совхозов). Кандидатов на награждение следовало представлять один раз в год к определенной дате (например, к 1 июня, 31 декабря и т. п.).

По закону формулировка награждения гласила «за выслугу лет и безупречную работу». При этом инструкции по награждениям обычно содержали отметку, что в случае отрицательной оценки работы кандидата его награждение может быть *отложено* (но не окончательно отменено), что вызывает вопрос, было ли идеей распоряжения награждать всех работников, имеющих соответствующий стаж.

Награды категории D в рассматриваемый период составляли более половины выданных в Эстонской ССР орденов и медалей – в общей сложности их было около 4000 (см. таблицу 3). Если не считать наград за многолетнюю службу в органах безопасности, остается примерно 1500 наград представителям различных гражданских профессий. В общем, это довольно маленькая цифра, если учитывать, что в

1947–1953 годах было издано 30 указов, устанавливающих награждения за выслугу лет в различных сферах.

Возможно, в данном случае существенную роль вновь сыграл «политический контроль». Сохранился циркуляр 1-го секретаря ЦК Компартии Эстонии от 1948 года, в котором говорится: «ЦК КП(б)Э предлагает уездным и городским комитетам взять под партийный контроль работу по представлению к награждению учителей.²¹ Особое внимание следует обратить на всестороннюю проверку кандидатур учителей, представленных к награждению, не допуская представлять к награждению лиц, ... скомпрометировавших себя в прошлом или в настоящее время, и неблагонадежных».²² Понятно, что в царившей в те годы политической атмосфере партийные функционеры и чиновники отделов образования исполкомов подходили к отбору кандидатов осторожно, боясь в случае отвода кандидатуры на награждение или репрессий в отношении этого лица отголосков в будущем и в своей работе.

Представление учителей к наградам группы D шло настолько медленно, что Президиум Верховного Совета ЭССР принял в 1953 году по этому вопросу отдельный указ, в котором отмечалось: «Министерство просвещения ЭССР ... видимо, недооценило эту задачу, имеющую большое политическое значение. Так, в ЭССР на основании вышеназванного указа награждено в общей сложности только 50 человек, при этом большое число учителей, имеющих необходимый постоянный трудовой стаж и достойных награждения, не представлены к награждению».²³ Можно предположить, что схожая ситуация сложилась и в других областях.

²¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении работников образования за выслугу лет вышел в феврале того же года, т. е. за семь месяцев до циркуляра о «партийном контроле». См.: Õpetajate autasustamise kohta NSVL ordenite ja medalitega teenistusaastate ja laimatu töö eest [12.02.1948]. – Nõukogude Sotsialistlike Vabariikide Liidu Ülemnõukogu Teataja. 18.02.1948, с. 1.

²² ERAF 148–8–36, л. 1, письмо секретаря ЦК КП(б)Э Каротамма секретарю Тартуского уездного комитета Брандту от 10. сентября 1948 г.

²³ ERA R 3–3–2144, л. 1, NSVL ÜNP 12.02.1948 seadluse «Õpetajate autasustamisest NSVL ordenite ja medalitega väljateenitud aastate ja laimatu töö eest» täitmise kohta ENSV haridusministeeriumi poolt [1.08.1953].

В отношении награждений **группы Е** трудно сказать что-то определенное из-за небольшого их количества. В рассматриваемый период в Эстонской ССР по случаю личного юбилея была вручена лишь одна награда – орден Трудового Красного знамени актеру Антсу Лаутеру в связи с его 50-летием в 1945 году. По данным Президиума Верховного совета ЭССР, в 1952 году орденом Трудового Красного знамени награжден председатель Совета министров ЭССР Алексей Мюрисепп (50-летний юбилей), а в 1953 году – президент Академии наук ЭССР Йохан Эйхфельд (60-летие). Однако эти награды, видимо, были вручены в Президиуме Верховного совета СССР.

В 1943–1944 годах руководство Эстонской ССР ходатайствовало о награждении по случаю юбилея актера Пауля Пинна и чемпиона по борьбе Йоханнеса Коткаса, но, насколько известно, эта инициатива не была одобрена в ЦК ВКП(б).

Подводя итоги, можно сказать, что представление кандидатур на награждение происходило, как правило, со стороны партийных и кадровых чиновников по инициативе сверху. Это было хлопотное дело, выходящее за рамки основной работы, и вряд ли оно делалось с большим энтузиазмом. Зачастую самого кандидата не информировали о представлении к награде, и факт награждения мог стать для него большой неожиданностью.²⁴

Принятие решений о награждении

Направленные из союзных республик списки кандидатов на награды рассматривались и подправлялись на всесоюзном уровне (во всесоюзном министерстве или в Президиуме Верховного совета СССР). Иногда из списков кого-то вычеркивали. Вряд ли это были «политически негодные» кандидаты,

ведь списки уже в республике многократно проходили сквозь фильтры партийных проверок. Видимо, коррективы вводились для пропорциональности, т. е., например, для приведения числа награжденных в большее соответствие с численностью населения республики. Затем награждение провозглашалось указом Президиума Верховного совета СССР. В отношении наград, входящих в группы А, С и Е, этому должно было предшествовать одобрение со стороны Политбюро ЦК ВКП(б).²⁵

Утверждение на политбюро во многом было формальным, поскольку вряд ли там по существу обсуждались уже утвержденные награждения. И решения Политбюро оформлены лаконично, например, по поводу массовых награждений в ЭССР в 1946 году: «Утвердить проект указа Президиума Верховного совета СССР. См. «Правда» № 144, 19.06.1946.»²⁶ (В «Правде» печатали формулировку указа «За достигнутые успехи в развитии сельского хозяйства, промышленности, науки, культуры и искусства наградить...» и список награждаемых на этом основании.)

Принятые Президиумом Верховного совета СССР указы выборочно печатались в газете «Известия Верховного совета СССР» и в различных всесоюзных и региональных изданиях. Публикации всех указов препятствовало, видимо, огромное количество награждений, а в некоторых случаях (например, при награждении работников госбезопасности) и требование секретности.

Вручение наград в Президиуме Верховного совета ЭССР

В рассматриваемый период в Советском Союзе ордена и медали «простым гражданам» вручались в республике, области

²⁴ См. напр.: Jüri Pino. Elmina Otsman, sotsialistliku töö kangelane. – SL Õhtuleht. 28.10.2000, с. 16.

²⁵ См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний, III. 1940–1952. Каталог. Москва, 2001.

²⁶ РГАСПИ 17–3–1059, л. 34, о награждении орденами и медалями работников сельского хозяйства, промышленности, науки, культуры и искусства Эстонской ССР от 18 июня 1946 г.

или крае по месту жительства. Если к моменту вручения награды в соответствии с указом Президиума Верховного совета СССР награждаемый человек переезжал в другой регион, то в соответствующем ведомстве устанавливалось его новое место жительства, после чего организовывалось вручение ему ордена или медали местным Президиумом или исполкомом области либо края.

До весны 1953 года вручение присужденных жителям Эстонской ССР орденов или медалей происходило в основном в Президиуме Верховного совета ЭССР в Таллинне, формально от имени Президиума Верховного совета СССР (указом которого было объявлено награждение). Исключения составляли ордена и медали многодетным матерям, которые вручались уездными и городскими исполкомами Советов депутатов трудящихся. С какого-то времени стали делать исключения и для высшего руководства республики, которому награды вручали в Президиуме Верховного совета СССР. Если, например, в 1946 году в ходе массовых награждений в Эстонской ССР здешняя элита получала свои награды в Таллинне в здании Президиума Верховного совета ЭССР и в ходе той же церемонии, что и все остальные²⁷, то в 1950 году, когда награждали в связи с 10-й годовщиной ЭССР, секретарю ЦК КП(б)Э Кэбину, председателю Совета министров ЭССР Веймеру и председателю Президиума Верховного совета Якобсону их ордена Ленина вручили в Москве.²⁸ Как известно, присвоенные деятелям ЭССР в 1952–1953 годах две награды из группы Е также были вручены в Москве.

В Эстонской ССР организацией вручения наград и ведения их учета занимался отдел учета и регистрации награжденных Верховного совета ЭССР. В связи с вручением наград приходилось оформлять довольно много документов. Когда из

Президиума Верховного совета СССР в эстонский Президиум поступала копия указа о награждениях, следовало разослать награждаемым приглашения на церемонию вручения наград. Прибыв на место, они должны были иметь при себе заполненную анкету, на основании которой вручалась награда. Если случалось, что в указе о награждении имя награждаемого было написано неверно (что происходило довольно часто), следовало оформить акт об исправлении и отправить его в Президиум Верховного совета СССР.

В Президиуме Верховного совета ЭССР следовало составить списки явившихся на церемонию награждения и протокол вручения наград в двух экземплярах: один из них оставался на хранении в ЭССР, а второй – вместе с личными данными награжденных – отправляли в Президиум Верховного совета СССР. Туда же следовало направить и список тех, кто был приглашен на церемонию вручения наград и не смог явиться. Кроме того, отдельно следовало составить отчеты о выданных орденах, медалях и сопровождающих их документах. Кроме того, Президиум Верховного совета ЭССР вел картотеку, в которой были карточки на всех, кого гражданские власти Эстонской ССР наградили орденами и медалями.

Награжденным делали запись о награде в орденскую книжку или удостоверение к медали, при первом награждении человеку такой документ следовало выдать. До 1948 года, пока существовали льготы для награжденных, с каждым орденом и медалью выдавались и удостоверяющие эти льготы документы: книжечки денежных купонов и проездных билетов. Вышеперечисленные документы должны были заполняться корректно, без исправлений; об испорченных документах составлялся акт, который отправлялся в Президиум Верховного совета СССР. Награждения

²⁷ ERA R3–9–31, л. 40, протокол вручения награжденным орденов и медалей СССР от 14 июля 1946 г.

²⁸ ERA R3–9–110, л. 56, справка референта [отдела наград Президиума Верховного совета СССР] Панфилова (без даты, лето 1950 года).

производились отдельно по каждому указу, причем сначала выдавались более высокие награды. Ордена и медали вручались в открытых коробочках или конвертах.²⁹

Вручение наград проходило обычно на торжественном собрании в помещениях Президиума Верховного совета Эстонской ССР. Поначалу ордена и медали вручал председатель Президиума, но позже, по мере увеличения числа награждаемых, эту обязанность стал нередко выполнять заместитель председателя Президиума Верховного совета ЭССР. Летом 1950 года, когда в связи с 10-й годовщиной Эстонской ССР были награждены 2400 жителей республики, награды вручали и другие члены президиума – это происходило по уездам на всей территории Эстонии.

Вручение наград исполкомами Советов депутатов трудящихся

Со временем у Президиума Верховного совета ЭССР возникли серьезные проблемы, вызванные постоянно возрастающим количеством как вручаемых наград, так и сопутствующих награждениям документов. В 1951 году Президиум принял постановление, в котором отмечалось, что при вручении орденов и медалей имеется «ряд недостатков» и что по всей Эстонии еще не вручено 300 наград.³⁰ Поводом для такого постановления Президиума стало принятый тремя месяцами ранее указ Президиума Верховного совета СССР такого же содержания, который свидетельствует, что в некоторых других регионах Советского Союза эта проблема стояла еще острее. Самая серьезная ситуация

сложилась в Сталинской области, где вручения ожидали более 6000 орденов и медалей, причем некоторые из них – уже два года.³¹

Видимо, именно поэтому в 1953 году обязанность вручать ордена и медали была делегирована районным исполкомам СДТ, вероятно, в надежде, что перевод этой работы на более низкий уровень власти, т. е. «ближе к народу», сократит простои. Для районов ситуация была не новой, поскольку награды многодетным матерям они вручали с момента их учреждения в 1944 году. Районные исполкомы должны были отправлять отчеты о вручении наград Президиуму Верховного совета ЭССР, который, вероятно, направлял сводный рапорт в Москву. Работникам же госбезопасности и министерства внутренних дел награды отныне вручали внутриведомственно.

Стоит отметить, что в исполкомах вручение наград также проходило не без проблем. Президиум Верховного совета ЭССР и прежде отмечал перебои в работе районных и городских исполкомов по вручению материнских наград. В 1954–1955 годах было издано несколько постановлений Президиума, осуждающих оформление исполкомами «фиктивных протоколов».³² Это означало, что в случае, если человек, которому в исполком для вручения была прислана награда, поменял место жительства, переехал в другое место, исполком не возвращал его награду и соответствующий акт в Президиум, а оформлял поддельный протокол. Можно предположить, что это делалось не с целью присвоения награды, а во избежание дополнительного делопроизводства.

²⁹ ERA R3–9–1, л. 8–11, инструкции по награждению орденами и медалями Советского Союза и оформлению отчетности по награждениям (без даты).

³⁰ ERA R3–3–1714, л. 1–3, NSVL ordenite ja medalite autasustatutele kätteandmise kohta Eesti NSV-s [5.10.1951].

³¹ ERA R3–9–123, л. 3–5, указ Президиума Верховного совета СССР. О ходе вручения в республиках, краях и областях награжденным орденов и медалей СССР и об обеспечении своевременного вручения наград от 10 июля 1951 г.

³² См. напр.: ERA R3–3–2377, л. 1, об оформлении бывшим председателем Исполкома СНД Морского района Таллина В. Тасане фиктивного протокола о ненаграждении многодетной матери Е. Ефимовой «Медали материнства» I степени от 6 февраля 1954 г.

Освещение в прессе вручения наград

Поскольку при награждении всегда было очень важно пропагандировать пример передовиков, пресса часто публиковала материалы о торжественных церемониях вручения орденов и медалей. Они составлялись по единой схеме: короткое введение о мероприятии, перечисление некоторых награждаемых и их заслуг, послуживших основанием для награждения. Давался и краткий обзор речи вручавшего награды должностного лица. Зачастую статью завершал пересказ благодарственной речи кого-либо из награжденных, в которой он благодарил партию и правительство за оказанную ему честь, подчеркивал, что награда – результат не только его личной работы, а достижение всего коллектива, и обещал в будущем добиваться новых трудовых достижений.

Органы власти отслеживали эти публикации и обращали на них большое внимание. Так, в 1948 году на заседании бюро ЦК КП(б)Э обсуждался случай, когда некоторые республиканские газеты опубликовали некачественные фотографии церемонии награждения работников совхозов. Решением бюро публикация таких снимков была осуждена и признана недопустимой, редакторам газет пригрозили в случае повторения подобной «политической ошибки» партийными взысканиями.³³ Упомянувшееся выше постановление Президиума Верховного совета ЭССР 1951 года о недостатках в деле вручения наград в числе прочего признавало неудовлетворительным отражение вручения наград в прессе: «В центральной

и особенно в местной печати слабо освещается вручение наград награждаемым. Мало появляется и статей о работе и деятельности награжденных и их успехах, за которые им вручена высокая правительственная награда».³⁴

Статистика наград, выданных в СССР и Эстонской ССР**Общая численность наград и вопрос их «девальвации»**

В русскоязычной литературе по этой теме используется понятие «девальвация наград». Под ним понимается то, что при постоянном увеличении количества награждений награды теряли эксклюзивность, а вместе с тем и престиж в советском обществе. Общеизвестна любовь главы советского государства Леонида Ильича Брежнева к всевозможным наградам, которые вручались ему в больших количествах. Иногда начало «девальвации наград» ошибочно относят к периоду правления Никиты Хрущева (1956–1964).³⁵

Это интересный вопрос, рассмотрение которого требует соответствующей статистики. В следующей таблице представлено общее количество награждений в отдельные периоды как на всесоюзном, так и на республиканском уровне. Исходя из временных рамок настоящей статьи и использованных источников, приведенные в таблице периоды охватывают время до конца 1960-х годов.³⁶

Здесь следует учитывать тот факт, что в таблице награжденных в Эстонской ССР учтены только награды, выданные Пре-

³³ ERAF 1–4–566, л. 223, об опубликовании республиканскими газетами искаженных фотопортретов награжденных орденами и медалями работников совхозов ЭССР (№ 14 от 19.05.1948).

³⁴ ERA R3–3–1714, л. 1–3, о вручении в Эстонской ССР орденов и медалей СССР (5.10.1951).

³⁵ А. Парадиз, В. Сычев. За службу и храбрость, за труды и отечество. Советская наградная система. http://www.nasledie.ru/oboz/N12_01/12_16.HTM [28.04.2008]

³⁶ Здесь следует отметить, что по выданным в Эстонской ССР наградам в настоящей статье использованы две различные статистики. В таблицах 3 и 4 и в тексте используются цифры, полученные автором в результате сложения данных, содержащихся в протоколах награждений. Эти цифры касаются послевоенного десятилетия и в период с 1945 до 1953 года включают также статистику награждений работников госбезопасности. ▶

зидиумом Верховного совета Эстонской ССР и городскими и районными исполкомами Советов депутатов трудящихся. Военнослужащим ордена и медали вручались по линии армии, а с 1953 года внутриведомственным стало также вручение наград работникам госбезопасности.

Таблица 1. Советские награды, врученные в 1924–1968 годах в Советском Союзе и Эстонской ССР.³⁷

<i>период</i>	<i>вручение наград в Эстонской ССР</i>	<i>объявленные награждения в СССР</i>
1924–1937	–	18 148
1938–1940	–	119 911
1941–1945	225 ³⁸	13 144 312
1946–1949	623	1 541 785
1950–1954	5 343	2 947 122
1955–1959	2 278	812 661
1960–1964	1 276	122 711
1965–1968	6 530	1 223 110

Источник: Общее количество награжденных орденами и медалями СССР по данным ЦК КПЭ, Института истории партии (1945–1963), а также на основании журналов отдела награждений [Президиума ВС ЭССР]. ERA R3–9–1108, л. 3–4; ERA R3–9–1127, л. 18–21, сборник статистических данных о награждении орденами и медалями СССР за

50 лет (сентябрь 1918 г. – сентябрь 1968 г.), 1968.

На основании данных этой таблицы можно утверждать, что увязывать «девальвацию наград» с периодом правления Хрущева не оправдано. Из всесоюзной статистики явствует, что конец 1950-х гг. и начало следующего десятилетия знаменуются в части награждений спадом – в это время наград вручали в разы меньше, чем в предыдущий и последующий периоды.

Из таблицы видно, что количественно система советских наград разделяется на четкие периоды. В первый период, т. е. с начала советской власти и до конца 1930-х годов, награжденных мало, они выделяются из массы как элитарная, престижная группа – *орденоносцы*.

В следующий период, бывший временем конфликтов и войн³⁹, награждают, главным образом военных – количество наград увеличивается практически в сто раз. После Великой Отечественной войны продолжают массовые награждения, но награды вручают в основном в гражданской сфере – за послевоенное строительство. Интересный факт: в два послевоенных десятилетия гражданские власти Эстонской ССР вручили примерно четверть процента от общего количества присвоенных в этот период в СССР наград.

► Далее в таблице 1 использована исключительно сводная статистика награждений, составленная Президиумом Верховного Совета ЭССР в 1990 году, в которую не включены награждения работников госбезопасности, но по времени она простирается до конца советского периода. Представленные Президиумом данные могут быть использованы с определенными оговорками – поскольку они составлены по тем же принципам, на их основании можно, по крайней мере, проследить изменение в разрезе десятилетий численности гражданских лиц, награжденных в Эстонской ССР.

³⁷ Здесь и в последующих таблицах учтены следующие награды. Медали: медаль «Серп и Молот», вручавшаяся вместе со званием Героя Социалистического труда, медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза, медали «Партизану Великой Отечественной войны» (I–II степень), «За отвагу», «За трудовую доблесть», «За боевые заслуги», «За трудовое отличие», а также медали Ушакова и Нахимова. Ордена: в число наград включены все действовавшие в Советском Союзе в рассматриваемый период ордена, в т. ч. учрежденные в период Великой Отечественной войны (за исключением наград многодетным матерям).

³⁸ По статистике Президиума Верховного совета ЭССР, в 1945 году им вручено 219 наград. Данные о награждениях прежних лет отсутствуют.

³⁹ В 1938–1945 годах бойцов Красной Армии награждали за заслуги в различных вооруженных конфликтах и войнах: бои с японскими войсками на Хассане (1938) и Халхин-Голе (1939), гражданская война в Испании (1936–1939), Зимняя война с Финляндией (1939–1940), Великая Отечественная война (1941–1945), война с Японией (1945).

Количественные показатели награждений различного типа

Первый тип награждений – это награды «за особое достижение» (тип А). В эту категорию входит большинство наград, врученных в Советском Союзе в 1930-е годы, а также большая часть наград военных лет. Однако со второй половины 1940-х годов награды этого типа остаются в меньшинстве. Зачастую трудно установить, за какие именно достижения вручались эти награды, поскольку во многих случаях в качестве типичной формулировки в указе о награждении значилось лишь «за успешное выполнение заданий правительства...».

В Эстонской ССР в 1940–50-е годы на основании таких указов было вручено около тысячи орденов и медалей. Большинство из них получили военнослужащие за заслуги в годы войны (1941–1945 гг.), а также работники госбезопасности. Последних награждали, вероятно, так же за подавление движения сопротивления и за проведение операций по депортации.

Кроме того, в 1946 году 385 деятелей Эстонской ССР награждены «за успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства, промышленности, науки, культуры и искусства». Подобные массовые награждения в союзных республиках были нередки в СССР. Однако вопрос о том, каким образом обсуждалось награждение на высшем руководящем уровне ЭССР, требует особого рассмотрения.

С марта 1947 года была создана новая система награждения (тип В) работников сельского хозяйства (колхозники, совхозники, работники МТС и т. д.). Указами Президиума Верховного совета СССР были

установлены четкие нормы урожайности в земледелии и показатели прироста стада в животноводстве, за выполнение которых работники имели право на награду – в зависимости от степени перевыполнения норм их награждали медалью или орденом либо им присваивали звание Героя социалистического труда. В 1947–53 годы было издано по меньшей мере 25 подобных указов, определяющих наградные нормы по различным видам животных и сельскохозяйственных культур. За выполнение этих норм в рассматриваемый период первые восемь человек в Эстонской ССР получили звания Героев социалистического труда.

В действительности, в Советской Эстонии общее число награжденных на основании этих норм (т. е. около 200 человек) было очень малым в сравнении как со статистикой по другим союзным республикам, так и с прочей статистикой по Эстонской ССР.⁴⁰ Это отмечал также Президиум Верховного совета ЭССР в своем постановлении от 1953 года, в котором говорится, что «в республике имеются серьезные недостатки в области награждения передовиков сельского хозяйства». Вину за это постановление возлагало, в основном, на связанные с сельским хозяйством министерства (министерство совхозов и министерство сельского хозяйства и заготовок ЭССР), районные исполкомы СДТ, а также на колхозы и совхозы.⁴¹

Еще в 1920-е годы в Советском Союзе стали внедрять традицию награждать в связи с юбилеем какого-либо трудового коллектива его лучших работников (тип С).⁴² Таким коллективом могло быть, например, промышленное предприятие или учреждение культуры, а также какое-нибудь круп-

⁴⁰ По статистике Президиума Верховного совета СССР, в 1946–1956 годах за «успехи в сельском хозяйстве» было вручено в общей сложности более 250 000 орденов и медалей, из них 105 000 в РСФСР, 63 000 – в Украинской ССР и т. д. По сравнению с этими цифрами, 200 наград в Эстонии является действительно крайне малым числом. ERA R3–9–1127, л. 50–51, сборник статистических данных о награждении орденами и медалями СССР за 50 лет (сентябрь 1918 г. – сентябрь 1968 г.), 1968.

⁴¹ ERA R3–3–2180, указ о награждении передовиков и специалистов сельского хозяйства орденами и медалями СССР за достижение высоких показателей в сельском хозяйстве, а также за выслугу лет и безупречный труд (4.12.1953).

⁴² См.: О. Смыслов. Загадки советских наград, с. 47.

ное подразделение, включая даже союзные республики. В честь 10-й годовщины провозглашения Эстонской ССР летом 1950 года были вручены награды примерно двум с половиной тысячам работников Эстонской ССР, что составляет около трети всех связанных с республикой награждений в рассматриваемый период.

В 1945–1953 годах наград этого типа в Эстонской ССР были также удостоены, например, работники прокуратуры (1947 год, «25 лет Советской прокуратуры»), функционеры ВЛКСМ (1948 год, 30-летний юбилей) и др.

Соответствующая статистика на всеобщем уровне не известна. Учитывая годовщины других союзных республик и различных учреждений, можно предположить, что общее количество орденов и медалей, врученных в рамках награждений этого типа, должно было достигать, по меньшей мере, десятков тысяч.

По имеющимся данным, награждения за выслугу лет (тип D) впервые были введены в 1944 году – поначалу лишь для силовых структур, т. е. военнослужащих и работников госбезопасности. Позднее право на получение награды за выслугу лет было распространено также на различные гражданские профессии. За 1947–1953 годы известно, по меньшей мере, 30 указов Президиума Верховного совета СССР, согласно которым этим правом были наделены сначала железнодорожники, далее – работники речного флота и горнодобывающей промышленности, а затем – представители различных других профессий.

Присваиваемая награда зависела от трудового стажа. Первой была медаль «За трудовое отличие» (обычно при стаже в 10 лет), затем – медаль «За трудовую доблесть» (15 лет), орден Трудового Красного знамени и орден Ленина. При этом стоит отметить, что в различных профессиях

нормы выслуги лет были разными: если, например, инженер-судостроитель мог получить орден Ленина за 20 лет работы, ветеринар – за 25 лет, то врач должен был проработать 30 лет.

Врученные в рассматриваемый период в Эстонской ССР награды за выслугу лет составляют более половины всех наград. На всеобщем уровне в 1946–1953 годах за выслугу лет было вручено около двух с половиной миллионов орденов и медалей – это более двух третей от общего числа награждений за этот период. Награды за выслугу лет были отменены указом Президиума Верховного совета СССР в 1958 году.⁴³

В Советском Союзе, начиная с 1930-х годов и до развала СССР, было принято награждать важнейших партийных и советских деятелей, деятелей культуры и т. д. орденами в связи с юбилеями, т. е. по случаю 50-, 60-, 70-, 75-, 80-, 85- и 90-летия (тип E). Как правило, в таких случаях присуждались лишь важнейшие ордена – орден Ленина или Трудового Красного знамени.⁴⁴ При этом важными являлись общественное положение человека и его ценность в глазах государственной власти. Если маршалов, секретарей ЦК ВКП(б), союзных министров и руководителей партийных организаций союзных республик, как правило, награждали уже по случаю 50-летия, причем они могли получить орден Ленина, то, например, ученые или композиторы, считавшиеся менее важными деятелями, могли ожидать награждения орденом Трудового Красного знамени по случаю 70- или 75-летия.

В Эстонской ССР в рассматриваемый период три человека были награждены орденом Трудового Красного знамени в связи с юбилеем: Антс Лаутер (1944 год, 50 лет), заместитель председателя Совета министров ЭССР Алексей Мюрисепп (1950 год, 50 лет) и президент Академии наук ЭССР

⁴³ О порядке награждения орденами и медалями СССР (11.02.1958). – Ведомости Верховного Совета Союза Социалистических Республик от 28 февраля 1958 г., с. 225.

⁴⁴ Лидерам коммунистической партии и членам политбюро в период пребывания их у власти по случаю юбилея присваивали также звание Героя Социалистического труда или Героя Советского Союза.

Йохан Эйхфельд (1953, 60 лет). Масштабы подобных награждений в Советском Союзе определить трудно, но можно предположить, что в 1940–50-х годах их было в общей сложности несколько сотен.

Следует отметить, что по поводу ряда врученных в рассматриваемый период в Эстонской ССР орденов и медалей работники отдела награждений Президиума

Верховного совета ЭССР забыли записать (или не сделали этого по какой-то иной причине) формулировку указа, ставшего основанием для награждения, причем ее не удалось обнаружить и в других источниках. Такие случаи условно образуют отдельную группу, в которую вошли 62 награды, относительно которых не известно, за что они присуждены (тип F).

Таблица 2. Ордена и медали, присужденные Президиумом Верховного совета СССР в 1946–1953 годах и сгруппированные по награжденным и по заслугам, за которые вручены.

год	за участие в войне (1941–1945)	«за боевые заслуги»		«за успехи в народном хозяйстве»	«за выслугу лет и безупречную работу»			гражданам других государств	всего
		армия, флот	МВД, МГБ		гражданские лица	армия, флот	МВД, МГБ		
1946	190 253	54	155	13 660	–	77 404	37 426	412	319 364
1947	408 104	1 646	8	19 166	7 801	83 612	21 655	8	542 000
1948	20 689	102	1 714	96 640	74 613	30 036	–	4	223 798
1949	5 020	1 199	3 252	74 303	212 126	91 621	69 102	–	456 623
1950	1	360	1	59 141	115 885	201 660	68 317	–	445 365
1951	131 096	782	2 443	58 647	369 534	167 634	68 501	–	798 637
1952	–	7 069	4	55 267	205 411	47 299	70 621	–	385 671
1953	–	304	–	6 754	265 349	185 413	5	1	457 826
	755 163	11 516	7 577	383 578	1 250 719	884 679	335 627	425	3 629 284

Источник: ERA R3–9–1127, л. 27, сборник статистических данных о награждении орденами и медалями СССР за 50 лет (сентябрь 1918 г. – сентябрь 1968 г.), 1968.

Таблица 3. Ордена и медали, врученные Президиумом Верховного совета ЭССР в 1946–1953 годах и сгруппированные по награжденным и по заслугам, за которые вручены.

	А (особые достижения)		В (выполнение норм)	С (юбилей)		D (за стаж)		Е (личный юбилей)	F (??)	всего
	боевые заслуги ⁴⁵	трудо-вые за-слуги		10-летие ЭССР (1950)	осталь-ные	силовые структу-ры	гражд-данская сфера			
1945	364	–	–	–	–	344	–	1	1	710

⁴⁵ В число наград за боевые заслуги включены те ордена и медали, которые вручались за заслуги во время Великой Отечественной войны (в т. ч. за службу в тылу), а также награды работникам госбезопасности и награды, о которых известно лишь то, что они вручались за «выполнение заданий правительства». В категории трудовых достижений – награждения за послевоенное строительство, например, «за выполнение заданий правительства по строительству железных дорог» и пр.

1946	79	380	–	–	–	302	–	–	1	762
1947	21	5	–	–	7	166	–	–	7	206
1948	4	–	80	–	–	16	4	–	–	104
1949	150	1	63	–	34	406	20	–	5	679
1950	23	–	29	2025	1	20	71	–	3	2172
1951	7	1	9	345	–	680	520	–	13	1575
1952	3	–	7	5	–	505	315	–	13	848
1953	5	2	5	2	1	15 ⁴⁶	522	–	19	571
	656	389	193	2377	43	2454	1452	1	62	7627

Источник: ERA R3–9–4, л. 31, 32, 67, 68, 81, 82, 96, 97, 108, 124, 134, 145, протоколы вручения Президиумом Верховного совета ЭССР награжденным орденов СССР.

Изменение доли основных типов наградений

Таблицы 2 и 3 выразительно демонстрируют динамику наградений на различных основаниях, при этом четко вырисовываются некоторые тенденции. Очевидно, что количество наградений «за достижения, особые заслуги» (группа А) сокращается. Награды, присужденные за заслуги во время Великой Отечественной войны, со временем находят владельцев, а доля награжденных «за выполнение особых заданий правительства» работников госбезопасности теряется в массе остальных наградений.

В конце 1940-х годов начинаются награждения за выполнение и перевыполнение «орденских норм» (тип В). Можно видеть, что в пропорциональном отношении в Эстонскую ССР по сравнению со всесоюзным уровнем попадало мало таких наград.

В связи с 10-й годовщиной Эстонской ССР было награждено более 2000 человек, что составило почти треть всех наградений за рассматриваемый период. Остальные «коллективные юбилеи» (тип С, годовщина Советской прокуратуры и т.п.) составляют мизерную часть.

Со временем все больше становится доля наградений типа D (за выслугу

лет). Если вначале награждались лишь имеющие большой стаж работники госбезопасности, то позднее эти награды распространяются на работников почти всех сфер. Можно сказать, что в начале 1950-х годов награждение «за выслугу лет и безупречную работу» становится всеобщим. В рассматриваемый период с такой формулировкой вручено более половины всех орденов и медалей. Такая практика прекратилась только в 1958 году.

Интересно было бы выяснить, какова была доля работников госбезопасности (и прочих силовых структур) в общем числе наградений. В 1945–52 годах, когда можно проследить это число по прошедшим в Эстонской ССР вручениям наград, доля представителей силовых структур в общем количестве награжденных постоянно уменьшалась, частично – по причине роста общего числа наград. Этот процесс отражает следующая таблица. При этом следует помнить, что представленная в таблице информация является неполной: кроме наград типа А и D, работники силовых ведомств награждали, например, и в связи с 10-й годовщиной Эстонской ССР (по меньшей мере 185 человек), есть они, вероятно, и в числе т. н. наградений F. Общий процент (43,8%), во всяком случае, таков, что достоин упоминания.

⁴⁶ В первой половине 1953 года награждение работников госбезопасности стало внутриведомственным, поэтому данные за этот год являются неполными.

Таблица 4. Награды, врученные Президиумом Верховного совета ЭССР в 1945–1953 годах за боевые заслуги и за выслугу лет в силовых структурах.

	А (за военные заслуги)	Дх (за стаж в силовых структурах)	А+Дх (награды за боевые заслуги и стаж)	общее количество награждений	Процент А+Дх от общего числа награждений
1945	364	344	708	710	99,7%
1946	79	302	381	762	50,0%
1947	21	166	187	206	90,8%
1948	4	16	20	104	19,2%
1949	150	406	556	679	81,9%
1950	23	20	43	2172	2,0%
1951	7	680	687	1575	43,6%
1952	3	505	508	848	59,0%
всего	651	2439	3090	7056	43,8%

Источник: ERA R3–9–4, л. 31, 32, 67, 68, 81, 82, 96, 97, 108, 124, 134, 145, протоколы вручения Президиумом Верховного совета ЭССР награжденным орденов СССР.

***

Целью настоящей статьи было определенным образом сгруппировать (распределение ABCDE) огромный массив выданных советской властью орденов и медалей (в рассматриваемый период – более 3,5 миллионов), изучить процедуру награждения, а также привести первоначальную и самую общую статистику наград. Автор статьи отдает себе отчет в том, что это лишь небольшой шаг на долгом пути. С темой связано множество интересных вопросов, например, как конкретно формировалась политика награждений в Кремле (на каких основаниях определялись «квоты награждений» для союзных республик, кто был инициатором т. н. награждения типа А и т. д.), какова была при этом роль союзных республик, способствовало ли огромное количество послевоенных гражданских наград достижению поставленных целей – скорейшему восстановлению народного хозяйства, и т. д. и т. д. Система советских наград – это, совершенно очевидно, та область, подробное исследование которой еще предстоит.

В основу статьи положена защищенная автором в 2008 году в Институте истории и археологии Тартуского университета магистерская диссертация «Система советских наград на примере Эстонской ССР (1945–1953)». Руководитель Тыну Таннберг. Тарту, 2008. (Рукопись на кафедре истории Эстонии). Исследование осуществлено в рамках целевой темы Министерства образования и науки Эстонской Республики «Эстония в годы холодной войны» (SF0180056s09)

Хильяр Таммела

(1982)

Докторант Института истории и археологии Тартуского университета.

Научный сотрудник Исторического музея Эстонии. Основные направления исследований: советизация Эстонии, холодная война и Эстонская ССР.

Ограничение доступа к архивным документам в Эстонской ССР

Прийт Пирско

При рассмотрении проблемы ограничения доступа к архивным документам в Эстонской ССР нельзя пройти мимо правовых и теоретических основ советского архивного дела. Архив в любом обществе является зеркалом данного общества, а при тоталитарном режиме он становится еще и инструментом в его руках. С этого и начну, потому что общественно-идеологические основы неизбежно становятся настоящим содержанием проблемы ограничения использования документов.

Анализ советского архивного дела как общественного явления предполагает дистанционное приближение. Для достижения удовлетворительного результата в исследовании истории новейшего времени, среди прочего, необходимо непременно учитывать как фрагментарность памяти, так и произвольность оценок. Нельзя забывать, что память избирательна, и что позитивное вполне естественно запоминается лучше, чем негативное. Признавая заслуги многих эстонских архивистов со стажем, все же в нашем контексте отметим, что возможности выбора отдельного индивида в тоталитарном обществе, основанном на коллективизме, были минимальны, а в период сталинизма – почти невозможны. По мнению автора данной статьи, изучение советского периода предполагает, прежде всего, исследование си-

стемы, и в меньшей степени – изучение истории отдельных лиц.

Таким образом, рассмотрение в настоящей статье основных принципов советского архивного дела опирается на соответствующие правовые акты, постановления и предписания советского периода. Освещение проблемы ведется здесь скорее с точки зрения зафиксированных правил, чем отклонений от них. Итак, каков же был введенный в 1940 г. в Эстонии новый порядок в архивном деле, особенно с точки зрения доступа к архивным документам?

Сущность советского архивного дела

До эстонских архивов советская власть добралась не сразу в июне, а лишь в сентябре 1940 г. Главным импортером в Эстонию советской архивной системы стал сержант Михаил Органов, работавший с 1936 года в органах безопасности и присланный сюда после государственного переворота 1940 года. Осенью 1940 г. было принято три постановления о реорганизации архивного дела.¹ Их анализ не оставляет сомнений в том, что мы имеем дело с почти дословным переводом советских правовых актов 1930-х гг. в области архивного дела, перенесенных в эстонскую действительность без учета уже сложившейся здесь архивной

¹ Постановление об организации архивного дела в Эстонской Советской Социалистической республике. – ENSV Teataja. 1940, № 4, арт. 39; Постановление об организации деятельности государственных архивов в Эстонской Советской Социалистической республике. – ENSV Teataja. 1940, № 4; Постановление Совета народных комиссаров Эстонской ССР об организации деятельности городских и уездных архивов. – ENSV Teataja. 1940, № 63, арт. 785.

традиции. В качестве базовых, или т. н. ленинских, идей было перенято понимание документального культурного наследия как общественной собственности, чему сопутствовало введение принципа централизованного управления архивами.² Действовавшее в Эстонской Республике законодательство об архивном деле, основанное на принципе провинциенции (происхождение) и регистратур-принципе (уважение к первоначальному порядку), было отброшено в сторону. В рамках непосредственно рассматриваемой здесь темы, прежде всего, имеет значение быстрое смещение акцентов. Действовавший до этого принцип, по которому исследователи могут использовать почти все документы (т. е. разрешено все, что не запрещено) при условии соблюдения правил, обеспечивающих сохранность архивных материалов,³ быстро сменился положением, когда в связи с причислением большинства архивных документов в число секретных доступ к ним исследователей должен был строго ограничиваться и разрешаться скорее в порядке исключения.

Эти скорее идеологического, чем теоретического плана новшества не остались только на бумаге. Уже в сентябре 1940 г. в Таллинн из Тарту вывезли находившиеся здесь в архивах губерний дела жандармских управлений, архивов рижской охранки и Северо-Западной армии. 26 ящиков с делами Рижского охранного отделения были высланы по приказу наркома внутренних дел (НКВД) от 23 сентября 1940 г. в Москву, архив охранки Эстляндской губернии после долгих споров оставили все-таки в Таллинне в распоряжении местного комитета госбезопасности.⁴ Начался поиск т. н.

врагов народа и контрреволюционеров с помощью архивных документов.

Все же отметим, что доступ к архивным документам до второй половины 1941 г. еще полностью ограничить не успели, и до начала войны архивы не были закрыты для общественности.⁵ Зато круто изменилась повседневная жизнь архивов. Начался ввод советской системы учета и описания документов, внедрялись типовые нормы учета времени на архивную работу, которые содержали 17 отдельных видов и оказались не применимыми к практике эстонских архивов. После июньского переворота в архивы были свезены горы неразобранных документов закрытых предприятий и организаций.

В результате сюда попала масса непроверенных и не имеющих ценности документов. Арнольд Соом упоминал об отсутствии четких критериев определения ценности при приеме документов на хранение из учреждений, завершивших деятельность в Эстонской Республике. Выделение документации, не имеющей значения, было обставлено бюрократическими препонами и являлось долгосрочной процедурой. За уничтожение даже различных бухгалтерских документов, имевших короткий срок хранения, окончившийся еще в период Эстонской Республики, никто не хотел брать на себя ответственность.⁶ Оставлялись, например, совершенно пустячные судебные дела о мелких нарушениях (например, о курении в вагонах для некурящих и т. д.), а также другой, не имеющий никакого значения материал, который до сего дня напоминает о том, как эстонское архивное дело попало на многие десятилетия в условия,

² См.: Boris Varkki. 50 aastat leninlikust dekreedist arhiivinduse kohta. – Eesti NSV arhiivid. Nõukogude arhiivinduse 50. aastapäevale pühendatud juubelikonverentsi materjalid. Tallinn, 1968, с. 6–21.

³ См.: Adolf Perandi. Arhiivi kaitse. – Arhiivinduse käsiraamat, I. Tartu, 1933, с. 139–142; Jüri Uluots. Arhiiviseadus. – Arhiivinduse käsiraamat, II. Tartu, 1936, с. 47–48.

⁴ Эстонский Государственный Архив (Eesti Riigiarhiiv, ERA) R1490–1–10, л. 1, 10.

⁵ С сентября по декабрь 1940 г. в Тарту было зафиксировано только 1258, а за весь этот год – 7121 посещение читального зала. См.: ERA R2338–1–5, л. 77–99, отчет архивного отдела НКВД за 1940 год.; ERA R2338–1–6, отчет тартуского отдела Государственного архива ЭССР.

⁶ Arnold Soom. Aruanne Eestimaa ringkonna arhiividest nõukogude ajal (1940–1941). – Tuna. 2000, № 4, с. 114.

характеризовавшиеся некомпетентностью и зажатостью в железных тисках идеологии.

По мнению автора настоящей статьи, важнейшие черты советского архивоведения сводились, в основном, к четырем основным тенденциям, из которых три характерны для всего периода, а один ограничен 1940-ми и 1950-ми годами:

1. Установление абсолютного контроля исполнительной власти над архивами.
2. (Сверх)централизация.
3. Крайняя идеологизация теории архивного дела.
4. Функциональное изменение роли архивов и архивистов в 1940-е и 1950-е гг.

Архивное дело в СССР и в ЭССР полностью контролировали органы исполнительной власти, или в терминах того времени – Совет народных комиссаров, позже – Совет министров. Понятно, что исполнительная власть, в свою очередь, направлялась как коммунистической партией, так и высшими органами советской системы. Закона об архивном деле в советское время не существовало ни на всесоюзном, ни на республиканском уровне. Народ как носитель высшей власти в демократическом государстве – не мог участвовать в формировании архивного дела даже через псевдовыборы тогдашнего псевдопарламента – Верховного совета.

Основным правовым актом по организации архивного дела в государстве являлось Положение о государственном архивном фонде, соответственно, в редакциях 1941, 1958 и 1980 гг.⁷ Оно принималось в виде постановления советского правительства и действовало как обязательное руководство в республиках, в том числе и в Эстонской ССР. В основе этого документа лежала концепция о

государственном архивном фонде Союза ССР, который был всеобщим и всеобъемлющим. К государственному архивному фонду принадлежали все документы, имеющие хоть какую-либо ценность, невзирая на время их возникновения и на используемые носители информации. В Положениях от 1941 и 1958 гг. прямо говорилось, что речь идет о собственности Союза ССР, в 1980 г. формулировку слегка смягчили – государственный архивный фонд определялся как национальное достояние всех трудящихся, находящееся под защитой государства.

Ленинскую по сути идею о едином государственном архивном фонде начали воплощать в жизнь уже в 1918–1919 гг. Важно подчеркнуть, что это было лишь одно из звеньев общей цепи процесса принудительного отчуждения и обобществления собственности. Уже в Новое время архивные документы стали рассматриваться как собственность, как ценность, сравнимая с природными ресурсами, в каких бы уголках земли они не находились. Именно исходя из трактовки, что архивные документы – это имущество, измеряемое в деньгах и дающее власть, исходило т. н. государство рабочих и крестьян при проведении их планомерной экспроприации. Из этого следует, что идея государственного архивного фонда суть отнюдь не архивно-теоретическая, а политическая концепция.

Следует все же отметить, что некоторые теоретики склонны видеть в государственном архивном фонде принципиальный аспект, рассматривая его как своего рода сверхфонд с архивным образователем высшего уровня, или как некий фонд фондов, вобравший в себя письменную память общества. Однако смею утверж-

⁷ Положение о Государственном архивном фонде Союза ССР от 29 марта 1941 г. – Сборник руководящих материалов по архивному делу (1917 – июнь 1941 г.). Москва, 1961, с. 89–90; Постановление СМ СССР № 914 от 13 августа 1958 г. «Об утверждении положения о государственном архивном фонде Союза ССР». – Собрание постановлений Правительства СССР. 1958, № 14, с. 112; Постановление СМ СССР № 274 от 4 апреля 1980 года «Об утверждении положения о Государственном Архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при СМ СССР». – Собрание постановлений Правительства СССР. 1980, № 10, с. 71.

дать, что декреты большевистского правительства «О реорганизации и централизации архивного дела» от 1 июня 1918 года и «Об отмене частной собственности на переданные бывшими владельцами в публичные библиотеки и музеи архивы умерших писателей, художников, композиторов, ученых и других деятелей науки, литературы, искусства и общественной жизни» от 29 июля 1919 года являются, прежде всего, политическими актами. В данном случае большевистское правительство не касалось вопросов, составляющих сущность архивов – их содержания, описания и обработки.

Другой важнейшей чертой советского архивного дела, заслуживающей внимания, была чрезмерная централизация, как в методическом, так и практическом плане. В официальной архивоведческой литературе система руководства непосредственно из Москвы рассматривается как основополагающий принцип советского архивоведения, как прогресс теории и практики. Один из авторов даже выразил мнение, что централизация отражает не столько процесс большевистской политики, сколько исходит из традиций российского архивного дела уже с начала XIX века. Советскому правительству якобы идею централизации подсказал Союз Российских архивистов на базе реформы 1901 г., разработанной Дмитрием Самоквасовым.⁸

Ход этих рассуждений, на наш взгляд, не совсем корректен. Архивная мысль России XIX в. не была оригинальной. Под влиянием французской революции почти по всей Европе стали интенсивно возникать центральные архивы, в которых были сосредоточены до сих пор разбросанные по разным местам архивные собрания. Речь шла о типичных шагах государственной администрации усиливающейся центральной власти. Отказ Александра I от

создания национального архива, предложенного создать в 1820 г., был уже, на самом деле, анахронизмом.

Помимо этого, централизация большевистски вовсе не исходила из желания брать на себя ответственность за сохранность документов социальной памяти, а делалось это единственно только с целью контроля над памятью прошлого, а опосредованно – настоящего и будущего. Ленинский организационный дизайн архивного дела формально напоминал предложенную программу реформирования архивов Союза Российских архивистов, но коренным образом отличался от него по своим задачам. Целью советского режима было обеспечение идеологически чистого коммунистического описания истории, для этого лучше всего подходила контролируемая и руководимая из центра административная система.

Уильям Г. Розенберг отмечал, что за спиной этой реформы стояли хорошо теоретически подготовленные администраторы, люди, которые знали, какую угрозу и какие возможности таит в себе история. Их усилия были направлены на то, чтобы официально акцептировать революционные события. Советские архивы представляли собой лишь одно звено в производстве «правдивой» и «легитимной» революционной истории. В связи с этим архив превратился не в место сохранения и оценки человеческого опыта, а во вспомогательное учреждение, подтверждающее не действительную, а фиктивную историю, выгодную властям.⁹

Естественно, этому способствовала и техническая организация доступа к документам в архиве, а достигалось это только с помощью сверхунификации. Так были подвергнуты стандартизации правила использования документов в читальных залах архивов на одной шестой планеты.

⁸ Olga Leontieva. Two Aspects of the Russian Archival System. – Comma. International Journal on Archives. 2002, № 3/4, с. 41–48.

⁹ William G. Rosenberg. Archiving Russia's Revolutions: Access, Scarcity, and Loss in the Democratic Experience. – Comma. International Journal on Archives. 2002, № 3/4, с. 29–38.

В 1940 г. на эстонский язык была переведена инструкция использования архивных материалов 1936 г., применявшаяся в читальных залах СССР и РСФСР.¹⁰ В Центральном государственном историческом архиве Эстонии (ЦГИА ЭССР) подобный точный перевод примерных правил использования документов практиковался еще в 1964 г., лишь только в 1973 г. была сделана робкая попытка каким-то образом приспособить указания Москвы к местным условиям. Например, пренебрегли предписанием о том, что разрешение на работу в читальном зале дается на срок не более чем на три месяца. В правилах 1973 г. речь шла о постоянном разрешении для посещения читального зала в течение года. В отличие от всесоюзных, правила ЦГИА ЭССР обязывали исследователей оставлять сумки, портфели и фотоаппараты в шкафах, и было сделано еще ряд заметных для того времени нововведений.¹¹

В-третьих, исследуя архивное дело советского периода, следует отдавать себе отчет, что идеологическое давление, которому была поневоле подчинена вся тогдашняя наука, в большой степени подрывала многие слои архивной работы и ее логические основы. Углубляясь в терминологию тех лет или оценивая какие-то детали, можно найти много совершенно ложных и сомнительных положений.

Государственный архивный фонд Союза СССР в версии 1980 г. дефинируется, между прочим, и таким образом: «Документы Государственного архивного фонда отражают победу Великой октябрьской социалистической революции, достигну-

тую рабочими и крестьянами под руководством коммунистической партии во главе с В. И. Лениным, создание и развитие Советского государства, а также построение социалистического общества в Союзе ССР».¹² Заметим, как здесь социальная память общества (в это современное понятие входил и тогдашний государственный архивный фонд) деформируется только в одно историческое событие и делает его носителем всех последующих эпох. События, предшествующие 1917 году, и их отражение в архивных материалах оказываются лишь прелюдией переворота, так сказать, вехами памяти предреволюционной истории.

В положении об экспертизе ценности Главного архивного управления от 1955 г. отмечается: «Документы с автографами руководителей коммунистической партии и советского правительства, а также выдающихся деятелей социалистического труда, науки и искусства следует сохранять, независимо от содержания документа или его формы».¹³ Идеология выхолащивает здесь смысл архивной работы. Профессионализм отстывает, пропадают объективные критерии ценности, забываются вопросы оптимизации объема хранения и прогнозы будущего использования документов. В данном случае налицо религиозное отношение к архивным документам как к носителям святости, как к реликвиям, для которых ценностью является не содержание или форма, а факт, что какая-либо важная историческая личность трогала этот предмет или собственноручно написала на нем что-либо.¹⁴ В этой связи

¹⁰ Инструкция о порядке пользования архивными материалами в читальных залах архивов, подведомственных Центральному архивному управлению. 1936. Копия в библиотеке Государственного архива Эстонии.

¹¹ Правила пользования исследователями документальных материалов в читальном зале Центрального государственного исторического архива ЭССР. 1973. Копия в библиотеке Исторического архива Эстонии.

¹² Положение о Государственном архивном фонде СССР. 1981.

¹³ Приказ Главного архивного управления при СМ СССР № 21/1/313 от 24 июня 1955 г. Копия в библиотеке Государственного архива Эстонии.

¹⁴ Работу с документами, касающимися руководителей советского государства, сравнивали также со средневековой глорификацией содержавшейся в церковных документах информации, касающейся Бога. W. G. Rosenberg. Archiving Russia's Revolution, с. 34.

вполне правомерно говорить о вещах, о псевдоархивных документах (*unrecord*), так как если у документа не имеется ни содержания, ни формы, ни вообще чего-либо существенного, то у данного артефакта нет и архивного измерения. В таком случае архив становится не более чем музеем или сакрарием.

В Эстонии государственный идеологический гнет оставил, безусловно, самые кровавые физические следы в период сталинизма. Несмотря на то, что духовная сфера оказалась менее разрушена, уже 1970–1980-е гг. отличаются от предыдущих лет ясно ощутимой струей марксистско-ленинской фразеологии в эстоноязычных документах органов, руководящих архивным делом. Их предписания в результате смеси притянутой за уши марксистско-ленинской пропаганды в комбинации с иноязычными канцеляризмами были часто совершенно непонятны и лишены всякого содержания как в части основных, так и в части псевдосоветских функций архивов. Например, в 1970 г. было принято решение, что при Архивном управлении следует создать Совет по научной организации труда с тем, «... чтобы выработать соответствующую вспомогательную систему для осуществления основных направлений работы архивных учреждений, целью которой является совершенствование методов работы и условий труда с помощью новейших достижений науки и техники в советском архивоведении, для обеспечения экономии рабочей силы, рабочего времени и роста производительности труда, для подготовки квалифицированных архивных работников, а также для внедрения последовательного коммунистического отношения к труду и укрепления рабочей дисциплины».¹⁵ Нэн-

си Бартлет, между прочим, попытки советских архивистов именовать научными любые архивные занятия назвала «паутиной к пониманию».¹⁶

В 1979 г. в Эстонии на самом высоком уровне в отношении архивов было принято следующее решение: «Увеличить значение документальных источников в идейном воспитании, в формировании нового человека, достойного строителя коммунизма, активизировать использование документов Государственного архивного фонда Союза ССР, который освещает достижения в деле строительства социализма и коммунизма в нашей стране, помогает овладеть рабочим марксистско-ленинскими мировоззрением, воспитывает советский патриотизм и пролетарский интернационализм и помогает партии и народу в воспитании молодого поколения в традициях революционной борьбы трудящихся и в духе коммунистической морали».¹⁷ На целых трех страницах коллегия Архивного управления толкует как будто бы об архивном деле, а в действительности излагает совершенно бессодержательные для архивов идеи, для понимания которых требуется специальная идеологическая выучка. В теоретическом измерении советское архивоведение никогда многого не давало, а к 1980 г. это положение еще и усугубилось.

Идеология как обязательный компонент проступает в обзорах основных задач архивов с 1940 г. Этот период, длившийся до второй половины 1950-х гг., можно назвать самым темным периодом в истории архивного дела в Эстонии. Доступ к архивным документам был практически невозможен. Изменилась традиционная цель существования архивов в обществе. В XIX веке архивисты были призваны

¹⁵ Эстонский Исторический Архив (ЕАА) R271–1–594, л. 7–9, проект приказа начальника Архивного управления при СМ ЭССР от августа 1970 г.

¹⁶ W. G. Rosenberg. *Archiving Russia's Revolution*, с. 33.

¹⁷ ЕАА R271–1–817, л. 51–54, решение коллегии Архивного управления при СМ ЭССР от 11 сентября 1979 г. о задачах архивных учреждений по выполнению постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической и политической воспитательной работы».

обеспечивать и поддерживать потребности историков-исследователей. На Западе задачи архивов начали меняться после мировых войн, когда стала наблюдаться тенденция к усилению администрирования в отношении документов. В СССР и в Эстонской ССР одной из основных обязанностей архивистов в 1940–1950-е гг. стало содействие следственной и разведывательной работе.

Исследовательница Айги Рахи-Тамм с полным правом замечает, что у архивов, подчиненных Наркоматам внутренних дел, при организации их репрессивной политики архивам отводилась своя определенная роль. Л. Берия своим распоряжением № 288 от 28 ноября 1940 г. вменил в обязанности народным комиссариатам внутренних дел Украинской, Белорусской, Молдавской, Карелофинской, Латвийской, Литовской и Эстонской ССР вести картотеки контрреволюционных и антисоветских элементов. Таким образом, чекисты использовали архивные документы для ведения оперативной работы. Картотека была всесоюзного масштаба, и ее начали составлять в 1939 г. В ней нашли отражение данные по 27 отдельным категориям лиц, подлежащих политическому надзору. Для разоблачения врагов советской власти следовало систематически просмотреть все фонды. На каждого подозреваемого заводилась карточка с личными данными и ссылками на источники, содержащие компромат. На запросы оперативных органов по поводу интересующих их лиц архивы были обязаны отвечать в течение от 24 до 48 часов.¹⁸

Я считаю, что никогда раньше или позже эстонские архивисты не были так прямо связаны с выполнением не своих обязанностей, в том числе разведкой и слежкой, как в эти годы. Более того, данная деятельность стала едва ли ни одним из основных

видов архивной работы, наряду с собиранием и хранением документов. Об этом прямо говорится в официальной переписке. Например, заместитель начальника Московского Главного архивного управления капитан госбезопасности Светлов в своем жестком письме Бернгарду Веймеру по поводу планирования работы на 1941 г. подчеркивал следующее: «Вашей прямой обязанностью является /.../ брать на учет не только известный, но до сих пор и неизвестный архивный материал. Непозволительно положение, когда фонды Юденича и Булак-Булаховича используют личности для неизвестных Вам целей, а Вы и не думаете об их обработке, потому что в плане это не отражено. /.../ Вы отвечаете за все архивные документы, где бы они не находились на территории Эстонской ССР. Вы единственное доверенное народом лицо и хозяин архивных документов. В то же время Вы в ответе за использование архивных документов в нужное время для укрепления государственной власти и для своевременного разоблачения врагов трудового народа с помощью архивных документов и через оперативный отдел НКВД Эстонской ССР».¹⁹

Секретная обработка архивных документов – главное боевое задание архива, указывает товарищ Светлов и посылает Веймеру для выполнения рабочего плана двух новых архивных специалистов – оперативных сотрудников НКВД.

Интересно отметить, что в 1940-х гг. в эстонских архивах не было точной и единой, соответствующей советской терминологии, системы классификации. Это серьезный и вызывающий некоторое удивление факт, потому что выработанная в 1930-е гг. в СССР система репрессивной политики была в определении категории врагов народа весьма конкретна. Возможно, что идентификацию врагов за-

¹⁸ Aigi Rahi-Tamm. Teise maailmasõja järgsed massirepressioonid Eestis. Allikad ja uurimiseis. (Dissertationes Historiae Universitatis Tartuensis, 9). Руководитель А. Муст. Tartu, 2004, с. 289–291.

¹⁹ ERA R1490–1–2, л. 17, письмо заместителя начальника Главного архивного управления при НКВД СССР капитана госбезопасности Светлова Б. Веймеру от 4 декабря 1940 г.

трудняли особенности истории Эстонии.

Например, в 1945 г. в Государственном архиве картотека агентурно-оперативной работы заполнялась по следующим категориям лиц: штатные и внештатные сотрудники политической полиции; члены организации *Omakaitse*; советские военнопленные; лица, эмигрировавшие на Запад; бойцы Эстонского легиона СС; члены общества «Друзья Эстонского легиона СС»; дезертиры Красной армии; дезертиры немецкой армии; руководящий состав немецкой армии; добровольцы немецкой армии; личный состав судов немецкого оккупационного времени; лица, передававшие компрометирующие данные на советских людей; шпионы; журналисты; собственники недвижимости; ветераны Русской освободительной армии; узники немецких тюрем. Этот более-менее конкретно определенный список дополнялся довольно субъективными определениями, под которые можно было подвести практически любого человека: бандиты пятой колонны, антикоммунисты, члены шведской контрреволюционной организации. Под видом архивной работы именно архивистам был поручен сбор данных об обслуживающем персонале всех ресторанов и столовых оккупационного времени.²⁰

За тот же год отчет архива в Тарту покрывал только часть заполняемой в Таллинне картотеки. Добавились такие категории врагов народа, как члены общества *Ühisabi*, деятели городских, уездных и волостных самоуправлений, члены батальона майора Хирвлаане, деятели Эстонского самоуправления, члены Бюро народного образования, члены Комитета выявления и спасения лиц, эвакуированных из Советского Союза, члены молодежной организации *Eesti Noorus*, отбывавшие наказание за криминальные

или политические преступления лица. Некоторых выявленных в госархиве категорий врагов народа здесь нет, причем это связано не только со спецификой фондов архива. В некоторых случаях под разными рубриками речь шла об одних и тех же лицах. Так, например, члены группы *Egna* могли быть указаны как разыскиваемые в Таллинне участники шведской контрреволюционной группы. И в Тарту мы имеем дело с оценочными рубриками: в отдельные группы выделялись контрреволюционеры, саботажники и провокаторы, а также авторы антисоветских статей и докладов. С другой стороны, цинизм сталинского режима характеризует и выявление бывших профсоюзных деятелей с помощью архивных документов.²¹

Из архивных документов явствует, что даже московское начальство мало понимало усердие сотрудников госбезопасности и руководителей архивов Эстонской ССР. Так, 3 февраля 1947 г. из Главного архивного управления прибыл очередной запрос, зачем в эстонских архивах составляют списки домовладельцев, торговцев, промышленников, военнопленных и т. д. вместо приоритетного выявления основных категорий контрреволюционеров и антисоветских элементов. Московские центральные власти не санкционировали обработку фондов волостных правлений, психиатрических больниц, туберкулезных санаториев и центрального союза садоводов. В ответном письме М. Органов пояснил, что архивы действовали по распоряжению местных Министерства внутренних дел и Министерства госбезопасности, что и в этих фондах могут быть обнаружены сведения о врагах народа. Он отмечает, что для обнаружения врага целесообразно обработать все без исключения фонды оккупационного времени.²²

²⁰ ERA R1490–1–6, план работы и отчет секретного отдела Центрального государственного архива на 1945 год.

²¹ ERA R1490–1–7, план работы и отчет секретного отдела Филиала Центрального государственного архива на 1945 год.

²² ERA R1490–1–10, л. 5–7, переписка заведующего отделом использования Главного архивного управления при НКВД СССР капитана Старова и М. Органова за февраль 1947 г.

С января по май 1941 г. в Госархиве в упомянутой картотеке был собран материал на 37 794 лица, таким образом, в течение рабочего дня заполнялись карточки на 250–300 человек. Вдобавок было составлено 27 597 ответов на запросы по отдельным лицам. Трудно предположить, что у работников оставались силы и время на другие виды работ. После войны имеются очень точные количественные данные об объеме работ по выявлению контрреволюционеров. Например, при составлении плана на 1947 год Вольдемар Миллер оспорил предусмотренную квотой норму составления карточек на 70–80 человек в день. Из дела явствует, что, в конце концов, пришли к соглашению, что в Тарту следует найти материалов на 45, а в Таллинне – на 50 человек в день.²³

Из года в год росло число запросов, направляемых в архивы из органов госбезопасности. В 1945 г. поступило запросов на 3768 лиц, далее их рост прослеживается таким образом: 1946 г. – 17107, 1947 г. – 27677, 1948 г. – 43160, 1949 г. – 40253, 1950 г. – на 47546 лиц.²⁴ Архивная статистика объясняется утверждением специалистов, что с осени 1947 г. политика Москвы в отношении Балтийских стран ужесточается и становится более агрессивной, шла интенсивная подготовка к массовым репрессиям и быстрой реконструкции общества по советской модели.²⁵ В последующие после массовых репрессий годы центральные архивы должны были отвечать на запросы оперативных органов в среднем по поводу 160 человек в день, учитывая шестидневную рабочую неделю.

Наивысшей точки жажда информации репрессивных органов достигла в период, предшествовавший мартовской депортации 1949 года, но все же удивляет, что подобная интенсификация архивных запросов сохранялась уже и после высылки многих т. н. врагов народа в Сибирь.

К 1 января 1951 г. на основе архивных документов была составлена картотека с данными на 262 146 лиц, которых в духе того времени именовали, как в таблице Менделеева, элементами. Вдобавок, точнее параллельно, было составлено 4013 справочников-указателей на основе особых примет, в которые вошли данные на 99 629 лиц.²⁶ Таким образом, каждый шестой житель Эстонии был внесен в оперативную картотеку.²⁷

Все это и дает повод утверждать, что из числа эстонских архивистов в 1940-е гг. на определенный период принудительно были сформированы вспомогательные сотрудники госбезопасности, так что и архивы превратились в часть репрессивной системы. В целом, обозначилось функциональное изменение исполнения традиционных задач архивов. Естественно, что вышеперечисленные факторы повлияли на самосознание архивистов и архивов на длительный период, а также на понимание общества о возможностях использования архивных документов.

Ограничение доступа к документам

Теперь подходим к рассмотрению непосредственной цели нашего исследования – ограничению доступа к документам.

²³ ERA R1490–1–11, план работы и отчеты секретных отделов центральных государственных архивов на 1947 год.

²⁴ ERA R1490–1–10, л. 94, отчеты секретных отделов центральных государственных архивов за 1947 год.; ERA R1490–1–18, л. 64, отчеты секретных отделов центральных государственных архивов за 1950 год.

²⁵ Dmitrii Smirnov. *Sovietization, Terror and Repression in the Baltic States in the 1940s and 1950s. The Perspective of Contemporary Russian Society.* – *The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956.* Редактор О. Мергельсманн. Tartu, 2003, с. 58.

²⁶ ERA R1490–1–18, л. 66.

²⁷ Процент людей трудового возраста мог быть еще большим, потому что в картотеку не попадали граждане, родившиеся до 1885 г. См.: ERA R1490–1–9, письмо М. Органова В. Миллеру от 9 апреля 1946 г.

Заметим прежде, что в теоретическом плане, точнее в правовых актах, в советский период в этой сфере изменений почти не происходило. Из основного принципа советского архивоведения – централизации – следовал тот важный факт, что все правила использования исходили либо из Главного архивного управления, либо они издавались на уровне правительственных постановлений. Но все же практика менялась и в сторону смягчения правил, так как со временем доступ исследователей к архивным документам заметно упростился. Однако о публичности архивов в современном смысле этого понятия в период 1940–1988 гг. говорить не приходится. Аргументируем этот тезис, фактически, шаг за шагом прослеживая далее условия доступа к использованию архивных документов.

Порядок использования документов в советский период невозможно объяснить в категориях сегодняшнего дня, применяемых в области использования и ограничений доступа к архивным документам. Основанием к тому служит то обстоятельство, что советская система достигала ограничение доступа к документам двумя особыми техническими методами. А именно, документы видоизменялись либо в секретные, либо в материалы с ограниченным доступом использования.

Для использования первых требовалось разрешение от вышестоящих органов вне архива и помимо архивного руководства, причем это разрешение имели далеко не все архивные сотрудники. Для понимания системы засекречивания важно, что эти материалы нельзя было не только публиковать, но и цитировать или ссылаться на них, это дало основание Тоомасу Карьяхарму назвать подобную систему параноидальной.²⁸

По описанию Рейна Хельме, в 1980-х гг. в фондах Госархива Эстонии (в то время

ЦГАОР ЭССР) к документам подобной степени секретности относились материалы по внешней политике, ряд фондов государственных учреждений, нескольких личных фондов и т. п., преимущественно относившихся к 1918–1940 и 1941–1944 гг.²⁹ Отметим, что в советских архивах период немецкой оккупации стремились окружить особой секретностью. Эти документы тщательно скрывались, и они были доступны лишь проверенным исследователям и пропагандистам, верным советскому строю.

В 1940-е гг. одним из приоритетов архивной работы новой власти становится выделение опасных для советской власти документов и создание спецфондов, куда по распоряжению Л. Берии следовало включать все до сих пор известные и неизвестные секретные материалы! Такой секретный отдел возник в Госархиве Эстонии, куда стали свозиться материалы из других архивов. А. Соом в своем докладе немецкого времени отмечал, что этим был грубо нарушен основной архивный принцип провинциции, так как часть архивных документов изымалась из своего естественного первоначального контекста.³⁰

Руководство спецотделами *de facto* подчинялось Архивному отделу при НКВД, соответственно переписка с ним была засекреченной и для ее администрирования существовала особая система регистрации. Новый порядок внес смятение и вызвал многие проблемы у руководителей архивов.

21 июня 1941 г. А. Соом подал прошение об освобождении его как директора Центрального государственного архива от обязанностей курировать работу отдела спецхрана, так как он не исполняет задачи архива и не отчитывается непосредственно перед ним. По его словам, начальник спецотдела отдела Т. Крупицева отка-

²⁸ Toomas Karjahärm. Ajaloolase käsiraamat. Tallinn, 2004, с. 95.

²⁹ Rein Helme. Enam eriti ei hoita. Arhiivide vabanemisest. – Sirp ja Vasar. 1988, 26 августа.

³⁰ A. Soom. Aruanne Eestimaa ringkonna arhiividest nõukogude ajal, с. 116.

зывается выполнять приказы директора. Ответное письмо заведующего архивным отделом Бернгарда Веймера, действительно, свидетельствует о подобном двусмысленном и ненормальном положении: «Как сейчас, так и в будущем спецотдел Государственного Центрального архива и Государственного Центрального архива в целом принадлежит управлению Архивного отдела НКВД ЭССР; что касается особых полномочий в области разоблачения контрреволюционных элементов, то здесь руководство над спецотделом осуществляет непосредственно Архивное управление.³¹ Спецотдел самостоятелен и составляет и представляет планы и отчеты отдельно от общей документации архива. / .../ Вся переписка секретного отдела в общей канцелярии не раскрывается и не регистрируется, а поступает непосредственно в спецотдел, который вносит его в свою регистратуру». Далее Б. Веймер продолжал в более холодном тоне: «Как бы ни было странно, но это, действительно, может иметь довольно печальный результат. Выясняется, что Вы только подписываете отчеты, не интересуясь содержанием, не вникая в их суть; похоже, что Вы никогда не посещали спецотдел и не знаете, как он работает, и как выполняется план по картографированию выявленных контрреволюционных элементов, как исполняется посланная Вам директива Архивного Главка СССР от 27. III с. г. за № 1325, за выполнение которого отвечаете в первую очередь Вы.»³²

Уже позже В. Миллер писал в письме О. Варесу, посланном из Москвы в 1946 г., по поводу архивного спецфонда следующее: «Точнее теперь фонды в секретном отделе своего специального номера

больше не получают, а получают только порядковый. Он не вносится ни в фондový лист, ни в карточку фонда. Подобная нумерация есть только в описи фонда. Вообще в описях фондов засекреченные фонды обозначаются буквой С после номера фонда».³³

В инструкционном письме от 1953 г., составленном в ЦГАОР ЭССР, ясно подчеркивается наличие секретных материалов и настоятельная необходимость их последующей обработки, так как число запросов граждан растет.³⁴

Таким образом, первая важная отличительная черта, характеризующая порядок доступа к архивным документам советской системы, состоит в наличии секретных фондов и особых отделов. Ссылки на секретные или специальные фонды в памятках использования обнаружить невозможно. Не упоминаются подобные фонды и в архивных справочниках. Описи спецфондов были во всех архивах засекречены. Само собой разумеется, это и понятно: нет информации – не возникает ни вопроса о стеснениях в использовании, ни об опасности разглашения секретов.

В течение советского периода дважды правила использования архивных документов существенно исправлялись. Первые щели в дверях архивов появились во второй половине 1950-х гг. как результат оттепели времен Н. Хрущева и под влиянием XX съезда КПСС в 1956 г. Внешним признаком либерализации было новое Положение о Государственном архивном фонде от 1958 года. В 1960 г. архивное ведомство перешло из ведения Министерства внутренних дел под крыло Совета министров. Архивы были провозглашены научными учреждениями, что в даль-

³¹ В переписке тех лет на эстонском языке в отношении данного подразделения Госархива нередко использовались в названии слова *osakond* (отдел) и *taliitus* (служба).

³² ERA R1490-1-4, л. 150-153, письмо А. Соома в Архивный отдел НКВД от 21 июня 1941 г. и ответ Б. Веймера от 23 июня 1941 г.

³³ EAA R271-1-106, л. 27 об, письмо В. Миллера О. Варесу от 26 июля 1946 г.

³⁴ О составлении и выдаче в ЦАОР ЭССР архивных извещений, копий архивных документов и извлечений из них. Составители Л. Вендер и Э. Пальм. 1953. Копия в библиотеке Государственного архива Эстонии.

нейшем повлекло некоторое оживление публикационной работы. Советская архивоведческая литература характеризует этот период по сравнению с 1950-ми годами как открытие архивов широким слоям пользователей.³⁵

Как это понимать? Подчеркиваю, что это вовсе не означало свободный вход всех граждан в читальные залы. Архивный сотрудник того времени Л. Вендер так объясняет свободный доступ в инструкции 1959 г., где буквально сказано: «... поскольку с конца 1958 г. вход в архивы свободный, и граждане сами могут приносить свои личные заявления, то заведующий стола справок при приеме заявлений проверяет точность данных».³⁶ Обратим внимание, свободный вход означал и, действительно буквально означал, возможность войти в архив или же право непосредственно обратиться в архив. В то же время стоит заметить, что существовала и реальная возможность использовать открытость архивов в исследовательских целях для известной части пользователей. Прежде всего, это касалось профессиональных ученых, снабженных направлениями от своих учреждений. Также облегчается доступ к исследованию общих фондов.

Если в отношении секретных архивных фондов за полстолетия мало что изменилось, то в том, что касалось документов ограниченного пользования, изменений было больше. Вполне понятно, что относительная доля архивных документов ограниченного пользования была наиболее высокой в 1940–1950-е годы, но и в последующие десятилетия развитие происходило не только в направлении расширения доступа к документам. После смерти Сталина ослабление подозрительности режима длилось до середины 1970-х гг., а

затем вновь наступила фаза ограничения использования документов. Прежде всего, ограничения коснулись ядра особых документов о советской репрессивной политике, дел репрессированных и других материалов, сданных в архивы учреждений советского времени.

В обзоре Архивного управления о результатах работы за 1974 г. указывается на недостатки в планировании и выполнении этих видов работ. Здесь имелись в виду перевод материалов в категорию ограниченного использования, которые впервые фигурируют в планах районных архивов Хаапсалу, Харьюмаа и Хийумаа, но не нашли отражения в годовых планах других местных архивов. Параллельно, конечно, должна была вестись и работа по раскрытию фондов на рабочих заседаниях специальной комиссии Госархива, но, как сухо говорится в обзоре, из-за отсутствия необходимости заседания комиссии не проводились.³⁷

Режим доступа к документам ограниченного пользования был неясным. Со второй половины 1980-х гг. с разрешениями, полученными вне архива, к ним особо не допускали. В то же время документы ограниченного использования периода советской власти последних лет можно было уже публиковать и ссылаться на них. В данном случае это имело место в специальной литературе, когда речь шла, например, о границах или пограничных конфликтах, материалах судебных процессов т. н. буржуазно-националистических, фашистских и подобных политических партиях и списках их членов. Архивные документы стали появляться в различных военно-исторических документальных сериях, в публикациях о студенческих корпорациях, использовались закрытые ранее

³⁵ Endel Laul, Enn Tarvel, August Traat. Arhiivid ja arhiivindus. – Leninlik etapp eesti ajalooteaduses. Histo-riograafilisi artikleid. Tallinn, 1970, с. 299.

³⁶ О составлении архивных извещений в ЦАОР ЭССР. Сост. Л. Вендер. Копия в библиотеке Государственного архива Эстонии.

³⁷ EAA R271–1–709, л. 25–40, обзор Архивного управления о выполнении трудовых планов государственных архивов за 1974 год.

архивные документы о репатриации в Германию 1939–1941 гг., о случаях нечеловеческой жестокости сталинского культа, о реприватизации хуторов и предприятий и депортациях.³⁸

Основной перелом в использовании архивных документов наступил в 1987 г. под влиянием общего развала советской системы и времени пробуждения. Это отразилось в поэтапном рассекречивании спецфондов и удалении границ для перевода документов в общий фонд. Прежде всего, в Госархиве рассекречиванию было подвергнуто 664 секретных фондов или 16% от всего объема архива. К этому добавилось 8% документов ограниченного пользования из общего фонда.³⁹ Для полноты картины состояния архивного дела следует упомянуть и о партийном архиве КПЭ, который, во-первых, не входил в государственную систему архивов, а во-вторых, вход в него был дозволен лишь очень ограниченному числу посетителей. По состоянию на 1991 г. в нем находилось 508 780 дел, т. е. около 8% всего объема архивных дел в Эстонии.

Наряду с наличием спецфондов, для особой характеристики возможностей использования документов в советский период следует упомянуть о бессрочности доступа к секретным материалам. В 1988 г. начальник архивной службы ЭССР Лео Лакс в поэтических тонах писал о необходимости реформы в архивном деле СССР и ЭССР, замечая, между прочим, что именно в этом главном управлении имеет место задержка рассмотрения представленного проекта закона Государственного архивного фонда СССР, после принятия которого и должны были измениться правила доступа к закрытым документам.⁴⁰ Мы знаем, что сначала надо было похоронить советскую власть, и только тогда стало возможным ввести срок давности для государственных се-

кретов. Здесь следует отметить, что и в новейшем законе Российской Федерации об архивном деле, принятом в октябре 2004 г., снова исчезла статья ранее зафиксированного 30-летнего срока давности на разглашение государственных тайн.

Известно, что использование архивных документов зиждется на информации о них. Поэтому ограничение в распространении информации ведет и к ограничению доступа к использованию архивных источников. В течение всего рассматриваемого периода советские принципы ограничения распространения архивной информации оставались ясными и непоколебимыми – это частичное засекречивание описей и запрет на их копирование в полном объеме.

Опись – как главный элемент описания и учета архивных дел – представляет собой ядро советского метода описания документа. С одной стороны, его фиксация в описи может быть даже более детальной, чем это принято в большинстве свободных стран. С другой стороны, эта сверхдетализация документальных перечней обеспечивалась в контексте советского архивного дела системой запугивания, контроля и подозрения. Учет как особый вид деятельности (проверка наличия, нумерация листов и др.) превращался в самоцель и был находкой советской системы. Отдельные относительно точные заголовки дел и употребление описей для возмещения исторического исследования может быть только в тех архивах, где всё находится под строжайшим контролем архивиста. Идея публикации некоторых наиболее используемых описей в такой ситуации могла бы прозвучать как измена родине.

Оказывается, что самый ближайший прорыв в доступе к информации и был в конце 1960 г., в период, наиболее свободный, сопровождавшийся коллективной

³⁸ R. Helme. Enam eriti ei hoita.

³⁹ L. Laks. IMEtabased arhiivid – Noorte Nääl. 1989, 4 января.

⁴⁰ Там же.

психологией ожидания больших перемен. Кажется, оказалось большой удачей то, что под руководством Юхана Кахка на совместном совещании представителей Института Истории АН ЭССР и архивных учреждений было решено заказать в архивах тогдашнего Ленинграда и других советских архивах копии документов по истории Эстонии в серии *Estica*.⁴¹ В архивное управление поступила просьба организовать копирование описей к фондам, чтобы их можно было использовать исследователям, например, в архивах Таллинна, где они могли знакомиться с описями фондов, находящихся в Тарту.⁴²

Все эти планы полностью осуществить не удалось. Последующее самоутверждение тоталитарной системы принудило снова заморозить попытки освободить доступ к информации в архивах. Пишущему эти строки в данном контексте кажется, что трудности специфически технического порядка, которые постоянно ощущали на себе архивы (недостаток машинной и копировальной техники), крылись не только в экономической бедности. Поскольку основная задача архивов сводилась к сокрытию невыгодной в идеологическом плане для господствующего строя информации, то они и не должны были испытывать нужду в множительной технике. Заказанные и контролируемые Москвой архивы вносили свой вклад в пропагандистскую борьбу публикацией источников по сверхзким темам и через централизованную издательскую деятельность.

Неудивительно, что элементы справочного аппарата архива – путеводители и справочники (обзоры) фондов носили номера и имели статус только ведомственных изданий. Теоретически простые

граждане не могли взглянуть на обзор крепостных фондов или обзор фондов архива по животноводству и растениеводству. В то время как художественная литература издавалась в Эстонии гигантскими тиражами, тираж архивных изданий был удивительно малым. Они предусматривались не для пользования широкой публики, а, преимущественно, для самих архивистов. Кажется, что все-таки в 1980-х гг. началась практика издания архивных справочников не только для круга архивистов, но и в расчете на простых граждан.

Далее обратимся с существующим в СССР и в Эстонской ССР разрешенным и неразрешенным темам исследования. Для советских граждан архив не был местом, где можно было удовлетворить свое любопытство или провести время. В январе 1941 г. в Эстонии были запрещены генеалогические исследования. Б. Веймер издал архивам распоряжение, буквальное содержание которого сводилось к следующему: «Для облегчения архивной работы до моего особого распоряжения отставить выявление архивных материалов лицам, использующих их в интересах исследования генеалогии. /... / Лицам, у которых до получения этого письма исследование осталось не завершенным, прошу дать время для его окончания до 1 февраля (включительно). После этого срока различные генеалогического рода исследования должны быть прерваны или прекращены».⁴³

Исследование родословных как одно из популярнейших направлений современных исследований заслуживает здесь краткого тематического экскурса. Прежде всего, следует иметь в виду, что в эстонских архивах предвоенного времени гене-

⁴¹ Благодаря этому, в Ленинграде был подготовлен далеко не полный обзор материалов, касающихся истории Эстонии. Этот рукописный справочник был известен только узкому кругу специалистов Института истории АН ЭССР и Тартуского университета.

⁴² EAA R271–1–546, л. 31–35, протокол совместного совещания представителей Архивного управления при СМ ЭССР, государственных центральных архивов и Института истории АН ЭССР от 23 мая 1968 г.

⁴³ ERA R2338–1–13, л. 219, письмо Б. Веймера Тартускому филиалу Государственного архива ЭССР, а также Таллиннскому и Харьбюскому архивам от 17 января 1941 г.

алогических исследований проводилось мало. Находились лишь единицы исследователей, преимущественно из остзейских родов. Причины этому найти несложно. Во-первых, основные источники эстонских родов, заключенные в метрических книгах церквей, начали депонировать в архивы уже в 1930-е гг., а основная часть подушных ревизий на Южную (лифляндскую) часть Эстонии находилась в Латвии. Во-вторых, общий интерес народа к истории, и, в особенности, к местному и семейному краеведению был еще в то время очень малым. Только с 1939 г. стал заметен рост генеалогических запросов, фоном для которой было обоснование ариями своей родословной чистоты при переселении в Германию.

С установлением советской власти, как мы уже видели выше, любые родословные исследования были запрещены. Вдобавок на общую закрытость архивов влияло здесь сталинское, а также, естественно, и постсталинское понимание обществоведения, где генеалогические и краеведческие исследования, не связанные с развитием революционных событий, просто не годились для советского человека.

Все-таки в начале 1960-х гг. признаки генеалогии как темы исследования восстанавливаются, поначалу как единичные исключения из строгих правил, а затем их стали терпеть в контексте краеведческих исследований. Например, на конференциях читального зала ЦГИЭ ЭССР высказывались пожелания пропагандировать и содействовать сохранению интереса к генеалогическим разысканиям.⁴⁴ Все-таки, до конца 1980-х гг. родословные исследования оставались для архивов частью полуразрешенными, частью запретными темами, а это означает, что большинство исследователей-генеалогов официально

прокламировали свои темы как краеведческие, историко-демографические или что-либо подобное, основывающиеся на источниках по родословным. Как правило, разрешение на пользование церковными метриками или ревизкими сказками давалось исследователям научных или учебных учреждений, либо членам краеведческих объединений.

Интересные детали в правовом регулировании использования всплывают при сравнении трех положений о Государственном архивном фонде. Правда расхождения обнаруживаются чаще всего в словесной формулировке, чем в смысловом отношении, но все же они есть. Положение 1941 г. разрешает использование архивных документов как в научных, так и в других целях, причем эти цели конкретно не раскрываются, но тут же добавляется, что использование происходит на основе действующих в архивном ведомстве правил.⁴⁵ Далее встречаем очень ясные установки, при которых вообще можно ознакомиться с Государственным архивным фондом СССР. К ним относились научные, политические, пропагандистские и народно-хозяйственные мотивы.⁴⁶ В конце рассматриваемого периода, в 1980-е гг., пропагандистские цели заменяются социально-культурными и добавляется цель обеспечения правовых и законных интересов.⁴⁷ Важно все же подчеркнуть такой момент, что у каждого исследователя должна была быть твердо определенная тема для обращения в архив, исследовательским темам велся сначала жесткий, затем формальный учет, но все темы должны были быть разрешены.

Понятно, что с разрешенными темами доступ к архивным документам облегчался в разные периоды советского режима. Например, правила использования доку-

⁴⁴ ЕАА R271–1–374, л. 62, протокол VI конференции пользователей читального зала ЦГИА ЭССР от 7 декабря 1960 г.

⁴⁵ Положение о Государственном архивном фонде СССР. 1941.

⁴⁶ Положение о Государственном архивном фонде СССР. 1959.

⁴⁷ Положение о Государственном архивном фонде СССР. 1981.

ментов в читальном зале 1936 г. напоминают скорее милитаристский устав, чем рабочую инструкцию гражданского учреждения. В период советизации эстонского архивного дела они и были переведены в 1940 г. на эстонский язык и жестко гласили: «Лицо, желающее работать в архиве, должно представить: а) командировочное удостоверение государственных или общественных органов или заявление на получение разрешения на работу и б) план своей работы. Необходимо указать, какие вопросы и какие материалы по теме предполагается обработать в течение пребывания в архиве. Лицо, получившее разрешение на работу, обязано выполнять все необходимые требования, все документы, с которыми желают работать, подвергаются всестороннему контролю (при оформлении заказов и другими путями)». ⁴⁸ В характерных для этого времени анкетах пользователей архивными документами следовало отметить свою принадлежность к партии, издательство, где должен был быть опубликован труд, описать свой опыт работы с архивными документами, указать, какие партийные взыскания получены, кто, когда и почему был взят под судебную или административную ответственность, а также кто является поручителем в его архивной работе.

Давление на исследователей в Эстонии усилилось в конце 1940 г., когда было запрещено делать копии с архивных документов. Даже в контексте того времени трудно поверить, что начальник Архивного отдела М. Органов в циркуляре от 6 августа 1948 г. мог извещать, что: «... надо покончить с выдачей копий с документальных материалов, как отдельным сотрудникам, так и научно-исследовательским и другим учреждениям». Далее Органов

продолжал: «Также необходимо ввести контроль над всеми выписками, которые исследователь делает в ходе работы с архивными документальными материалами, а также не разрешать переписку документов. Не выдавать отдельным лицам копии с отпечатанных материалов.» ⁴⁹ Читальный зал архива разрешалось посещать только лицам с направлением от советских учреждений, которые могли делать пометки с документов, но не переписывать (!) их, причем содержание документа должно было точно совпадать с утвержденной темой.

Правда, через некоторое время Органов принужден был признать, что без копий в архивном деле не обойтись – архивные справки о социальном происхождении, о рабочем стаже и об образовании как раз и базировались на копировании оригинала, хранящегося в архиве.

Все упиралось режим, который хотел бы свести использование архивных документов к минимуму и поставить его под свой полный контроль. Несомненно, что мы имеем дело с положением, когда наряду с запретом на копирование действовал и запрет на публикацию документов. В циркуляре отмечалось: «Право публиковать документальные материалы государственного архивного фонда имеют только государственные архивы. Ввиду этого, запрещается работа исследователей в государственных архивах с целью публикации документальных материалов.» ⁵⁰ В результате такой функционерской деятельности в 1940-е гг. эстонские архивы дошли до полной ликвидации публикационной деятельности, являющейся основным содержанием использования документов. Но неиспользуемый архив суть бесполезный архив, поэтому в определенном смысле в

⁴⁸ Инструкция о порядке пользования архивными материалами в читальных залах архивов, подведомственных Центральному архивному управлению. 1936. Копия в библиотеке Государственного архива Эстонии.

⁴⁹ ЕАА R271-1-148, л. 47-48, циркуляр начальника Архивного отдела НКВД М. Органова от 6 августа 1948 г.

⁵⁰ Там же.

циркуляре М. Органова речь шла чуть ли о ликвидации архива.

С течением времени надзор над разрешенными темами утерял многое из своего первоначального арсенала. Особенно с начала 1960-х гг. за темами и за заказами архивных материалов клиентов читального зала следили уже не так строго и в большинстве случаев сквозь пальцы. В 1970–1980-е гг. отказались от контроля над темами и заказами документов во многих архивах в отношении большого числа исследователей.⁵¹

Вполне понятно, что для определения верных и неверных тем исследований требовался судья – хороший и знающий дело эксперт. Это и предусматривало наличие следующей важной черты в организации доступа к архивным документам в советском обществе. Разрешение или препятствие к доступу документов было субъективным решением, которое практически нельзя или даже невозможно было оспорить простому гражданину. В течение всего советского периода реальная возможность получить доступ к документам имелся лишь у тех, у кого было направление соответствующего учреждения или организации. Кандидаты в исследователи должны были представить в архив сопроводительное письмо направляющей организации, в котором фиксировались тема научной работы и цель, рабочий план или проспект (его, впрочем, в эстонских архивах не требовали), а также нужно было заполнить анкету. В большинстве случаев разрешение на работу было в компетенции руководителя архива. Здесь многое

зависело от конкретного лица, и наблюдался некоторый простор для принятия волевых решений, который иногда был полезен лицам, не связанным постоянной работой с учреждениями или организациями. В отдельных случаях им давалось разрешение на работу с архивными документами на основе личного заявления.⁵² Это показывает, что нельзя все абсолютизировать, говоря, что у простого советского гражданина вообще отсутствовала возможность использования архивных документов, но все же мы здесь имеем дело скорее с исключением, чем с правилом.

Последнее утверждение опосредованно подтверждает и статистика использования. Если за 1936/37 отчетный год в читальном зале Центрального государственного архива в Тарту было зарегистрировано 6662 посещения,⁵³ то десятью годами позже это число снизилось до 590. В таких же пределах оно оставалось, примерно, до середины 1950-х гг.⁵⁴ Затем со второй половины 1950-х гг. число посещений увеличивается в несколько раз, достигнув, например, в 1958 г. – 3252, а в 1961 г. – 3615 посещений в год, но и эти показатели далеки от уровня статистики использования предвоенных лет.⁵⁵ В последующие годы число посещений не сопоставимо с вышеприведенными данными, так как в 1960-х гг. учет числа посещений был заменен списком читателей.

Просто больным можно назвать страх советских архивистов перед всем зарубежным и перед иностранными исследователями. У иностранцев должно было быть разрешение на работу непосредственно

⁵¹ См.: ЕАА 271–1–1021, л. 23, письмо и.о. директора ЦГИА ЭССР М. Лойта в Главное архивное управление от 27 марта 1985 г.

⁵² Правила пользования документальными материалами в читальных залах государственных архивов СССР. Москва, 1964. Копия в библиотеке Исторического архива Эстонии.

⁵³ Riigi Keskarhiiv 1932–1937 ja arhiivinduslikke eriküsimusi. (Eesti Riigi Keskarhiivi Toimetised, 5). Tartu, 1937, с. 22.

⁵⁴ ЕАА R271–1–151, план и отчет Тартуского филиала за 1948 год; ЕАА R271–1–318, л. 16–23, протокол III конференции пользователей читального зала ЦГИА ЭССР от 12 декабря 1957 г.

⁵⁵ ЕАА R271–1–359, л. 389–395, протокол V конференции пользователей читального зала ЦГИА ЭССР от 14 декабря 1959 г.; ЕАА R271–1–415, л. 4–23, протокол VII конференции пользователей читального зала ЦГИА ЭССР от 14 декабря 1962 г.

от центральной московской власти. Из официальных правил следовало, что иностранные исследователи могут знакомиться с государственным архивным фондом после ознакомления с действующими специальными правилами и в порядке исключения. Упомянутые специальные правила были весьма детализированными, резко разграничивая возможности доступа к документам исследователям из социалистических стран и капиталистического лагеря вместе с Югославией.⁵⁶ В общем случае иностранных исследователей Эстонии старались не пускать дальше Таллинна. Дела из Тарту везли в Таллинн, причем конкретные документы отбирал архивист, согласно заявленной теме, так как у иностранных исследователей возможности знакомиться с описями фондов не было. Прибывшие с Запада запросы попадали сначала в Москву, а затем составлялся отрицательный или положительный ответ в соответствии с указаниями оттуда. На запросы на эстонском языке ответ посылался по-русски из Москвы.⁵⁷

Следует заметить, что в отличие от прочих ограничений, касающихся использования документов (разрешенные темы, проверки выписок), ограничения в отношении иностранцев в течение 50 лет советского периода не стали более мягкими. Еще в 1977 г. на основании приказов Москвы местное архивное управление внедрило правила обслуживания архивными документами иностранцев, в которых отмечалось: «Работники архивных учреждений должны проявлять готовность, хранить государственные тайны, не сообщать данные, публикация

которых может нанести ущерб советскому государству, соблюдать необходимый такт, учитывая интересы советской науки и углубление дружеских связей». То, что мы имеем дело только лишь с пустой риторикой, подтверждают конкретные инструкции для работы с иностранными исследователями. В них подчеркивалось, что ответственность за правильный выбор документов несет руководство архива. В то же время обслуживание иностранцев доверялось только политически сознательным сотрудникам. Все выявленные для иностранцев копии заверялись и снабжались аннотацией в двух экземплярах, одна из которых шла в Главное архивное управление СССР.⁵⁸

По крайней мере на теоретическом и регулятивном уровнях использование архивных документов в Эстонской ССР было разрешено только в т. н. правильном русле. Положение о Государственном архивном фонде СССР 1980 г. декларировало: «Руководство учреждений, организаций и предприятий, а также отдельные граждане несут ответственность за правильное использование документов государственного архивного фонда СССР и за содержащуюся в них информацию».⁵⁹ В инструкции по использованию документов 1964 г. говорится, что и лицо, подписавшее направление в архив, и сам исследователь в равной степени несут ответственность за правильное использование содержания, полученной в архиве информации.⁶⁰

Вопрос не праздный, а существенный, о том, какое использование считать правильным, оставлен в предписаниях без ответа. Во всяком случае, под правильным

⁵⁶ ЕАА R271–1–15, л. 1–5, приказ начальника Архивного управления при Совете министров Эстонской ССР В. Павлова № 1 от 20 декабря 1960 г. о принятии к сведению приказа Главного архивного управления СССР № 7/0604-В «О допуске иностранных исследователей к документальным материалам центральных государственных архивов СССР».

⁵⁷ Peep Pillak. Eesti arhiividest meil ja mujal. – Kleio. 1989, № 2, с. 11; Peep Pillak. Eesti arhiivindus rahvusvahelises mõõtmes. – Kleio. Ajaloo ajakiri. 1996, № 3 (17), с. 49.

⁵⁸ ЕАА R271–1–765, л. 31–32, приказ Архивного управления при Министерстве внутренних дел ЭССР № 21 от 28 июля 1977 г.

⁵⁹ Положение о Государственном архивном фонде СССР. 1981.

⁶⁰ Правила пользования документальными материалами. 1964.

использованием подразумевалось отнюдь ни физическое состояние документа, т.е. не ответственность за его повреждение, вырывание листов из дел или что-либо подобное. Целью было обеспечить правильное использование в политическом смысле, и для этого внедрялась коллективная ответственность, в которую были вовлечены и подписавший направление человек, и руководители архивов, и контролирующий все сделанные выписки архивариус, наконец, и сам пользователь. На практике это приводило только к дополнительному мотиву для запрета или ограничению доступа к документам.

Итоги

Вышесказанное дает достаточное основание сделать некоторые общие выводы, относительно доступа к архивным документам в Эстонской ССР.

Во-первых, допуск простых граждан к использованию архивных документов был не общим правилом, а исключением. На самом деле, совсем необязательно останавливаться на конкретных советских ограничениях к доступу, они были общими и касались большинства. Скорее следовало сосредоточиться на *случаях допуска* к документам, так как именно они охватывали лишь малую часть общества. Открытость архивов, хранящих документальное наследие – один из мессианских принципов демократического общества, в советской Эстонии превратился в прерогативу меньшинства.

Профессиональным исследователям, если они могли сделать минимально необходимые идеологические уступки при дефинировании темы и в своей научной работе, доступ в архив оказывался более легким, чем простым гражданам. У последних это *de iure* отсутствовало, *de facto* почти отсутствовало.

Во-вторых, в современном архивоведении доступ к архивным документам – это тема номер один, так как прямо касается защиты личных данных, в советское время

никакой проблемы не представляла. Все же из правил видно, что известная деликатность личных данных принципиально учитывалась только в отношении живых лиц. В то же время определение деликатных данных никак не регулировалось, и не было ссылки на любую связь этой проблемы с архивами. Человек, с присущими ему деликатными и частными свойствами, не был элементом советского коллективистского общественного сознания.

В-третьих, условия доступа в советский период различались в течение десятилетий в зависимости от смены центральной власти. Они существенно расширились во второй половине 1950-х гг. и в принципе исчезли в последние годы советской власти. В обоих случаях мы имеем дело с изменением общества в целом, с ослаблением режима, а не с переоценкой архивно-теоретических принципов. Таким образом, архивно-профессиональный взгляд на использование как архивную дисциплину касался лишь маргинальных технических деталей поднадзорно действующей конторы, все остальное решало распространение коммунистической идеологии и архивоведческим дискурсом извне.

В общем развитии советского архивного дела в Эстонии можно выделить четыре периода:

- 1940 ... 1941 гг.
- 1944 ... первая половина 1950-х гг.
- середина 1950-х ... начало 1970-х гг.
- начало 1970-х ... 1987–1988 гг.

1940-1941 гг. знаменуются началом силового введения новой архивной системы – ниспровержением приоритетов и логики прежней архивной практики, произвольным размещением в архиве большого числа необработанных и не прошедших экспертизу материалов, возникновением засекреченных фондов и секретных отделов, началом грандиозной оперативно-чеккистской работы в архивах, первыми шагами в области ограничения доступа к документам. Немецкая оккупация на несколько лет прервала процесс советизации архивов в Эстонии.

Период с 1944 до первой половины 1950-х гг. является временем смещения функций архива и смену его сущности. Наряду со сбором и хранением документов, третьим и главным назначением центральных архивов становится работа по запросам органов госбезопасности и системная перепроверка документальных материалов на предмет содержания в них информации о т. н. врагах народа и контрреволюционерах. В начале 1950-х гг. происходит полная русификация делопроизводства архивного управления и частично повседневного архивного труда. В обычной триаде архивной работы сбор-сохранность-использование выбивается отрасль использование. Вместо нее вводится подходящая для репрессивных органов работа по поддержке тотального надзора. Бывшая до сих пор общественная сущность архивов развернулась на 180°.

Высшей точкой ограничений доступа к документам явилось вышеупомянутое циркулярное письмо М. Органова 1948 г.⁶¹, которое, по сути, не только препятствовало доступу к архивным документам, но вообще запрещало их использование отдельными лицами в гражданских целях.

Выделенный период с середины 1950-х до начала 1970-х гг.⁶² был относительно самым успешным в быстром развитии архивного дела в Эстонии. Действительно, оно входило в фазу восстановления более-менее нормальной архивной практики, но с новым направлением развития. Здесь мы имеем дело с периодом оздоровления. Архивы освобождаются от поисков врагов

народа и плановой системы в прочесывании дел, проделываемой в бешеном ритме по требованию советских органов госбезопасности. Но открытости архивов для исследователей в полной мере достигнуть так и не удалось, права простых граждан в сфере доступа к архивным документам также остались не реализованными.

В правовом отношении изменение курса в архивном деле Эстонии базируется на постановлении Совета министров от 27 апреля 1956 г.⁶³ В нем была поставлена задача в дальнейшем подвергнуть описанию признанные секретными архивные материалы. Отмечалось, что часть архивных материалов ограниченного пользования необоснованно засекречена, а препятствия к использованию документов довели архивы до такого состояния, что в течение десятилетия со дня окончания войны вышло лишь два сборника документов. Обзоры фондов и путеводители вообще не издавались. В постановлении давались полномочия на частичное рассекречивание, но не в той части архива, «...которая до сих пор носит секретный характер и чья публикация может нанести вред интересам Советского Союза». Получалось, что эти государственные интересы могут носить вообще особый характер. Например, разрешалось использовать документы, «... которые являются результатом коллегиального управления партийных и советских органов, если они были подписаны лицами, в дальнейшем отстраненными от руководства, но в каждом конкретном случае руководствуясь содержанием

⁶¹ ЕАА R271–1–148, л. 47–48, циркулярное письмо начальника Архивного отдела НКВД М. Органова от 6 августа 1948 г.

⁶² Историк Энн Тарвел предлагает границей этого периода август 1968 г., когда события в Чехословакии разрушили надежды общества на демократические перемены, и произошло вступление в новую циничную эпоху: Enn Tarvel. Eesti lähiajaloo periodiseerimisest. – Ajaloolise tõe otsinguid. 20. jaanuaril 1999 Tallinnas toimunud konverentsi «Eesti lähiajaloo allikakriitilisi probleeme» materjalid. Tallinn, 1999, с. 114.

⁶³ ЕАА R271–1–297, л. 8–13, постановление СМ ЭССР № 83 от 27 апреля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и улучшению условий использования архивных материалов министерств и центральных учреждений». Так же как и в других подобных случаях для архивного руководства в Эстонии основанием к этому документу послужило постановление Совета Министров СССР – на этот раз № 246 от 7 февраля 1956 г.

документа...». Советская практика сокрытия архивов не исчезла вместе с введением в силу постановления 1956 г., а только несколько разрядилась: документы следовало публиковать без упоминания имен павших и запятнавших свое имя партийных лидеров. Этим мерами табуированные темы сужались, но вовсе не исчезали. В т. н. интересах истории, по-прежнему, разрешалось использовать внеконтекстные источники и сокрытие неподходящих имен. Но этот метод ведет скорее к фальсификации истории, чем к раскрытию ее истинной подоплеки.

Итак, открытия архивов в 1950–1960 гг. не произошло, но они были приоткрыты. Уже в 1959 г. начали просматриваться попытки на уровне центральной власти изменить положение в области информации. Например, в московском циркулярном письме от 30 августа 1959 г. было приказано пересмотреть тексты переданных в типографию путеводителей и удалить из аннотаций «...все сведения о содержании документальных материалов, опубликование которых запрещено действующим перечнем Главлита и дополнениями к нему, а также сведения о тех материалах, содержание которых может быть использовано во вред интересам Советского Союза и его дружественным отношениям с другими странами или повредить делу мира и дружбы между народами».⁶⁴

Концепция, призванная освободить доступ к документам, проявилась в 1968 г. На общем совещании эстонских историков и архивистов были высказаны некоторые

положения в отношении использования, реализация которых могла бы привести к прорыву и почти открыла бы дверь архива в нормальное состояние.⁶⁵

1970-е годы – это начало нового периода, который все-таки свидетельствовал о невозможности этого прорыва. Двери архивов оказались на уровне, приоткрытом ветрами 1950-х гг. В смысле доступа к архивным документам такое положение сохранялось вплоть до 1987–1988 г.

Архивы повернулись в сторону приоткрытия обслуживания идеологических потребностей в результате начавшегося в 1980-е гг. экономического спада. В застойном обществе в состоянии стагнации попадают также архивы, этот период закончился их открытием во времена перестройки. Характер советских времен стал изменяться в 1987 г. с востока, с тамошней центральной власти, и этот процесс не встретил на местах радушного приема, обнаруживая только стремление к бесконечному затягиванию и горячему сопротивлению переменам.⁶⁶ Тотальное ограничение доступа к архивным документам окончилось в Эстонии в 1988 г.

Наконец, в правовых актах, регулирующих архивное дело в советское время, порядок доступа к архивным документам был строже, чем на практике. Следует заметить также, что доступ к документам в эстонских архивах был легче, чем в целом по Союзу. В контексте Эстонии в Тарту организация доступа исследователей к документам была более либеральной, чем в Таллинне, где и были, в основном, сосре-

⁶⁴ ЕАА R271–1–348, л. 37, циркулярное письмо начальника Главного архивного управления при Министерстве внутренних дел СССР полковника Г. Белова от 30 августа 1959 г. об издании путеводителей и архивных справочников государственных центральных и республиканских архивов.

⁶⁵ ЕАА R271–1–546, л. 31–35, протокол общего совещания представителей Архивного управления при Совете министров ЭССР, государственных центральных архивов и Института истории при АН ЭССР от 23 мая 1968 г.

⁶⁶ Как в ЦГИА ЭССР, так и в ЦГАОР ЭССР с раскрытием спецфондов тянули до 1987 г., так сказать, до последней черты. В Архивном управлении Эстонии политика Москвы в отношении рассекречивания была двигателем к ускорению этого процесса. См.: ЕАА R271–1–1063, л. 89–90, решение коллегии Главного архивного управления от 3 декабря 1987 г. «О ходе рассекречивания архивного фонда в ЦГАОР ЭССР»; ЕАА R271–1–1070, л. 43–44, 75–77, переписка ЦГИА ЭССР с Главным архивным управлением за 1987 г.

доточены спецфонды. Парадоксально, но факт, что самыми труднодоступными в советский период были документы основателей советской системы – архив Эстонской коммунистической партии. Для его пользователей предусматривалось наличие партбилета, а также разрешения партийного комитета и согласование с органами госбезопасности. Но может быть как раз наоборот, только такое, так сказать, использование этих архивных документов и было единственно возможным и логически обоснованным? В недемократическом обществе время от времени разумное преобразуется в неразумное, а парадоксы превращаются в логику.

Исследование осуществлено в рамках целевой темы Министерства образования и науки Эстонской Республики «Эстония в годы холодной войны» (SF0180056s09)

Прийт Пирско

(1964)

Магистр истории (1992).

Генеральный директор Национального архива Эстонии.

Область исследований: теория и методология архивоведения, история архивного дела, социально-экономическая история эстонского народа в XIX в.

